

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 1 (156) • 2024

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.

Адрес редакции и издателя: 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490.
Размещение в каталоге периодических изданий «Газеты и журналы», в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» — на сайте www.ural-press.ru

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

*Главный редактор В. В. Нырков
Редактор, корректор О. В. Мерзлякова
Верстка Е. С. Сидоровой*

Подписано в печать 26.02.2024. Дата выхода в свет 28.06.2024. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 19,27. Тираж 950 экз. Заказ № 274.

Отпечатано в типографии издательства Саратовской государственной юридической академии. 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.

© Саратовская государственная юридическая академия, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- В. В. Нырков** кандидат юридических наук, доцент
(гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
- С. Б. Аникин** доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. П. Анисимов** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации)
- С. Ф. Афанасьев** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- М. Т. Аширбекова** доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации)
- В. М. Баранов** доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)
- С. А. Белоусов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- И. В. Бит-Шабо** доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Л. Благодир** доктор юридических наук, доцент
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- А. Г. Блинов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д. С. Боклан** доктор юридических наук
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- Н. Л. Бондаренко** доктор юридических наук, профессор
(Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
- Д. Х. Валеев** доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- А. Н. Варыгин** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Н. Д. Вершило** доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Ю. Винокуров** доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)
- Н. И. Грачев** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации)
- А. А. Гришковец** доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права Российской академии наук)
- Р. Ш. Давлетгильдеев** доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Т. В. Заметина** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. В. Иванчин** доктор юридических наук, доцент
(Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова)
- О. В. Исаенкова** доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. М. Каминский** доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский государственный университет)

Н. Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А. И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)
Н. Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Г. Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Н. С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А. В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П. Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)
Н. А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))
Е. В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б. Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М. Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О. С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О. М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
А. Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю. В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В. С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З. И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л. Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
Б. С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 1 (156) • 2024

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

The address of the editorial office and publisher is 410056, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Saratov State Law Academy".
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.

The subscription index is 46490.

Placement in the Catalog of periodicals "Newspapers and magazines", in the electronic subscription catalog of GC "Ural-Press" — on the website www.ural-press.ru

The price is free.

**The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>**

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor *V. V. Nyrkov*

Editor, proofreader *O. V. Merzlyakova*

Layout by *E. S. Sidorova*

Signed in print 26.02.2024. Date of publication 28.06.2024. Format 70×1081/16.

Pr. sheet. 23,1. Ed. print. 19,27. The circulation is 950 copies. Order № 274.

Printed in the printing house of the publishing house

Saratov State Law Academy. 410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

© Saratov State Law Academy, 2024

EDITORIAL BOARD

V. V. Nyrkov	Candidate of Law, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S. B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
A. P. Anisimov	Doctor of Law, Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
S. F. Afanasiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. T. Ashirbekova	Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
V. M. Baranov	Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S. A. Belousov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Bit-Shabo	Doctor of Law, Associate Professor (Russian State University of Justice)
A. L. Blagodir	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
A. G. Blinov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
D. S. Boklan	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
N. L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor (International Institute of Labor and Social Relations (MITSO) (Republic of Belarus))
D. K. Valeev	Doctor of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
N. D. Vershilo	Doctor of Law (Russian State University of Justice)
A.Yu. Vinokurov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I Grachev	Doctor of Law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
A. A. Grishkovets	Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
R. S. Davletgildeev	Doctor of Law, Associate Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T. V. Zametina	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Ivanchin	Doctor of Law, Associate Professor (Yaroslavl State University named after P. G. Demidov)
O. V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A. M. Kaminsky	Doctor of Law, Professor (Udmurt State University)
N. N. Karpov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
A. I. Klimenko	Doctor of Law, Professor (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot)
N. N. Kovaleva	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
G. N. Komkova	Doctor of Law, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
N. S. Manova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Minbaleev	Doctor of Law, Associate Professor (South Ural State University)
P. E. Morozov	Doctor of Law, Associate Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N. A. Podolnyi	Doctor of Law, Associate Professor (Middle Volga Institute — branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice))

E. V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
B. T. Razgildiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. B. Razgildieva	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
O. S. Rogacheva	Doctor of Law, Associate Professor (Voronezh State University)
O. M. Rodionova	Doctor of Law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
A.Yu. Sokolov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
V. S. Khizhnyak	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
Z. I. Tsybulenko	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. E. Channov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
L. G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (Deputy Chief Editor) (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
B. S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Сурков О.С.**
Сословность как элемент правовой культуры консервативной интеллигенции и чиновничества Российской империи в 70–90-е годы XIX века
- 22 **Шмидт А.В.**
Сочетание преимуществ и ограничений в структуре специального правового статуса
- 31 **Гришин О.М.**
Правовая система общества и смежные юридические категории: сравнительный анализ
- 40 **Волкова В.Р.**
Правовые последствия как общеправовой феномен
- 46 **Нефедова Е.В.**
Квота в системе средств правового регулирования: теоретико-правовой аспект

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 53 **Хижняк В.С., Отставнова Е.А.**
Трансформация условий реализации конституционного права на образование в России (с учетом опыта Японии)
- 60 **Ермолаева Ю.В.**
Духовно-нравственные ориентиры российского общества: конституционно-правовые вопросы
- 68 **Корнукова Е.В., Старшова У.А.**
Трансформация системы органов публичной власти в контексте российской конституционной реформы 2020 года

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 74 **Агамагомедова С.А.**
Таможенный аудит: варианты административно-правового обоснования
- 82 **Джамирзе Б.Ю.**
К вопросу о правовой природе приостановления действия лицензии
- 89 **Зайкова С.Н., Виноградский Д.Д.**
Беспилотные транспортные средства (аппараты) как угроза транспортной безопасности
- 96 **Рукавишников С.М.**
О некоторых особенностях субъектов общественного контроля в системе высшего образования
- 104 **Васильева О.М.**
О практике привлечения к административной ответственности за нарушения ограничений, связанных с распространением заболеваний, представляющих опасность для окружающих (на примере пандемии Covid-19)

- 111 Зенков А.Ф.**
О расширении компетенции подразделений процессуальной деятельности пограничных органов Российской Федерации
- 118 Никитин К.А.**
Понятие контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд
- 126 Сейдахметова А.У.**
Меры административной ответственности за правонарушения, связанные с семейно-бытовым насилием, по законодательству Республики Казахстан

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 131 Иванова Н.А., Рамзаева Л.Ю.**
Предоставление жилья молодым людям, временно или постоянно лишенных семейного окружения, на примере Социалистической Республики Вьетнам и Республики Сингапур
- 139 Колодуб Г.В., Лебедков С.В.**
Правовая квалификация условия take or pay (бери или плати) на примере договора поставки
- 150 Новиков М.В.**
Осуществление исключительных прав: баланс соотносимости антимонопольных пределов и иммунитетов

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 157 Блинов А.Г.**
Модель взаимодействия регулятивных и охранительных отраслей законодательства, обеспечивающих реализацию права человека на здоровье
- 165 Гордополов А.Н.**
Институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы: традиции и новации
- 173 Комягин Р.А.**
Дискуссионные аспекты общего учения о составе преступления в условиях XXI века
- 180 Закаев Т.О.**
Уголовно-правовое осуждение и его роль в истории уголовного законодательства России

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 186 Алехина А.О.**
Понятие «искусственный интеллект» и возможности его применения в сфере уголовного судопроизводства
- 193 Плешаков Е.А.**
Юридические приоритеты уголовно-процессуального права России с позиций общей теории права, закона и судебной практики
- 205 Джебраилов Л.Г.**
Расширение пределов судебного контроля за соблюдением особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 213 Попов В.В., Тришина Е.Г.**
Отдельные вопросы правового регулирования Банком России сфер страхования и кредитования

- 219 Агафонов М.Н.**
Финансовая грамотность в аспекте защиты прав потребителей финансовых услуг
Центральным банком Российской Федерации

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 227 Лановая Г.М.**
Использование сравнительно-правового метода в исследовании проблем,
актуальных для науки международного публичного права
- 235 Горябин А.А.**
Классификация принципов арбитражного процесса
применительно к упрощенному производству
- 242 Шувалова И.А.**
Правовая природа трудоустройства на современном этапе
- 249 Пузырева К.Ю.**
Система обязательного медицинского страхования
как объект криминологической безопасности
- 257 Климов И.В.**
Правовая природа требования из договорной гарантии возмещения потерь
(*indemnity*) по праву Англии: взгляды и текущие тенденции

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 15 **Surkov O.S.**
Class as an Element of Legal Culture of the Conservative Intelligentsia and Officialdom of the Russian Empire in the 70–90s of the XIX Century
- 22 **Schmidt A.V.**
Combination of Advantages and Limitations in the Structure of a Special Legal Status
- 31 **Grishin O.M.**
Societal Legal System and Related Legal Categories: Comparative Analysis
- 40 **Volkova V.R.**
Legal Consequences as a General Legal Phenomenon
- 46 **Nefedova E.V.**
Quota in the Funds System Legal Regulation: Theoretical and Legal Aspect

CONSTITUTIONAL LAW

- 53 **Khizhnyak V.S., Otstavnova E.A.**
Transformation of the Conditions for the Realization of the Constitutional Right to Education in Russia (Taking Into Account the Experience of Japan)
- 60 **Ermolaeva Yu.V.**
Spiritual and Moral Guidelines of the Russian Society: Constitutional and Legal Issues
- 68 **Kornukova E.V., Starshova U.A.**
Transformation of the System of Public Authorities in the Context of the Russian Constitutional Reform in 2020

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 74 **Agamagomedova S.A.**
Customs Audit: Options of Administrative and Legal Justification
- 82 **Jamirze B.Yu.**
On the Legal Nature of License Suspension
- 89 **Zaikova S.N., Vinogradsky D.D.**
Unmanned Vehicles (Airships) as a Threat to Transportation Security
- 96 **Rukavishnikov S.M.**
On Some Features Subjects of Public Control in the Higher Education System
- 104 **Vasilyeva O.M.**
On the Practice of Bringing to Administrative Responsibility for Violations of Restrictions Related to the Spread of Diseases that Pose a Danger to Others (Using the Example of the Covid-19 Pandemic)
- 111 **Zenkov A.F.**
On Expanding the Competence of the Procedural Activity Units of the Border Guard Agencies of the Russian Federation

- 118 Nikitin K.A.**
Concept of Contractual System in the Sphere of Procurement of Goods, Works and Services for the Provision of State Municipal Needs
- 126 Seidakhmetova A.U.**
Measures of Administrative Responsibility for Offenses Related to Domestic Violence under the Legislation Republic of Kazakhstan

CIVIL LAW

- 131 Ivanova N.A., Ramzayeva L.Yu.**
Housing for Young People Temporarily or Permanently Deprived of a Family Environment, the Case of the Socialist Republic of Viet Nam and the Republic of Singapore
- 139 Kolodub G.V., Lebedkov S.V.**
Legal Qualification of the Condition Take or Pay on the Example of the Supply Contract
- 150 Novikov M.V.**
Exercising Exclusive Rights: Balancing the Correlation Between Antitrust Limits and Immunities

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 157 Blinov A.G.**
Interaction Model Regulatory and Enforcement Legislation Ensuring Implementation Human Rights to Health
- 165 Gordopolov A.N.**
Institute of Disciplinary Responsibility of Convicted Persons to Imprisonment: Traditions and Innovations
- 173 Komyagin R.A.**
Discussion Aspects of the General Doctrine Corpus Delicti in the XXI Century
- 180 Zakaev T.O.**
Criminal Conviction and Its Role in the History of Criminal Legislation of Russia

CRIMINAL PROCEEDINGS

- 186 Alyokhina A.O.**
The Concept of "Artificial Intelligence" and the Possibilities of Its Application in Criminal Proceedings
- 193 Pleshakov E.A.**
Legal Priorities of the Criminal Procedure Law of Russia from the Standpoint of the General Theory of Law, Law and Judicial and Investigative Practice
- 205 Dzhebrailov L.G.**
Expanding the Limits of Judicial Control over the Observance of the Special Procedure of Court Proceedings in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 213 Popov V.V., Trishina E.G.**
Certain Issues of Legal Regulation of Insurance and Lending Spheres by the Bank of Russia
- 219 Agafonov M.N.**
Financial Literacy in the Aspect of Consumer Protection Financial Services by the Central Bank of the Russian Federation

OTHER BRANCHES OF LAW

- 227 Lanovaya G.M.**
Use Comparative-Legal Method in the Study of Problems Relevant to the Science of Public International Law
- 235 Goryabin A.A.**
Classification of Principles Arbitral Procedure Applicable to Simplified Proceedings
- 242 Shuvalova I.A.**
Legal Nature of Employment at the Present Stage
- 249 Puzyreva K.Yu.**
The System of Compulsory Medical Insurance as an Object of Criminological Security
- 257 Klimov I.V.**
Legal Nature of a Claim from a Contractual Indemnity under English Law:
Views and Current Trends

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-15-21
УДК 34.01

О.С. Сурков

СОСЛОВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ЧИНОВНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 70–90-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Введение: правовая культура в современной теории права и других юридических дисциплинах выступает значимым объектом научного исследования. Она может быть использована при изучении прогнозируемости человеческого поведения, которое воплощает в себе действие правовых норм, а также нормативности как составляющей когнитивных функций. **Цель** — определить одну из установок правовой культуры чиновников и консервативной интеллигенции в Российской империи для последующего изучения правовой культуры в целом. **Методологическая основа:** для извлечения одной из установок из целостного объекта исследования в рамках междисциплинарного подхода использовался системно-структурный метод, при восстановлении дискурса исследуемого периода — метод сравнительного анализа. **Результаты:** раскрыта одна из установок правовой культуры как составляющая сложного объекта исследования, позволяющая продолжить его поступательное исследование в дальнейшем. **Выводы:** сословность как фундаментальное восприятие социума и мира в целом являлась неотъемлемой частью правовой культуры высших консервативных чиновников и интеллигенции Российской империи и определила их отношение к основным нормативным актам исследуемого периода и существовавшему государственному строю, а также к событиям и вызовам эпохи.

Ключевые слова: интеллигенция, правовая культура, модернизация, Российская империя, консерватизм, самодержавие, идеология, высшие чиновники, министр, иерархия.

O.S. Surkov

CLASS AS AN ELEMENT OF LEGAL CULTURE OF THE CONSERVATIVE INTELLIGENTSIA AND OFFICIALDOM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 70–90S OF THE XIX CENTURY

Background: legal culture in the modern theory of law and other legal disciplines is a significant object of scientific research. It can be used in the study of the predictability of human behavior, which embodies the action of legal norms, as well as normativity

© Сурков Олег Сергеевич, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ura-gegel@rambler.ru
© Surkov Oleg Sergeevich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

as a component of cognitive functions. Objective — to determine one of the attitudes of the legal culture of officials and conservative intelligentsia in the Russian Empire for the subsequent study of legal culture as a whole. Methodology: system-structural method was used to extract one of the attitudes from the holistic object of research within the framework of interdisciplinary approach, the method of comparative analysis was used to reconstruct the discourse of the period under study. Results: one of the attitudes of legal culture is revealed as a component of a complex object of research, allowing to continue its progressive research in the future. Conclusions: class as a fundamental perception of society and the world as a whole was an integral part of the legal culture of the highest conservative officials and intellectuals of the Russian Empire and determined their attitude to the main normative acts of the period under study to the existing state system, as well as to the events and challenges of the era.

Keywords: *intelligentsia, legal culture, modernization, Russian Empire, conservatism, autocracy, ideology, senior officials, minister, hierarchy.*

Проблема иерархии в культурных и когнитивных паттернах интеллектуальной части общества всегда была предметом научного интереса. Ведь от того, на какие социальные слои раскладывают общество носители той или иной культуры согласно сформировавшимся когнитивным матрицам, будут зависеть отношения людей с государством и друг другом, будет определено место каждого по отношению к центру принятия важнейших решений, доля получаемых материальных благ и алгоритмы формирования символического капитала.

В Российской империи в 70–90-е гг. XIX в. в консервативных кругах проблема конструирования и осмысления социальной иерархии представляла в виде спора о сословности и ее будущем в переживающем радикальные трансформации обществе. Дело в том, что после отмены крепостного права многие в русском обществе считали необходимым организовать его на бессловных началах по образцу передовых стран Западной Европы. Против этого выступала консервативная интеллигенция и чиновничество, полагая такие преобразования либо преждевременными, либо губительными для России.

Одним из первых выступил главный реакционер К.П. Победоносцев. Он утверждал, что вопрос о будущем сословий должен рассматриваться только через призму природы верховной власти, поскольку в истории России, по его мнению, не было другого двигателя, кроме монаршей власти и народа. Более того, в сознании русского человека они всегда находились в неразрывной связи. Поэтому ставить вопрос о сословиях отдельно от вопроса о монархии губительное заблуждение [1, с. 54, 55, 67].

Консервативный генерал Р.А. Фадеев также полагал что проблемы сословности и власти неразрывны, так как в России, начиная с Московского царства, именно власть создала государство и организованный народ из разнородных племен, обреченных на погибель [2, с. 157].

Театральный критик Е.М. Феоктистов цитировал французского историка Гизо, который полагал, что Россию ждут тяжкие испытания, если победят социальные движения, желающие ограничить верховную власть, так как только власть императора способна преодолеть существующий кризис [3, с. 65].

Славянофилы не разделяли подобного исторического реакционного радикализма. И.С. Аксаков полагал, что самодержавие есть продукт исторического развития народов России и потому представляет собой исторический принцип,

но никак не религиозный. Тем не менее тяжелая история славянской государственности делает самодержавие необходимым [4, с. 897].

Со славянофильской позицией солидаризировались генерал А. А. Киреев и министр внутренних дел панславист Н. П. Игнатьев. Оба полагали, что без сильного и предприимчивого национального славянского правительства невозможно духовное и государственное развитие русского народа. Кроме того, предполагалось, что единство народов, составляющих империю, держится на национальном самодержавном начале, не будь которого — и все распалось бы на мелкие территориальные лоскутки [5, с. 19; 6, с. 102–103].

Из данной установки вытекал соответствующий подход к социальной стратификации, укорененный в культурных диспозициях консервативной интеллигенции и чиновничества. Проблема артикулировалась вокруг структуры сословной системы и места дворянства в системе органов и организаций пореформенной России, а также их роль в руководстве массой освобожденных крестьян. Утрата помещным дворянством монопольной позиции в отношении сельских обывателей неизменно приводила к образованию управленческого и социального вакуума, что действительно являлось важнейшей проблемой.

Р. А. Фадеев писал, что в Российской империи, по сути, без созданной Петром Великим прослойки образованного модернизированного дворянства нет сил, которые могли бы образовать социальный фундамент государственности. Простой народ представляет хаотическое начало, которое, подобно земле, плодоносно и служит питательной средой для жизни, но при этом не организовано и без приложения ума и энергии ничего цивилизованного из себя не родит, поэтому лишение дворянства лидирующей социальной роли — большая ошибка.

Российская монархия, согласно эмоциональным рассуждениям Р. А. Фадеева, представляет собой уникальную форму правления, не сводимую ни к восточному деспотизму, ни к западному абсолютизму. Тем более ее нельзя считать промежуточной формой между феодальными порядками и республикой. Российская монархия самодостаточна сама по себе и потому не может органично функционировать без высшего сословия. Вековечная верховная власть может ставить перед собой стратегические цели, на реализацию которых уйдут столетия только имея под рукой инструмент для их осуществления. Таким инструментом может быть только перманентно обновляющееся сословие русского дворянства, сочетающее в себе признаки наследственной и служилой знати. Без подобного сословия немислим не только государственный, но и социальный порядок. Общество может функционировать только через культурно-экономическую стратификацию.

В Российской империи того времени положение усугублялось еще и тем, что дворянство было единственным сословием, обладающим организованностью и, следовательно, пониманием государственных задач, а также способностью их реализовывать. Неплохо бы иметь подобные организации и другим сословиям, но это дело далекого будущего [2, с. 144–176].

Реакция на подобное теоретизирование в консервативном лагере была неоднозначной. Так, один из главных идеологов славянофильства Ю. Ф. Самарин полагал, что аристократизм Р. А. Фадеева претенциозен и безоснователен, поскольку в России не сложилось самостоятельной аристократии с политическими претензиями подобно странам Западной Европы. И когда служилый человек разыгрывает из себя английского лорда, это нелепо и смехотворно. Российские дворяне очень легко превращаются в безыдейных бюрократов, чуждых всякой

корпоративной солидарности и ответственности перед народом, троном и алтарем. Поэтому правящий слой необходимо образовывать по принципу кооптации, а не только руководствуясь кровнородственными узами. Земскому началу в России изначально чужд кастовый дух. При этом потребность в руководящем слое, желательна юридически выделенном из основной массы населения, становилась только насущнее [7, с. 3–5].

Обидевшись за российское чиновничество, в спор вмешался министр внутренних дел П. А. Валуев. Он заявил, что бюрократ — это клеймо, которое радикальные публицисты вешают на любого человека, участвующего в организации государственной власти и поддержании порядка. Народ безлик и не оформлен, поэтому говорить от его имени пустая претензия и политическая спекуляция. Говорить от имени народа может только государь и поддерживающий его правящий слой, по определению связанный с государственной службой, а обвинение в бюрократизме выступает удобным клеймом, которое ставится на противника, чтобы сделать его удобной мишенью для критики. Правда, как возможна здоровая трансформация государственного организма без оппозиционной критики, П. А. Валуев так и не пояснил [8, с. 6–10].

Начальник канцелярии министерства внутренних дел и консервативный мыслитель А. Д. Пазухин был в этом вопросе бескомпромиссным. Он резко критиковал земские учреждения и постулировал, что главной ошибкой стало намерение заменить в новых органах местного самоуправления поместное дворянство бессловным представительством. Квинтэссенция местного управления состоит в корпоративной иерархической структуре и типе сознания. Именно указанные элементы позволяют выйти за рамки своекорыстных интересов и встать на общегосударственную точку зрения. Там же, где самые лучшие (читай дворяне) теряют влияние на ход местной жизни и растворяются в безликой сословной массе, начинают верховодить темные дельцы и недобросовестные спекулянты.

Крестьянская реформа, с точки зрения А. Д. Пазухина, была необходима, так как устраняла массу злоупотреблений и являлась экономически целесообразной. Теме не менее не надо забывать, что на Западе отмена крепостного права привела к еще более тяжелой диктатуре ростовщиков, то есть алчных капиталистов. Зная это, Российской империи необходимо избежать сходной участи. Крепостное право было необходимо, дабы в тяжелое время поддержать хозяйство дворян как правящего слоя и опоры трона в тяжелейшие годы отечественной истории, ибо от сохранения дворянства зависело само существование монархии. Теперь же, когда экономическая необходимость в принудительном труде отпала, крепостное право можно и отменить.

Следовательно, отмена крепостного права в 1861 г. не прервала органической связи между сословиями, а лишь трансформировала ее. Дворянство должно стать в новых реалиях руководящим сословием, которое поведет крестьян к новой жизни. Без систематического и чуткого руководства крестьянская масса быстро превратится в дикий пролетариат. Поэтому земское самоуправление необходимо строить на сословном принципе, так как именно он создан самим ходом русской истории и выкован на наковальне тяжких испытаний. Только в рамках сословий может функционировать здоровое исторически сплоченное общество, способное ставить перед собой великие цели. А. Д. Пазухин отмечал, что несмотря на исторический опыт других стран в России иной формы социальной организации быть не может и если будут разрушены сословия, то рухнет и сам каркас имперского

социума [9, с. 10–39]. Однако он отрицал кастовый характер сословного строя и утверждал, что аристократическая исключительность противоречит характеру социальной организации, что видно из всего течения русской истории. Поэтому задачей законодателей, начиная с Московского царства, была необходимость создания таких фильтрационных схем, которые бы поощряли приток лучших людей из остальных сословий и отсеивали негодных. Важно отметить, что А. Д. Пазухин рассматривал сословия как часть государства, а не общества, что было важной составляющей его взглядов, так как из этого вытекал приоритет онтологического существования империи над всем остальным [9, с. 48–57].

Со взглядами А. Д. Пазухина был солидарен консервативный журнал «Голос Москвы» — рупор консервативной части интеллигенции. В одной из статей утверждалось, что настоящий русский дворянин не имеет ничего общего с аристократической оппозицией времен Анны Иоанновны и желает, чтобы в дворянское сословие были открыты двери для лучших людей Отечества, которые в рамках дворянского сословия приобретут необходимые в настоящее тяжелое время культуру и государственное мышление. Тогда дворянство станет единственным образованным классом — носителем подлинно государственного мышления, и страна сможет наконец избавиться от враждебно настроенной интеллигенции [10].

Еще одним громким голосом в данной дискуссии был К. Н. Леонтьев. Этот видный эрудированный реакционер не зависел от правительственных дотаций и был бескомпромиссен и искренен в своих убеждениях. Радикализируя сословный дискурс, он прежде всего утверждал идею неравенства. Причем неравенства не исторического и социального, а онтологического, встроенного в саму ткань бытия. Согласно его позиции, Россия и ее самодержавие укрепились и расцвели одновременно с дифференциацией племенной хаотичности. Именно благодаря крепостному праву (сторонником которого на современном этапе он не был), формированию аристократии и наследственного чиновничества и смогла появиться сакральная система российской государственности. После отмены крепостного права, полагал К. Н. Леонтьев, образовался вакуум в центре социально-политической жизни империи, ведь любому социальному организму необходимо пассионарное ядро, приводящее его в движение. Таким государствообразующим сословием должно стать дворянство, доступ в которое должен быть открыт через заслуги перед Отечеством и государственную службу. Он прямо заявлял, что дворянство в империи должно представлять из себя наследственное чиновничество, пусть и с довольно значительным количеством знатных родов в своем составе.

Долговечность государства, согласно К. Н. Леонтьеву, может базироваться только на динамическом неравенстве. Он называл такое состояние целостным разнообразием, которое не допускает смешения, но организовано в рамках единства. Под этим он понимал наличие имперской иерархии, противостоящей хаосу, который, как неистребимое хтоническое зло, постоянно угрожает миру. Распаду можно противопоставить только порядок, организованный через разделение сословий на основе отдельных для каждого из них юридических регламентаций и воспитания, но в рамках империи, которая будет для всех этих сословий единым телом. Сформированная таким образом иерархия культурных типов будет надежной защитой от внутренних и внешних угроз. Для реализации своего проекта К. Н. Леонтьев предлагал довольно противоречивые инструкции: во-первых, усилить религиозность правящего слоя, укрепить различия между сословиями, но при этом обеспечить доступ в элиту; во-вторых, затормозить

экономическую активность, расшатывающую общественные устои и поднять материальный уровень жизни рабочих, дабы они не завидовали западному пролетариату. Как собирался улучшить уровень жизни рабочих, препятствуя росту экономики, остается загадкой [11, с. 624].

Особую позицию занимал Ю.Ф. Самарин, который полагал, что не дворянство сделало Россию, а скорее наоборот. Он утверждал, что носителем идеи самодержавной монархии является народ, а вовсе не мятежная аристократия. Именно в народе сохранилась способность к самопожертвованию, которая представляет собой дар. Дар следующим поколениям и государю, который одновременно и правитель, и раб России. В империи истинный приют консерватизма — это крестьянский мир.

Ю.Ф. Самарин задавал риторический вопрос: разве не из правящих кругов исходила периодически угроза для существующего политического устройства? Дворянству он противопоставил нравственные идеалы народа. После же отмены крепостного права дворянские привилегии должны быть отменены и постепенно распространены на все остальные сословия, а также выстроена новая вертикаль. Ю.Ф. Самарин вовсе не отказывался от спасительной социальной дифференциации, просто элитарный слой должен был формироваться на иных принципах [12, с. 188–214].

Подводя итог сказанному, констатируем, что иерархичность была одной из фундаментальных установок правовой культуры консервативной интеллигенции и чиновничества исследуемого периода. Это вытекает из анализа дискурсивных практик и риторических формул, используемых консервативными деятелями, вне зависимости от того постулируют они необходимость существования особого аристократического сословия или нет. Поэтому даже те консерваторы, которые постулировали необходимость организации элиты с открытым доступом, продолжали смотреть на мир сквозь призму жестких вертикальных семантических детерминант. Их образ мира был организован сверху вниз (или снизу вверх) через выстраивание жесткого каркаса социокультурной системы координат, которая задавала вектор развития для всех сословий от имени некоего примордиального целого.

Библиографический список

1. К.П. Победоносцев — Александру III. 12 октября 1876 г. // Письма. М.: Новая Москва, 1924. 464 с.
2. *Фадеев Р.А.* Русское общество в настоящем и будущем. СПб.: Русский мир, 1874. 256 с.
3. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. М.: Новости, 1991. 458 с.
4. *Аксаков И.С.* Самодержавие не есть религиозная истина // Отчего так нелегко живется в России. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.
5. *Киреев А.А.* Славянофильство и национализм. Пт.: Рус.-слав. кн. склад (Геруц и Дошен), 1890. 39 с.
6. *Игнатъев Н.П.* Земский собор. СПб.: Нестор, 2000. 191 с.
7. *Самарин Ю.Ф., Дмитриев Ф.* Революционный консерватизм. Берлин: В. Behr's Buchhandlung (E. Vock), 1875. 146 с.
8. *Валуев П.А.* Русские заграничные публицисты. Берлин: В. Behr's Buchhandlung (E. Vock), 1876. 27 с.
9. *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1886. 63 с.

10. Действительный голос с места // Голос Москвы. 1885. 12 февраля.
11. Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика. Письма господину Астафьеву // Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 798 с.
12. Цимбаев Н.И. Славянофильство. М.: Гос. публиц. историч. библиотека России, 2013. 446 с.

References

1. K.P. Pobedonostsev — Alexander III. October 12, 1876 // Letters. M.: New Moscow, 1924. 464 p.
2. Fadeev R.A. Russian Society in the Present and the Future. SPb.: Russian World, 1874. 256 p.
3. Feoktistov E.M. Behind the Scenes of Politics and Literature. M.: News, 1991. 458 p.
4. Aksakov I.S. Autocracy Is Not a Religious Truth // Why Life in Russia Is so Difficult. M.: ROSSPEN, 2002. 1007 p.
5. Kireev A.A. Slavophilism and Nationalism. Petrograd: Rus.-Slav. book warehouse (Gerutz and Doshen), 1890. 39 p.
6. Ignatiev N.P. Zemsky Sobor. SPb.: Nestor, 2000. 191 p.
7. Samarin Yu.F., Dmitriev F. Revolutionary Conservatism. Berlin: B. Behr's Bookstore (E. Bock), 1875 146 p.
8. Valuev P.A. Russian Borderline Publicists. Berlin: B. Behr's Bookstore (E. Bock), 1876. 27 p.
9. Pazukhin A.D. The Current State of Russia and the Class Question. M.: University print shop. (M. Katkov), 1886. 63 p.
10. A Valid Voice from the Ground // Voice of Moscow. 1885. 112th of February.
11. Leontiev K.N. Cultural Ideal and Tribal Policy. Letter to Mr. Astafyev // East, Russia and the Slavicism. M.: Republic, 1996. 798 p.
12. Tsimbaev N.I. Slavophilism. M.: State Public Historical Library of Russia, 2013. 446 p.

А.В. Шмидт

СОЧЕТАНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВ И ОГРАНИЧЕНИЙ В СТРУКТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА

Введение: конструирование правового статуса как на общем уровне, так и на специальном, подчиняется тем же общим факторам, которые детерминируют весь процесс правотворчества, прежде всего правовым ценностям. Любой специальный правовой статус может рассматриваться как способ вторичного распределения социальных благ. **Цель** — раскрыть формы корректировки общего правового статуса в двух основных направлениях: путем предоставления дополнительных благ либо путем лишения тех, которые уже входят в структуру общего правового статуса. **Методологическая основа:** сочетание структурного и функционального подходов, позволяющее видеть любое явление, в том числе правовое, как внутренне разделенное целое, которое осуществляет определенную деятельность по различным направлениям как самостоятельно, так и в каждой своей отдельной части. **Результаты:** преимущества и ограничения в составе специальных правовых статусов в целом имеют общие ценностные основания, которые, однако, реализуются в противоположных формах. **Выводы:** важнейшие требования к специальному правовому статусу состоят в следующем: во-первых, все его элементы должны быть постоянно проверяемы на предмет того, способствуют они реализации тех ценностей, ради которых были введены; во-вторых, соблюдаются ли в рамках специального правового статуса такие универсальные правовые ценности, как справедливость и равенство, которые чаще всего оказываются под угрозой нарушения.

Ключевые слова: специальный правовой статус, преимущества, льготы, привилегии, ограничения.

A. V. Schmidt

COMBINATION OF ADVANTAGES AND LIMITATIONS IN THE STRUCTURE OF A SPECIAL LEGAL STATUS

Background: the construction of legal status at all its levels, both general and special, is subject to the same general factors that determine the whole process of lawmaking as a whole, first of all, legal values. Any special legal status can be considered as a way of secondary distribution of social benefits. **Objective** — to reveal the forms of adjustment of the general legal status in two main directions: by granting additional benefits or by deprivation of those that are already included in the structure of the general legal status. **Methodology:** a combination of structural and functional approaches, allowing to see any phenomenon, including legal, as an internally divided whole, which carries out certain activities both independently and in each of its separate parts. **Results:** advantages

© Шмидт Анна Валерьевна, 2024

Преподаватель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: jurist.sar@yandex.ru

© Schmidt Anna Valeryevna, 2024

Lecturer of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

and limitations within special legal statuses in general have common value bases, which, however, are realized in opposite forms. Conclusions: the most important requirements for special legal status are the following: first, all its elements must be constantly checked to ensure that they contribute to the realization of the values for which they were introduced; and second, whether universal legal values such as justice and equality, which are most often at risk of being violated, are respected within the framework of special legal status.

Keywords: *special legal status, advantages, benefits, privileges, restrictions.*

Конструирование правового статуса на всех его уровнях подчиняется общим факторам, детерминирующим процесс правотворчества в целом, прежде всего правовым ценностям.

В юридической науке многократно подчеркивалось определяющее значение ценностей по отношению ко всем видам правовой деятельности, например «ценность — востребованное качество вещей, предметов, явлений, которое имеет преимущественное по сравнению с другими качествами значение, служащее реализации потребностей, интересов человека и общества» [1, с. 20]; «доминирующие ценности выступают детерминантами социальных действий в различных социальных средах, определяя их особенности» [2, с. 106].

Любой специальный правовой статус может рассматриваться как способ вторичного распределения социальных благ. Свойство вторичности приобретает постольку, поскольку первичная модель наделения субъектов права теми или иными социальными благами уже закреплена в общем правовом статусе, который представляет собой не что иное, как усредненный набор ценностей, пользование которыми гарантировано для его носителя, что для физических лиц (граждан) воплощается, например, в системе прав и свобод личности. Соответственно, само существование специальных правовых статусов указывает в первую очередь на то, что возникает необходимость корректировки общего правового статуса в той части, в которой он предоставляет в распоряжение субъекта определенный объем социальных благ. Достаточно очевидно, что такая корректировка может осуществляться в двух основных направлениях: путем предоставления дополнительных благ либо путем лишения тех, которые уже входят в структуру общего правового статуса.

Таким образом, формами распределения ценностей при конструировании специальных правовых статусов выступают правовые преимущества и правовые ограничения.

Правовое преимущество, согласно определению А. Г. Репьева, характеризуется «правомерной возможностью субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающаяся как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям» [3, с. 16].

Основание правового преимущества — наличие некоторой добавочной социальной ценности, обусловленной либо социальной функцией носителя статуса, либо особенностями его поведения и подкрепляемой соответствующей расширенной совокупностью благ.

Очевидно, что правовые преимущества могут выступать в двух основных формах:

закрепление за носителем специального статуса дополнительных субъективных прав, отсутствующих в составе общего правового статуса:

установление качественно новых субъективных прав,
расширение уже имеющихся субъективных прав по предмету (например, право на дополнительные выплаты);

сокращение, по сравнению с общим правовым статусом, выполняемых лицом юридических обязанностей:

полное освобождение от соответствующей юридической обязанности,
уменьшение объема исполняемых обязанностей при сохранении их качества.

Основная проблема конструирования правовых преимуществ — конфликт универсальности и партикулярности. С одной стороны, само понятие права в современной его трактовке практически неразрывно связано с идеями всеобщности и универсализма. «Право и универсальность — категории родственные, причем не только в отношении прав человека. Правовое регулирование человеческой жизни в организованном обществе приблизительно одинаково структурируется во времени и в пространстве. Право не может не исходить из того, что человеческие свойства, желания и недостатки универсальны» [4, с. 59]. С другой стороны, практика правового регулирования оперирует не только обобщениями, но и мерами дифференциации, что неизбежно означает различия правовых статусов, в том числе, разумеется, и на уровне субъективных прав.

С учетом этого любые формы правовых преимуществ требуют введения лишь при наличии реальной социальной необходимости и подчиняются принципу функциональности.

Как представляется, существуют следующие основные функции преимуществ в рамках специальных правовых статусов:

обеспечительная, когда предоставление дополнительных ресурсов в режиме расширения субъективных прав и сокращения юридических обязанностей необходимо для выполнения их носителем поставленных перед ним задач, включая властные полномочия;

компенсационная, когда специальный правовой статус сопряжен с высокой степенью рисков или потерь, которые нуждаются в соответствующем восполнении исходя из принципа справедливости;

стимулирующая, когда правовые преимущества вводятся с целью подтолкнуть носителей правового статуса к определенному желательному для общества поведению.

В отечественной юридической литературе в качестве правовых преимуществ традиционно рассматриваются такие явления, как льготы, привилегии, иммунитеты и поощрения.

По мнению И.С. Морозовой, «под льготой понимается особая разновидность юридических исключений, участвующая в создании специфического правового режима, в рамках которого субъект наделяется дополнительными возможностями юридического характера, связанными как с совершенствованием правомочий, так и с уменьшением объема различного рода долженствований» [5, с. 24]. Обращает на себя внимание то, что в такой широкой трактовке льгота практически равнозначна правовому преимуществу.

В некоторых случаях встречается также использование понятия привилегии в значении, предельно близком к преимуществу, например в контексте «преимущественного права», которое определяется как «возможность правообладателя реализовать свое право в привилегированном порядке по сравнению с другими лицами, не наделенными подобным преимуществом» [6, с. 114].

Отсутствие четкого различия привилегий, льгот и преимуществ прослеживается и в определении уголовно-правовых привилегий: «средство дифференциации содержания и формы уголовной ответственности, направленное на уменьшение объема и интенсивности правоограничений и обязанностей, либо предоставление некоторых дополнительных прав и преимуществ лицу, совершившему преступление, продиктованное гуманистическими или утилитарными соображениями в интересах сбалансированного удовлетворения интересов личности, общества и государства» [7, с. 65].

Л. Л. Кругликов и А. В. Иванчин относят к правовым привилегиям амнистию. «Что же касается актов об амнистии, то, оставляя в стороне спор об их правовой природе, отметим бесспорный факт: они адресуют неопределенному кругу преступников, отвечающим типовым признакам (возраст, состояние здоровья, наличие наград и т.д.), широкий круг привилегий в виде освобождения от ответственности или наказания, его смягчения либо снятия судимости» [8, с. 56].

Как представляется, для уточнения соотношения всех указанных понятий по содержанию имеет смысл различить правовые преимущества на две категории в зависимости от их места в структуре правового статуса:

конститутивные преимущества представляют собой неотъемлемые элементы соответствующего правового статуса и приобретаются вместе с его получением.

К числу данных преимуществ относятся, в частности, льготы и привилегии — явления, сходные по своей природе, различить которые можно с некоторой долей условности по их цели: льготы, призванные выровнять социальное положение лиц, испытывающих дефицит тех или иных социальных благ, по сравнению с остальными; привилегии, направленные на дополнительное улучшение социального положения лиц, реализующих значимые для общества функции.

Разновидностью привилегий следует считать правовой иммунитет, представляющий собой ограничение возможностей привлечения лица к юридической ответственности. Например, применительно к парламентской сфере «“безусловный иммунитет” охватывает запреты уголовного преследования и юридической ответственности за позицию депутата при голосовании, а также за высказанное им мнение в ходе обсуждения принимаемых парламентом решений (как публичного обсуждения, так и внутрипарламентских дебатов). В отличие от этого, “превентивный иммунитет” предполагает право парламента на дачу разрешения на ограничение прав депутата в целях исключения вероятности необоснованного привлечения его к юридической ответственности за действия, вытекающие из статуса народного представителя» [9, с. 92];

ситуативные преимущества возникают при констатации дополнительных фактических оснований помимо наличия специального правового статуса.

Иначе говоря, ситуативные преимущества не образуют устойчивую основу специального правового статуса, а лишь уточняют его содержание с учетом поведения его носителя и иных субъектов права.

С нашей точки зрения, к ситуативным правовым преимуществам следует относить, в частности, компенсации и поощрения.

Компенсация — это право на доступ к определенному социальному благу, обусловленное фактическим ухудшением физического, материального или социального положения управомоченного лица, например возмещение гражданско-правового вреда, не являющееся, разумеется, ни льготой, ни привилегией.

Поощрение отличается от компенсации юридическим фактом, порождающим данное правовое последствие. Поощрение выступает реакцией на так называемую заслугу, то есть деяние, обладающее повышенной социальной ценностью, «общепризнанный полезный результат, превосходящий по своим масштабам результаты обычных действий» [10, с. 39].

Нередко в юридической литературе критерием заслуги именуют «сверхправомерность». «Рассматривать критерий сверхправомерности в составе заслуженного поведения необходимо в качестве элемента его объективной стороны. Его сущность заключается в превышении пределов предписаний правовой нормы, содержащей рекомендацию относительно социально активного правомерного варианта поведения» [11, с. 114].

Нам представляется, что этот критерий выделяется необоснованно хотя бы по той причине, что требование правомерного поведения носит не количественный, а качественный характер, и невозможно высчитать тот объем единиц, который характеризует обычное правовое поведение, чтобы определить, где начинается «сверхправомерное». Напротив, необходимым и достаточным критерием заслуги является аксиологический, то есть признание в совершаемом деянии такой социальной ценности, которая рассматривается на нормотворческом и правоприменительном уровне как достойная встречного предоставления какому-либо социального блага.

Следует иметь в виду, что ситуативные преимущества, в отличие от конститутивных, могут, по всей видимости, иметь двойное значение для специального правового статуса: выступают его элементом лишь в том случае, если сами носят нормативный характер; являются юридическими фактами — основаниями возникновения специального правового статуса, если обладают индивидуально-правовой природой.

Разумеется, конститутивные и ситуативные преимущества не могут быть противопоставлены друг другу, а могут составлять различные смешанные сочетания (например, льгота может быть предоставлена в порядке поощрения и т.п.).

Как отмечает А.Н. Малинкин, «награждающего и заслуживающего награду объединяет устойчивый нравственно-волевой консенсус. Он создает социально-психологическую ситуацию, когда первый ожидает от второго (на месте которого может быть любой), чтобы за гласно объявленное им поощрение тот оказал ему экстраординарную услугу, а второй, признав поощрение для себя привлекательным («интересным») и значимым, добровольно готов оказать экстраординарную услугу, поскольку это не противоречит его представлениям о должном, и, в свою очередь, ожидает от первого обещанного вознаграждения (награды)» [12, с. 200].

По нашему мнению, эти выводы могут быть распространены на все формы правовых преимуществ. Их универсальная функция состоит в том, чтобы осуществить ценностное наполнение специального правового статуса, подчеркнув, с одной стороны, какие его элементы направлены на удовлетворение социально значимых потребностей субъекта права, с другой стороны, какое поведение ожидается от него для получения этих благ. Таким образом, первичным условием состоятельности системы правовых преимуществ является относительный ценностный консенсус между субъектами нормативно-правового регулирования и субъектами соответствующих правоотношений для функционирования социально-психологического механизма стимулирования.

Как следствие, установление правовых преимуществ должно опираться на принципы функциональности и соразмерности, чтобы они позволяли эффективно достигать социально значимых результатов, а объем и содержание таких преимуществ были максимально адекватными их фактическим основаниям.

Правовые ограничения, в отличие от преимуществ, выражаются в сужении круга доступных лицу социальных благ, причем «изъятие устанавливается в отношении определенных субъектов (при сохранении права для большинства остальных) либо на определенной территории, и данные ограничения вызваны необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [13, с. 109].

Если правовые преимущества с ценностной точки зрения есть не что иное, как амбивалентное явление: будучи, с одной стороны, приращением блага и, следовательно, обладая положительной ценностью, они, с другой стороны, противоречат такой ценности, как равенство, в качестве так называемой позитивной дискриминации, — то правовые ограничения с определенностью представляют собой проблему ценностного характера, поскольку явным образом сокращают объем благ, доступных тем или иным субъектам права.

Таким образом, вопрос о пределах допустимого ограничения прав и свобод носителей специального юридического статуса носит более острый характер, нежели проблема оптимальной регуляции правовых преимуществ.

Следует отметить, что в отношении ценностных оснований правовых ограничений высказано две основные точки зрения. Первая из них состоит в том, что для проверки обоснованности таких ограничений достаточно напрямую соотнести их с теми ценностями, для обеспечения которых они были установлены. Вторая позиция заключается в том, что, поскольку ограничению подвергаются субъективные права, именно они должны служить и объектом защиты в случае правоограничения. «При рассмотрении вопроса о правомерности ограничения прав человека Суд не может ограничиться констатацией того обстоятельства, что данные ограничения соразмерны необходимости защиты конституционных ценностей. Он должен показать, какие права и свободы человека могут быть нарушены, если не будут должным образом защищены соответствующие конституционные ценности» [14, с. 18].

Так или иначе, в основе любых законодательных и правоприменительных решений, предполагающих правовые ограничения, лежит одна и та же установка: что ценности, ради которых осуществляется такое ограничение, носят более существенный характер, нежели те, пользование которыми ограничивается.

Отсюда можно сделать вывод о том, что практика правовых ограничений должна подчиняться принципу минимальности, о котором пишет, в частности, В. В. Лазарев: «В принципе всегда желательно наименьшее из возможного ограничение права. Отсюда приходится соизмерять (взвешивать) преследуемую цель и тяжесть обременений, которые лицо должно претерпеть в связи с ограничением его права» [15, с. 13].

Исходя из идеи минимальности, можно выдвинуть предположение о наличии еще одного принципа, характерного именно для правовых ограничений, а именно принципа временности. Аргументировать его можно следующим образом: поскольку цель правовых ограничений — защитить какие-либо ценности, то их существование оправдано лишь в течение того периода, когда соот-

ветствующие ценности находятся под угрозой. По его окончании ограничения должны отменяться.

Учитывая сказанное, представляются возможными три основные ситуации, в которых ограничения прав являются обоснованными и легитимными:

- добровольное согласие лица, чьи права подвергаются ограничению;
- крайняя социальная необходимость, вызванная чрезвычайными обстоятельствами;
- совершение лицом противоправного деяния, влекущего юридическую ответственность.

Случай добровольного согласия на ограничение своих прав связан с принятием специального правового статуса по собственному волеизъявлению. Таким образом, решающим критерием в данном случае выступает наличие юридического факта-действия, однозначно подтверждающего свободное решение субъекта права приобрести специальный юридический статус. Подразумевается, что готовность лица частично отказаться от прав, предусматриваемых общим правовым статусом, обусловлена ожиданием получения дополнительных социальных благ, которые уравнивают данную потерю. Однако стоит учитывать, что характер этих благ не обязательно требует их закрепления в правовой форме, иначе говоря, в рамках специального правового статуса нет необходимости, чтобы правовые ограничения были сопряжены с равноценными льготами или другими преимуществами, обладающими собственно юридическим значением.

Юридическая корректность такого рода правовых ограничений прежде всего базируется на свободном волеизъявлении носителя правового статуса, который может таким же образом прекратить их, лишившись специального статуса и возвратив себе доступ к исходному объему субъективных прав, предусмотренных общим правовым статусом.

Более сложная и напряженная ситуация складывается в случае, когда ограничение прав не обусловлено согласием со стороны их носителя; в данном случае с неизбежностью возникает вопрос о различии таких явлений, как ограничение и нарушение.

Таким образом, преимущества и ограничения в составе специальных правовых статусов в целом имеют общие ценностные основания, которые, однако, реализуются в противоположных формах. Поэтому важнейшие требования к специальному правовому статусу состоят в том, что, во-первых, все его элементы должны быть постоянно проверяемы на предмет содействия реализации тех ценностей, ради которых были введены; во-вторых, в рамках специального правового статуса должны соблюдаться такие универсальные правовые ценности, как справедливость и равенство, которые чаще всего оказываются под угрозой нарушения.

Библиографический список

1. *Ланг П.П.* Аксиологическое измерение правовой материи: теоретические и утилитарно-практические аспекты. Самара: Полиграфическое объединение «Стандарт», 2021. 192 с.
2. *Аубакирова И.У.* Правовой порядок в контексте ценностного содержания и правовой традиции // *Право. Порядок. Ценности* / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2022. С. 100–110.
3. *Репьев А.Г.* Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2019. 529 с.

4. *Талапина Э.В.* Об универсальности прав человека // Государство и право. 2019. № 12. С. 57–66.
5. *Морозова И.С.* Теория правовых льгот: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 47 с.
6. *Глушкова Е.А.* К вопросу об отличительных особенностях преимущественных прав // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 114–120.
7. *Дибиров М.Г.* Привилегии в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 228 с.
8. *Кругликов Л.Л., Иванчин А.В.* Феномен уголовно-правовых привилегий в новейших доктринальных исследованиях // Юридическая гносеология. 2016. № 1. С. 52–56.
9. *Гуторова А.Н.* Нормативно-правовое регулирование иммунитета депутатов и сенаторов в РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Право. 2021. № 6. С. 89–94.
10. *Малько А.В., Типикина Е.В.* Заслуженное поведение как основание для правового поощрения: необходимость формирования теории // Государство и право. 2019. № 11. С. 32–42.
11. *Титова Е.А.* «Сверхправомерность» как критерий юридической оценки фактического основания поощрения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2020. № 1. С. 105–115.
12. *Малинкин А.Н.* Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 3. С. 188–219.
13. *Травников Н.О.* «Предел» и «ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий // Государство и право. 2017. № 7. С. 104–109.
14. *Лапаева В.В.* Критерии ограничения прав и свобод в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2. С. 14–24.
15. *Лазарев В.В.* Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 5–16.

References

1. *Lang P.P.* The Axiological Dimension of Legal Matter: Theoretical and Utilitarian-Practical Aspects. Samara: Printing Association “Standard”, 2021. 192 p.
2. *Aubakirova I.U.* Legal Order in the Context of Value Content and Legal Tradition// Law. Order. Values / under general editorship of E.A. Frolova. M.: Prospekt, 2022. P. 100–110.
3. *Repyev A.G.* Advantages in Russian Law: Theory, Methodology, Technique: diss. ... Doct. of law. Saratov, 2019. 529 p.
4. *Talapina E.V.* On the Universality of Human Rights // State and Law. 2019. No. 12. P. 57–66.
5. *Morozova I.S.* Theory of Legal Benefits: extended abstract of diss. ... Doct. of law. Saratov, 2007. 47 p.
6. *Glushkova E.A.* On the Issue of the Distinctive Features of Pre-Emptive Rights// Current Problems of Russian Law. 2015. No. 6. P. 114–120.
7. *Dibirov M.G.* Privileges in the Criminal Law of Russia: diss. ... cand. of law. Saratov, 2015. 228 p.
8. *Kruglikov L.L., Ivanchin A.V.* The Phenomenon of Criminal Law Privileges in the Latest Doctrinal Research // Legal Epistemology. 2016. No. 1. P. 52–56.
9. *Gutorova A.N.* Regulatory and Legal Regulation of Immunity of Deputies and Senators in the Russian Federation // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Ser.: Law. 2021. No. 6. P. 89–94.
10. *Malko A.V., Tipikina E.V.* Merited Behavior as a Basis for Legal Encouragement: the Need to Form a Theory // State and Law. 2019. No. 11. P. 32–42.

11. *Titova E.A.* “Super-Legitimacy” as a Criterion for the Legal Assessment of the Actual Basis of Encouragement // *Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Law.* 2020. No. 1. P. 105–115.
12. *Malinkin A.N.* The Social Nature of the Award: Study in the Sociology of Power // *Journal of Sociology and Social Anthropology.* 2020. No. 3. P. 188–219.
13. *Travnikov N.O.* “Limit” and “Limitation” in Law: Theoretical and Legal Analysis of Concepts // *State and Law.* 2017. No. 7. P. 104–109.
14. *Lapaeva V.V.* Criteria for Restricting Rights and Freedoms in the Constitution of the Russian Federation // *State and Law.* 2013. No. 2. P. 14–24.
15. *Lazarev V.V.* Limitation of Law by Judicial Decisions // *Journal of Russian Law.* 2018. No. 6. P. 5–16.

О.М. Гришин

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И СМЕЖНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение: статья представляет собой продолжение научной дискуссии о содержании и элементах правовой системы общества посредством сопоставления изучаемой категории со смежными, но не тождественными ей понятиями. **Цель** — обосновать тезис о том, что дальнейшее развитие научного исследования категории «правовая система общества» возможно лишь посредством ее анализа через призму смежных юридических категорий, позволяющих как обогатить ее собственное содержание, так и выявить новые системно-структурные связи между важнейшими правовыми явлениями. **Методологическая основа:** специфика работы предопределила доминирование диалектического и системно-структурного подходов к изучению юридической действительности, активное использование формально-юридического и сравнительно-правового методов. **Результаты:** проведен сравнительный анализ категории «правовая система общества» с такими категориями, как «правовая жизнь», «правовая действительность», «правовое воздействие», «правовое регулирование» и «правовое пространство», что позволило определить особое место правовой системы общества в ряду важнейших юридических явлений. **Выводы:** глубокий анализ правовой системы российского общества не может быть осуществлен вне ее соотношения с правовой жизнью общества и наличествующей правовой действительностью (правовой реальностью), вне рамок того правового регулирования и правового воздействия, которые определены правовым пространством суверенного государства, отстаивающего свою культурно-цивилизационную идентичность.

Ключевые слова: правовая жизнь, правовая действительность, правовое воздействие, правовое регулирование, правовое пространство.

О.М. Grishin

SOCIETAL LEGAL SYSTEM AND RELATED LEGAL CATEGORIES: COMPARATIVE ANALYSIS

Background: the article is a continuation of the scientific discussion on the content and elements of the legal system of society by comparing the studied category with related, but not identical concepts. **Objective** — to substantiate the thesis that further development of scientific research of the category “legal system of society” is possible only through its analysis through the prism of related legal categories, allowing both to enrich its own content and to identify new system-structural links between the most important legal phenomena. **Methodology:** the specifics of the work predetermined

the dominance of the dialectical and system-structural approach to the study of legal reality, the active use of formal legal and comparative legal methods. Results: a comparative analysis of the category “legal system of society” with such categories as “legal life”, “legal reality”, “legal impact”, “legal regulation” and “legal space” was carried out, which allowed to determine the special place of the legal system of society among the most important legal phenomena. Conclusions: an in-depth analysis of the legal system of Russian society cannot be carried out outside of its relationship with the legal life of society and the existing legal reality, outside the framework of legal regulation and legal influence that are determined by the legal space of a sovereign state defending its cultural and civilizational identity.

Keywords: *legal life, legal reality, legal impact, legal regulation, legal space.*

Исследование цивилизационно-культурных особенностей правовой системы российского общества, а также факторов, обуславливающих ее трансформацию в современных условиях, предполагает четкое представление о категориальном статусе данного понятия, его границах и объеме, методологическом потенциале как важнейшем аналитическом инструменте юридической доктрины, равно как и о его месте в системе иных важнейших юридических понятий и категорий. В связи с этим полагаем значимым остановиться на соотношении понятия «правовая система общества» с близкими по значению, смежными, но не тождественными категориями.

Основная сложность данного сравнительного анализа заключается в том, что, будучи предложенной в конце 70-х – начале 80-х годов XX в., «правовая система общества» задумывалась и обосновывалась в качестве предельно широкой категории юриспруденции, призванной не только поставить точку в дискуссии о нормативном и широком понимании права [1, с. 24–26; 2, с. 14–26], но и обобщить, представить в виде определенной структуры различные по своей природе средства, оказывающие регулятивное воздействие на общественные отношения, необходимость чего становилась все более очевидной в связи с развитием общественных отношений, появлением новых социальных институтов и необходимостью развития системно-структурного подхода в правоведении, чей потенциал использовался не в полной мере.

Другими словами, в силу самого генезиса правовая система должна трактоваться как предельная категория юриспруденции, что автоматически предопределяет отнесение всех иных юридических понятий в разряд ее составляющих, системообразующих элементов. Однако складывающиеся юридические реалии свидетельствуют о том, что правовая система общества, оставаясь важнейшей полиструктурной категорией, конкурирует с другими юридическими понятиями в обобщении различных правовых явлений и процессов.

Наиболее активная дискуссия в научном сообществе продолжается вокруг соотношения таких понятий, как «правовая система» и «правовая жизнь». О развитии последней полагаем необходимым высказать свою точку зрения. Так, понятие «правовая жизнь» активно использовалось учеными-юристами на протяжении достаточно длительного времени — история его употребления в научных трудах представляется даже более длительной, нежели исследование термина «правовая система». О способах познания правовой жизни и ее проявлениях писали И. В. Михайловский [3], Н. Н. Алексеев [4], И. А. Ильин [5], Г. Д. Гурвич [6] и другие известные ученые.

В настоящее время наиболее активно данная категория анализируется в трудах А. В. Малько и представителей созданной им научной школы [7–10]. По мнению ученого, правовая жизнь — это «форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях (в т.ч. негативных), характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [10, с. 62].

Как справедливо подчеркивает А. В. Малько, подобно обоснованной практике других гуманитарных дисциплин, в которых успешно исследуются диалектические триады, такие, например, как «экономика — экономическая система — экономическая жизнь», «политика — политическая система — политическая жизнь», в юриспруденции также назрела необходимость перестать оперировать лишь термином «правовая система» в качестве наиболее обобщающего понятия и ввести в научный оборот категорию «правовая жизнь» [9, с. 10].

В качестве аргументов, поддерживающих данную позицию, с которыми сложно не согласиться, ученый приводит следующие. Во-первых, правовая система является отражением правовой жизни [11, с. 247–253], способом систематизации ее проявлений, а подлинной реальностью и первичной природой обладает, что очевидно, именно правовая жизнь. Во-вторых, правовая жизнь включая понятие «правовая система», охватывает и динамические несистемные, внесистемные, хаотические, спонтанные процессы, связанные с действием права в обществе. В-третьих, жизнь как таковая, богаче и разностороннее любых систем, в силу чего именно через призму категории «правовая жизнь» можно глубже изучить и саму правовую систему общества, которая в большей степени нацелена на упорядочение юридической жизни общества, выступая по отношению к ней как организующий фактор [9, с. 10–12].

Считаем, что с подобной позицией необходимо солидаризироваться и признать, что подобно тому, как в свое время (конец 70-х – начало 80-х гг. прошлого столетия) пробивала себе дорогу в юридическую доктрину категория «правовая система», предлагая новый, неиспользованный ранее потенциал системного подхода к изучению комплекса правовых средств и явлений, так и в настоящее время происходит становление категории «правовая жизнь», чей аналитический ресурс также должен быть использован в познании правовых явлений.

Вместе с тем некоторые ученые настроены весьма критически по отношению к необходимости внедрения в юридическую доктрину категории «правовая жизнь». Например, Н. И. Матузов полагал, что правовая жизнь — понятие, «параллельное» устоявшейся категории правовая система [12, с. 11], а К. В. Шундигов отмечал, что постановка вопроса о соотношении по объему понятий «правовая система» и «правовая жизнь» — малоперспективна [13, с. 117].

Несмотря на то, что правовая система общества (как, в принципе, и любая другая система) обладает такими характеристиками, как нелинейность и динамизм развития, сложноорганизованность и способность к самоорганизации, открытость и самодостаточность, тем не менее, нельзя не признать справедливость тезиса, что «жизнь богаче любых систем». В данном случае даже известный своим критическим отношением к необходимости использования понятия «правовая жизнь» В. М. Баранов подчеркивает, что «отрицание обоснованности применения понятия “жизнь” к различным сферам общественной жизни просто неразумно» [14, с. 10].

В.М. Баранов также полагает, что правовая жизнь — это общеупотребительное словосочетание, не наполненное подлинно правовым содержанием [15, с. 9–25]. Один из тезисов ученого заключается в том, что категория «правовая действительность» является более приемлемым отражением правовых явлений и процессов, нежели категория «правовая жизнь», более полным и многогранным выражением реальности [15, с. 9–25].

Однако данную позицию также можно оспорить, на что и обращает внимание не только А.В. Малько, но и другие ученые, делая акцент на том, что если правовая действительность в силу своей природы призвана отражать реальную ситуацию (не исключая аккумуляирования, использования опыта прошлых веков), то правовая жизнь отражает как настоящее, так и прошлое во всем его многообразии, подчеркивая процесс становления и развития [16, с. 58].

Таким образом, отметим, что если правовая действительность — следствие определенной эволюции правового воздействия на социальные процессы, результат и проявление социокультурного опыта, то правовая жизнь демонстрирует не только сложившуюся действительность, но и сам процесс развития права, динамику его воздействия на социальные процессы. Следовательно, есть все основания полагать, что именно правовая жизнь выступает более многогранной и комплексной категорией и включает в себя сложившуюся юридическую действительность.

Сказанное позволяет сделать следующий вывод: если правовая система отражает сложную структурную взаимозависимость юридической практики и правовой культуры общества и динамику развития права, то правовая действительность, включая данные элементы, отражает текущее, реально сложившееся состояние правовых явлений, в том числе и негативные (правонарушения, коррупцию, правовой нигилизм и т.д.). Обобщающей для данных понятий категорией выступает правовая жизнь, охватывая как системные, так и несистемные, хаотические правовые явления и процессы, как позитивные, так и негативные, в их становлении, динамике, развитии и, естественно, текущем состоянии. Если правовая система создает предпосылки и условия для оптимального и координированного правом протекания правовой жизни, то и правовая действительность, и правовая жизнь свидетельствуют о результате развития и функционирования правовой системы, охватывая позитив и негатив правового поведения.

Другими, весьма широкими категориями, связанными с действием права, выступают правовое регулирование и правовое воздействие, которые также необходимо соотносить с правовой системой общества.

Полагаем справедливым исходить из того, что если правовое регулирование — это процесс воздействия на общественные отношения при помощи всей совокупности юридических средств, то правовое воздействие — это взятый в единстве и многообразии процесс влияния права на социальную жизнь, сознание и поведение людей [17, с. 520; 18, с. 11]. Иными словами, правовое регулирование — составная часть, элемент правового воздействия и институционализируется в конкретных юридических средствах, которыми упорядочиваются, координируются общественные отношения.

Правовое же воздействие может проявляться не только в правоотношениях и тех сферах общественной жизни, которые регулируются правом, представляя собой определенный способ интерпретации правовой информации [19, с. 175–177]. Правовое воздействие может проявляться в психоэмоциональном

состоянии человека и предопределять его поступки в личной жизни, сказываться на карьере, на отношениях с окружающими, выборе конкретной покупки или на злоупотреблении алкоголем. Иными словами, правовое воздействие — это не только целенаправленное нормирование социальных процессов, но и неподдающееся контролю, спонтанное, труднопредсказуемое влияние правовых норм на внеправовое (не имеющее непосредственного отношения к праву) поведение человека [20, с. 126–130; 21, с. 29]. Об эмоционально-информационной стороне правового воздействия писал Т. Н. Радько [22, с. 145], а М. Ф. Орзих подчеркивал, что правовое воздействие связывает воедино все механизмы социального функционирования права [23, с. 53].

Как отмечает в диссертационном исследовании К. Р. Симонян, «правовое воздействие — это, по сути, любое влияние права и всей системы правовых средств на *социально значимое* (выделено нами. — О. Г.) поведение людей» [24, с. 36], причем данное воздействие не всегда является прямым и непосредственным, оно может заключаться в информационно-психологическом воздействии на личность, ее мировоззрение, потребности и интересы.

На основании сказанного констатируем, что правовое регулирование — это составная часть правовой системы, демонстрирует ее потенциал и способность нормировать социальные процессы исходя из сложившихся реалий и цивилизационно-культурных особенностей развития конкретного общества.

Правовое воздействие — это не просто часть, элемент или одно из проявлений правовой системы общества, это, с одной стороны, показатель развития правовой системы общества, степени его зрелости, с другой стороны, результаты правового воздействия, его влияние на формирование правового сознания и правовой культуры трансформируют и саму правовую систему, определяя дальнейшие векторы ее развития с учетом интересов личности, общества и государства.

Сказанным во многом и определяется самодостаточность правовой системы, ее способность к самоорганизации и динамичному, альтернативному развитию, постоянному взаимодействию с иными общественными подсистемами. Правовое воздействие выступает и имманентно присущим правовой системе свойством (ведь цель правовых средств, объединяемых в механизм правового регулирования, — точечное воздействие на общественные отношения) и ее емкой характеристикой, позволяющей судить не только о влиянии на юридическую практику, но и об уровне правосознания и правовой культуры, о правовой идеологии, являющимися ее составными элементами.

Правовая система, правовая жизнь, правовая действительность, правовое воздействие, правовое регулирование, равно как и иные правовые явления связаны с определенной сферой общественных отношений, относятся к достаточно конкретной, открытой и динамично развивающейся подсистеме общества, в связи с чем возникает вопрос об определенных границах их действия, в том числе и пространственных.

Правовая система представляет собой упорядоченную, сложноорганизованную и нелинейно развивающуюся структуру, которая онтологически принадлежит определенному «пространству», связана его границами. И несмотря на то, что правовую систему чаще всего анализируют как правовую систему общества (в чем проявляются иногда чрезмерно «натянутые», «искусственные» попытки уйти от так называемого этатистского подхода в теории права), исследовать ее вне конкретного государства (в данном случае речь идет о правовой системе

России, Японии, Китая и т.д.) либо вне определенной группы государств (совокупности национальных правовых систем — о правовых семьях) представляется сомнительным.

Следовательно, именно пространственная характеристика позволяет полноценно использовать аналитический ресурс категории «правовая система общества» как в познании ее национальных особенностей, так и в сравнительном правоведении. Сказанное с очевидностью актуализирует значимость сопоставления таких категорий, как «правовая система общества» и «правовое пространство».

Категория «правовое пространство» уже давно выступает предметом научного исследования, но единства мнений относительно содержания данного понятия и необходимости его «внедрения» в юридическую доктрину нет. Так, В.М. Баранов называет категорию правовое пространство результатом «нетворческого, малопродуктивного пути имитации научно-исследовательской деятельности» [15, с. 13], а С.Е. Данилюк относит ее к «конструкции с неясным понятийным содержанием» [25, с. 69].

Между тем сама юридическая практика красноречиво свидетельствует о необходимости научного исследования того, что же представляет собой правовое пространство государства и как обеспечить его единство. В ст. 8 Конституции РФ указывается на то, что в России гарантируется единство экономического пространства, которое устанавливается в качестве основ конституционного строя нашего государства. В связи с этим возникает два достаточно очевидных вопроса: почему по аналогии с экономическим пространством не исследовать и правовое пространство? как можно обеспечить единое экономическое пространство без соответствующих правовых основ, вне единого правового пространства?

Юридическая практика в этом вопросе оказалась намного решительнее юридической доктрины. Так, еще в 2000 г. был принят Указ Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»¹, в котором предусматривалось создание федерального регистра нормативно-правовых актов субъектов РФ в целях облегчения их правовой экспертизы и, следовательно, обеспечения на территории государства верховенства Конституции РФ и федеральных законов. После подписания Президентом РФ данного указа термин «правовое пространство» достаточно прочно прописался в нормотворческой практике.

В познании сути правового пространства значительный интерес представляет собой «логическая цепочка», построенная В.В. Лазаревым. Ученый отмечает, что «итогом форм регуляции и форм правового воздействия является создание *правовой среды* (выделено нами. — О.Г.), в которую в той или иной степени вторгаются (вплетаются) неправовые факторы. Плоскостное представление о всей совокупности “произрастающих” здесь факторов дает понятие “*правовое поле*” (выделено нами. — О.Г.). Наиболее полно охватывает употребление всех названных понятий понятие “*правовое пространство*” (выделено нами. — О.Г.), которое в отличие от “плоскостных” понятий многомерно, объемно и постижимо на основе редукционной методологии» [26, с. 8].

А.В. Малько предлагает исходить из того, что правовое пространство — это сфера действия нормативных правовых актов, обозначенная границами государ-

¹ См.: Указ Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» (в ред. от 26 декабря 2016 г.) // СЗ РФ. 2000. № 33, ст. 3356; 2017. № 1, ч. 1, ст. 144.

ства, понятие, которое неразрывно связано с суверенитетом государства и пределами осуществления публичной власти [27, с. 10], а И. Н. Барциц определяет правовое пространство как сферу действия законов и иных юридических норм в конкретную историческую эпоху в конкретных территориальных пределах [28, с. 19].

С подобными подходами следует согласиться, поскольку правовое пространство — это прежде всего пределы (территориальные, временные) действия правовых норм, производные от которых правовое регулирование и правовое воздействие.

Опираясь на сказанное, отметим, что правовая система складывается внутри определенного правового пространства, представляя собой сложноорганизованную структуру самого права, юридической практики и правовой культуры с их собственными подсистемами. В то же время методологическая призма правовой системы — один из наиболее перспективных и глубоких аналитических подходов к изучению содержания правового пространства, его особенностей и проблем. С этой точки зрения правовая система, равно как и правовая жизнь — наполнение правового пространства, категории, которые и синтезируют «произрастающие факторы» и «семена», которыми, по метафоричному выражению В. В. Лазарева, и «засеивается» правовое пространство [26, с. 10].

Правовая система общества не является «вещью в себе», несмотря на самодостаточность ее функционирования с позиции системного подхода, и нуждается в исследовании, в том числе посредством ее анализа через сопоставление с иными, близкими по значению категориями. Такими категориями, по нашему мнению, являются «правовая жизнь», «правовая действительность», «правовое регулирование», «правовое воздействие» и «правовое пространство».

Безусловно, практически все из обозначенных категорий до сих пор вызывают неоднозначную оценку, порождают споры среди представителей юридической науки и проходят свою апробацию в складывающихся социальных реалиях. Однако дальнейшее развитие исследований правовой системы российского общества не может обходиться без анализа ее соотношения с рассмотренными категориями, вне привязки к правовой жизни общества и наличествующей правовой действительности (правовой реальности), вне рамок того правового регулирования и правового воздействия, которые определены правовым пространством суверенного государства, отстаивающего свою культурно-цивилизационную идентичность.

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 293 с.
2. Байтин М.И. Право и правовая система: вопросы соотношения // Право и политика. 2000. № 4. С. 14–26.
3. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск: В.М. Посохин, 1914. Т. 1. 632 с.
4. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербур. юрид. ин-та, 1998. 215 с.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 234 с.
6. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 847 с.
7. Малько А.В. Правовая жизнь // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 65–75.

8. Малько А.В., Затонский В.А. «Правовая жизнь» и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 6–20.
9. Малько А.В. Правовая система и правовая жизнь: проблемы соотношения конкурирующих понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 2. С. 8–16.
10. Малько А.В., Трофимов В.В., Затонский В.А. Еще раз о праве и неправе, или Почему правовая жизнь называется правовой // Государство и право. 2020. № 10. С. 55–66.
11. Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Рецензия на монографию: Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005 // Правоведение. 2007. № 2. С. 247–253.
12. Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. 527 с.
13. Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М.: Юрлитинформ, 2013. 254 с.
14. Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28). С. 9–21.
15. Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М.: Блок-Принт, 2022. 172 с.
16. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. 527 с.
17. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с.
18. Щербакова Е.К. Механизм правового воздействия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 244 с.
19. Нырков В.В. Двоичность правовой информации как методологический подход в исследовании проблем процессуально-правового регулирования, сопряженных с использованием информационных технологий // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 175–177.
20. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125–135.
21. Субочев В.В. Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. 2007. № 2(21). С. 27–31.
22. Радько Т.Н. Теория функций права. М.: Проспект, 2014. 268 с.
23. Орзих М.Ф. Право и личность. Киев; Одесса: Вища школа, 1978. 143 с.
24. Симонян К.Р. Правовое воздействие в сущностном и функциональном измерении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 222 с.
25. Данилюк С.Е. Место категории «источник права» — в музее юридического позитивизма // Государство и право. 2021. № 5. С. 68–80.
26. Лазарев В.В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 5–17.
27. Малько А.В. Правовая жизнь общества, аноμία и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 7–18.
28. Барциц И.Н. Конституционно-правовое пространство Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 339 с.

References

1. Matuzov N.I. Legal System and Personality. Saratov: Sarat. Univ. Publishing House, 1987. 293 p.
2. Baytin M.I. Law and the Legal System: Issues of Correlation // Law and Politics. 2000. No. 4. P. 14–26.

3. *Mikhailovsky I.V.* Essays on the Philosophy of Law. Tomsk: V.M. Posokhin, 1914. Vol. 1. 632 p.
4. *Alekseev N.N.* Fundamentals of the Philosophy of Law. SPb.: Publishing house of St. Petersburg Law Institute, 1998. 215 p.
5. *Ilyin I.A.* On the Essence of Legal Consciousness. M.: Rarog, 1993. 234 p.
6. *Gurvich G.D.* Philosophy and Sociology of Law. SPb.: Publish. House of St. Petersburg State University, 2004. 847 p.
7. *Malko A.V.* Legal Life // Social Sciences and Modernity. 1999. No. 6. P. 65–75.
8. *Malko A.V., Zatonksy V.A.* “Legal Life” and “Legal System”: Correlation of Concepts // Legal Policy and Legal Life. 2006. No. 2. P. 6–20.
9. *Malko A.V.* Legal System and Legal Life: Problems of Correlation Between Competing Concepts // Legal Policy and Legal Life. 2014. No. 2. P. 8–16.
10. *Malko A.V., Trofimov V.V., Zatonksy V.A.* Once Again About Right and Wrong, or Why Legal Life Is Called Legal // State and Law. 2020. No. 10. P. 55–66.
11. *Voplenko N.N., Rudkovsky V.A.* Review of the Monograph: Legal Life in Modern Russia: Theoretical and Methodological Aspect / ed. N.I. Matuzova, A. V. Malko. Saratov: Publishing house of GOU VPO “Saratov State Academy of Law”, 2005 // Jurisprudence. 2007. No. 2. P. 247–253.
12. *Matuzov N.I.* Legal Life as an Object of Scientific Research // Legal Life in Modern Russia: Theoretical and Methodological Aspect / ed. N.I. Matuzova, A. V. Malko. Saratov: Publishing house of “Saratov State Academy of Law”, 2005. 527 p.
13. *Shundikov K.V.* Synergetic Approach in Jurisprudence. Problems of Methodology and Experience of Theoretical Application. M.: Legalinform, 2013. 254 p.
14. *Baranov V.M.* Shadow law as Anti-Legal Life // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4(28). P. 9–21.
15. *Baranov V.M.* “Positive Legal Responsibility”: Controversial Concept, Imaginary Practice, Virtual Technology. M.: Block-Print, 2022. 172 p.
16. Legal Life in Modern Russia: Theoretical and Methodological Aspect / ed. N.I. Matuzov, A. V. Malko. Saratov: Publishing house of “Saratov State Academy of Law”, 2005. 527 p.
17. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law. M.: Publishing House “Delo” RANEPa, 2022. 528 p.
18. *Shcherbakova E.K.* Mechanism of Legal Influence: diss. ... cand. of law. Saratov, 2021. 244 p.
19. *Nyrkov V.V.* Duality of Legal Information as a Methodological Approach in the Study of Problems of Procedural and Legal Regulation Associated with the Use of Information Technologies // Legal Policy and Legal Life. 2019. No. 3. P. 175–177.
20. *Subochev V.V.* Dialectics of Interests of the Individual, Society and the State as a General Legal Problem // Law and State: Theory and Practice. 2006. No. 5. P. 125–135.
21. *Subochev V.V.* Legitimate Interests and Principles of Law: Aspects of Interrelation // Philosophy of Law. 2007. No. 2(21). P. 27–31.
22. *Radko T.N.* Theory of Functions of Law. M.: Prospect, 2014. 268 p.
23. *Orzikh M.F.* Law and Personality. Kyiv; Odessa: Vishcha School, 1978. 143 p.
24. *Simonyan K.R.* Legal Influence in the Essential and Functional Dimension. dis. ... cand. of law. M., 2023. 222 p.
25. *Danilyuk S.E.* The Place of the Category “Source of Law” Is in the Museum of Legal Positivism // State and Law. 2021. No. 5. P. 68–80.
26. *Lazarev V.V.* Judicial Activism in the Formation of Legal Space // Journal of Russian Law. 2021. No. 9. P. 5–17.
27. *Malko A.V.* Legal Life of Society, Anomie and Problems of the Unity of Legal Space in Modern Russia // State and Law. 2023. No. 3. P. 7–18.
28. *Bartsits I.N.* Constitutional and Legal Space of the Russian Federation: extended abstract of dis. ... Doc. of law. M., 2001. 339 p.

В.Р. Волкова

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КАК ОБЩЕПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Введение: в настоящее время термин «правовые последствия» становится все более распространенным в юридической науке и практике. Часто при употреблении его сущность необоснованно сужается до изменения субъективных прав и юридических обязанностей конкретных субъектов правоотношений, а то и вовсе отождествляется только с негативными явлениями правовой действительности, например с юридической ответственностью и наказаниями. Полагаем, что рассматриваемый правовой феномен обладает комплексностью и всеобщностью, в связи с чем заслуживает более углубленного изучения. **Цель** — провести комплексный анализ сущности правовых последствий посредством изучения как философского подхода к теории причинности, так и современных позиций ученых относительно рассматриваемого феномена. **Методологическая основа:** представлена совокупностью общенаучных и конкретных методов исследования: диалектическим, герменевтическим, формально-юридическим, историко-правовым, сравнительно-правовым. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно двуединства феномена правовых последствий. Обосновано мнение о возможности рассмотрения правовых последствий как результата правового регулирования на двух уровнях: на уровне общего действия права и индивидуально-правового регулирования. **Выводы:** правовые последствия — это результат правового регулирования, выражающийся в воздействии на общественные отношения путем воплощения в правовой действительности потенциала правовых норм, приводящий к динамике субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений, а также способный при определенных условиях трансформироваться в юридический факт и породить иные правовые последствия.

Ключевые слова: правовые последствия, правовое регулирование, субъективные права, юридические обязанности, субъекты правоотношений, юридический факт.

V.R. Volkova

LEGAL CONSEQUENCES AS A GENERAL LEGAL PHENOMENON

Background: at present the term “legal consequences” is becoming more and more widespread in legal science and practice. Often when using it, its essence is unreasonably narrowed down to the change of subjective rights and legal obligations of specific subjects of legal relations, or even identified only with negative phenomena of legal reality, for example, with legal liability and punishment. We believe that the legal phenomenon under consideration has complexity and universality, in connection with which it deserves a more in-depth study. **Objective** — conducting a comprehensive analysis of the essence of legal consequences by studying both the philosophical approach to the theory of causality

*and modern positions of scientists regarding the phenomenon in question. **Methodology:** is represented by a set of general scientific and specific research methods: dialectical, hermeneutic, formal legal, historical and legal, comparative legal. **Results:** the author's position regarding the duality of the phenomenon of legal consequences is argued. The opinion about the possibility of considering legal consequences as a result of legal regulation at two levels: at the level of general action of law and individual legal regulation is justified. **Conclusions:** legal consequences are the result of legal regulation, expressed in the impact on social relations through the embodiment in legal reality of the potential of legal norms, leading to the dynamics of subjective rights and legal obligations of subjects of legal relations, as well as capable, under certain conditions, to be transformed into a legal fact and generate other legal consequences.*

Keywords: legal consequences, legal regulation, subjective rights, legal obligations, subjects of legal relations, legal fact.

В последние годы в юридической науке появляется все больше исследований, посвященных изучению категории «правовые последствия». Слово «последствия» давно активно употребляется при характеристике социальной жизни, экономики, политики, но до настоящего момента данный общепотребимый термин и его юридизированный вариант — «правовые последствия» — так и не получили законодательного закрепления.

Наличие данной проблемы отмечают в исследованиях как представители теоретических, так и прикладных наук. В частности, Ю.Е. Пудовочкин, размышляя о научной разработанности данной тематики, отмечает ее фрагментарность, существенную пробельность, несистемность и непоследовательность [1, с. 127]. Данное мнение разделяет и В.А. Толстик, указывая, что сегодня в правовой доктрине отсутствует удовлетворяющее потребностям юридической науки и практики понимание категории «правовые последствия» [2, с. 83]. Как отмечает А.Н. Харитонова, «упоминание о юридических последствиях того или иного явления можно встретить едва ли не в каждой научной работе гражданско-правового характера, однако трактовке этого понятия цивилисты внимания не уделяют» [3, с. 143].

Одно из первых упоминаний о последствиях в юридической литературе датировано 1897 г. Г.Ф. Шершеневич в одной из публичных лекций отмечал: «При этомъ онъ поступаетъ согласно съ закономъ не потому, что опасается невыгодныхъ послѣдствій, которыми угрожаетъ ему законъ за уклоненіе, а въ силу усвоенной имъ привычки слѣдовать законнымъ предписаніямъ» [4, с. 6].

Несмотря на низкую разработанность заявленной тематики, М.А. Рожкова указывает, что «юридические последствия принято рассматривать как общеизвестную и общепонятную категорию, правовая природа которой не вызывает исследовательского интереса» [5, с. 8]. Мы не можем согласиться с высказыванием автора, поскольку при длительном изучении данной проблемы нами не было выявлено ни одного теоретического комплексного монографического исследования, посвященного сущности правовых последствий.

Как отмечает Е.В. Калинина, исследуемая тема привлекательна для рассмотрения не только через призму существующих правовых явлений фундаментального и прикладного характера, но и в рамках философско-правовой мысли [6, с. 175]. Полагаем целесообразным рассматривать правовые последствия в рамках диалектической пары «причина — следствие».

Первые учения о причинности в истории философской мысли принадлежат эпохе античности. Наиболее значимый вклад в изучение данного направления внесли Демокрит, Эпикур, Анаксагор, Платон и Аристотель. Позднее идеи причинности будут разрабатывать в своих трудах Д. Юм, Б. Спиноза, Г.В.Ф. Гегель и И. Кант. К вопросу существования причины и следствия существует несколько подходов, наиболее известны исследования с позиций материализма и идеализма. В рамках работы мы будем придерживаться позиций диалектического материализма, который признает объективный характер причинных связей, так как разделяет позицию об объективной реальности внешнего мира.

Всеобщая универсальная связь бытия проявляется в различных формах, одной из которых является причинно-следственная связь. Согласно позиции диалектического материализма под причиной понимается явление, которое при определенных условиях с необходимостью вызывает, обуславливает другое явление или предопределяет в нем изменения. Явление, которое возникает или изменяется под действием причины, называется следствием. Важным аспектом выступает закономерный характер связи между причиной и следствием, это означает, что при необходимых условиях причина каждый раз способна вызывать определенное следствие. Последнее обладает рядом признаков, среди них: следствию всегда предшествует причина; оно порождается, обуславливается и является неизбежным закономерным результатом причины; при определенных обстоятельствах может переходить в разряд причин, образуя новую причинно-следственную цепь.

Стоит отметить, что в философии и прикладных областях научного знания сформировалась позиция, согласно которой причинную связь возможно рассматривать на двух уровнях. Н.А. Князев в диссертационном исследовании рассматривает вопросы соотношения событийного и номического уровня [7, с. 22]. Событийный уровень отражает конкретные материальные действия, происходящие в пространственно-временном континууме, их взаимодействия и следствия. Номический характеризует причинный закон этих действий и взаимодействий [8, с. 27]. Как отмечает Н.А. Князев, «на номическом уровне речь идет не о связи события — причины и события — явления, а о сущности этой связи, о причинном законе как отношении сущностных сторон событий» [7, с. 25].

Таким образом, несмотря на то, что изначально диалектическая пара «причина — следствие» была плодом для размышления исключительно философов, впоследствии концепция причинности нашла свое отражение в теоретико-правовых и прикладных областях знания.

Возвращаясь к вопросу современного понимания правовых последствий, стоит отметить, что отсутствие законодательного закрепления дефиниции рассматриваемого правового феномена при частом его упоминании в законодательных актах, правоприменительной практике и научной литературе обуславливает актуальность данной темы.

Для анализа рассматриваемого правового феномена видится целесообразным изложить некоторые дефиниции, существующие в настоящее время. П.В. Васильев под правовыми последствиями понимает «субъективные юридические права и обязанности правосубъектных лиц, возникающие в результате осуществления регулирования правовыми средствами на организационной, трансформационной или корреляционной его стадии и существующие в форме правоотношений, соответствующих способу определения адресатов правовых

предписаний» [9, с. 41]. Как «изменение правовой действительности, прямо или косвенно предусмотренное нормами права и вытекающее из их реализации вследствие наступления конкретного жизненного обстоятельства, также предусмотренного действующими нормами права и юридизированного в соответствии с ними» трактует правовые последствия К. В. Каргин [10, с. 186]. А. Ф. Черданцев под правовыми последствиями понимает права и обязанности, которые наступают при возникновении условий, на которые рассчитана норма права [11, с. 106].

По нашему мнению, все обозначенные подходы к определению правовых последствий рассматривают их слишком узко, сводя исключительно к существованию в рамках конкретных правоотношений. Полагаем, что данный подход не способен полноценно осветить комплексность и всеобщность анализируемого правового феномена. В связи с этим предлагаем рассматривать правовые последствия на двух уровнях по аналогии с ранее обозначенной философской концепцией Н. А. Князева.

Полагаем, что первым уровнем можно выделить уровень общего действия права (подобно номическому уровню), на котором происходит принятие (или отмена) правовой нормы. После ее вступления в силу наступают правовые последствия — устанавливаются (отменяются) предусмотренные нормой субъективные права и юридические обязанности, адресованные неопределенному кругу лиц, что приводит к возникновению (изменению или прекращению) правовых отношений.

Правовые последствия второго уровня (индивидуально-правового регулирования по аналогии с событийным) выражаются в динамике (полной или частичной) субъективных прав и юридических обязанностей адресатов правовых предписаний, обусловленной наличием правового основания, в том числе актов индивидуально-правового регулирования, и юридического факта (юридического состава), в рамках конкретных правоотношений.

Обращаясь к вопросу правовой природы правовых последствий, считаем целесообразным соотносить их с правовым регулированием, а точнее, определять последствия как его закономерный результат. В теории правовое регулирование понимается как осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения [12, с. 5]. Правовое регулирование представляет собой протяженный процесс, состоящий из определенных этапов. В теоретической науке существуют различные позиции относительно сущности правового регулирования, его структуры и стадий. Отметим, что вне зависимости от того, какой концепции придерживаются юристы, правовые последствия, рассматриваемые нами на двух уровнях, существуют в рамках любой из них. Последствиями на уровне общего действия права являются возникновение/изменение/отмена субъективных прав и/или юридических обязанностей для неограниченного круга лиц в связи с принятием/отменой правовой нормы. А правовые последствия индивидуально-правового уровня выражаются в динамике прав и обязанностей адресатов правовых предписаний в рамках конкретных правоотношений как результат на совершенные ими акты реализации права.

Однако правовые последствия это не только результат. По нашему мнению, данный феномен обладает двуединством. Изучаемые последствия отражают как результативность правового регулирования, так и обладают динамической системностью, то есть способностью преобразовываться в юридические факты

для порождения других правовых последствий. Данная специфика обусловлена философским началом диалектического взаимодействия причины и следствия, то, что теперь или здесь является следствием, станет там или тогда причиной, и наоборот. Указанное свойство позволяет правовым последствиям выступить в роли юридического факта при появлении новых условий и действии иной исходной правовой нормы.

Таким образом, полагаем целесообразным трактовать правовые последствия как результат правового регулирования, выражающийся в воздействии на общественные отношения путем воплощения в правовой действительности потенциала правовых норм, приводящий к динамике субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений, а также способный при определенных условиях трансформироваться в юридический факт и породить иные правовые последствия.

Библиографический список

1. *Пудовочкин Ю.Е.* Понятия и система уголовно-правовых последствий совершения преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1(89). С. 126–136.
2. *Толстик В.А.* Пределы пересмотра правовых последствий // Тринадцатые Бабаевские чтения: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 г.). Н. Новгород: Нижегор. акад. МВД России, 2022. С. 81–91.
3. *Харитонова А.Н.* Бездействие в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 178 с.
4. *Шершеневич Г.Ф.* О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. профессором Казанского университета Г.Ф. Шершеневичем. Казань: Типография Императ. ун-та, 1897. 28 с.
5. *Рожкова М.А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. 332 с.
6. *Калинина Е.В.* Правовые последствия и их реализация в политико-правовом учении ветхозаветного и талмудического иудаизма // Тринадцатые Бабаевские чтения: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 г.). Н. Новгород: Нижегор. акад. МВД России, 2022. С. 175–181.
7. *Князев Н.А.* Проблема причинности в философии (концепция двух уровней): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1993. 40 с.
8. *Суденко В.Е.* Теория причинности в уголовном праве // Сервис plus. 2010. № 4. С. 27–36.
9. *Васильев П.В.* Правовые последствия и квазипоследствия: постановка проблемы соотношения явлений. Ульяновск: Издат. Качалин Александр Васильевич, 2021. 72 с.
10. *Каргин К.В.* Правовые последствия юридической аргументации // Тринадцатые Бабаевские чтения: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 г.). Н. Новгород: Нижегор. акад. МВД России, 2022. С. 182–189.
11. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
12. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

References

1. *Pudovochkin Yu.E.* Concepts and System of Criminal Legal Consequences of Committing a Crime // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1(89). P. 126–136.

2. *Tolstik V.A.* Limits of Revision of Legal Consequences // Thirteenth Babaev readings: collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, May 26–27, 2022). N. Novgorod: Nizhegorod. Acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 81–91.

3. *Kharitonova A.N.* Inaction in the Mechanism of Civil Law Regulation: diss. ... cand. of law. M., 2023. 178 p.

4. *Shershenevich G.F.* On the Sense of Legality: public lecture delivered on March 10, 1897 / by a professor at Kazan University G.F. Shershenevich. Kazan: Typolithography of the Imperial University, 1897. 28 p.

5. *Rozhkova M.A.* Legal Facts of Civil and Procedural Law: Agreements on the Protection of Rights and Procedural Agreements. M.: Statute, 2009. 332 p.

6. *Kalinina E.V.* Legal Consequences and Their Implementation in the Political and Legal Teachings of Old Testament and Talmudic Judaism // Thirteenth Babaev readings: a collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, May 26–27, 2022). N. Novgorod: Nizhegorod. Acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 175–181.

7. *Knyazev N.A.* The Problem of Causality in Philosophy (the concept of two levels): extended abstract of diss. ...Doc. of philosophy. M., 1993. 40 p.

8. *Sudenko V.E.* Theory of Causality in Criminal Law // Service Plus. 2010. No. 4. P. 27–36.

9. *Vasiliev P.V.* Legal Consequences and Quasi-Consequences: Statement of the Problem of the Relationship of Phenomena. Ulyanovsk: publisher Kachalin Alexander Vasilievich. 2021. 72 p.

10. *Kargin K.V.* Legal Consequences of Legal Argumentation // Thirteenth Babaev readings: collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, May 26–27, 2022). N. Novgorod: Nizhegorod. Acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 182–189.

11. *Cherdantsev A.F.* Logical-Linguistic Phenomena in Jurisprudence. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 320 p.

12. *Alekseev S.S.* Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. M.: Legal Literature, 1966. 187 p.

Е.В. Нефедова

**КВОТА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Введение: в статье предпринята попытка рассмотрения общеправового феномена «квота» с позиции осмысления социальной потребности в таком средстве правового регулирования. Опираясь на существующие доктринальные позиции относительно восприятия квоты как правовой формы улучшения правового положения индивида, автор выдвигает гипотезу о необходимости формально-юридического определения границ нормативного установления квот и последующей реализации квотирования. **Цель** — осмыслить феномен квотирования как тенденциозное явление современной правовой политики Российского государства, его природу и средства реализации, соотнести с устоявшимися подходами правового регулирования в виде стимулирования и ограничения. **Методологическая основа:** общенаучные, а также частные методы исследования, диалектический метод познания, формально-юридический подход. **Результаты:** применяя разнообразие методов исследования, автор аргументирует гипотезу о том, что установление квот, ввиду их влияния на улучшение правового положения субъекта, должно опираться на прочную научную основу, реальную социальную потребность, выверенную нормативную и технико-юридическую составляющие, что впоследствии позволит сбалансировать общерегулятивное и охранительное правовое воздействие. **Выводы:** выделены сферы общественных отношений, имеющих высокую потребность в квотировании выделяемых в рамках них благ (экология, природоохранная сфера, наука, образование и пр.), обозначены цели и задачи, достижение которых возможно при использовании квот: сохранение и приумножение запасов природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности, стабилизация региональной экономической ситуации, рост технологического суверенитета государства.

Ключевые слова: квота, правовое регулирование, ограничение, правовое преиму́щество, стимулирование.

E.V. Nefedova

**QUOTA IN THE FUNDS SYSTEM LEGAL REGULATION:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECT**

Background: the author of the article made an attempt to consider the general legal phenomenon of “quota” from the position of understanding the social need for such a means of legal regulation. Relying on the existing doctrinal positions regarding the perception of quota as a legal form of improving the legal status of an individual, the author puts forward a hypothesis about the need for formal-legal definition of the boundaries

© Нефедова Евгения Валерьевна, 2024

Аспирант кафедры теории и истории государства и права (Ростовский государственный экономический университет); e-mail: jenyaaanefedova@mail.ru

© Nefedova Evgeniya Valeryevna, 2024

Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law (Rostov State University of Economics)

of the normative establishment of quotas and the subsequent implementation of quotas. Objective — to comprehend the phenomenon of quotas as a tendentious phenomenon of the modern legal policy of the Russian state, its nature and means of implementation, to correlate with established approaches of legal regulation in the form of incentives and restrictions. Methodology: general scientific as well as private research methods, dialectical method of cognition, formal legal approach. Results: using a variety of research methods, the author argues the hypothesis that the establishment of quotas, in view of their impact on the improvement of the legal status of the subject, should be based on a solid scientific basis, real social need, verified normative and technical-legal components, which will subsequently balance the general regulatory and protective legal impact. Conclusions: spheres of social relations, which have a high demand for quota allocation of benefits allocated within them (ecology, environmental protection, science, education, etc.), are singled out, the goals and objectives, the achievement of which is possible with the use of quotas are outlined: preservation and multiplication of natural resources, ensuring environmental security, stabilization of the regional economic situation, growth of technological sovereignty of the state.

Keywords: *quota, legal regulation, restriction, legal advantage, incentive.*

Недружественные действия ряда государств в отношении нашего Отечества, которые к тому же противоречат нормам международного права, актуализируют потребность использования в правовом регулировании общественных отношений специальных средств. Это предопределено общенациональными интересами, необходимостью защиты суверенитета Российской Федерации. Специальный характер средств правового регулирования обусловлен ничем иным, как гармоничным, сбалансированным сочетанием ограничительных и стимулирующих подходов. К подобным специальным средствам правового регулирования, сочетающим в себе возможность сдерживать развитие нежелательных для общества и государства отношений и стимулировать правовую активность граждан, относится квота. Так, целевая бюджетная квота позволяет не только устанавливать лимиты набора абитуриентов, поступающих на приоритетные стратегические направления подготовки специалистов по научно-технологическому развитию страны¹, но и стимулировать их на прорывные исследования и научные открытия, что предполагает получение повышенной стипендии².

Юридическая квота — феномен, объективно свидетельствующий о потребности гибкого правового регулирования, необходимости адаптации правовой материи к сложным общественным отношениям. Речь идет не только о высокой динамике их развития, но и об объективных обстоятельствах, в которых они складываются. Тяжелые климатические условия нашего государства, детерминирующие внедрение энергозатратных решений в сельском хозяйстве и природопользовании, обширные географические границы, обуславливающие потребность выравнивания возможностей субъектов по приобретению и пользованию благами, — все это влияет не только на появление такого правового института, как квота, но и на практику ее внедрения в правовую действительность.

¹ См., например: В России создадут 25 кампусов мирового уровня // Российская газета. 2023. 3 дек.

² См.: Указ Президента РФ от 27 ноября 2023 г. № 902 «О стипендии Президента Российской Федерации для аспирантов и адъюнктов, проводящих научные исследования в рамках реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный правовой портал. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/72849> (дата обращения: 04.12.2023).

Между тем, поскольку квота сопряжена с предоставлением правовых преимуществ для отдельных участников общественных отношений, предусматривая гарантированное выделение благ и их последующее использование, актуальным является вопрос установления нормативов относительно их потребности и пределов реализации [1, с. 500].

Решение обозначенной проблемы требует интеллектуально-аналитического подхода, который позволит глубже погрузиться не только в юридическую природу квот, но и соотнести их с потребностями общества. Следовательно, первичным аспектом при определении потребности в законодательном установлении квот выступает их целевое назначение. Убеждены, что квота сегодня реализует два основных подхода к правовому воздействию на общественные отношения.

Во-первых, стимулирование, поскольку она служит мотивационным инструментом для достижения (или согласования) интересов субъектов. Например, квоты часто применяются в рамках правовой политики Российского государства по стабилизации экономического рынка за счет достижения баланса между экспортом и импортом товаров. В 1993 г. для стимулирования российского экспорта Министерству экономики РФ предлагалось упразднить экспортные квоты по всем товарам¹. Однако сегодня в рамках Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года необходимо «стимулировать спрос на продукцию отрасли, в том числе за счет введения квот на закупку изделий электроники российского производства»². Как мы видим, квота может выступать как стимулом для развития отдельных отраслей экономики [2, с. 34–35], так и антистимулом, то есть ограничивать ее рост.

Во-вторых, сдерживание, так как квота может быть представлена в форме ограничения или недопущения реализации отдельных прав субъектов, развития (поддержания) интересов участников правоотношений. Подобным проявлением регулятивного потенциала вполне можно назвать квоты на производство молока, при превышении которых животноводы обязаны платить налог «солидарной ответственности»: «Налог на излишки <...> должен выплачиваться государствами — членами Европейского Союза при превышении национальной квоты. Государство — член Европейского Союза распределяет бремя уплаты налога между производителями, виновными в превышении квоты. Таким образом, указанные производители несут ответственность перед государством — членом Европейского Союза в виде оплаты своей части налога в силу наличия у них излишков производства»³.

Следовательно, установив потребность законодательного закрепления квот для стимулирования или сдерживания отдельных правоотношений, необходимо очертить пределы использования подобного средства правового регулирования.

¹ См. п. 26 Постановления Правительства РФ от 13 августа 1993 г. № 791 «О социально-экономическом положении Российской Федерации и мерах по его стабилизации» (в ред. от 31 января 1994 г.) (Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 34, ст. 3267; 1994. № 6, ст. 460).

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 17 января 2020 г. № 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 4, ст. 410.

³ Пункт 38 Регламента Совета Европейского Союза № 1234/2007 «Об учреждении общей организации сельскохозяйственного сектора и о специальных положениях относительно некоторых продуктов» (единый регламент общей организации рынка сельскохозяйственной продукции) (вместе с Приложениями I–XXII); принят в г. Люксембурге 22 октября 2007 г. (с изм. и доп. от 13 мая 2013 г.) (документ утратил силу) // Официальный сайт законодательства Европейского Союза. URL: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 06.12.2023).

Для этого попытаемся выделить стоящие перед государством задачи, для решения которых без функционала квот не обойтись. Таковыми, на наш взгляд, являются:

а) сохранение и приумножение запасов природных ресурсов. Так, при помощи квот ограничивается участие в истощении природных ресурсов со стороны тех участников, которые не нацелены на технологическое совершенствование, поиск оптимальных моделей потребления. Например, речь может идти о выделении квот на вылов водных биологических ресурсов тем субъектам, которые не используют так называемую высокую сортировку, в результате которой малоценные сорта рыбы и морепродуктов (вылов которых не оправдывает затраты) уничтожаются [3, с. 51];

б) обеспечение экологической безопасности. Проблема не только национального, но общемирового масштаба — выбросы парниковых газов. Одним из средств сокращения нанесения ущерба окружающей среде выступает механизм торговли квотами на данные выбросы [4, с. 192]. Сегодня фактически можно наблюдать сформировавшийся рынок торговли квотами, в том числе международный, в рамках которого «предметом купли-продажи являются разрешения на загрязнение» [5, с. 195–202];

в) стабилизация региональной экономической ситуации. В ходе публичных консультаций по проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” в части совершенствования порядка распределения квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов» установлено, что в рамках механизма квотирования вылова краба и белой рыбы доля добычи, осуществляемой субъектами малого и среднего бизнеса, зарегистрированными на Дальнем Востоке, составляет 68 %¹. Это, безусловно, положительно сказывается на экономической ситуации в регионе не только ввиду фискальных доходов, но и за счет создания рабочих мест, развития инфраструктуры и пр.;

г) рост технологического суверенитета государства. Отдавая предпочтение в получении квоты тем компаниям, которые нацелены на инновационную деятельность, запуск новых судов, производство лимитированной техники и прочее, государство мотивирует данный сектор задействовать внутренние ресурсы, повышать независимость от импортируемых компонентов. Так, в соответствии со Стратегией развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года, экспортная квота коммерческих автомобилей в объеме производства в 2025 г. прогнозируется на уровне 4 %, тогда как в 2035 г. должна составить 25 %²;

д) повышение конкуренции среди участников (соискателей) квотирования и, как следствие, эффективности их деятельности и качества итогового продукта.

¹ См.: проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” в части совершенствования порядка распределения квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов» (подготовлен Минсельхозом России; в ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27 февраля 2019 г.) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=88201> (дата обращения: 03.12.2023).

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. № 4261-р «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года» // СЗ РФ. 2023 № 1, ч. 3, ст. 422.

Так, изменения, внесенные Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 86-ФЗ¹, были направлены не только на привлечение инвестиций в государственную экономику, но и на повышение эффективности деятельности субъектов добычи водных биологических ресурсов, в том числе путем создания условий добросовестной конкуренции для обеспечения прорыва в данной области. Реализовано это было путем установления квот «добычи (вылова) крабов, предоставленные в инвестиционных целях в области рыболовства, для осуществления промышленного рыболовства и (или) прибрежного рыболовства»², как одного из наиболее высокодоходных продуктов;

е) обеспечение паритета экономических интересов государства и моральных представлений о необходимости сбережения экологии. В рамках соглашения, получившего юридическую силу за счет подписания Киотского протокола, государства праве устанавливать минимальный ценовой порог для выбросов ядовитых отходов производств в окружающую среду³. Подобная нижняя планка позволяет осуществлять необходимую производственную деятельность с вынужденными издержками для экологии и служит элементом согласования с требованиями общественной нравственности. При превышении установленных лимитов компромиссным решением будет приобретение дополнительных квот на выбросы. Так, в числе первых мысль о компромиссном характере предоставления квот на выбросы высказали Н.В. Кичигин и Н.И. Хлуденева [6, с. 14];

ж) поддержание баланса между экспортным и импортным рынками государства. Подобное качество института квот наглядно проявляется в рамках регулирования экспорта (импорта) мяса (птицы, свинины, говядины)⁴. Так, существует судебный прецедент, согласно которому в судебной практике возникали ситуации, в рамках которых предметом спора являлись нормы российского законодательства, предусматривающие выравнивание экспортного и импортного рынка при помощи квот. В рамках этого квота рассматривалась истцами как инструмент ограничения права на свободное перемещение товаров, гарантируемое Конституцией РФ. Между тем Конституционный Суд РФ указал, что «оспариваемые положения, устанавливающие возможность в исключительных случаях осуществить переоформление квот <...>, направлены на согласование частных и публичных интересов», «обусловлены потребностями регулирования внешнеторговой деятельности»⁵.

¹ См.: Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” в части совершенствования порядка распределения квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. 2019. № 18, ст. 2210.

² См.: Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2004. № 52, ст. 5270; 2022. № 45, ст. 7672.

³ См.: Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата: подписан в г. Киото 11 декабря 1997 г. (с изм. от 8 декабря 2012 г.) // СЗ РФ. 2005. № 10, ст. 764.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 21 августа 2014 г. № 835 «О дополнительных мерах по регулированию импорта мяса крупного рогатого скота и мяса домашней птицы» // СЗ РФ. 2014. № 34, ст. 4690; Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2022 г. № 2367 «О распределении объемов тарифных квот в отношении мяса крупного рогатого скота и мяса домашней птицы в 2023 году» // СЗ РФ. 2022. № 52, ст. 9631.

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 947-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “ПродИмпорт” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пунктов 1 и 3 Постановления Правительства Российской Федерации “О дополнительных мерах по регулированию импорта говядины, свинины и мяса домашней птицы в 2006–2009 годах”» // СПС «КонсультантПлюс».

Ввиду дуалистичного регулятивного характера квот, сочетающего потенциал стимула и ограничения, правотворческим органам, безусловно, необходимо ориентироваться на прочную научную составляющую выбора того или иного варианта воздействия на общественные отношения. Существующие правила предоставления квот во многих сферах основываются на точных расчетах, что видится правильным. Однако этого может быть недостаточно. Для эффективного использования механизма квотирования необходимы познания в области закономерностей развития природы, биологического и животного мира, следует ориентироваться на данные о развитии социальной среды и пр. Например, при введении квот на вылов биологических ресурсов первичный характер приобретают максимально приближенные к достоверным данные о запасах эксплуатируемых ресурсов, сведения о сезонной динамике состава уловов и пр.

Резюмируя наше исследование, выдвинем предположение, что аргументированные в качестве оснований для установления пределов использования квот в области общественных отношений в целях обеспечения эффективного правового воздействия далеко не исчерпывающи. Вместе с тем без установления объективной потребности в квотировании и четкого определения допустимых для них сфер общественных отношений феномен квот вполне может быть ассоциирован с дискриминационным правовым институтом [7]. Безусловно, это не так.

Изложенное позволяет позиционировать квоту не только в качестве разумного и адекватного складывающимся социальным потребностям средства правового регулирования, но и как специальную меру государства. Такая мера заключается в нахождении, последующем нормативном закреплении и реализации сбалансированного общерегулятивного и охранительного правового воздействия. С одной стороны, сдерживая неблагоприятное для общества и государства развитие общественных отношений, а с другой — мотивируя субъектов на социально-активное правомерное поведение за счет побуждения к полезному результату. Для квоты характерен и элемент юридического гарантирования, поскольку в ней потенциально заложены не только получение соответствующих благ, но их реальность (формы целевого использования квот нормативно закрепляются).

Однако, создавая правовые преимущества для отдельных участников правоотношений, государство должно непременно анализировать потребность в квотировании, соизмерять квоту с закономерностями развития общества и устанавливать пределы ее применения.

Библиографический список

1. Репьев А.Г. «Предельность» как принцип законодательного установления правовых преимуществ // Юридическая техника: ежегодник. 2020. № 14: Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации. С. 499–502.
2. Репьев А.Г. «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 34–46.
3. Колончин К.В., Серегин С.Н., Закшевская Е.В. Государственные меры стимулирования модернизации технико-технологической базы рыбной отрасли: итоги и перспективы // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 11(80). С. 47–54.
4. Троицкая Л.В. Правовое регулирование системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9(70). С. 191–202.

5. *Галанина И.А.* Система торговли квотами на выброс как инструмент экономического регулирования природопользования // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021. № 2(61). С. 195–202.

6. *Кичигин Н.В., Хлуденева Н.И.* Правовой механизм реализации Киотского протокола в России. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Юрид. фирма «Контакт», 2009. 112 с.

7. *Репьев А.Г.* Юридические феномены «злоупотребление» и «дискриминация» в контексте существования правовых преимуществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 86–95.

References

1. *Repyev A.G.* “Limitality” as a Principle of Legislative Establishment of Legal Advantages // Legal technique: yearbook. 2020. No. 14: The System of Principles of Russian Legislation: Technique of Consolidation, Interpretation, Implementation. P. 499–502.

2. *Repyev A.G.* “Quota” as a Legal Category: Definitive and Substantive Aspects // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 34–46.

3. *Kolonchin K.V., Seregin S.N., Zakshevskaya E.V.* State Measures to Stimulate the Modernization of the Technical and Technological Base of the Fishing Industry: Results and Prospects // Economics, Labor, Management in Agriculture. 2021. No. 11(80). P. 47–54.

4. *Troitskaya L.V.* Legal Regulation of the System of Trading Quotas for Greenhouse Gas Emissions in Foreign Countries // Actual Problems of Russian Law. 2016. No. 9(70). P. 191–202.

5. *Galanina I.A.* The Emission Quota Trading System as an Instrument of Economic Regulation of Environmental Management // Bulletin of the Pacific State University. 2021. No. 2(61). P. 195–202.

6. *Kichigin N.V., Khludeneva N.I.* The Legal Mechanism for the Implementation of the Kyoto Protocol in Russia. М.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kontakt Law Firm, 2009. 112 p.

7. *Repyev A.G.* The Legal Phenomena of “Abuse” and “Discrimination” in the Context of the Existence of Legal Advantages // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 86–95.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-53-59
УДК 342.723

В.С. Хижняк, Е.А. Отставнова

ТРАНСФОРМАЦИЯ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ (С УЧЕТОМ ОПЫТА ЯПОНИИ)

Введение: в статье проанализированы актуальные вопросы реализации права на образование в России с учетом современных преобразований. Выявлены недостатки Болонской системы и необходимость ее реформирования. Для определения положительных сторон образовательной сферы и заимствования данного опыта рассмотрена модель образования в Японии. **Цель** — выявить проблемы российской модели образования и предложить их решение на основе опыта Японии. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования; совокупность диалектического и системного подходов; метод интерпретации; формально-юридический, социологический подходы. **Результаты:** установлено, что на современном этапе развития Российского государства необходимо решать задачи по подготовке квалифицированных кадров для внутреннего рынка труда, осуществлять тесную интеграцию со странами СНГ и Азии в сфере образования, развивать экспорт образовательных услуг. В статье рассмотрен опыт Японии по решению названных задач. **Выводы:** предложенная модель образования в Японии позволяет в полной мере реализовать конституционное право каждого индивида на образование с учетом национальных интересов государства.

Ключевые слова: Россия, Япония, образование, право на образование, национальные интересы, реформа.

© Хижняк Вероника Сергеевна, 2024
Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: veronika_h@mail.ru

© Отставнова Елена Александровна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elenaotstavnova@yandex.ru

© Khizhnyak Veronika Sergeevna, 2024
Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

© Otstavnova Elena Alexandrovna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

V.S. Khizhnyak, E.A. Otstavnova

TRANSFORMATION OF THE CONDITIONS
FOR THE REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT
TO EDUCATION IN RUSSIA (TAKING INTO ACCOUNT
THE EXPERIENCE OF JAPAN)

Background: the article analyzes topical issues of the realization of the right to education in Russia, taking into account the need for modern transformations. The shortcomings of the Bologna system and the need for its reform are revealed. In order to identify the positive aspects of the educational sphere and to borrow positive experience, the model of education in Japan is considered. **Objective** — to identify the problems of the Russian model of education and propose their solution based on the positive experience of Japan. **Methodology:** general scientific and private research methods; a set of dialectical and systemic approaches; method of interpretation; formal-legal, sociological approach. **Results:** it is established that at the present stage of development of the Russian state it is necessary to solve the tasks of training qualified personnel for the domestic labor market; to implement close integration with the CIS and Asian countries in the field of education; to develop the export of educational services. The article discusses Japan's experience in solving these problems. **Conclusions:** the proposed model of education in Japan makes it possible to fully realize the constitutional right of each individual to education, but taking into account the national interests of the state.

Keywords: Russia, Japan, education, right to education, national interests, reform.

Как отмечал профессор В. Т. Кабышев, «закрепленные в Конституции России 1993 г. ценности, нормы и принципы сегодня определяют приоритеты социально-экономического, политического и духовного развития России в XXI в.» [1, с. 12].

Новый этап исторического развития России связан с геополитическим положением страны, изменившимися условиями выстраивания международных отношений, что влечет необходимость пересмотра многих аспектов ее политико-правовой сферы. Прежде всего это касается защиты национальных интересов Российского государства, заложенных в ее Основном законе — Конституции 1993 г. В настоящее время необходим компромисс между правами и свободами отдельного индивида и интересами общества и государства в целом, в том числе и в образовательной сфере. Так, в ст. 43 Конституции РФ закреплено право на образование каждого человека независимо от гражданства, установлены организационные и правовые основы его реализации. Кроме того, отечественная конституционно-правовая модель образования основывается на Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»¹, постановлениях Правительства РФ², приказах Министерства просвещения РФ, Министерства образования

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 17 февраля 2023 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2023. № 8, ст. 1204.

² См., например: Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. № 434 «Об утверждении Правил разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (в ред. от 22 октября 2021 г.) // СЗ РФ. 2019. № 16, ст. 1942; 2021. № 44, ч. 3, ст. 7420.

и науки РФ¹, устанавливающих образовательные стандарты по различным специальностям, и на других нормативных правовых актах.

Если в недавнем прошлом эта модель была ориентирована на страны Запада, определивших Болонскую систему² в качестве основы модели образования договаривающихся стран, то на современном историческом этапе для России возникла необходимость развития более тесных международных отношений со странами СНГ и Азии, в том числе в сфере образования. Единое образовательное пространство в этом регионе позволит обеспечить более тесное взаимодействие народов в культурной, экономической и других сферах.

В настоящее время Российская Федерация стоит на пороге новой реформы модели образования. Президент РФ, как глава государства, определил основные ее направления в Послании Федеральному Собранию РФ от 21 февраля 2023 г. В частности, в нем отмечается, что в высшей школе «назрели существенные изменения с учетом новых требований к специалистам в экономике, социальных отраслях, во всех сферах нашей жизни. Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий»³.

Вполне разумно предположить, что полный возврат к советской системе образования невозможен, но положительные моменты должны быть проанализированы и привнесены в новую модель. Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что советский школьный учебный план был ориентирован на тех ребят, которые будут заниматься модернизацией своей страны. В настоящее время это является одной из насущных проблем. Обращает на себя внимание и сокращение школьных часов русского языка и истории, формирующих гражданскую идентичность, культуру выпускника. В условиях Болонской системы на первый план выходит «серость», превращение образования из гражданского права в услугу [2, с. 27].

Особое значение для Российской Федерации также имеет международное сотрудничество, прежде всего со странами Содружества Независимых Государств, поскольку государства, входящие в него, связывает длительная история совместного развития. Тесное сотрудничество между ними во всех сферах, включая образовательную, продолжается до сих пор. Сегодня основная цель государств — участников СНГ в образовательной сфере — повышение мобильности обучающихся, возможности самостоятельного выбора вуза и программы обучения на территории стран Содружества⁴.

¹ См., например: Приказ Минпросвещения России от 17 августа 2022 г. № 751 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 35.02.17 Агротелиорация»; Приказ Минпросвещения России от 18 мая 2022 г. № 339 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 21.02.19 Землеустройство»; Приказ Минобрнауки России от 28 июля 2014 г. № 836 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.06 Финансы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2023).

² См.: Декларация о создании общеевропейского пространства высшего образования: принята в г. Болонье 19 июня 1999 г. // Официальный сайт Болонского процесса. URL: <http://www.ehea.info> (дата обращения: 03.03.2023).

³ См.: Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 03.03.2023).

⁴ См.: Модельный образовательный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств (общая часть): принят в г. Санкт-Петербурге 16 ноября 2006 г. Постановлением 27-12 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60, ч. 1.

В связи с этим новая модель российского образования должна решать следующие задачи:

- наполнить внутренний рынок труда квалифицированными кадрами;
- обеспечить интеграцию стран СНГ и Азии в сфере образования;
- развить экспорт образовательных услуг Российской Федерации.

Следует отметить, что данная модель должна основываться на культурных традициях российского народа, его менталитете, выполнять задачи не только обучения, но и воспитания, в том числе нравственного и патриотического. Для того чтобы разработать такую модель, необходимо обратиться к положительному опыту зарубежных государств, продемонстрировавших наиболее приемлемые способы решения указанных задач.

Одним из таких государств является Япония. Она всегда была закрытой страной, готовящей квалифицированных специалистов преимущественно для своего рынка. Тем не менее страна также осуществляет экспорт своего образования, то есть участвует в соответствующих процессах на глобальном и региональном уровнях.

В ст. 26 Конституции Японии закреплено право на образование, которое должно осуществляться индивидами на равной основе в соответствии с их способностями¹. Данный вопрос урегулирован, принятыми еще в 1947 г. законодательными актами: Основным законом об образовании и Законом «О школьном образовании» (в современной редакции). Первый регулирует не только вопросы обучения в начальной и средней школе, но и вузе (гл. 5)².

Государство гарантирует равные возможности в области образования в начальной и средней школе через наличие во всех школах страны равной материальной базы и учителей одинаковой квалификации. Даже частные школы получают дополнительное финансирование от государства в целях предотвращения неравенства. Изучаемые дисциплины и учебники одинаковы по всей стране³. Между тем колледжи и вузы более автономны, чем школы. Они самостоятельно определяют содержание дисциплин и методику их преподавания.

Длительность основного курса образования в вузе — четыре года. Для вечерней формы обучения она может быть больше (ст. 54 и 55 Закона Японии «О школьном образовании»)⁴. Окончив вуз, студент может продолжить обучение на курсах повышения квалификации или специальных курсах, проводимых университетом. Длительность данных курсов должна быть не менее одного года (ст. 57 Закона Японии «О школьном образовании»)⁵. Таким образом, в Японии используется привычная для европейцев система бакалавриата и магистратуры, с тем отличием, что срок обучения в последней может не достигать и двух лет.

По своей форме система образования в этой стране очень напоминает американскую, с которой она и была «скопирована» после Второй мировой войны. Тем не менее само образование имеет очень самобытное содержание, отражающее

¹ См.: Конституция Японии 1946 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

² См.: 学校教育法 (昭和二十二年三月二十九日法律第二十六号). URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317990.htm (дата обращения: 15.10.2023).

³ См.: Макарьянц С. Япония: государственная политика в области образования. URL: http://vasilievaa.narod.ru/15_2_98.htm (дата обращения: 15.10.2023).

⁴ См.: 学校教育法 (昭和二十二年三月二十九日法律第二十六号). URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317990.htm (дата обращения: 15.10.2023).

⁵ См.: Там же.

национальные традиции и культуру. Оно основано на конфуцианских нормах морали (почитание старших, трудолюбие и преданность), соблюдении вековых норм этикета. Особое внимание на всех ступенях образования уделяется преподаванию предметов, связанных с традиционным искусством, что позволяет сохранять художественные традиции народа [3, с. 162].

Важной особенностью японской системы образования можно назвать и особый статус учителя или преподавателя, которые пользуются большим уважением в обществе. До сих пор их положение основано на средневековой догме, которая гласит: «Следуй за учителем на два метра сзади и не наступай на его тень» [4, с. 202].

Вся система образования нацелена на подготовку кадров для своей экономики. Еще в 80-е гг. прошлого века образование было реформировано таким образом, чтобы предоставить обучающимся больше возможностей для раскрытия личности, так как компаниям требовались творческие и инициативные сотрудники. В этом направлении образование Японии, начиная со школьного и заканчивая вузовским, развивается до сих пор, при незначительном государственном финансировании. Что, на наш взгляд, немаловажно.

Экспорт образования в данном государстве довольно развит, но ориентирован преимущественно на Азиатский рынок. Большинство иностранных студентов – граждане таких стран, как Вьетнам, Китай, Непал, Таиланд, Тайвань и Южная Корея. Обусловлено это сильными тенденциями консерватизма и традиционализма, на которых основана концепция образования в Японии [5, с. 149].

Конституционно-правовая политика данного государства в сфере образования направлена на развитие и распространение человеческих ресурсов в рамках своего региона, стимулирование возвращения мигрантов в азиатские страны и привлечение в свою систему образования иностранных граждан. Для этого осуществляется продвижение японского языка и культуры за рубеж, распространение своих университетов в других странах и рекрутинг иностранных студентов, интернационализация образования, развитие международного обмена (стажировок) [5, с. 149].

В Японии основным критерием качества образования являются результаты экзаменов, которые обучающиеся сдают, переходя с одной ступени образования на другую. Специально созданные Японская ассоциация аккредитации университетов и Национальный институт оценки научных степеней и деятельности университетов (NIAD-UE) регулярно проверяют уровень образовательной деятельности вузов, их администрирование, оценивают образовательные программы и факультеты¹.

Таким образом, конституционно-правовое регулирование права на образование в Японии направлено на сохранение традиций и культуры, их популяризацию как на своей территории, так и за рубежом, на развитие и сохранение национального человеческого капитала, создание системы образования, соответствующей условиям глобальной экономики и совершенствование ее содержания, на учет новейших достижений науки и техники и их использование в учебном процессе, доступность образования как для собственных граждан, так и для иностранцев. Последнее позволяет им осуществлять «экспорт» своего образования и занимать все более прочные позиции в образовательном секторе международной экономики.

¹ См.: Мотова Г., Наводнов В. Оценка качества образования: точки зрения. URL: https://akvobr.ru/ocenka_kachestva_obrazovania_tochki_zrenija.html (дата обращения: 01.02.2023).

Немаловажным аспектом в системе образования выступает контроль государства за его содержанием, что не соответствует глобальным тенденциям, но имеет положительный эффект. Жесткий контроль осуществляется в основном в отношении первых трех ступеней: начальная школа, средняя школа, профессиональное образование в колледже. Высшее образование ориентировано на нужды больших корпораций, что обуславливает значительную гибкость образовательных стратегий, способствующих развитию соответствующих профессиональных навыков.

Таким образом, в условиях глобализации Япония создает систему образования, отвечающую уровню развития науки, требованиям глобальной экономики, позволяющим сохранять ее культуру и традиции и готовить квалифицированных специалистов для своего рынка. В ее правовой политике сочетаются требования постоянной модернизации и дуальности образования, что помогает развивать национальный человеческий капитал и активно участвовать в международном сотрудничестве в образовательной сфере.

Ориентация на региональный уровень является адекватной стратегией в современных условиях, так как на этом уровне происходят процессы, позволяющие нивелировать негативные риски глобализации для государств со схожей культурой, традициями и глубокими историческими связями и не выходить из мировых экономических процессов.

Описанная модель конституционно-правовой политики Японии позволяет сохранить собственные традиции, учитывать современные тенденции в области образования и активно вести международное сотрудничество в данной сфере. На наш взгляд, для дальнейшего развития российской конституционно-правовой политики можно было бы позаимствовать опыт Японии и на основании указанных тенденций реализовать конституционное право на образование каждого человека, законно находящегося на территории России, но с учетом национальных интересов государства, а именно обеспечение российского рынка труда востребованными квалифицированными кадрами, способствующими благоприятному экономическому развитию Федерации, беря во внимание национальную идентичность, культуру, готовность к межнациональному диалогу и сотрудничеству государств, имеющих схожие цели развития.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Конституция 1993 года — символ эпохи постсоветской России // 20 лет Конституции Российской Федерации: становление, проблемы и тенденции развития; под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2013. С. 12–29.
2. *Галочкин В.Т.* Реформа образования в РФ // *Хроноэкономика*. 2022. № 3. С. 25–27.
3. *Харса А.Н.* Традиции в современной системе образования Японии // *Вестник СГУПС*. 2013. № 29. С. 158–163.
4. *Прасол А.Ф.* Становление образования в Японии. Владивосток: Дальнаука, 2001. 391 с.
5. *Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Рязанцев Н.С.* Японская модель привлечения иностранной молодежи в систему высшего образования // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 9. 148–173.

Refereces

1. *Kabyshev V.T.* The Constitution of 1993 Is a Symbol of the Era of Post-Soviet Russia // 20 years of the Constitution of the Russian Federation: Formation, Problems and Development Trends; ed. V.T. Kabysheva. Saratov: Publishing house of Saratov State Law Acad., 2013. P. 12–29.

2. *Galochkin V.T.* Education Reform in the Russian Federation // *Chronoeconomics*. 2022. No. 3. P. 25–27.
3. *Harsa A.N.* Traditions in the Modern Education System of Japan // *Bulletin of the SSUPSa*. 2013. No. 29. P. 158–163.
4. *Prasol A.F.* Formation of Education in Japan. Vladivostok: Dalnauka, 2001. 391 p.
5. *Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Ryazantsev N.S.* The Japanese Model of Attracting Foreign Youth to the Higher Education System // *Education and Science*. 2020. Vol. 22, no. 9. 148–173.

Ю.В. Ермолаева

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Введение: в современном обществе отмечается отсутствие стремления следовать нравственным нормам, формулируется поиск новых духовно-нравственных идеалов для молодого поколения. **Цель** — определить духовно-нравственные ориентиры современного общества, сформулировать принципы и направления реализации положений Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, формальной логики, системно-структурный) и частнонаучные методы (исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой). **Результаты:** проведен анализ нормативной базы в сфере духовно-нравственных ценностей, обосновано авторское определение духовно-нравственных ориентиров общества, сформулированы конкретные направления, принципы реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сделаны предложения по внесению изменений в действующее законодательство, обоснована необходимость обновленного толкования перечня прав и свобод человека и гражданина, перечислены требования к наставнику в сфере духовно-нравственного развития. **Выводы:** ведущая роль при реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей отводится их общепринятому толкованию, семье, образованию, изучению культурного достояния, облику и авторитету наставников, СМИ, введению «моды» на высокую правовую, нравственную культуру правящей элиты.

Ключевые слова: конституционно-правовые ценности, духовно-нравственные ориентиры, цифровая молодежь, воспитание, толкование, культура, традиции.

Yu. V. Ermolaeva

SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES OF THE RUSSIAN SOCIETY: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ISSUES

Background: in modern society there is a lack of desire to follow moral norms, the search for new spiritual and moral ideals for the younger generation is formulated. **Objective** — to determine the spiritual and moral guidelines of modern society, to formulate the principles and directions for implementing the provisions of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. **Methodology:** general scientific (dialectical, formal logic, system-structural) and private scientific methods (historical, formal-legal, comparative legal).

© Ермолаева Юлия Васильевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yulya.ermolaeva.12@mail.ru

© Ermolaeva Yulia Vasilyevna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

Results: the regulatory framework in the sphere of spiritual and moral values is analyzed, the author's definition of spiritual and moral guidelines of society is substantiated, specific directions, principles of implementation of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values are formulated, proposals for amendments to the current legislation are made, the need for an updated interpretation of the list of rights and freedoms of man and citizen, listed the requirements for a mentor in the sphere of spiritual and moral values are specified. **Conclusions:** the leading role in the implementation of state policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values is given to their generally accepted interpretation, family, education, the study of cultural heritage, the image and authority of mentors, the media, and the introduction of a "fashion" for a high legal and moral culture of the ruling elite

Keywords: constitutional and legal values, intellectual and ethical guidelines, digital youth, education, interpretation, culture, traditions.

Духовная культура является частью общей культуры человечества, она удовлетворяет и определяет духовные потребности людей (искусство, этика, философия, религия, эстетика, образование и пр.). В настоящее время в условиях глобализации, изменяющегося уровня жизни, существующей информационной перегрузки, политической нестабильности обозначен поиск новых смыслов, ориентиров в формировании духовно-нравственных основ современного российского общества.

В Послании Федеральному Собранию РФ от 21 февраля 2023 г. Президент России В.В. Путин упомянул о «духовной катастрофе». В научной литературе все чаще отмечается отсутствие стремления следовать нравственным нормам, представления об их содержании, «общество разучилось оценивать и себя и поведение других своих членов на основе моральных идеалов. Происходит деградация ценностей: на первое место выходит карьера, богатство, потребительство, эгоизм, пропаганда вседозволенности, абсолютизация свободы личности и др. <...> народ страдает под гнетом собственной безнравственности» [1, с. 10–11].

Согласно теории поколений, выдвинутой в 90-х гг. прошлого столетия, современная молодежь относится к поколениям Z и A (родившиеся с 1997 г. по наше время). Это представители «цифровой молодежи», которые активно используют современные гаджеты, внедряют технологии во все сферы своей жизни, виртуальное общение ставят наравне или в приоритет живому, точку зрения формируют на основе данных, полученных из интернета, на первом месте — стремление создать личный бренд и получить выгоды материального характера, на этом фоне складывается отрицательное отношение к учебе, семье и обществу, процветает правовой нигилизм.

Несмотря на это ценности общества всегда были и продолжают существовать, они не только служат ориентиром в сфере духовных, семейно-бытовых, межличностных и политических отношений, но и «позволяют защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала»¹. Выдающийся государствовед, философ права Н.Н. Алексеев отме-

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

чал, что можно изобрести совершеннейшие социальные учреждения, однако если исполнителями будут люди, не знающие, что такое честность, самая совершенная политическая форма превратится в общественную клоаку [2, с. 300].

Е.В. Куракина отмечает, что для нашей страны в историческом контексте характерен приоритет групповых (классовых) ценностей над общечеловеческими. Кроме того, довольно высокая ориентация на духовность вызывает для нас сложность в сопоставлении таких ценностей, как рынок и нравственность, в связи с чем появляется проблема в восприятии массовым сознанием становления новой культуры. Возникает ситуация: молодежь не вполне принимает ценности коллективизма: уважение традиций, умеренность, равенство, а более старшие люди — ценности индивидуализма: разнообразие жизни, интересная жизнь, наслаждение жизнью, удовольствие. Наряду с этим весьма необычно то, что для части молодежи творчество (изобретательность, уникальность) не представляет собой ценности, хотя эта ценность относится к значимым ценностям индивидуалистической культуры. То есть в конце XX столетия фундаментальные ценности русской культуры и базовые основания национального русского характера претерпели радикальные изменения [3].

От духовности общества зависит его прогресс, поэтому духовно-нравственные ценности и их влияние на формирование современной личности рассматриваются не только в рамках философской науки, общей педагогики, истории образования, но и в конституционно-правовом аспекте [4–7]. Каковы же духовно-нравственные ориентиры современного общества и что под ними стоит понимать? Понятие традиционных ценностей нашло свое законодательное закрепление в упомянутом ранее Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, однако значение духовно-нравственных ценностей и ориентиров раскрыто не было.

Понятие духовности можно рассматривать с разных точек зрения: светской и религиозной. При этом обе позиции предполагают, что источником духовности является совесть как чувство справедливости и внутренней гармонии. Духовность человека проявляется в его потребности и способности познавать мир, самих себя и свое место в мире. Нравственность представляет собой внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек. Она рассматривается в единстве с ценностями человека, его знаниями, пониманием моральных категорий¹, это некая субъективная индивидуальная сторона, характеризующаяся гуманным отношением к другому.

Использование в научной мысли понятия «ценность» восходит к И. Канту и понимается как целесообразность предельного порядка, моральные цели, требования должного, а также взаимосвязь ценностей с высшими целями человека [8, с. 153]. Ценности — это то, что наиболее дорого для человека применительно к явлениям действительности, к другим людям и самому себе. В разных культурах, у разных народов или социальных групп это отношение может быть разным. Общепринятые ценности в обществе определяют вектор формулирования личностных ценностей.

Под духовно-нравственными ориентирами современной России следует понимать фундаментальные, исторически сложившиеся, основанные на самобытных культурах многонационального народа Российской Федерации единые

¹См.: Албасова К.О. Духовно-нравственное воспитание молодежи в современном обществе. URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016020841> (дата обращения: 11.03.2023).

духовно-нравственные и культурные ценности, являющиеся значимыми как для государства, так и для отдельного человека. Такие ориентиры не только пронизывают бытие человека, но и приобретают общегосударственное значение: современное общество, функционирование государства основываются на таких общечеловеческих ценностях, как приоритет прав и свобод человека, гуманизм, равноправие и др., которые нашли свое воплощение в конституционных нормах. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отмечал: «Национальная правовая система не может функционировать и, соответственно, правовое развитие общества невозможно в отрыве от его исторической, моральной и ценностной основы»¹.

В литературе отмечается, что не являются отечественными духовно-нравственными ориентирами права и интересы конкретного индивида [9, с. 17]. Однако стоит отметить, что когда происходит пересечение интересов конкретного индивида с духовно-нравственными ориентирами общества — это считается целью государства, наивысшим проявлением правовой культуры гражданина. Если человек воспитан правильно, то даже в условиях вседозволенности он будет проявлять высокий уровень правосознания. И тогда Российское государство будет соответствовать тому образу, о котором писал И. А. Ильин: «Государство есть организованное единение духовно-солидарных людей, понимающих мыслью свою духовную солидарность, приемлющих ее патриотической любовью и подерживающих ее самоотверженною волею» [10, с. 331]. Поэтому соединение этих ориентиров со стороны человека в лице гражданина и государства — это некий правовой идеал, к которому стремится демократическое государство.

В связи с этим реализация Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей становится возможной при осуществлении следующих действий.

Во-первых, общепринятое толкование каждой ценности. Нравственные ориентиры нуждаются в правовой интерпретации, в раскрытии их смысла для населения, в постоянной демонстрации проявления этих ценностей теми, кто заслужил авторитет для детей, молодежи — для людей любого возраста. Единое понимание их смысла (способов донесения) будет формироваться посредством деятельности СМИ, культурных и творческих коллективов, образовательных учреждений и благодаря общественному контролю в области традиционных семейных ценностей.

Во-вторых, совершенствование нормативной базы. Например, рассмотреть принятие федеральных законов «О правах человека в Российской Федерации», «Об охране детства в Российской Федерации», внести соответствующие изменения в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», Технический регламент Таможенного союза «О безопасности игрушек» и т. д.

¹ Зорькин В. Д. Право и государство на перекрестке времен. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=89> (дата обращения: 07.10.2021).

Традиционные российские духовно-нравственные ценности перечислены в ст. 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указанный перечень ценностей нельзя считать исчерпывающим. Базовыми духовно-нравственными ценностями, сформировавшимися на протяжении столетий отечественной истории, являются также уважение, почитание старших, внимание и любовь к детям, долг, честь, совесть, ответственность, верность, дружба, такт, вежливость, правда. В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года помимо прочего названы человеколюбие, воля, вера в добро, стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и Отечеством.

Кроме того, актуальность приобретает новое звучание конституционных прав и свобод граждан, так как особое значение получают нормы о пределах, ограничениях прав, о необходимости соблюдать права других людей, о появлении новых прав людей, о необходимости внимания к правовому статусу отдельных граждан: детей, беременных женщин, одиноких женщин (жен участников СВО). Человек имеет право на свободу слова, но это не дает ему права не пользоваться русским языком, используя сленговую речь, не дает права не знать традиций своей страны, игнорировать духовно-нравственную сторону жизни общества.

В.В. Дорошков высказывает мнение о том, что перечень духовно-нравственных ценностей подлежит упорядочению в определенную систему с соответствующей классификацией [9, с. 19]. Кроме того, в истории права имеются примеры попыток унифицировать нормы морали — это и религиозные источники, Декларации прав человека и гражданина, а также Моральный кодекс строителя коммунизма, Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека (Декларация Любви от 23 ноября 2010 г.)¹. Представляется, что внимание к исследованию духовно-нравственных ценностей заслуживает одобрения, особенно, если это будет происходить в рамках всех отраслей права. Вопрос о том, нужен ли закон о нравственности, по-прежнему остается открытым, так как появляется опасность смещения баланса в соотношении права и морали.

Что касается отдельных правовых актов, то, например, есть проект закона о патриотическом воспитании, разработанный на основе модельного закона «О патриотическом воспитании», но в 2018 г. процесс его принятия был остановлен на этапе дачи заключения Комитетом по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления.

В-третьих, реализация положений, направленных на формирование духовной культуры населения, должна происходить поэтапно, плавно. В качестве положительного примера можно привести практику Министерства внутренней политики и общественных отношений Саратовской области в помощи организации экскурсий для обучающихся по имеющимся на территории области религиозным сооружениям, организациям разных конфессий. Такие мероприятия проводились по желанию обучающихся. Однако молодежь почувствовала навязывание и негативно отреагировала на попытки заставить поверить в то, во что авторитет, автор мнения сам до конца не верит. Любому поколению важно видеть соответствие слов и действий — а это тоже одна из нравственных ценностей человечества.

¹ См.: *Ивентьев С.И.* Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека (Декларация Любви от 23 ноября 2010 г.). URL: http://samlib.ru/i/iwentxew_s_i/deklarazia.shtml (дата обращения: 11.03.2023).

В-четвертых, нельзя не отметить современность при интерпретации общечеловеческих ценностей. Формирование духовно-нравственных ориентиров применительно к цифровой культуре (форматы ее использования и применения, интерпретации в период развития цифрового телевидения, социальных сетей, виртуальной реальности и сети Интернет) являются необходимыми условиями для формирования качественно новой модели самостоятельно мыслящей, творческой, нравственной и в то же время ответственной личности. В данном случае будет уместна пропаганда «моды» на человеческие ценности посредством создания отечественных аналогов продуктов, поддержки малого предпринимательства, финансирования проектов, поддержка инициатив, новых видов творчества со стороны органов публичной власти, тех организаций, которые участвуют и могут повлиять на их реализацию. Это формирование здоровых ценностей так же, как это происходит с такими глобальными трендами, как правильное здоровое питание, культура потребления, бережение природы — всех тех ценностных основ, которые уже заложены в тексте нашей Конституции.

В-пятых, основополагающее значение воспитания в семье и в рамках образования. В раннем детстве каждого человека происходит формирование моральных качеств, ценностей, закладываемых в семье, родителями и близкими родственниками, еще до взаимодействия с другими людьми и обществом. Нравственные качества формируются общественным строем, всеми присущими ему институтами, включая институт семьи, который особо ценится на Востоке¹. Семья, брак, материнство, воспитание ребенка в семье, равноправие супругов, забота о родителях — вот основные традиционные семейные ценности, которые законодательно закреплены и на которые ориентируется практика. В Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года отмечаются такие ценности, как большая многопоколенная семья с присущей ей сплоченностью, преемственностью, многодетностью, уважением младшего поколения старшего и др. Однако не названы приобщение к труду, стремление познать ребенка, учиться у него, учить общечеловеческим ценностям на своем примере. Важно на уровне публичных органов власти рассмотреть образование школ родительства, правового и психологического просвещения беременных женщин (молодых семей) на предмет возможных прав, социальных гарантий, психологических особенностей взросления детей.

Во исполнение норм Конституции РФ о детях, как важнейшем приоритете государственной политики России, о необходимости создания условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, не менее важен уровень предоставляемого образования. Президент РФ В.В. Путин отмечал: «...Главная цель школы — воспитание. Нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества экономическую, государственную, творческую...»². Для имплементации тем духовно-нравственных ценностей в школьные дисциплины в настоящий момент создана экспертная группа, в состав которой вошли представители религиоз-

¹ См.: Жуков Д.В. Особенности защиты культурных прав в условиях развития цифровых технологий // Журнал российского права. 2020. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaschity-kulturnyh-prav-v-usloviyah-razvitiya-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 11.03.2023).

² Путин В.В. О нравственности, образовании и воспитании. URL: https://pravera.ru/index/putin_v_v_o_nravstvennosti_obrazovanii_vospitanii/0-4123 (дата обращения: 29.03.2023).

ного образования, ученые, преподаватели и другие эксперты. При реализации планируемых изменений учителями и наставниками должны стать высокообразованные люди, имеющие не только заслуги перед обществом и государством, но и широкий кругозор, стойкую жизненную позицию, соответствующий образ жизни, одним словом — иметь право преподносить культурные ценности в общерелигиозном контексте, учить трактовать источники духовно-нравственного воспитания. Известно, что эффективнее всего происходит обучение на примерах. Если учитель говорит одно, а делает другое, то возникает диссонанс, что подталкивает личность самостоятельно искать вопросы, в том числе используя деструктивные способы решения проблем.

Выдающиеся педагоги Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский главной задачей воспитания считали именно духовное развитие человека. Культура — это средство формирования духовности и ценностей, а духовность — цель развития индивидуальной культуры человека, которую призван сформировать учитель. Поэтому задача семьи, образовательных учреждений состоит не в достижении желаемых результатов, а в актуализации механизмов самопознания, в создании необходимых условий для самовоспитания.

Основу духовности российского народа составляла идея общего мира для людей разных национальностей и конфессий. Поэтому поддержание самобытности, национальной идентификации и одновременно сплоченности, традиционности народов страны, многообразие культур народов России — это то, что является основным духовно-нравственным ориентиром современного российского общества.

Таким образом, поднятая проблема столь многогранна, что ее можно изучать в разных контекстах, просматривая законодательство и формируя базовые ценности для дальнейшей правовой регламентации. Можно исследовать реализацию каждого затронутого аспекта на практике как на уровне Российской Федерации, так и уровне ее субъектов. Стабильность и жизнеспособность государства определяется прежде всего нравственным и духовным уровнями его населения. В настоящее время остро возникла необходимость реконструкции духовных смыслов, ориентиров культурного развития общества, причем как на уровне работы с носителями правовой культуры, так и посредством создания общественных институтов для более широкого воздействия на повышение уровня правовой культуры населения.

Библиографический список

1. *Трунцевский Ю.В.* К вопросу о необходимости закона о нравственности как национальной идее // *Культура: управление, экономика, право.* 2007. № 2. С. 10–11.
2. *Алексеев Н.Н.* *Русский народ и государство.* М.: Аграф, 1998. 635 с.
3. *Куракина Е.В.* Проблема ценностных ориентаций в становлении и развитии современной правовой культуры // *Гуманистические ориентиры профессионального и нравственно-правового воспитания будущих юристов: сб. ст. по матер. Всерос. круглого стола в рамках конф. / сост. В.Г. Бондарев (г. Санкт-Петербург, 22 ноября 2018 г.).* СПб.: Петрополис, 2019. С. 80–84.
4. *Магадов Ш.Р.* *Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2012. 26 с.
5. *Коровина Ю.В.* *Конституционные основы охраны нравственного здоровья населения Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2009. 184 с.

6. Джагарян А.А. Нравственная утопия современного конституционализма: государство и традиционные ценности в условиях глобализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4(101). С. 57–74.
7. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности. СПб.: Азбука, 1785. 320 с.
9. Дорошков В.В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 14–25.
10. Ильин И.А. Родина и мы: статьи. Смоленск: Посох, 1995. 511 с.

References

1. Truntsevsky Yu.V. Toward the Need for a Moral Law as a National Idea // Culture: Management, Economics, Law. 2007. No. 2. P. 10–11.
2. Alekseev N.N. The Russian People and the State. Moscow: Agraf, 1998. 635 p.
3. Kurakina E.V. The Problem of Value Orientations in the Formation and Development of Modern Legal Culture Humanistic Guidelines for Professional and Moral and Legal Education of Future Lawyers: a collection of articles based on the materials of the All-Russian round table within the framework of the conference / comp. V.G. Bondarev (St. Petersburg, November 22, 2018). SPb.: Petropolis, 2019. P. 80–84.
4. Magadov Sh.R. Morality as a Constitutional Value in the Russian Federation: extended abstract of diss. ... cand. of law. M., 2012. 26 p.
5. Korovina Yu.V. Constitutional Foundations of the Protection of Moral Health of the Population of the Russian Federation: diss. ... cand. of law. M., 2009. 184 p.
6. Dzhagaryan A.A. The Moral Utopia of Modern Constitutionalism: State and Traditional Values in the Context of Globalization // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 4(101). P. 57–74.
7. Tsybulevskaya O.I. Moral Foundations of Modern Russian Law: extended abstract diss. ... Dr. of Law. Saratov, 2004.
8. Kant I. Fundamentals of the Metaphysics of Morality. SPb.: Azbuka, 1785. 320 p.
9. Doroshkov V.V. Modern Criminal Process Through the Prism of Spiritual and Moral Foundations of Russian Society // Journal of Russian Law. 2021. No. 12. P. 14–25.
10. Ilyin I.A. The Motherland and Us: articles. Smolensk: Posokh, 1995. 511 p.

Е.В. Корнукова, У.А. Старшова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Введение: в данной статье проанализированы основные идеи трансформации публичной власти в свете последних конституционных поправок. Впервые с 1993 г. в российскую Конституцию было внесено понятие «публичная власть». В старой редакции Основного Закона использовались категории «власть народа», «власть в Российской Федерации», «государственная власть в Российской Федерации». **Цель** — определить, что понимается под единством публичной власти. **Методологическая основа:** диалектический и формально-юридический методы, анализ и синтез, сравнительно-правовой и исторический методы. **Результаты:** публичная власть в свете конституционной реформы требует нового подхода к пониманию ее функций. Авторами рассмотрены некоторые проблемы функционирования и взаимовлияния ее органов, изучены различные подходы к определению понятия «публичная власть». Делается акцент на роли Президента Российской Федерации в архитектуре публичной власти. Авторы отмечают, что одной из главенствующих проблем является взаимодействие и соотнесение компетенций органов федеральной власти и власти на местах. **Выводы:** произошедшие в нашей стране конституционные преобразования предполагают понимать публичную власть как некую цельность, включающую органы государственной федеральной власти, органы власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, что непосредственно закреплено в новой редакции Конституции РФ. Отмечается, что сегодня органы государственной власти и органы местного самоуправления являются элементами единой системы публичной власти нашего государства. Однако основной принцип функционирования власти на местах — самостоятельность в урегулировании населением вопросов местного значения остается неизменным.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, публичная власть, Президент Российской Федерации, трансформация, конституционная реформа.

© Корнукова Елена Владимировна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kornukovaev@mail.ru

© Старшова Ульяна Александровна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Starshova@yahoo.com

© Kornukova Elena Vladimirovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

© Starshova Ulyana Alexandrovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

E.V. Kornukova, U.A. Starshova

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL REFORM IN 2020

Background: this article analyzes the main ideas of transformation of public power in the light of recent constitutional amendments. For the first time since 1993, the concept of “public authority” was introduced into the Russian Constitution. The old version of the Basic Law used the categories “power of the people”, “power in the Russian Federation”, “state power in the Russian Federation”. **Objective** — to determine what is understood by the unity of public authority. **Methodology:** dialectical and formal legal methods, analysis and synthesis, comparative legal method and historical methods. **Results:** public authority, in light of constitutional reform, requires a new approach to understanding its functions. The authors analyzed some problems of functioning and mutual influence of its bodies, studied various approaches to the definition of the concept of “public power.” Particular attention is paid to the role of the President of the Russian Federation in the architecture of public power. The authors note that one of the global problems is the interaction and correlation of the competencies of federal and local authorities. **Conclusions:** the recent constitutional transformations in our country suggest that public authority should be understood as a certain wholeness, including state federal authorities, authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies, which is directly enshrined in the new version of the Constitution of the Russian Federation. It is noted that today state authorities and local self-government bodies are elements of a unified system of public power of our state. However, the basic principle of local government functioning - independence in the settlement of local issues by the population remains unchanged.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, public power, President of the Russian Federation, transformation, constitutional reform.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ существенно изменил подход к функционированию органов власти в Российском государстве.

Во-первых, первоначально в тексте Конституции закреплялись понятия «власть народа», «государственная власть», «власть в Российской Федерации» (ст. 3, 10, 11 Конституции РФ). Категория «публичная власть» появилась лишь после всенародного одобрения поправок в текст Основного Закона. Данная категория также не использовалась в тексте иных нормативных актов, например в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Однако позиция Конституционного Суда РФ заключалась в том, что «принцип единой системы публичной власти, хотя и не нашел буквального закрепления в главе 1 Конституции Российской Федерации, вместе с тем имплицитно следует из конституционных положений, понимается как функциональное единство,

¹См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления для наиболее эффективного решения общих задач...»¹.

Еще в 2015 г. Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что «исходя из конституционных основ единства публичной власти в Российской Федерации, объективной необходимости взаимодействия с органами местного самоуправления органов государственной власти субъекта Российской Федерации, призванных создавать условия для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах всей территории данного субъекта Российской Федерации, федеральный законодатель вправе предусмотреть конкретные основания участия субъектов Российской Федерации в законодательном регулировании порядка формирования органов местного самоуправления, обеспечивая при этом необходимые гарантии, исключающие произвольное ограничение самостоятельности населения в осуществлении местного самоуправления»².

Исходя из изложенного, отметим, что данная правовая позиция существует достаточно долго, поскольку в указанном постановлении уже видна идея конституционного единства публичной власти. Однако в науке теории государства и права, политологии и конституционного права категории «власть» и «публичная власть» рассматривались довольно подробно. Так, выдающийся ученый-конституционалист, профессор В.Т. Кабышев отмечал, что «власть — это сложный общественный и психологический феномен. Как социальное явление она есть регулятор общественных отношений, она подчиняется объективным законам» [1, с. 258]. В. Чиркин писал, что «концепция публичной власти стала разрабатываться в российском государствоведении недавно (но термин «публичная власть» в различных значениях используется в российской и зарубежной науке давно)» [2, с. 25].

Толкование данной категории неоднозначно. В науке под публичной властью понимают, например, власть, присущую народу (общественную); государственную власть, муниципальную власть и др.

Некоторые ученые указывают, что «государство есть публичная власть, отделенная от населения, имеющая аппарат управления, материальные придатки государства (армия, милиция, полиция, тюрьмы и пр.)» [3, с. 50, 57]. А профессор В.Т. Кабышев называл «органы публичной власти одним из каналов осуществления власти народа» [1, с. 81].

Сегодня необходимо говорить о единстве публичной власти, в которую следует включать, на наш взгляд, органы государственной федеральной власти, органы

¹ См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2. 2020. С. 4–27.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области “Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 50, ст. 7226.

власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления, согласно новым положениям Основного Закона страны.

О единстве сущности публичной власти упоминал выдающийся конституционалист С. А. Авакьян, однако он справедливо отмечал, что «федеративная организация государства, специфика регионализма, местного самоуправления предполагают особенности построения структуры публичной власти...» [4, с. 8].

После одобрения поправок к Конституции РФ, которые закрепили термин «публичная власть», само содержание данного понятия остается нераскрытым. Видимо, созрела необходимость сделать это законодательно.

Важным является определить компетенцию публичной власти. Следуя за профессором Ю. В. Тихомировым, выделим «такие устойчивые постулаты компетенций публичных органов, как ориентация деятельности на обеспечение публичных интересов, конституционность и законность, правильное освоение компетенций их субъектами и участниками...» [5, с. 8].

Нельзя не согласиться с В. Т. Кабышевым, Т. В. Заметиной и Е. В. Комбаровым, что публичная власть для более эффективной деятельности в условиях информационного общества должна быть открытой и транспарентной. При этом транспарентность авторы понимают как принцип и правовой режим деятельности органов публичной власти Российской Федерации и ее субъектов [6, с. 57, 59].

Значение новой редакции Конституции РФ в плане организации публичной власти трудно переоценить. Необходимо иметь в виду, что реализация данных поправок должна найти свое отражение в законодательстве.

Во-вторых, на основании внесенных поправок, можно сделать вывод об особой роли Президента РФ. Более того, на наш взгляд, Россия стала президентской республикой. Данное утверждение можно подкрепить и цитатой самого Президента РФ об основном духе конституционных реконструкций. Это «укрепление и совершенствование баланса, равновесия между всеми ветвями власти при сохранении России как сильной президентской республики»¹. Данный вывод доказывают ст. 83 (п. «б») и 110 (ч. 1), согласно которым по общему руководству Правительство РФ наделяет Президента страны полномочиями. Данная норма позволяет сделать вывод о том, что допускается руководство Президентом РФ всей структурой исполнительной власти. Данная норма прямо закреплена в ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»². На основании сказанного можно сделать вывод об усилении роли Президента РФ в области руководства исполнительной властью в России.

В-третьих, одним из сложных вопросов является соотношение полномочий и компетенций государственной власти и власти местной. Президент РФ в 2020 г. заявил, что назрела потребность в закреплении на государственном (конституционном) уровне основ унифицированной конструкции публичной власти, одной из этих основ является продуктивное взаимодействие органов государственных и органов местных. Изменения, внесенные в ст. 132 Конституции РФ 1993 г., четко предусматривают, что органы государственной власти и органы местного самоуправления сегодня представляют собой элементы единой системы публич-

¹ См.: Стенограмма выступления Президента Российской Федерации на встрече с сенаторами Российской Федерации. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogrammayvstuplenija-putina-navstreche-s-senatorami-rossiiskoi-federacii-23-09-2020.html>

² См.: Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45, ст. 7061.

ной власти России. Однако основной принцип функционирования власти на местах — самостоятельность в «решениях населением вопросов местного значения остается неизменным» (ч. 1 ст. 130 Конституции РФ).

Поправки 2020 г. были направлены в первую очередь на формирование эффективной системы решения задач населения на определенной территории, которая строится на взаимодействии государственной власти с местной.

Естественно, поправки в Конституцию дали толчок к принятию новых и изменению существующих правовых норм в данной области. Требуют переосмысления и законодательного закрепления вопросы организации и деятельности единой системы публичной власти, разграничение их компетенций, механизм функционирования всех органов власти с учетом конституционных положений. Во исполнение данных задач в 2020 г. был принят Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации»¹. Данный акт раскрывает и детально закрепляет конституционные изменения в сфере единой системы государственной власти. Вместе с тем закон, на наш взгляд, содержит только общие направления развития функционирования процесса разграничения полномочий между федеральными органами, органами власти субъектов и органами местного самоуправления. Думается, что необходим нормативный акт, более подробно регламентирующий механизм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти. Только приобретя форму закона, данные задачи и проблемы будут решаться более эффективно.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М: Формула права, 2013. 320 с.
2. *Чиркин В.Е.* Российская Конституция и публичная власть народа // Государство и право 2008. № 12. С. 24–34.
3. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 504 с.
4. *Авакьян С.А.* Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 4(33). 2018. С. 7–13.
5. *Тихомиров Ю.В.* Динамика компетенций публичных органов в нормальных и критических ситуациях // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 3. С. 5–16.
6. *Кабышев В.Т., Заметина Т.В., Комбарова Е.В.* Транспарентность органов публичной власти Республики Крым в условиях информационного общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 57–74.

References

1. *Kabyshchev V.T.* With the Constitution for Life: selected scientific papers. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
2. *Chirkin V.E.* The Russian Constitution and the Public Power of the People // State and Law 2008. No. 12. P. 24–34.
3. *Komarov S.A.* The General Theory of State and Law: textbook for undergraduate and graduate studies. 9th ed., revised and suppl. M.: Yurait, 2019. 504 p.

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50, ч. 3, ст. 8039.

4. *Avakyan S.A.* The Structure of Public Power in Russia: Problems of Formation and Development // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4(33). 2018. P. 7–13.

5. *Tikhomirov Yu.V.* Dynamics of Competencies of Public Authorities in Normal and Critical Situations // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25, no. 3. P. 5–16.

6. *Kabyshev V.T., Zametina T.V., Kombarova E.V.* “Transparency of Public Authorities of the Republic of Crimea in the Conditions of Information Society” // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2020. No. 37. P. 57–74.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-74-81

УДК 342

С.А. Агамагомедова

ТАМОЖЕННЫЙ АУДИТ: ВАРИАНТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБОСНОВАНИЯ

Введение: современные угрозы и вызовы предъявляют особые требования к таможенному контролю и его инструментарию, которые активно развиваются и нуждаются в научном обосновании. **Цель** — выделить существующие подходы к исследованию аудита в таможенных отношениях и на их основе определить собственную авторскую позицию применительно к таможенному аудиту, его месту в современной системе таможенного контроля. **Методологическая основа:** системный и сравнительно-правовой анализ использования понятия «таможенный аудит» в законодательстве, в стратегических и иных документах таможенных органов, в научных исследованиях позволили обосновать собственное видение таможенного аудита в современный период. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно таможенного аудита как негосударственного контроля, результаты которого призваны повысить эффективность таможенного контроля. Использование аудиторских заключений может быть рассмотрено в качестве меры, обеспечивающей проведение таможенного контроля. **Выводы:** таможенный аудит в структуре инструментов таможенного контроля выделяется такими свойствами, как потенциальная возможность стимулирования активности и инициативности подконтрольного лица, снижение конфликтного потенциала контрольного взаимодействия, повышение взаимного доверия между административным органом и невластным субъектом.

Ключевые слова: аудит, мониторинг, таможенный контроль, финансовый контроль, форма контроля, самоконтроль, проверка.

S.A. Agamagomedova

CUSTOMS AUDIT: OPTIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL JUSTIFICATION

Background: modern threats and challenges make special demands on customs control and its tools, which are actively developing and need to be scientifically substantiated. **Objective** — to identify the existing approaches to the study of audit in customs relations and on their basis to determine the author's own position in relation to the customs audit, its place in the modern system of customs control. **Methodology:** system and comparative

© Агамагомедова Саният Абдулганиевна, 2024

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса (Институт государства и права Российской академии наук); e-mail: saniyat_aga@mail.ru

© Agamagomedova Saniyat Abdulganievna, 2024

Candidate of Law, Senior Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Procedure (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

legal analysis of the use of the concept of “customs audit” in the legislation, in strategic and other documents of customs authorities, in scientific research allowed to justify our own vision of customs audit in the modern period. Results: the author’s position regarding customs audit as a non-state control, the results of which are designed to improve the effectiveness of customs control. The use of audit conclusions can be considered as a measure to ensure the implementation of customs control. Conclusions: customs audit in the structure of customs control tools is distinguished by such properties as the potential opportunity to stimulate the activity and initiative of the controlled person, reducing the conflict potential of control interaction, increasing mutual trust between the administrative body and the non-authorized subject.

Keywords: *audit, monitoring, customs control, financial control, form of control, self-control, verification.*

Активное реформирование системы государственного контроля и надзора в различных сферах социальной жизни, поиск новых инструментов контрольного воздействия, цифровизация механизмов контроля и надзора, усиление профилактической составляющей в направленности контроля и надзора — все эти процессы обуславливают необходимость исследования средств и методов современной системы государственного контроля и надзора в целом, а также их отдельных разновидностей. Не является исключением инструментарий таможенного контроля, который в условиях цифровизации и интеграции экономики, усиления санкционного давления стремительно развивается и совершенствуется. Отражением его развития можно назвать, например, эксперимент по проведению таможенного мониторинга, который проходит с 3 апреля 2023 г. по 1 ноября 2024 г. Таможенный мониторинг относится нами к мерам, обеспечивающим проведение таможенного контроля [1]. Наряду с институтом таможенного мониторинга в исследованиях таможенного контроля в последние годы активно используется понятие «таможенный аудит». Институт таможенного аудита занимает особое и несколько обособленное место в структуре современных исследований в области административно-правового регулирования таможенного контроля, его инструментария. Неоднозначность понимания таможенного аудита, или аудита, используемого в таможенных отношениях, в международных договорах, в отечественном законодательстве, в стратегических и программных документах органов исполнительной власти, а также в научных исследованиях правовых аспектов таможенного аудита, требует внимания со стороны юридического сообщества и прежде всего теоретико-правового обоснования. С учетом того, что таможенный контроль традиционно рассматривается в качестве публично-правового института, административно-правовое (административно-процедурное) обоснование таможенного аудита представляется нам наиболее целесообразным.

При характеристике таможенного аудита, на наш взгляд, следует начать с международных стандартов в области таможенного регулирования, положения которых инкорпорированы в национальные законодательства большинства стран мира. Основным среди них выступает Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция). Можно выделить как минимум три особенности понимания аудита в контексте положений и принципов названной конвенции.

Во-первых, представляется, что на основании определения, данного в Киотской конвенции, к аудиту (таможенному аудиту) можно отнести таможенный

контроль после выпуска товаров. Согласно положениям Киотской конвенции, «контроль на основе методов аудита» означает меры, позволяющие таможенной службе убедиться в правильности заполнения деклараций и достоверности указанных в них сведений путем проверки имеющихся у заинтересованных лиц соответствующих книг учета, счетов, документооборота и коммерческой информации (п. ЕЗ/Г4 главы 2 Генерального приложения¹).

Во-вторых, аудит отождествляется с методами контроля. В соответствии с положениями Киотской конвенции система таможенного контроля включает в себя контроль, основанный на методах аудита.

В-третьих, международные стандарты правового регулирования таможенного контроля упоминают аудит систем участников внешней торговли. На это справедливо обращают внимание ведущие специалисты в области финансового контроля [2, с. 632].

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза и Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не содержат понятия аудита, таможенного аудита.

В то же время Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года трижды использует термин «таможенный аудит», но отличается неоднозначностью его позиционирования. В данном случае можно выделить как минимум два значения рассматриваемого понятия. Первое — таможенный аудит в развитие принципов Киотской конвенции закономерно связывается с таможенным контролем после выпуска товаров.

В качестве одной из целей формирования новых подходов к организации и проведению данного направления таможенного контроля является формирование института таможенного аудита как дополнительного инструмента, позволяющего учитывать данные в случаях необходимости подтверждения предоставляемых (предоставленных) при таможенном контроле упрощений, исходя из детального анализа внешнеторговых операций участников внешнеэкономической деятельности, бухгалтерской отчетности, иных видов и форм взаимодействия участников внешнеэкономической деятельности с контрагентами и иными государственными органами власти. Одновременно с этим среди основных задач реализации новых подходов к организации и проведению таможенного контроля после выпуска товаров в стратегическом документе ФТС России называется использование международных стандартов Всемирной таможенной организации, таможенного аудита, таможенного мониторинга для популяризации применения участниками внешнеэкономической деятельности добровольных систем оценок соответствия таможенному законодательству².

Второе — «целевой ориентир 6 — ориентация деятельности таможенных органов при реализации функций по контролю на сокращение административной нагрузки на участников внешнеэкономической деятельности и создание условий ведения внешнеэкономической деятельности, исключая незаконные

¹ См.: Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур: закл. в г. Киото 18 мая 1973 г. (в ред. Протокола от 26 июня 1999 г.) // СЗ РФ. 2011. № 32, ст. 4810 (опубликовано без специальных приложений).

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (в ред. от 8 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3572; 2023. № 28, ст. 5300.

практики и формирующих прозрачную систему внешней и внутренней торговли», включает в числе прочих формирование института таможенного аудита как дополнительного инструмента в рамках осуществления государственных услуг¹. Связывание таможенного аудита с деятельностью по предоставлению государственных услуг нуждается, на наш взгляд, в обосновании, прежде всего, с позиций разграничения ее с контрольно-надзорной деятельностью таможенных органов.

В документах ФТС России в последние годы используется понятие внутреннего функционального аудита, который, на наш взгляд, связан с внутриорганизационным контролем, или самоконтролем. Так, в 2022 г. апробировано применение элементов внутреннего функционального аудита деятельности таможенных органов на основе процессного подхода. Аудит проведен в таможенных органах Сибирского и Уральского регионов по направлениям, связанным с финансовой деятельностью таможенных органов. По его результатам был установлен и зафиксирован ряд отклонений, ведущих к замедлению и снижению эффективности деятельности таможенных органов, излишним трудовым затратам².

Подобное понимание аудита (как внутренний контроль в организации) имеет место и в научных исследованиях. Применительно к таможенным органам ученые говорят о таком внутреннем аудите, который позволяет повысить эффективность не только таможенного контроля, но и всех бизнес-процессов [3, с. 42]. Представляется, что к таможенному контролю подобный аудит имеет косвенное отношение, речь идет о внутриорганизационном контроле, по сути самоконтроле, присущем практически любому государственному органу, коммерческой организации, значение которого в современный период растет [4].

Действующее отечественное законодательство понимает под аудитом независимую проверку бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности (ч. 3 ст. 1 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»)³.

В исследованиях в области финансового права аудит рассматривается в качестве формы контроля. По мнению С. В. Запольского и Е. Л. Васяниной, контроль в широком смысле является информационным процессом с механизмом обратных связей, осуществляемых в форме надзора, мониторинга, аудита, бухгалтерского и статистического учета. Ученые полагают, что в условиях цифровизации должен обрести большую мощь аудит, понимаемый как инструмент обеспечения интересов собственников (инвесторов) хозяйствующих субъектов, основанных на складочном капитале, прежде всего в акционерных обществах [5, с. 6, 10].

Безусловно, аудит следует дифференцировать на внутриорганизационный и внешний (направленный извне); государственный и негосударственный. Последний регламентирован в положениях Федерального закона «Об аудиторской деятельности». Высшим органом государственного аудита выступает Счетная палата Российской Федерации.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (в ред. от 8 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3572; 2023. № 28, ст. 5300.

² См.: Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2022 году. С. 10. Официальный сайт ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovyye-doklady-o-rezul-tatax-devyatel-nosti> (дата обращения: 19.08.2023).

³ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 15; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5781.

С.В. Степашин, в прошлом — председатель Счетной палаты РФ, говорит о конституционном аудите как научном направлении и государственном аудите как институте, причем последний на новом уровне общественного развития выполняет функцию одного из важнейших инструментов легитимации решений органов государственной власти [6, с. 8]. Следует обратить внимание на то, что он рассматривает государственный аудит как часть системы общественного контроля [7, с. 5], отстаивая так называемый широкий подход к публичному контролю и надзору в экономике [8].

О.Ю. Бакаева и Е.В. Покачалова позиционируют мониторинг и аудит как меры достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях и относят их к элементам института финансового контроля [2, с. 619]. Ученые справедливо обращают внимание на дискуссионность научного определения аудита (таможенного аудита), предлагая различать аудиторский финансовый контроль как разновидность инициативного контроля, а также использование аудита как методики проведения финансового контроля. По их мнению, аудит, применяемый в области таможенного дела, может рассматриваться в качестве формы финансового контроля или формы государственного контроля в сфере финансов [2, с. 621, 627].

Таким образом, в исследованиях современной проблематики таможенного аудита (или аудита применительно к таможенным отношениям) можно выделить несколько подходов, базирующихся в числе прочего на разнообразии легального позиционирования аудита в целом и на ведомственном определении аудита в таможенной сфере в частности.

Во-первых, таможенный аудит рассматривается в контексте таможенного контроля после выпуска товаров и часто отождествляется с ним. В ряде исследований встречается даже понятие «посттаможенный аудит» [2, с. 632].

Во-вторых, таможенный аудит позиционируется как негосударственный контроль, то есть мы имеем дело с проецированием понятия аудита как независимой проверки коммерческих организаций на таможенную сферу.

В-третьих, таможенный аудит обоснованно исследуется в качестве инструмента (меры, формы или способа) таможенного контроля.

Отметим, что нами выделены исключительно подходы, связанные с осуществлением внешних контрольно-надзорных функций таможенных органов. Аудит как внутренний самоконтроль таможенных органов не является предметом исследования в данной статье.

С учетом использования понятия «аудит» в действующем законодательстве, в научных исследованиях, а также в практике таможенных органов (в деятельности таможенных органов РФ в течение последних десятилетий неоднократно возникал интерес к инструменту аудита, примером может служить эксперимент по использованию заключений аудиторов при таможенном контроле, проводимый в 2016 г.¹) предлагаем выделить несколько принципов использования рассматриваемого понятия применительно к таможенным отношениям.

1. Следует четко разграничивать аудит в системе таможенных органов как внутриорганизационный контроль или самоконтроль и аудит, используемый в качестве инструментария таможенного контроля.

¹ См.: Итоги эксперимента по установлению возможности использования таможенными органами Российской Федерации аудиторских заключений для целей таможенного контроля. Официальный сайт ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/19096> (дата обращения: 19.08.2023).

2. Продолжением первого принципа является необходимость дифференциации государственного и негосударственного аудита. Примером последнего выступает практика таможенных органов по использованию заключений независимых аудиторов (не государственные органы, а коммерческие организации) при таможенном контроле.

3. Аудит при таможенном контроле (таможенный аудит) может быть использован исключительно на стадии таможенного контроля после выпуска товаров, включая контроль деятельности лиц со специальным административно-правовым статусом (лица, осуществляющие деятельность в сфере таможенного дела, уполномоченные экономические операторы), а также лиц, претендующих на получение соответствующего статуса.

4. Использование аудиторских заключений для повышения эффективности таможенного контроля (а именно таможенного контроля после выпуска товаров) и снижения административной нагрузки на бизнес может быть реализовано на основе отнесения аудита к мерам, обеспечивающим проведение таможенного контроля (их перечень является открытым). Таким образом, с точки зрения действующего таможенного законодательства аудит не может быть отнесен к формам таможенного контроля, но использование аудиторских заключений (независимых аудиторов) возможно отнести к мерам, обеспечивающим проведение таможенного контроля.

5. Несмотря на отсутствие легального определения аудита, используемого при таможенном контроле, ведомственные приоритеты в отношении аудита связаны с развитием добровольных систем оценки соответствия деятельности подконтрольных лиц обязательным требованиям, с необязательным (вспомогательным) инструментарием таможенного контроля. Данный принцип «роднит» аудит с мониторингом, в основу которого также заложены критерии добровольности и элементы диспозитивности (нахождение под таможенным мониторингом как альтернатива выездной таможенной проверке).

6. В институте таможенного аудита получают развитие (доминируют) не только контрольные функции. Ученые справедливо подчеркивают, что аудиту также присуща и превентивная функция [2, с. 631]. Полагаем, что в рассматриваемом инструменте таможенного контроля возрастает значение и информационной функции (контроль как средство обратной связи), причем речь идет о том, чтобы результаты независимого негосударственного аудита стали основанием для принятия соответствующих решений не только таможенными органами, но и самими подконтрольными лицами, получающими возможность устранить выявленные нарушения в своей деятельности. По сути, мы можем говорить об этапе доконтрольного взаимодействия, что усиливает профилактическую направленность рассматриваемого механизма.

7. Несмотря на выявленные особенности таможенного аудита, следует отметить общие черты понимания аудита с точки зрения аудиторской деятельности и аудита как инструмента таможенного контроля. Речь идет, на наш взгляд, о независимости аудита (под ней нами понимается отсутствие организационной подчиненности между аудитором и аудируемым), объект (предмет) контроля (бухгалтерская (финансовая) отчетность), цель (получение мнения о достоверности такой отчетности). Аудиторское заключение может (не должно) быть основанием для учета его положений при осуществлении таможенного контроля. С учетом добровольности его получения оно призвано способствовать повышению эффективности таможенного контроля.

Таким образом, выделенные особенности и принципы использования понятия «аудит» в таможенных отношениях при множественности его научных трактовок применительно к таможенной сфере позволяют нам понимать аудит (таможенный аудит) с точки зрения административно-правовых аспектов.

Проведенный анализ также позволяет обосновать определенный дуализм использования понятия «аудит» в таможенных отношениях, прежде всего в отношениях контрольно-надзорного свойства. Выявленная двойственность заключается в том, что, с одной стороны, таможенный аудит рассматривается как негосударственный контроль, а с другой — выступает вспомогательным (добровольным) инструментом государственного таможенного контроля.

Таможенный аудит имеет особенности, отраженные в характере взаимодействия между таможенным органом и невластным субъектом. Важнейшей среди них является активность последнего во взаимоотношениях с органом исполнительной власти в лице таможенного органа, инициативность при обращении за аудиторским заключением, определенные элементы самоконтроля и самооценки. Отдельными (частными) направлениями использования таможенного аудита выступает применение его в отношении лиц, претендующих на получение статуса уполномоченного экономического оператора [2, с. 637], для подтверждения лицом низкого уровня риска нарушения законодательства, для выбора объекта таможенной проверки.

Таможенный аудит справедливо относится к новым правовым механизмам таможенного контроля [9], поскольку является таковым не только с точки зрения опыта использования, в большинстве своем экспериментального до настоящего времени, но и потому, что использование аудиторских заключений для целей таможенного контроля позволяет стимулировать активность и инициативность невластного субъекта, развивать механизмы самооценки и самоконтроля в таможенных отношениях и в конечном итоге снижать их конфликтность, повышать взаимное доверие сторон контрольно-надзорного взаимодействия.

Институт таможенного аудита еще предстоит изучить ученым. В качестве перспективных направлений дальнейших исследований по данной проблеме следует выделить сравнительный анализ мониторинга и аудита с иными формами таможенного контроля и мерами, обеспечивающими его проведение.

Библиографический список

1. Агамагомедова С.А. Таможенный мониторинг: административно-правовая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 63–70.
2. Бакаева О.Ю., Покачалова Е.В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 616–643.
3. Глазкова Г.В. Внутренний аудит в таможенных органах // Учет. Анализ. Аудит. 2023. № 10(1). С. 36–43.
4. Кобзарь-Фролова М.Н. Внутренний контроль (самоконтроль) как основной вид контроля деятельности хозяйствующих субъектов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 139–148.
5. Запольский С.В., Васянина Е.Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 4–12.
6. Степашин С.В. Государственный аудит в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 1. С. 4–9.

7. *Степашин С.В.* Проблемы становления и развития правовых основ государственного аудита в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 26, Государственный аудит. 2013. № 1. С. 3–14.

8. *Агамагомедова С.А.* Публичный контроль и надзор в экономике: теоретико-правовое обоснование // Вестник Российского университета дружбы народов: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 2. С. 421–438.

9. *Бакаева О.Ю.* Новые правовые механизмы таможенного контроля: сущность, юридическая природа, перспективы введения // Таможенное дело. 2022. № 3. С. 3–6.

References

1. *Agamagomedova S.A.* Customs Monitoring: Administrative and Legal Characteristics // Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2022. No. 3. P. 63–70.

2. *Bakaeva O.Yu., Pokachalova E.V.* Monitoring and Audit as a Tool to Achieve a Balance of Private and Public Interests in Tax and Customs Legal Relations // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2018. No. 4. P. 616–643.

3. *Glazkova G.V.* Internal Audit in Customs Authorities // Accounting. Analysis. Audit. 2023. No. 10(1). P. 36–43.

4. *Kobzar-Frolova M.N.* Internal Control (Self-Control) as the Main Type of Control over the Activities of Economic Entities // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2020. No. 2. P. 139–148.

5. *Zapolsky S.V., Vasyanina E.L.* Digitalization of Financial Control: Legal Regulation // Legal Informatics. 2022. No. 3. P. 4–12.

6. *Stepashin S.V.* State Audit in the Russian Federation // State Audit. Law. Economy. 2009. No. 1. P. 4–9.

7. *Stepashin S.V.* Problems of Formation and Development of the Legal Foundations of State Audit in the Russian Federation // Bulletin of Moscow University. Ser. 26, State Audit. 2013. № 1. P. 3–14.

8. *Agamagomedova S.A.* Public Control and Supervision in the Economy: Theoretical and Legal Justification // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Legal Sciences. 2023. V. 27, no. 2. P. 421–438.

9. *Bakaeva O.Yu.* New Legal Mechanisms of Customs Control: Essence, Legal Nature, Prospects of Introduction // Customs Business. 2022. No. 3. P. 3–6.

Б.Ю. Джамирзе

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ЛИЦЕНЗИИ

Введение: в числе мер административного принуждения отечественное законодательство закрепляет приостановление действия лицензии. Правовой регламентации ее применения посвящены статьи различных нормативных правовых актов. Однако приостановление действия лицензии имеет значительное сходство с мерами административной ответственности, не будучи при этом закрепленной в перечне таких мер. **Цель** — выявить особенности приостановления действия лицензии как меры административного принуждения, которые свидетельствуют о необходимости ее правового закрепления в перечне административных наказаний. **Методологическая основа:** анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический метод. **Результаты:** рассмотрены признаки приостановления действия лицензии как меры административного принуждения; охарактеризованы сходства и отличия данной меры от иных мер административного принуждения; сформулировано определение приостановления действия лицензии, которое следует закрепить в отечественном законодательстве об административных правонарушениях. **Вывод:** в настоящее время необходимо установить новый вид административного наказания в виде приостановления действия лицензии.

Ключевые слова: лицензия, административное принуждение, административное наказание, административное правонарушение, административное приостановление деятельности.

B.Yu. Jamirze

ON THE LEGAL NATURE OF LICENSE SUSPENSION

Background: among the measures of administrative coercion domestic legislation enshrines the suspension of the license. Legal regulation of its application is devoted to articles of various normative legal acts. However, suspension of a license has significant similarity with measures of administrative responsibility, without being enshrined in the list of such measures. **Objective** — to identify the features of license suspension as a measure of administrative coercion, which indicate the need for its legal consolidation in the list of administrative penalties. **Methodology:** analysis, synthesis, abstraction, formal legal method. **Results:** similarities and differences of this measure from other measures of administrative coercion are characterized; the definition of license suspension is formulated, which should be fixed in the domestic legislation on administrative offences. **Conclusion:** currently there is a need to establish a new type of administrative penalty in the form of license suspension.

Keywords: license, administrative coercion, administrative punishment, administrative offense, administrative suspension of activities.

© Джамирзе Бэла Юнусовна, 2024

Доцент кафедры административного и уголовного права (Майкопский государственный технологический университет); e-mail: fis-mgtu@mail.ru

© Jamirze Bela Yunusovna, 2024

Associate Professor of the Department of Administrative and Criminal Law (Maikop State Technological University)

Цель института лицензирования состоит в обеспечении предупреждения причинения вреда охраняемым законом интересам граждан, общества и государства. Немаловажное значение имеет надлежащее правовое регулирование лицензирования деятельности юридических лиц, в том числе субъектов предпринимательства. Отдельные виды предпринимательской деятельности могут осуществляться лишь при наличии соответствующей лицензии, что связано с повышенным риском для жизни, здоровья людей, объектов природы, животного мира и иных ценностей, признаваемых и охраняемых государством.

Обеспечение установленного порядка лицензирования обусловлено применением мер различного характера, однако ключевое значение принадлежит мерам административного принуждения. Отмечается, что они «реализуются специальными субъектами (включая компетентные государственные органы и их должностных лиц); представляют собой внешнее психическое или физическое воздействие на сознание, волю и поведение их адресатов; применяются при наличии оснований и для достижения определенных целей в предусмотренных законом процедурно-процессуальных формах; реализуются в виде различных правовых ограничений» [1, с. 171].

Существуют меры административного принуждения, которые обеспечивают предупреждение правонарушений. Лицензирование отдельных видов деятельности само по себе рассматривается в качестве разновидности таких мер [1, с. 176]. В случае совершения правонарушений применяются меры административного пресечения. Административно-восстановительные меры могут быть реализованы в целях восстановления первоначального положения, возмещения вреда, ущерба. Собственными целями обладают меры процессуального обеспечения, ряд которых обеспечивает правовые гарантии осуществления того или иного административного производства. По итогам процессуальной деятельности в рамках соответствующего производства применяются административные наказания.

В числе мер административного принуждения, которые имеют отношение к сфере лицензирования, законодательство закрепляет приостановление действия лицензии. Для определения сущности и содержания данной меры следует прежде всего обратиться к положениям отдельных нормативных правовых актов.

Так, в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее — Закон № 99-ФЗ), действие лицензии приостанавливается лицензирующим органом в случае привлечения лицензиата к административной ответственности за неисполнение в установленный срок предписания об устранении грубого нарушения лицензионных требований; назначения ему административного наказания в виде административного приостановления деятельности; неустранения им грубых нарушений лицензионных требований, выявленных в рамках периодического подтверждения соответствия лицензионным требованиям¹, а также в связи с иными обстоятельствами.

В ст. 39.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» закреплено, что «действие лицензии на осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг может быть приостановлено Банком России в случае неоднократного нарушения в течение одного года требований

¹ См.: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2716; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6160.

законодательства Российской Федерации о ценных бумагах и (или) об исполнительном производстве; требований нормативных актов Банка России; требований по ведению реестра требований кредиторов»¹, а также иных требований.

Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» устанавливает, что «действие лицензии приостанавливается решением лицензирующего органа на основании материалов, представленных органами, осуществляющими контроль и надзор, а также по инициативе самого лицензирующего органа в пределах его компетенции, в случае невыполнения предписаний об устранении нарушений условий действия лицензии; фальсификации сопроводительных документов, удостоверяющих легальность производства и (или) оборота такой продукции; неуплаты административного штрафа, назначенного за правонарушение»², а также по иным основаниям.

Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» также определяет, что лицензирующий орган вправе приостановить действие лицензии в случае выявления нарушений, которые могут повлечь за собой причинение ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью человека, а также обеспечению нужд органов государственной власти, нужд обороны страны, безопасности государства и правопорядка; аннулирование разрешения государственной комиссии по радиочастотам на использование радиочастот, если оно приводит к невозможности оказания услуг связи; невыполнение лицензиатом в установленный срок предписания, обязывающего устранить выявленное нарушение, в том числе предписание, которое было выдано при вынесении предупреждения о приостановлении действия лицензии³.

Таким образом, данная мера применяется уполномоченными органами государственной власти против воли ее адресата, а ее применение влечет правовые ограничения в виде временной невозможности юридического лица реализовывать свою деятельность, которая подлежит лицензированию.

Следует отметить, что нормативные правовые акты прямо не указывают цели применения данной меры. В связи с этим возникает вопрос, к какой разновидности мер административного принуждения нужно ее относить.

Так, приостановление действия лицензии влечет невозможность дальнейшего осуществления деятельности, подлежащей лицензированию. В данном ключе очевидна реализация предупредительной функции приостановления действия лицензии по отношению к причинению вреда, который может возникнуть вследствие отсутствия соответствующего приостановления. В то же время эта мера, как следует из статей указанных законодательных актов, применяется после совершения деяния, послужившего основанием для приостановления действия лицензии, в связи с чем она не может быть отнесена к административно-предупредительным.

¹ См.: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6188.

² См.: Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (в ред. от 2 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 1995. № 48, ст. 4553; 2023. № 18, ст. 3245.

³ См.: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2003. № 28, ст. 2895; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6205.

На основании сказанного вряд ли можно согласиться с позицией высшей судебной инстанции. По мнению суда, приостановление действия лицензии является административно-предупредительной мерой¹.

Существует позиция, согласно которой данную меру следует причислять к административно-восстановительным, поскольку главная ее цель состоит «в восстановлении нарушенных прав, пресечении и предупреждении правонарушений, недопущении совершения новых нарушений лицензионного законодательства» [2, с. 33]. Действительно, ее применение в определенном роде приводит к восстановлению положения, которое существовало до осуществления лицензируемого вида деятельности с нарушениями, послужившими основанием для соответствующего приостановления. Однако при этом лицо не лишается лицензии в принципе, ее действие лишь приостанавливается на определенный срок.

Поскольку приостановление действия лицензии связано с временным исключением юридического лица из правоотношений в определенной сфере, рассматриваемая мера выполняет пресекательную роль. В связи с этим она имеет определенное сходство с мерами административного пресечения, которые применяются в случае, когда есть признаки административного правонарушения, совершение которого необходимо прекратить.

В свою очередь, в нормативных правовых актах нередко прямо указывается на то, что основанием применения рассматриваемой меры выступает совершение того или иного нарушения законодательства в сфере лицензирования. Рассматриваемая мера также может применяться в случае невыполнения лицензиатом в установленный срок предписания лицензирующего органа, которое устанавливало обязанность устранить выявленное нарушение. В данном аспекте определенный интерес представляет решение одного из судов. Он констатировал, что «приостановление действия лицензии — это мера государственного реагирования, позволяющая своевременно пресечь деятельность организаций-лицензиатов»².

Позиция о необходимости отнесения рассматриваемой меры к числу мер административного пресечения выражена и в юридической науке. Так, по мнению Г. В. Мельничука, она является «пресекательной мерой или мерой защиты, применяемой в целях побуждения лицензиата к правомерному поведению либо обеспечения привлечения его к ответственности» [3, с. 184].

В то же время данная мера имеет серьезные правовые и материальные последствия для юридического лица, сравнимые с последствиями, которые наступают после применения наказания, закрепленного ст. 3.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)³, а именно административного приостановления деятельности. Указанное наказание назначается судьей «в исключительных случаях, когда менее строгий вид административного наказания не сможет обеспечить достижение цели

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

² См.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 4 августа 2016 г. по делу № А40-143505/20161 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6158.

предупреждения административных правонарушений»¹. При этом его срок не должен превышать 90 суток.

Однако приостановление действия лицензии не закреплено в перечне административных наказаний, установленных КоАП РФ. Законодатель также не связывает применение рассматриваемой меры с обязательным предварительным рассмотрением дела об административном правонарушении. В отдельных случаях, как это прямо указано в нормативных правовых актах, применению рассматриваемой меры предшествует установление факта неисполнения предписания контрольно-надзорного органа. Вместе с тем данное предписание выдается по результатам осуществления контрольно-надзорных мероприятий, а не рассмотрения дел по правилам КоАП РФ.

Таким образом, в настоящее время наблюдается ситуация, когда порядок применения меры, влекущей существенные ограничения прав юридического лица, которые будут выражаться для него в материальных потерях вследствие фактического запрета на осуществление определенного рода деятельности, регламентирован множеством нормативных правовых актов. Отсутствует не только единообразие оснований ее реализации, но и правового регулирования порядка применения и продолжительности во времени.

Процессуальные гарантии, установленные КоАП РФ, не относятся к процедуре применения приостановления действия лицензии. Так, орган, применяющий данную меру, не устанавливает вину субъекта, не представляет доказательства, подтверждающие необходимость и обоснованность ее применения, ограничиваясь установлением формального наличия оснований, имеющих в законодательстве, соответственно, необязательно выявлять и наличие элементов состава деяния.

Отметим, что указанные обстоятельства, будучи не воспринятыми отечественным законодателем, все же учтены в нормативных правовых актах отдельных государств ближнего зарубежья. В качестве примера следует привести Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях², согласно которому в перечне административных наказаний указывается приостановление действия разрешения, которое может быть применено как к физическим, так и к юридическим лицам.

В науке также обращалось внимание на правовую природу рассматриваемой меры, сближающей ее с административными наказаниями. С точки зрения И.В. Максимова, «характер и степень правовых ограничений, которым подвергается юридическое лицо, приближает данную меру к карательным санкциям административного характера» [4, с. 57]. Взгляда на карательную природу приостановления действия лицензии как специфической меры административного принуждения придерживается и ряд иных авторов [5, с. 7; 6, с. 40–41; 7, с. 381].

Следует также указать, что в настоящее время данная мера реализуется во внесудебном порядке. В то же время административные наказания, связанные с существенным ограничением прав и законных интересов граждан и организаций, применяются лишь по решению суда. Это связано с необходимостью установления дополнительных гарантий беспристрастности при их назначении.

¹ Статья 3.12 КоАП РФ.

² См.: Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-У. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=3157_7399 (дата обращения: 14.10.2023).

Несмотря на отсутствие приостановления действия лицензии в перечне наказаний, приведенном в КоАП РФ, административный порядок ее назначения, учитывая наличие серьезных последствий, выглядит нелогичным.

Более того, в отдельных случаях порядок применения рассматриваемой меры регламентируется подзаконными нормативными актами, например Постановление Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 280 «О лицензировании деятельности в области использования атомной энергии»¹, закрепляющее не только процедуру приостановления действия лицензии, но и конкретные основания ее применения.

В обозначенном контексте следует отметить, что меры административного принуждения и порядок их применения в частности должны быть установлены законодательством. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, «ограничение прав граждан возможно исключительно на основании федерального закона и в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»². Для юридических лиц аналогичное положение Основной Закон не устанавливает. Однако, очевидно, что реализация рассматриваемой меры связана с ограничением гарантированной им свободы предпринимательской деятельности.

Таким образом, необходимо констатировать наличие оснований для закрепления приостановления действия лицензии в перечне административных наказаний, что послужит признанием законодателем карательной природы рассматриваемой меры. Более того, будет установлено единообразие процедуры ее применения, порядок реализации которой определяется исключительно на законодательном уровне.

Потребуется также определение конкретного предельного срока рассматриваемой меры. Представляется, что он не должен составлять более 90 суток, поскольку аналогичный срок КоАП РФ устанавливает для сходной по своим последствиям меры — административного приостановления деятельности. В целях исключения противоречий при правоприменении последнее не должно назначаться за совершение противоправных деяний в сфере лицензирования, поэтому в КоАП РФ требуется внести изменения, направленные на исключение административного приостановления деятельности из санкций соответствующих статей.

Таким образом, при применении рассматриваемой меры будут обеспечены все правовые гарантии КоАП РФ, в том числе презумпция невиновности, предоставление привлекаемому к административной ответственности лицу права на защиту, учет всех обстоятельств, которые смягчают или отягчают ответственность. Безусловно, изложенное невозможно без закрепления в КоАП РФ четкого определения рассматриваемой меры. Оно должно быть сформулировано следующим образом: «Приостановление действия лицензии состоит во временном прекращении осуществления видов деятельности, указанных в лицензии, и применяется в случае нарушения лицензионных требований».

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 280 «О лицензировании деятельности в области использования атомной энергии» (в ред. от 26 ноября 2016 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1700; 2016. № 49, ст. 6915.

² См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 16 марта.

Библиографический список

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. *Брунер Р.А.* Отличие административного приостановления деятельности от приостановления действия лицензии // Современное право. 2007. № 1. С. 31–33.
3. *Мельничук Г.В.* Лицензирование как форма государственного регулирования предпринимательской деятельности в России и США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 224 с.
4. *Максимов И.В.* Административные наказания. М.: Норма, 2009. 464 с.
5. *Петров М.П.* Административная ответственность организаций (юридических лиц): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 171 с.
6. *Адушкин Ю.С.* Новый КоАП Российской Федерации — все ли учтено на стадии доработки? // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 37–43.
7. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2007. 528 с.

References

1. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. by A.Yu. Sokolov. M.: Norma: INFRA-M, 2018. 352 p.
2. *Bruner R.A.* Difference Between Administrative Suspension of Activities and Suspension of a License // Modern Law. 2007. No. 1. P. 31–33.
3. *Melnichuk G.V.* Licensing as a Form of State Regulation of Business Activities in Russia and the USA: diss. ... cand. of law. M., 2007. 224 p.
4. *Maksimov I.V.* Administrative Penalties. M.: Norma, 2009. 464 p.
5. *Petrov M.P.* Administrative Responsibility of Organizations (Legal Entities): diss. ... cand. of law. Saratov, 1998. 171 p.
6. *Adushkin Yu.S.* New Code of Administrative Offenses of the Russian Federation — Has Everything Been Taken into Account at the Finalization Stage? // Journal of Russian Law. 2000. No. 11. P. 37–43.
7. *Bakhrakh D.N.* Administrative Law of Russia: textbook. M.: Eksmo, 2007. 528 p.

С.Н. Зайкова, Д.Д. Виноградский

БЕСПИЛОТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА (АППАРАТЫ) КАК УГРОЗА ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение: использование беспилотных транспортных средств и беспилотных летательных аппаратов в современных условиях все чаще становится угрозой для защищенности стратегически важных объектов, в том числе объектов транспорта. Становятся актуальными задачи по совершенствованию правового регулирования в области защиты транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства. **Цель** — исследовать правовые основы внедрения и использования беспилотных транспортных средств (аппаратов), выявить новые потенциальные угрозы в области защищенности транспорта и транспортной инфраструктуры. **Методологическая основа:** системный подход, формально-юридический, сравнительно-правовой методы познания. **Результаты:** авторами систематизированы возможные риски при использовании беспилотных транспортных средств (аппаратов) в случаях незаконного вмешательства. **Выводы:** предложено наделить уполномоченных работников подразделений транспортной безопасности правом пресечения функционирования беспилотных транспортных средств (аппаратов) в целях отражения актов незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса; установить для физических лиц запрет использования указанных средств (аппаратов) на объектах транспортной инфраструктуры; внести соответствующие изменения в действующее законодательство в области транспортной безопасности.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты (БПЛА), беспилотные транспортные средства (БПТС), обязательные требования, дроны, транспортная безопасность.

S.N. Zaikova, D.D. Vinogradsky

UNMANNED VEHICLES (AIRSHIPS) AS A THREAT TO TRANSPORTATION SECURITY

Background: the use of unmanned vehicles and unmanned aerial vehicles in modern conditions is increasingly becoming a threat to the security of strategically important facilities, including transportation facilities. The tasks to improve legal regulation in the field of protection of transport infrastructure from acts of unlawful interference are becoming urgent. **Objective** — to investigate the legal basis for the introduction

© Зайкова Светлана Николаевна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: snzaikova@rambler.ru

© Виноградский Давид Денисович, 2024
Обучающийся (Саратовская государственная юридическая академия)
© Zaikova Svetlana Nikolaevna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

© Vinogradsky David Denisovich, 2024
Student (Saratov State Law Academy)

*and use of unmanned vehicles (airships), to identify new potential threats in the field of transportation and transportation infrastructure security. **Methodology:** systems approach and specific scientific methods (formal legal, comparative legal) were used. **Results:** the authors systematized possible risks when using unmanned vehicles (airships) for acts of unlawful interference. **Conclusion:** it was proposed to give authorized employees of transport security departments the right to suppress the operation of unmanned vehicles (airships) in order to repel acts of unlawful interference in the activities of the transport complex; to establish a ban on the use of these vehicles (apparatuses) at transport infrastructure facilities for individuals; and to make appropriate amendments to current legislation in the area of transport security.*

Keywords: *unmanned aerial vehicles (UAVs), unmanned vehicles (UMV), mandatory requirements, drones, transport security.*

Беспилотные летательные аппараты и беспилотные транспортные средства становятся все более распространенными в современном мире. Они используются в различных областях промышленности и сельского хозяйства, в спасательных¹ и иных целях. В последние годы технология беспилотных транспортных средств активно развивается, и все больше компаний вкладывают собственные средства в исследования и разработки в этой области. Преимуществом беспилотных средств (аппаратов), безусловно, является их способность непрерывно работать в условиях высоких перегрузок, они способны выполнять свои функции, согласно заложенной в компьютерный комплекс программе [1, с. 86].

Беспилотные транспортные средства (БПТС) — это автомобили, грузовики, автобусы и другие транспортные средства, которые могут перемещаться без физического участия водителя. Эта технология становится все более популярной, имеет массу преимуществ, но и представляет определенную общественную опасность. Первоначально БПТС были разработаны для уменьшения количества аварий на дорогах, вызванных человеческим фактором. Несмотря на это, в их работе наблюдаются технические сбои и ошибки, которые могут привести к еще большим авариям, поэтому важно обеспечить надежность и безопасность данных транспортных средств путем массовых испытаний перед внедрением их на дороге.

Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) представляют собой летательные аппараты, которые перемещаются по воздушному пространству без экипажа на борту. Для обеспечения безопасности полетов беспилотных и пилотируемых воздушных судов утверждена концепция интеграции БПЛА в единое воздушное пространство, которая предполагает «формирование и введение в действие нормативно-технической и нормативно-правовой базы Российской Федерации

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2023 г. № 301 «Об утверждении Правил привлечения поисковых и аварийно-спасательных сил и средств, включая беспилотные воздушные суда и беспилотные авиационные системы, авиационных предприятий и организаций государственной и экспериментальной авиации, а также владельцев беспилотных воздушных судов к проведению поисковых и аварийно-спасательных работ для оказания помощи пассажирам и экипажам терпящих или потерпевших бедствие воздушных судов, а также людям, терпящим или потерпевшим бедствие на море, и признания утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 9, ст. 1513.

в области использования беспилотной авиации, учитывающей стандарты и рекомендуемую практику Международной организации гражданской авиации»¹.

Наряду с перспективами и преимуществами использования БПТС и БПЛА появляются и новые риски [2, с. 17]. Как отмечают ученые, увеличение количества беспилотных средств (аппаратов) приводит к происшествиям, часто имеющим тяжелые последствия: столкновение в районе аэродрома с пилотируемыми самолетами и вертолетами, падение БПЛА в скопление людей, столкновение БПЛА с электрическими проводами, потеря БПЛА тяжелых грузов [3, с. 95].

Одним из главных аспектов, который требует особого внимания со стороны органов публичной власти при использовании беспилотных средств (аппаратов), является защищенность транспорта и транспортной инфраструктуры.

Анализ состояния защищенности транспортного комплекса показывает существование следующих возможных рисков совершения актов незаконного вмешательства (далее — АНВ) с использованием беспилотных средств (аппаратов):

умышленное использование БПЛА в целях доставки взрывчатых веществ и боеприпасов в зону транспортной безопасности объекта транспортной инфраструктуры (далее — ОТИ);

технологический сбой, неисправность систем управления БПЛА или средств связи, приводящие к его падению в зону транспортной безопасности ОТИ. Указанные транспортные средства полностью зависят от технических систем, любая неисправность или сбой в работе может привести к непредвиденным ситуациям, опасным для пассажиров и окружающих;

человеческий фактор, например ошибки оператора БПЛА, связанные с его неправильными действиями или неверной оценкой ситуации, влекущие аварии в зоне транспортной безопасности ОТИ;

кибератаки на системы управления и связи БПЛА, в результате которых происходит использование БПЛА, принадлежащих третьим лицам, в целях совершения АНВ в деятельности ОТИ.

Указанные риски обусловлены как техническими, так и правовыми проблемами. Проведение видеомониторинга ОТИ технически осложнено тем, что видеочамеры ориентированы на съемку земной поверхности ОТИ без захвата воздушного пространства.

В условиях цифровизации и компьютеризации необходимо уделить особое внимание защите данных, собираемых беспилотными транспортными средствами. Они используют множество датчиков и камер для определения маршрута и обнаружения препятствий, это означает, что могут быть собраны большие объемы конфиденциальной информации [4, с. 133].

В настоящее время действующее законодательство в области обеспечения транспортной безопасности не предусматривает требования по защите транспорта и транспортной инфраструктуры от угроз, исходящих от БПЛА. Планы обеспечения транспортной безопасности ОТИ не содержат порядка принятия решений и нейтрализации негативных последствий совершения АНВ с использованием беспилотных средств (аппаратов). Должностные инструкции сотрудников подразделений транспортной безопасности не содержат последовательных действий

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 5 октября 2021 г. № 2806-р «Об утверждении Концепции интеграции беспилотных воздушных судов в единое воздушное пространство Российской Федерации и плана реализации Концепции в части развития технологий» (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2021. № 42, ст. 7159; 2022. № 50, ч. 4, ст. 8998.

по противодействию БПЛА. Пассажиры и посетители ОТИ не информируются о порядке действий при наступлении АНВ или иных инцидентов с использованием БПЛА [5, с. 4].

Еще одной правовой проблемой, связанной с массовым использованием беспилотных средств (аппаратов), является отсутствие единого порядка их использования. Представляется целесообразным внедрить правила и стандарты для эксплуатации и гражданского оборота БПЛА, установить четкие требования к маршрутам и времени их движения, зонам, запрещенным для использования БПЛА. Следует поддержать предложение о разработке геопорталов, предоставляющих доступ к пространственно-временной и атрибутивной информации о структуре воздушного пространства Российской Федерации для планирования полетов БПЛА [6, с. 362].

Дискуссионным остается вопрос о субъекте ответственности в случае аварии или АНВ. Это, безусловно, может привести к сложностям в правовой сфере и затруднить установление виновных. Между тем владелец беспилотных средств (аппаратов) несет ответственность за его безопасное использование, что подразумевает соблюдение всех правил и ограничений. Например, в большинстве стран существуют ограничения на высоту и расстояние полета дрона от аэропортов и других запрещенных зон [4, с. 4]. Владелец также обязан следить за состоянием беспилотных средств (аппаратов) и обеспечивать их надлежащее функционирование. Производитель беспилотных средств (аппаратов) тоже может нести ответственность за причинение вреда. Если авария произошла из-за технического сбоя или дефекта, допущенного при производстве, то производитель может быть привлечен к ответственности за недостатки в конструкции.

Следует отметить, что в зависимости от конкретных обстоятельств ответственность может нести и оператор беспилотных средств (аппаратов), осуществляющий функции внешнего пилота.

Авторы отдельных научных работ обращают особое внимание на качество подготовки внешних пилотов к использованию беспилотных воздушных судов и предлагают их обучение дифференцировать в зависимости от массы БПЛА, территории и времени его использования [7, с. 8; 8, с. 17]. С указанным предложением можно согласиться, поскольку от уровня подготовки внешнего пилота зависит безопасность полетов БПЛА.

С 1 сентября 2023 г. впервые определен профессиональный стандарт специалиста по летной эксплуатации беспилотных авиационных систем¹, который предъявляет серьезные требования к его знаниям и умениям. Он должен уметь анализировать информацию о метеорологической, орнитологической и аэронавигационной обстановке, использовать специальное программное обеспечение для составления полетного задания и ввода его в бортовой навигационный комплекс, оценивать техническое состояние и готовность к использованию беспилотных средств (аппаратов). Для обеспечения безопасной эксплуатации БПЛА оператор должен знать: воздушное законодательство, в том числе порядок получения разрешения на использование воздушного пространства, правовые акты, регла-

¹ См.: Приказ Минтруда России от 27 апреля 2023 г. № 358н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по летной эксплуатации беспилотных авиационных систем (внешний пилот) в составе с одним или несколькими беспилотными воздушными судами максимальной взлетной массой более 30 кг». URL: <https://sovvetv.ru/profstandarty> (дата обращения: 09.11.2023).

ментирующие обеспечение транспортной безопасности, безопасности полетов, радиотехническое обеспечение полетов.

Возможно, требуется также рассмотреть законодательное закрепление лицензирования деятельности по внешнему пилотированию, что позволит исключить ошибки внешних пилотов, вызванные несоблюдением требований, установленных профессиональным стандартом.

Анализируя существующие проблемы в области использования беспилотных транспортных средств и беспилотных летательных аппаратов для минимизации угрозы транспортной безопасности, представляется целесообразным:

наделить уполномоченных работников подразделений транспортной безопасности правом пресечения функционирования беспилотных транспортных средств (аппаратов) в целях отражения АНВ в деятельность транспортного комплекса. Для этого потребуется внести изменения в ст. 12.3 Федерального закона «О транспортной безопасности»¹, дополнив ее ч. 9.1 следующего содержания: «9.1. Уполномоченные работники подразделения транспортной безопасности в целях защиты объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства имеют право пресекать функционирование беспилотных транспортных средств (аппаратов) посредством их повреждения или уничтожения. Порядок пресечения функционирования беспилотных транспортных средств (аппаратов) устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.»;

установить для физических лиц, следующих в транспортном средстве или находящихся на ОТИ, запрет создавать препятствия функционированию транспорта, в том числе с использованием беспилотных транспортных средств (аппаратов). Для этого предлагается подп. «г» п. 3 требований² изложить в следующей редакции: «г) совершать действия, создающие препятствия (в том числе с использованием транспортных и других технических средств, беспилотных транспортных средств (аппаратов)) функционированию транспортного средства или ограничивающие функционирование объектов транспортной инфраструктуры, включая распространение заведомо ложных сообщений о событиях или действиях, создающих угрозу транспортной безопасности объекта транспортной инфраструктуры или транспортного средства, а также действия, направленные на повреждение (хищение) элементов объекта транспортной инфраструктуры или транспортного средства, которые могут привести их в негодное для эксплуатации состояние либо состояние, угрожающее жизни или здоровью персонала субъекта

¹ См.: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 837; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5813.

² См.: Постановление Правительства РФ от 15 ноября 2014 г. № 1208 «Об утверждении требований по соблюдению транспортной безопасности для физических лиц, следующих либо находящихся на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средствах, по видам транспорта, а также в зонах безопасности, установленных вокруг отдельных судов и (или) иных плавучих средств с ядерным реактором либо судов и (или) иных плавучих средств, транспортирующих ядерные материалы, объектов транспортной инфраструктуры» (в ред. от 4 сентября 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 47, ст. 6565; 2020. № 37, ст. 5718.

транспортной инфраструктуры или подразделений транспортной безопасности, пассажиров и других лиц»;

внести изменения в Типовые дополнительные профессиональные программы в области подготовки сил обеспечения транспортной безопасности¹, в части реализации оперативных мер, направленных на пресечение функционирования беспилотных транспортных средств (аппаратов) в случае совершения АНВ. Дополнить утвержденные² перечни вопросов, подлежащих применению органами аттестации для проверки соответствия знаний аттестуемых лиц — работников подразделения транспортной безопасности, выполняющих работы, непосредственно связанные с обеспечением транспортной безопасности объекта транспортной инфраструктуры или транспортного средства, вопросами о порядке пресечения функционирования беспилотных транспортных средств (аппаратов).

Внедрение беспилотных транспортных средств (аппаратов) может принести значительные преимущества для общества, однако необходимо уделить особое внимание транспортной безопасности. Разработка единого стандарта и законодательства, защита данных, обеспечение надежности технических систем и обучение персонала — это лишь некоторые из мер, которые необходимо принять для обеспечения безопасности при использовании беспилотных транспортных средств (аппаратов). Только при соблюдении всех перечисленных условий можно гарантировать их успешное и безопасное внедрение.

Библиографический список

1. *Пшеничных Г.С.* Современные способы обнаружения и мониторинга беспилотных летательных аппаратов // Научная мысль. 2022. Т. 22, № 4-1(46). С. 86–88.
2. *Яковлев А.А.* Беспилотные летательные аппараты как новый тип угроз учреждениям уголовно-исполнительной системы: организационно-правовые вопросы противодействия // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 1(31). С. 16–19.
3. *Гетманцев А.Ю.* Классификация показателей эффективности контроля безопасности испытаний и эксплуатации беспилотных воздушных судов (беспилотных летательных аппаратов) // Проблемы управления рисками в техносфере. 2023. № 1(65). С. 94–104.
4. *Хачатрян А.В.* К вопросу об оснащении подразделений охраны важных объектов средствами обнаружения и нейтрализации беспилотных летательных аппаратов // Вестник НИЦ ВА РВСН. 2021. № 3. С. 128–133.
5. *Белякова С.В., Колотова А.С., Трунов А.Д.* Правовое просвещение детей и молодежи в вопросах использования беспилотных гражданских воздушных судов // Наука и образование. 2021. Т. 4, № 2. С. 4–11.
6. *Maksimova S.E.* Geoportals for unmanned aerial vehicles planning flights in the Russian Federation airspace // Slavic Forum. 2023. No. 2(40). P. 362–369.

¹ См.: Приказ Минтранса России от 29 декабря 2020 г. № 578 «Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ в области подготовки сил обеспечения транспортной безопасности». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573339456> (дата обращения: 09.11.2023).

² См., например: Приказ Росжелдора от 22 ноября 2022 г. № 625 «Об утверждении перечней вопросов, подлежащих применению органами аттестации (аттестующими организациями) для проверки соответствия знаний, умений и навыков аттестуемых лиц требованиям законодательства Российской Федерации о транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах железнодорожного транспорта, на объектах инфраструктуры внеуличного транспорта (в части метрополитенов)». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302200034> (дата обращения: 09.11.2023).

7. Topical issues of personnel training in the field of unmanned aircraft systems / I.V. Blagodaryashchev, M.A. Kiselev, R.S. Naumov, V.S. Shapkin // *Civil Aviation High Technologies*. 2022. Vol. 25, no. 4. P. 8–19.

8. *Ragulina Yu.V., Papaskiri T.V., Leschuk O.P.* Management solutions for the development of Russian unmanned aviation // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Vol. 2, no. 6(138). P. 17–22.

References

1. *Pshenichnykh G.S.* Modern Detection Methods and Monitoring of Unmanned Aerial Vehicles // *Scientific thought*. 2022. V. 22, no. 4-1(46). P. 86–88.

2. *Yakovlev A.A.* Unmanned Aerial Vehicles as a New Type of Threat to Institutions of the Penal System: Organizational and Legal Issues of Counteraction // *Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*. 2022. No. 1(31). P. 16–19.

3. *Getmantsev A.Yu.* Classification of Performance Indicators for Safety Control of Testing and Operation of Unmanned Airships (Unmanned Aerial Vehicles) // *Problems of Risk Management in the Technosphere*. 2023. No. 1(65). P. 94–104.

4. *Khachatryan A.V.* On the Issue of Equipping Security Units of Important Facilities with Means of Detecting and Neutralizing Unmanned Aerial Vehicles // *Bulletin of the Scientific Research Center of the Strategic Missile Forces*. 2021. No. 3. P. 128–133.

5. *Belyakova S.V., Kolotova A.S., Trunov A.D.* Legal Education of Children and Youth Regarding the Use of Unmanned Civil Aircraft // *Science and Education*. 2021. V. 4, no. 2. P. 4–11.

6. *Maksimova S.E.* Geoportals for Unmanned Aerial Vehicles Planning Flights in the Russian Federation Airspace // *Slavic Forum*. 2023. No. 2(40). P. 362–369.

7. Topical Issues of Personnel Training in the Field of Unmanned Aircraft Systems / I.V. Blagodaryashchev, M.A. Kiselev, R.S. Naumov, V.S. Shapkin // *Civil Aviation High Technologies*. 2022. Vol. 25, no. 4. P. 8–19.

8. *Ragulina Yu.V., Papaskiri T.V., Leschuk O.P.* Management Solutions for the Development of Russian Unmanned Aviation // *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2023. Vol. 2, no. 6(138). P. 17–22.

С.М. Рукавишников

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение: система высшего образования современной России, будучи подвергнутой высоким запросам со стороны Российского государства и общества, нуждается в эффективном и всестороннем управленческом воздействии как посредством использования механизмов государственной контрольно-надзорной деятельности, так и путем общественного воздействия, важнейшим выражением которого является общественный контроль. **Цель** — сформировать круг субъектов общественного контроля в системе высшего образования и определить пути совершенствования их нормативно-правового регулирования. **Методологическая основа:** формально-правовой анализ положений действующего законодательства, определяющего правовой статус субъектов общественного контроля в системе высшего образования, анализ работ исследователей по соответствующей теме, а также метод синтеза, позволивший определить круг соответствующих субъектов, выявить несовершенства в правовом регулировании и предложить меры по их устранению. **Результаты:** автором определен круг субъектов общественного контроля в системе высшего образования и выявлены несовершенства в их законодательном регулировании. **Выводы:** для уточнения статуса субъектов общественного контроля в системе высшего образования в нормативных правовых актах предложены меры поддержки прохождения образовательными организациями высшего образования общественной и профессионально-общественной аккредитации, правовой статус попечительских, управляющих и наблюдательных советов, а также советов обучающихся. **Ключевые слова:** образовательная политика, система высшего образования, общественный контроль, общественная аккредитация, советы обучающихся.

S.M. Rukavishnikov

ON SOME FEATURES SUBJECTS OF PUBLIC CONTROL IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Background: the higher education system of modern Russia, being subject to high demands from the Russian state and society, needs effective and comprehensive management influence both through the use of mechanisms of state control and supervisory activities, and through public influence, the most important expression of which is public control. **Objective** — to form a circle of subjects of public control in the higher education system and determine ways to improve their legal regulation. **Methodology:** formal legal analysis of the provisions of the current legislation that determines the legal status of subjects of public control formal legal analysis of the provisions of the current

© Рукавишников Сергей Михайлович, 2024

Кандидат юридических наук, докторант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: privet085@gmail.com

© Rukavishnikov Sergey Mikhaylovich, 2024

Candidate of Law, Doctoral Student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manohin (Saratov State Law Academy)

legislation that determines the legal status of subjects of public control in the higher education system, analysis of the work of researchers on the relevant topic, as well as a synthesis method that made it possible to determine the circle of relevant subjects, identify imperfections in legal regulation and propose measures to eliminate them. Results: the author determined the circle of subjects of public control in the higher education system and revealed imperfections in their legislative regulation. Conclusions: to clarify the status of subjects of public control in the system of higher education in normative legal acts measures to support the passage of educational organizations of higher education public and professional-public accreditation, the legal status of trustees, governing and supervisory boards, as well as the councils of students are proposed.

Keywords: *educational policy, higher education system, public control, public accreditation, student councils.*

Современное высшее образование, представляя собой ключевой механизм подготовки профессиональных кадров, обладающих необходимыми знаниями, навыками и качествами, находится в процессе перманентного совершенствования, что отражается на соответствующем нормативном регулировании. Достижение баланса между целями государственного контроля и творческого развития научно-образовательного потенциала образовательных организаций высшего образования требует взвешенного применения управленческих средств, среди которых важное место занимает общественный контроль.

Рассматривая сущность общественного контроля в системе высшего образования, следует обратиться к его субъектному составу, широко сформулированному в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹, который фактически содержит открытый перечень субъектов, обусловленный спецификой многообразия сфер применения общественного контроля. Анализ положений Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании)² позволяет выделить такие категории субъектов общественного контроля в системе высшего образования, как: 1) общественные советы; 2) российские, иностранные и международные организации, проводящие общественную аккредитацию организаций, осуществляющих образовательную деятельность; 3) работодатели, их объединения, а также уполномоченные ими организации, осуществляющие профессионально-общественную аккредитацию основных профессиональных образовательных программ (в контексте рассматриваемой темы — в части образовательных программ высшего образования); 4) попечительские советы; 5) управляющие советы; 6) наблюдательные советы; 7) советы обучающихся.

Переходя к анализу отдельных категорий субъектов общественного контроля, необходимо сделать акцент на включении в соответствующий перечень советов обучающихся, что при поверхностном рассмотрении может показаться нелогичным ввиду непосредственного участия обучающихся в образовательных отношениях, исключающего объективный «взгляд со стороны» на образовательный процесс. Вместе с тем нельзя не отметить такое важное свойство субъекта общественного контроля, как заинтересованность в качественной и полной ре-

¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4213; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8424.

² См.: СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6211.

ализации права на высшее образования, которое прежде всего характеризует самих обучающихся (и их родителей (законных представителей)). Кроме того, советы обучающихся вовлечены в процесс контроля качества образования, что также оправдывает их отнесение к субъектам общественного контроля, хоть и требует некоторых комментариев в данной части. Принимая во внимание данную особенность и учитывая специфику формирования каждого из предлагаемых к рассмотрению субъектов общественного контроля, предлагается классифицировать их на внешние (субъекты 1–3), смешанные (субъекты 4–6) и внутренние (субъект 7), используя в качестве критерия состав участников.

В свою очередь, такая категория, как общественные советы, может быть поделена на два элемента — общественные советы при органах власти и общественные советы по проведению независимой оценки качества условий осуществления федеральными государственными образовательными организациями, а также иными организациями, осуществляющими образовательную деятельность за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования (далее — общественные советы по проведению независимой оценки качества). Следует согласиться с А. А. Ерыгиным, который справедливо указал на основное предназначение общественных советов в виде осуществления общественного контроля за органами власти и совершенствования механизма взаимодействия между органами публичной власти и институтами гражданского общества [1, с. 320].

Говоря о системе высшего образования, следует, прежде всего отметить Общественный совет при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации¹. Среди рассматриваемых субъектов данный совет является единственной структурой, среди полномочий которого прямо указано на осуществление общественного контроля. Общественный совет — постоянно действующий совещательно-консультативный орган общественного контроля, призванный обеспечить учет потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиту их прав и свобод, а также прав общественных объединений при осуществлении государственной политики в части, относящейся к сфере деятельности Министерства.

Формирование совета на добровольной основе из числа негосударственных некоммерческих организаций вкпе с участием в определении повестки его работы осуществляет Общественная палата Российской Федерации.

Общественные советы по проведению независимой оценки качества формируются схожим образом, причем по уровням власти, релевантно органам, при которых они образуются, и соответствующим образовательным организациям. Такие советы определяют перечни организаций, в отношении которых проводится такая независимая оценка, а также участвуют в рассмотрении проектов документации о закупках работ, услуг и проектов государственного, муниципального контрактов с соответствующими органами власти.

¹ См.: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 7 сентября 2023 г. № 879 «Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и дополнительных (специфических) требований к общественным объединениям и иным негосударственным некоммерческим организациям, обладающим правом выдвижения кандидатур в члены Общественного совета при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/7fd/h7v8fo2nfp2u1xjhtmj4okiva2qel9u3.pdf> (дата обращения: 29.12.2023).

Переходя к российским, иностранным и международным организациям, проводящим общественную аккредитацию организаций, осуществляющих образовательную деятельность (далее — организации, проводящие аккредитацию), необходимо отметить, рассмотренная процедура государственной аккредитации образовательной деятельности, цель которой — проверить на соответствие установленным критериям качество образования, несмотря на имеющиеся противоречия в правовом регулировании и открытость вопроса о том, что именно должно представлять собой качество образования, объективно служит ключевой цели обеспечения права граждан на качественное образование, необходимое для получения высокой квалификации по той или иной специальности. Тогда как некоторыми авторами подвергается сомнению целесообразность и эффективность государственной аккредитации образовательной деятельности как таковой [2, с. 2], для таких предположений не усматривается достаточных оснований. Процесс подготовки высококвалифицированных кадров, основанный на передаче знаний, развитии навыков и умений с учетом личных особенностей каждого обучающегося неизбежно требует от педагогических работников творческого начала и выверенной дидактической методологии, что в совокупности делает нецелесообразным жесткий государственный контроль за каждым составным элементом образовательного процесса. В то же время иная крайность в виде отсутствия такого контроля может иметь непредсказуемые последствия и нести значительные риски как для формирования профессиональных компетенций, так и (что гораздо значительнее в данном контексте) морально-нравственных установок обучающихся. Иными словами, задачей преподавателя высшей школы является не только сочетание обучения и воспитания, но и личное осознание того, кого и для чего он готовит и воспитывает. Необходимая для эффективного развития академической среды свобода должна наличествовать в методах и средствах обучения и воспитания, но не в ее целях. В противном случае возникает риск стихийного развития студенчества, которое, как справедливо отмечают исследователи, внесло свой вклад в государственный переворот 1917 г. [3, с. 79].

В нынешних условиях разнообразных вызовов, которые претерпевает отечественная высшая школа, принятие во внимание такого опыта при выстраивании образовательной политики необходимо, что указывает на весомую роль контрольных мероприятий в сфере высшего образования, среди которых значительное место занимает аккредитация образовательной деятельности. Как справедливо отметила М. В. Ожиганова, высшая школа не должна ориентироваться исключительно на запрос работодателя, так как он «вчера осознал набор необходимых компетенций, а высшая школа готовит специалиста завтра», в связи с чем образовательный стандарт должен быть способен обеспечить подготовку квалифицированного специалиста, способного к самостоятельному развитию и перспективному видению профессии [4, с. 70–71]. Вместе с этим принцип обеспечения баланса частных и публичных интересов в государственном управлении выступает сегодня залогом его эффективности и устойчивости. Следует согласиться с А. А. Спиридоновым, что единство государственного и общественного контроля позволяет повысить мотивацию граждан к активной реализации права на участие в управлении делами государства, в том числе путем участия в общественном контроле [5, с. 55]. В совокупности это предопределяет актуальность и востребованность двух негосударственных форм аккредитации высшего образования — общественной и профессионально-общественной, отличающихся, соответственно, своим субъектным составом и целями.

Общественная аккредитация проводится российскими, иностранными и международными организациями, представляя собой признание соответствия деятельности образовательных организаций критериям и требованиям таких организаций.

Профессионально-общественная аккредитация схожа с общественной с тем принципиальным отличием, что проводится работодателями, их объединениями и уполномоченными ими организациями и не в отношении деятельности организации, а в отношении образовательных программ, представляя собой признание соответствия качества и уровня подготовки выпускников, освоивших данные программы, требованиям рынка труда к специалистам соответствующего профиля.

Каждый из обозначенных видов аккредитации является добровольным, не влечет финансовых обязательств государства и проводится на условиях открытости и доступности информации о проведении аккредитации и ее результатах. Кроме того, прохождение каждой из этих процедур принимается во внимание при проведении государственной аккредитации.

Рассмотренные механизмы оценки качества образования выглядят не только важным дополнением государственной системы аккредитации высшего образования, но и мерой, обладающей значительным потенциалом в повышении эффективности образовательной политики, что показывает опыт зарубежных государств. Как отмечают исследователи, независимый характер аккредитации высшего образования выступает в качестве условия его эффективности, чему свидетельствует американский опыт соблюдения баланса публичных и частных интересов на основе принципов саморегуляции, независимости, объективности и прозрачности процедур оценки качества образования [6].

Как было отмечено ранее, результаты общественной и профессионально-общественной аккредитации учитываются при прохождении образовательной организацией государственной аккредитации, на что прямо указывает Положение о государственной аккредитации образовательной деятельности¹. В то же время данный документ не позволяет ответить на вопрос о том, как именно выглядит такой учет и какие влечет последствия. Безусловно, прохождение негосударственной аккредитации благотворно влияет на репутацию образовательной организации, так как обеспечивает включение в соответствующие рейтинги и справедливо транслируется среди абитуриентов. Однако государственная поддержка столь важного инструмента повышения эффективности образовательной деятельности выглядит не проработанной в должной мере. Заслуживает безусловной поддержки предложение исследователей о поощрении прохождения образовательными организациями негосударственной аккредитации посредством введения моратория на проведение федерального государственного контроля качества образования в случае подтверждения высокого уровня подготовки специалистов [7, с. 6]. Кроме того, практика прохождения негосударственной аккредитации может быть принята во внимание при реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»², предполагаю-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 19 мая 2023 г. № 797 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 14 января 2022 г. № 3» // СЗ РФ. 2023. № 23, ч. 1, ст. 4134.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3697-р «О реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”» // СЗ РФ. 2021. № 2, ч. 2, ст. 521.

щей грантовую поддержку ведущих отечественных университетов, отвечающих ряду целевых показателей эффективности деятельности¹. Представляется целесообразным дополнить базового объема целевых показателей условием о прохождении образовательной организацией высшего образования общественной и (или) профессионально-общественной аккредитации.

Советы обучающихся также могут быть отнесены к субъектам общественного контроля, будучи, с одной стороны, непосредственными участниками образовательного процесса, а с другой — лицами, наиболее заинтересованными в его качестве и законности. Нормативной основой участия советов обучающихся в общественном контроле выступает Поручение Президента РФ 1148 п. 2 от 22 мая 2014 г.², в связи с изданием которого «студенты активно включились в оценку удовлетворенности условиями и результатами обучения» [8, с. 80]. В практике вузов встречаются случаи развития данного поручения таким образом, что на базе советов обучающихся действуют структурные подразделения по контролю качества образования. Эту практику следует признать не вполне целесообразной ввиду необходимой квалификации для оценки качества образования, которой обучающиеся не могут обладать по объективным причинам. Между тем со стороны обучающихся приемлем и потенциально эффективен контроль за качеством организации учебного процесса, точностью его соответствия образовательным программам, а также уставным документам образовательной организации и внутренним нормативным актам, содержащим этические требования к образовательной деятельности. Подмена же данных направлений контролем качества потенциально вредна и, представляется, должна быть предотвращена посредством специальных разъяснений со стороны Минобрнауки России.

Правовой статус попечительских, управляющих и наблюдательных советов отражен в Законе об образовании весьма в общих формулировках, закрепляющих возможность формирования подобных структур на базе образовательных организаций, но оставляющих массу вопросов касательно их правового статуса, порядка формирования, функций и относимости к организациям, реализующим различные виды образовательных программ. «Методические рекомендации по развитию государственно-общественного управления образованием в субъектах Российской Федерации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, и органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования»³ отчасти раскрывают эти вопросы. Вместе

¹ См.: Приказ Минобрнауки России от 31 мая 2021 г. № 432 «Об утверждении перечня целевых показателей эффективности реализации программ развития образовательных организаций высшего образования, которым предоставляется поддержка в рамках программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”, и методик их расчета»: зарег. в Минюсте России 22 июня 2021 г. № 63949 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.12.2023).

² См.: Перечень поручений по вопросам повышения качества высшего образования от 22 мая 2014 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/21112> (дата обращения: 31.12.2023).

³ Письмо Минобрнауки России от 22 октября 2015 г. № 08-1729 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с Методическими рекомендациями по развитию государственно-общественного управления образованием в субъектах Российской Федерации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, и органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования) (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

с тем положения данного документа не лишены противоречивости. В частности, указанные методические рекомендации позволяют сделать вывод об относимости положений о названных советах к образовательным организациям высшего образования, однако отдельные позиции, касающиеся управляющих советов, указывают на организации общего образования, что в целом создает риск неверного применения норм Закона об образовании. Кроме того, письмо Минобрнауки России, содержащее методические рекомендации по применению норм закона, не относится к нормативным правовым актам, что указывает на необходимость детализации положений Закона об образовании.

Дальнейшее исследование деятельности рассмотренных субъектов общественного контроля в их системном единстве вкупе с уточнением отдельных нормативных положений может способствовать проведению более эффективной образовательной политики государства, а также достижению баланса частных и публичных интересов в сфере высшего образования.

Библиографический список

1. *Ерыгин А.А.* Новеллы правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 315–320.
2. *Зорин А.Н.* Нужна ли вузам «аккредитация»? Замечания о генезисе и последствиях аккредитационных процедур // Поволжский педагогический поиск. 2020. № 3(33). С. 8–26.
3. *Гетаова Н.Р., Хвостов А.Г.* Студенческое самоуправление. Анализ развития данного явления в России // Вопросы педагогики. 2020. № 12-2. С. 77–81.
4. *Ожиганова М.В.* Размышления о реформе государственного контроля и надзора в сфере высшего образования // Право и образование. 2019. № 1. С. 62–72.
5. *Спиридонов А.А.* Системное единство государственного контроля (надзора) и общественного контроля как конституционно-правовой принцип // Lex Russica. 2022. № 6(187). С. 48–58.
6. Part 602 — The Secretary’s Recognition of Accrediting Agencies // 20 U.S.C. 1099b. 64 FR 56617, Oct. 20, 1999 / Цит. по: *Мотова Г.Н.* Охранники или проводники? Новые требования для аккредитационных агентств по обеспечению качества образования // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 6. Р. 17. Р. 9–21.
7. *Дарда И.В., Зернов В.А.* Перспективы государственной аккредитации вузов в контексте «регуляторной гильотины» // Высшее образование сегодня. 2020. № 6. С. 2–7.
8. *Подковко Е.Н., Сорокина А.В.* Мониторинговая деятельность совета обучающихся по качеству образования университета // Заметки ученого. 2022. № 2. С. 79–85.

References

1. *Erygin A.A.* Novels of the Legal Status of Public Councils Under the Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation // Legal Technology. 2021. No. 15. P. 315–320.
2. *Zorin A.N.* Do Universities Need “Accreditation”? Notes on the Genesis and Consequences of Accreditation Procedures // Volga Region Pedagogical Search. 2020. No. 3(33). P. 8–26.
3. *Getaova N.R., Khvostov A.G.* Student Self-Government. Analysis of the Development of this Phenomenon in Russia // Questions of Pedagogy. 2020. No. 12-2. P. 77–81.
4. *Ozhiganova M.V.* Reflections on the Reform of State Control and Supervision in the Field of Higher Education // Law and Education. 2019. No. 1. P. 62–72.
5. *Spiridonov A.A.* Systemic Unity of State Control (Supervision) and Public Control as a Constitutional and Legal Principle // Lex Russica. 2022. No. 6(187). P. 48–58.

6. Part 602 — The Secretary’s Recognition of Accrediting Agencies // 20 U.S.C. 1099b. 64 FR 56617, Oct. 20, 1999 / Quoted by: Motova G.N. Security Guards or Guides? New Requirements for Accreditation Agencies to Ensure the Quality of Education // Higher Education in Russia. 2020. P. 29. No. 6. P. 17. P. 9–21.

7. Darda I.V., Zernov V.A. Prospects for State Accreditation of Universities in the Context of the “Regulatory Guillotine” // Higher Education Today. 2020. No. 6. P. 2–7.

8. Podkovko E.N., Sorokina A.V. Monitoring Activities of the Student Council on the Quality of University Education // Notes of a Scientist. 2022. No. 2. P. 79–85.

О.М. Васильева

О ПРАКТИКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПАСНОСТЬ
ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ
COVID-19)

Введение: национальная система государственного управления уязвима перед новыми экстраординарными вызовами, в том числе в сфере общественного здравоохранения. Ключевой причиной поспешности решений и устанавливаемых правовых предписаний органов публичной власти в период пандемии Covid-19 являлись беспрецедентные неблагоприятные условия и неразвитая система законодательства в сфере борьбы с опасными заболеваниями. **Цель** — обозначить пути решения проблем, связанных с множеством ошибок применения административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.3, 13.15, 20.6.1 КоАП РФ. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания, а также системный, статистический и формально-юридический методы. **Результаты:** обоснованы предложения по устранению правовой неопределенности в установлении полномочий органов внутренних дел в производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.6.1 КоАП РФ. **Выводы:** существование в период пандемии конкуренции норм, предусмотренных ст. 6.3 и 20.6.1 КоАП РФ, объясняется экстренной необходимостью при внесении изменений в нормативно-правовое регулирование противоэпидемических мероприятий, в том числе органами власти субъектов Российской Федерации. Аргументирована целесообразность предоставления права сотрудникам органов внутренних дел составлять протоколы по ст. 20.6.1 КоАП РФ.

Ключевые слова: пандемия Covid-19, противоэпидемические мероприятия, административная ответственность, коронавирусная инфекция, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения.

О.М. Vasilyeva

ON THE PRACTICE OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF RESTRICTIONS
RELATED TO THE SPREAD OF DISEASES THAT POSE
A DANGER TO OTHERS (USING THE EXAMPLE
OF THE COVID-19 PANDEMIC)

Background: national public administration system is vulnerable to new extraordinary challenges, including in the field of public health. The unprecedented unfavorable

conditions and the underdeveloped system of legislation in the field of combating dangerous diseases were the key reasons for the hasty decisions and legal prescriptions of public authorities during the Covid-19 pandemic. Objective — to outline ways of solving problems associated with multiple errors of application of administrative offenses under Art. 6.3, 13.15, 20.6.1 of the Administrative Code of the Russian Federation. Methodology: general scientific methods of cognition, as well as systematic, statistical and formal legal methods. Results: proposals to eliminate legal uncertainty in establishing the powers of internal affairs bodies in proceedings on cases of administrative offenses under Art. 20.6.1 of the Administrative Code of the Russian Federation are substantiated. Conclusions: the existence of competition of the norms stipulated by Art. 6.3 and Art. 20.6.1 of the CAO RF during the pandemic period, is explained by the urgent need to make changes in the normative-legal regulation of anti-epidemic measures, including by the authorities of the subjects of the Russian Federation. The expediency of granting the right to employees of internal affairs bodies to draw up protocols under article 20.6.1 of the CAO RF is argued.

Keywords: Covid-19 pandemic, anti-epidemic measures, administrative responsibility, coronavirus infection, sanitary and epidemiological welfare of the population.

Законодательство об административных правонарушениях обладает обоснованной динамичностью из-за изменчивости правовой системы, особенностей правового регулирования, появления новых общественных отношений, возникновения кризисных ситуаций и других социально-значимых факторов. Серьезный удар по сложившейся системе государственного управления нанесло стремительное распространение коронавирусной инфекции на территории России, вызвавшее высокий уровень заболеваемости и смертности населения.

Пандемия Covid-19 продлилась более трех лет (2020–2023) и в настоящее время считается завершённой. Однако глава ВОЗ Тедрос Гебрейесус предостерег мировое сообщество от полного приостановления реализации противоэпидемических мероприятий, так как угроза распространения коронавирусной инфекции все еще существует. Пандемия Covid-19 обнажила ряд проблем в сфере государственного управления по противодействию угрозам санитарно-эпидемиологическому благополучию населения, требующих серьезного научно-практического осмысления.

В период пандемии было установлено большое количество юридических предписаний по соблюдению санитарно-эпидемиологических правил и правил поведения при введенных чрезвычайных административно-правовых режимах. Лица, не соблюдающие данные предписания, вынуждают государство, по выражению А. П. Шергина, «включать» механизм государственного принуждения с применением санкций, так как они дезорганизуют действующую систему общественных отношений [1, с. 8].

Н. В. Макарейко отмечает, что при выборе «правового инструментария» самым сложным является использование мер принудительного характера, которое должно быть детально регламентировано [2, с. 105]. Вопрос устранения неопределенности в регламентации правовых мер борьбы с пандемией возник в начале 2020 г., когда органы государственной власти страны убедились в недостатке правовых средств, необходимых для сдерживания распространения инфекционного заболевания Covid-19. Кроме того, возникла необходимость по разработке новых способов оперативного реагирования на деяния, провоцирующие рост заболеваемости, и наделяния специальными полномочиями в этой сфере сотрудников правоохранительных органов.

Новые составы административных правонарушений были установлены Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»:

ч. 2 и 3 ст. 6.3 КоАП РФ «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения»;

ст. 20.6.1 КоАП РФ «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения»;

ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ предусматривает ответственность за распространение заведомо недостоверной информации о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения, представляющей угрозу жизни и безопасности граждан (ч. 10.1) или повлекшей тяжкие последствия (ч. 10.2)¹.

За первые два года пандемии количество правонарушений в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия (ст. 6.3–6.6 КоАП РФ) выросло в пять раз, связанных с невыполнением требований по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ст. 20.5, 20.6, 20.7 КоАП РФ) — более чем в восемь раз, за распространение заведомо недостоверной информации (в том числе относящейся к пандемии коронавируса) — в 2,5 раза. Значительный спад количества правонарушений в указанных областях был зафиксирован только в 2022 г.²

Однако проанализировать динамику административных правонарушений, связанных с пандемическими ограничениями, довольно затруднительно, так как статистика правонарушений, предусмотренных ст. 20.6.1 и 6.3 КоАП РФ, ведется Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации с 2022 г. Статистические данные по правонарушениям, предусмотренным ст. 6.3 КоАП РФ, публиковались в совокупности со ст. 6.4–6.6 КоАП РФ, по ст. 20.6.1 КоАП РФ до 2022 г. данных не было вовсе. Между тем даже в 2022 г., когда тяжесть противоэпидемических ограничений в стране была значительно снижена, было рассмотрено 657 340 дел по ст. 20.6.1 КоАП РФ³ — 9 % всех дел об административных правонарушениях, рассмотренных за год в судах первой инстанции.

Установление динамики административных правонарушений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических норм (ст. 6.3 КоАП РФ) и вновь введенных составов административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность (ст. 20.6.1 КоАП РФ), является крайне необходимым для определения стратегии борьбы с опасными инфекционными заболеваниями. Поэтому статистику по данным составам административных правонарушений необходимо вести с самого начала обострения эпидемиологической обстановки, включая подготовку и опубликование аналитических материалов.

Кроме того, достоверные аналитические материалы в рассматриваемой сфере должны использоваться для подготовки методических рекомендаций, способствующих исключению ошибок в правоприменительной практике, которые могут привести к отмене судебных решений и переквалификации противоправных деяний, в том числе в деятельности сотрудников органов внутренних дел.

На наш взгляд, при формулировании правовой нормы следует избегать излишне громоздких конструкций. Например, для правоприменителя вызывает

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 14, ч. 1, ст. 2029.

² См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: судебная статистика. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.05.2023).

³ См.: Там же.

сложности структура ст. 13.15 КоАП РФ, которая включает 11 частей и образует 15 составов правонарушений о «запрете фейков». А. В. Равнюшкин относит появление в КоАП РФ излишне сложных конструкций статей к индикаторам накопившихся проблем в системе государственного управления. По словам автора, если оперативные решения осуществляются посредством принятия множественных дополнений в одну статью КоАП РФ, то это является свидетельством сложной ситуации, возникшей в сфере исполнительной власти [3, с. 187].

Отметим, что спешность при внесении изменений в нормативно-правовое регулирование противоэпидемических мероприятий, в том числе органами власти субъектов Российской Федерации, порой приводила к конкуренции норм права (ст. 6.3 и 20.6.1 КоАП РФ), к правым неопределенностям и коллизиям.

Например, М. В. Соседова обращает внимание, что в соответствии с п. 12.1 Указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ, несоблюдение социальной дистанции в 1,5 м является административным правонарушением (ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ). Однако Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30 марта 2020 г. № 9 устанавливает обязанность по соблюдению дистанции до других лиц не менее одного метра, в противном случае наступает административная ответственность (ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ). Таким образом, административная ответственность, предусмотренная ч. 1 ст. 20.6.1 Кодекса, наступает только в том случае, если расстояние между людьми больше одного метра, но меньше полутора метров [4, с. 85].

В связи с этим Президиум Верховного Суда Российской Федерации был вынужден дать разъяснения в связи с возникающим у судов вопросом, как квалифицировать административное правонарушение, заключающееся в сокращении социальной дистанции между гражданами на расстояние менее одного метра. В обзоре судебной практики было указано, что в случае одновременного нарушения постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 и Указа Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» административное правонарушение необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, которая является специальной по отношению к ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ¹.

Приведем в качестве другого примера распространенную ошибку, связанную с неверным определением объекта правонарушения, что привело к неправильной квалификации противоправного деяния, на примере Решения от 18 августа 2020 г. № 12-826/2020 5-745/2020 по делу № 12-826/2020 Санкт-Петербургского городского суда².

Протоколом об административном правонарушении деяние гражданина Б. было ошибочно квалифицировано по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ (правонарушение в сфере общественных отношений в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения). В фабуле указано, что гражданин Б. гулял по парку в период действия запрета на посещение мест общего пользования. Суд

¹ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 15.05.2023).

² См.: Решение от 18 августа 2020 г. № 12-826/2020 5-745/2020 по делу № 12-826/2020 Санкт-Петербургского городского суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6jttRuxw2gY5/> (дата обращения: 15.05.2023).

первой инстанции переqualificировал действия гражданина Б. как деяние, подпадающее под признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ (нарушение введенного режима повышенной готовности), и посягающее на общественный порядок и общественную безопасность. Данное Постановление суда было отменено, так как содержащиеся в ч. 2 ст. 6.3 и ч. 1 ст. 20.6.1 составы административных правонарушений содержат разные объекты посягательства, что исключает возможность переqualificации вменяемого гражданину Б. деяния.

Остановимся на проблемных моментах, связанных с полномочиями органов внутренних дел по составлению протоколов об административных правонарушениях. Полномочия должностных лиц органов внутренних дел (полиции) по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 6.3, ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ, закреплены в п. 1 ч. 2 ст. 28.3 данного Кодекса.

Существует особый порядок составления протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Он был установлен Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 247-ФЗ, который внес изменения в КоАП РФ. Эти протоколы, в соответствии с ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ, могут составляться также должностными лицами органов внутренних дел (полиции), но только в том случае, если между МВД России и органами власти субъекта Российской Федерации заключено Соглашение о передаче осуществления этих полномочий.

К маю 2023 г., по данным МВД России, Соглашения были заключены с 59 субъектами Российской Федерации, в 30 субъектах Российской Федерации, в числе которых пять новых регионов из шести (за исключением Республики Крым), такие Соглашения отсутствовали¹. Необходимость заключения таких Соглашений не вызывает сомнений, так как должностные лица органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации не обладают полномочиями по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Только сотрудники полиции имеют право производить, например, доставление, административное задержание, личный досмотр и т.п. Вследствие этого необходимо стремиться к заключению Соглашений о передаче осуществления части полномочий МВД России со всеми субъектами Российской Федерации в вопросах, касающихся противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний.

Далее рассмотрим вопрос о полномочиях сотрудников органов внутренних дел по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.6.1 КоАП РФ. В п. 18 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ установлено, что протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.6.1 КоАП РФ, уполномочены составлять должностные лица органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Перечень таких должностных лиц был утвержден Распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2020 г. № 975-р. В него, помимо должностных лиц, например МЧС,

¹ См.: Соглашения о передаче полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях. URL: <https://дпд.мвд.рф/документы/соглашения-между-мвд-россии-и-органами-и> (дата обращения: 18.05.2023).

Росгвардии, входят должностные лица органов внутренних дел (полиции), уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях.

Перечень этих должностных лиц указан в Приказе МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» (в ред. от 27 августа 2021 г.) (далее — Приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685):

сотрудники полиции уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 19.26, ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, перечисленных в ч. 1 ст. 23.3, п.п. 1 и 79 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ;

должностные лица системы МВД России, не являющиеся сотрудниками полиции, а также стажеры, привлекаемые к выполнению обязанностей полиции, вправе в пределах компетенции, установленной ч. 1, п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП, составлять протоколы об административных правонарушениях, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, общественный порядок и общественную безопасность.

В приказе МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 отсутствует упоминание ст. 20.6.1, несмотря на то, что последняя редакция данного Приказа датирована 27 августа 2021 г., через полтора года после внесения изменений в КоАП РФ и введения в него состава правонарушения, предусмотренного названной статьей. Согласно данному правовому акту МВД России, сотрудники органов внутренних дел (полиции) не имеют права составлять протоколы по ст. 20.6.1 КоАП РФ, будучи основными субъектами (должностными лицами) органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В описанном случае создается правовая коллизия между подзаконным актом (Приказом МВД России от 30 августа 2017 г. № 685) и Федеральным законом (п. 18 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ). В соответствии с ч. 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации, если подзаконный нормативный правовой акт противоречит федеральному закону, действует федеральный закон.

Для устранения правовой неопределенности в установлении полномочий органов внутренних дел в производстве по делам об административных правонарушениях, которые отнесены к их компетенции, предлагается внести изменения в Приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685, дополнив ч. 1 после слов «предусмотренных частью 1 статьи 19.26,» словами «статьей 20.6.1,». После внесения изменений этот абзац будет изложен в следующей редакции: «Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 19.26, *статьей 20.6.1* (курсив наш. — О.В.), частью 1 статьи 20.25, перечисленных в части 1 статьи 23.3 и пунктах 1 и 79 части 2 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, с учетом осуществляемых полномочий вправе составлять следующие должностные лица:».

Таким образом, очевидно, что перед законодателем и органами государственного управления стоят весьма сложные и нерешенные задачи в области совершенствования административной ответственности в период неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, требующие дальнейшей теоретической и практической проработки. Российская правовая система должна быть готова к новым угрозам в области общественного здравоохранения, особенно в условиях нестабильной политической обстановки в мире и высокой вероят-

ности применения бактериологического оружия со стороны недружественных стран. Неоднозначная практика применения новых составов административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.3, 20.6.1 и 13.15 КоАП РФ, подтверждает правоту Ю.А. Тихомирова, который отметил, что «игнорирование правил составления и согласования проектов резко снижает эффективность правовой системы» [5, с. 3]. Существует необходимость в оперативном порядке устранять сложившиеся противоречия в правотворческой и правоприменительной деятельности, несмотря на окончание пандемии Covid-19.

Библиографический список

1. *Шергин А.П.* Административная юрисдикция. М.: Юрид. лит., 1979. 143 с.
2. *Макарейко Н.В.* Административная ответственность в системе публичной юридической ответственности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 105–110.
3. *Равнюшкин А.В.* О происходящей трансформации административного права и государственного управления в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3(87). С. 185–193.
4. *Соседова М.В.* Особенности административной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологического законодательства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 3. С. 83–87.
5. *Тихомиров Ю.А.* Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 3–9.

References

1. *Shergin A.P.* Administrative Jurisdiction. M.: Jurid. lit., 1979. 143 p.
2. *Makareiko N.V.* Administrative Responsibility in the System of Public Legal Responsibility // Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2020. No. 4. P. 105–110.
3. *Ravnyushkin A.V.* On the Ongoing Transformation of Administrative Law and Public Administration in Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3(87). P. 185–193.
4. *Sosedova M.V.* Features of Administrative Responsibility for Violation of Sanitary and Epidemiological Legislation // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9, no. 3. P. 83–87.
5. *Tikhomirov Yu.A.* Legal Design: Criteria and Errors // Journal of Russian Law. 2008. No. 2. P. 3–9.

А.Ф. Зенков

О РАСШИРЕНИИ КОМПЕТЕНЦИИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье рассматривается возможность надления дополнительными полномочиями пограничные органы России в целях привлечения лиц к уголовной ответственности, согласно санкции статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, не отнесенной к подсудственности пограничных органов, а также снижение процессуальной нагрузки на иные правоохранительные органы. **Цель** — обосновать возможность реализации норм особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации правоохранительными органами, осуществляющими оперативно-служебную деятельность на подвластной им режимной, приграничной территории без привлечения уполномоченных органов. **Методологическая основа:** формально-правовой анализ, теоретический и эмпирический анализ положений действующего российского законодательства, регламентирующего деятельность пограничных органов Российской Федерации. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно мнения о работе силовых структур по фиксации и расследованию сопутствующих преступлений в целях усиления процессуальных гарантий и реализаций процессуальных перспектив материалов проверок сообщений о преступлениях. **Выводы:** предложено мнение о целесообразности придания альтернативной подсудственности преступлению, не отнесенной к компетенции правоохранительного органа, в целях исключения раздельного предварительного расследования дознавателями различных ведомств, а также всевозможных сбойных ситуаций при сохранении следов преступления.

Ключевые слова: Государственный герб Российской Федерации, административное правонарушение, диспозиция, Уголовный кодекс Российской Федерации, объект преступления, дознание, пограничные органы, подсудственность.

A.F. Zenkov

ON EXPANDING THE COMPETENCE OF THE PROCEDURAL ACTIVITY UNITS OF THE BORDER GUARD AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the article considers the possibility of granting additional powers to the border authorities of Russia in order to bring persons to criminal responsibility, according to the sanction of the article of the Criminal Code of the Russian Federation, not attributed to the jurisdiction of the border authorities, as well as reducing the procedural burden on other law enforcement agencies. **Objective** — to substantiate the possibility of implementing the norms of the special part of the Criminal Code of the Russian

*Federation by law enforcement agencies carrying out operational and official activities in the regime, border territory under their control without involving authorized bodies. **Methodology:** formal legal analysis, theoretical and empirical analysis of the provisions of the current Russian legislation regulating the activities of the border authorities of the Russian Federation. **Results:** the author's position regarding the opinion on the work of law enforcement agencies on fixation and investigation of related crimes in order to strengthen procedural guarantees and realization of procedural perspectives of materials of verification of crime reports is argued. **Conclusions:** an opinion has been proposed on the advisability of giving alternative jurisdiction to a crime that is not within the competence of a law enforcement agency in order to exclude separate preliminary investigations by interrogators of different agencies and to exclude all sorts of glitches while preserving traces of the crime.*

Keywords: State Coat of Arms of the Russian Federation, administrative offense, disposition, Criminal Code of the Russian Federation, object of crime, inquiry, border authorities, investigation.

Любое суверенное государство имеет свою государственную символику, выделяющую его среди прочих. Описание элементов государственной символики всегда утверждается на законодательном уровне, получает подробное отражение в главном нормативном акте страны. Одним из атрибутов (символов) государства является герб, представляющий собой рисунок, в котором в символической форме отражаются характер данного государства, а нередко и те идеологические постулаты, которым оно следует. Государственный герб Российской Федерации (далее — герб) в качестве конкретного воплощения эмблемы имеет правовой статус, целесообразность использования, чья структура утверждается соответствующим документом. Актуальный вид и подробнейшее описание герба, мест его размещения, порядок изготовления, использования, хранения и уничтожения бланков, печатей и иных носителей с его изображением подробно изложено в Федеральном конституционном законе от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации»¹. Герб представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и над ними одной большой короной, соединенными лентой, в правой лапе орла — скипетр, в левой — держава. На груди орла, в красном щите, — серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьём черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона.

Важно отметить, что в названном законе в отдельную статью выведены государственные символы, расположенные на российских пограничных столбах и в российских пунктах пропуска через государственную границу, что особо подчеркивает их статус, представительскую функцию и не двусмысленно обозначает государственный суверенитет и уровень ответственности, возлагаемой на пограничные органы Российской Федерации (ст. 6)². Пограничные знаки как видимые предметы на местности служат для обозначения государственной границы.

¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 52, ч. 1, ст. 5021.

² См.: Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 4 мая.

В ст. 6 названного закона закреплено положение о том, что государственная граница на местности обозначается ясно видимыми пограничными знаками. Описание и порядок установки пограничных знаков определяются международными договорами Российской Федерации, решениями Правительства РФ. Герб, расположенный на российских пограничных столбах из состава пограничных знаков, возведен в статус государственных символов и находится под особой защитой.

Основной пограничный знак — пограничный знак, устанавливаемый на сухопутных участках в местах поворота государственной границы, а также в наиболее высоких и других характерных точках местности на прямых отрезках государственной границы; состоит из пограничного столба государства, пограничного столба сопредельного государства и центрального (полигонометрического) столбика¹. Щиток с изображением государственного герба — изделие, изготовленное из стеклопластика (с омеднением) в заводских условиях, которое крепится в верхней части лицевой стороны пограничного столба; размеры, высота и порядок крепления устанавливаются международными договорами и (или) национальным законодательством².

Правилами содержания государственной границы³ регулируется порядок установки, сохранения и поддержания в исправном состоянии пограничных знаков, их контрольных осмотров, оборудования и содержания пограничных просек, проведения совместных с сопредельным государством проверок прохождения государственной границы. Данная обязанность, вне всякого сомнения, возложена на пограничные органы Российской Федерации. Вместе с тем нельзя исключать появление различных неприятных ситуаций, при которых общественные отношения, обеспечивающие уважительное отношение к символам, олицетворяющим суверенитет государства и его авторитет, являются объектом преступления. Подобная потенциальная угроза всегда существует и для российского герба, расположенного на пограничных столбах или в пунктах пропуска.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусмотрено наступление административной ответственности за уничтожение специальных знаков⁴ или сооружений, устанавливаемых уполномоченными государственными органами. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» из диспозиции была исключена часть, устанавливавшая административную ответственность за уничтожение или повреждение межевых знаков границ земельных участков, а равно невыполнение обязанностей по сохранению указанных знаков. Объективная сторона правонарушения выражается в форме действия по уничтожению или повреждению специальных знаков, то есть разрушению знака путем выкапывания, сжигания, расщепления, подрубки, спиливания, повала и т.п. (когда объект лишь частично

¹ См.: Глоссарий терминов и понятий, используемых государствами — участниками СНГ в пограничной сфере: принят на сорок седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 47-13 от 13 апреля 2018 г.) (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Там же.

³ См. ст. 8 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (Российская газета. 1993. 4 мая).

⁴ См. ч. 2 ст. 7.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (Российская газета. 2001. 31 дек.).

теряет свои полезные свойства). Сюда же относится и снос в результате наезда или подрыва. Административные правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 7.2 КоАП РФ, могут быть совершены только в форме действия.

Компетенция пограничных органов, относимая к рассмотрению дел об административных правонарушениях, исчерпывающе определена нормами ст. 23.10 КоАП РФ и обязывает рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 7.2 Кодекса.

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ разъяснено, что малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий, не представляющих существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. Следовательно, судебная практика исходит из того, что правонарушение, предусмотренное названной статьей, не может рассматриваться как малозначительное.

Однако несмотря на изложенные нормы КоАП РФ нужно понимать, что из всей конструкции пограничного знака (столба) российский герб наделен особо охраняемым статусом и защищен не столько нормами КоАП РФ, сколько нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Уголовная ответственность за надругательство над Государственным гербом Российской Федерации предусмотрена санкцией ст. 329 УК РФ. Необходимо четко разграничивать нормы, изложенные в названной статье, от норм ст. 7.2 КоАП РФ, поскольку они относятся к различным отраслям права и предусматривают совершенно разный вид ответственности.

Под надругательством принято понимать не что иное, как грубое, оскорбительное, кощунственное отношение к указанным символам, проявляющееся в их срывании, повреждении, уничтожении, забрасывании грязью или красящим веществом, нанесении циничных надписей и т.д. Непосредственным объектом состава преступления является установленный нормативными актами порядок обеспечения авторитета государственной символики. Объективная сторона преступления характеризуется надругательством над Государственным гербом Российской Федерации. Обстановка надругательства (публично или тайно) не имеет особого значения для квалификации, достаточно того, чтобы результат стал очевиден окружающим либо в дальнейшем стал доступным неопределенному кругу лиц. Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла, то есть лицо осознает, что совершает надругательство над официальными символами Российской Федерации, и желает совершения такового. Преступление считается оконченным с момента совершения любого действия по осквернению государственных символов, вне зависимости от наступления последствий. По конструкции объективной стороны состав преступления формальный. По совокупности юридических признаков действия в отношении символов других государств, символов и гербов иных субъектов нормами ст. 329 УК РФ не охватываются. В тех случаях, когда при надруга-

¹См.: Российская газета. 2005. 19 апреля.

тельстве над Гербом Российской Федерации совершаются действия, грубо нарушающие общественный порядок, совершенные с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, или по экстремистским мотивам, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений ст. 213 (хулиганство) и 329 УК РФ.

Не стоит путать деяние, за которое предусмотрена санкция ст. 329 УК РФ, с противоправным изменением государственной границы Российской Федерации, где объектом преступления является ее неприкосновенность. Предметом преступления выступают пограничные знаки, которыми на местности обозначается государственная граница (пограничные столбы, пограничные пирамиды, буи), но не Герб Российской Федерации.

Объективная сторона состава названного преступления заключается в совершении ряда альтернативных действий: изъятии пограничных знаков; их перемещении; уничтожении знаков, когда его восстановление невозможно.

Под изъятием понимается устранение пограничных знаков с государственной границы России. Перемещение — это перенесение пограничных знаков с последующей их установкой в другом месте. Уничтожение — это приведение пограничного знака в непригодное для использования состояние с утратой всех основных свойств и признаков знака. Необходимо понимать, что при совершении подобного деяния государственный символ, присутствующий на знаке, не всегда может быть поврежден или испорчен.

Предварительное расследование по уголовному делу, предусмотренному ст. 329 УК РФ, производится в форме дознания и отнесено к компетенции дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации¹.

Сложившаяся многолетняя практика свидетельствует о том, что все происшествия на государственной границе в первую очередь выпадают на долю пограничных органов Российской Федерации, которые обязаны эти происшествия официально фиксировать. Любые общественные отношения, охраняемые государством на приграничной территории, так или иначе затрагивающие интересы охраны государственной границы заслуживают в определенной степени внимания со стороны пограничных органов и устранения или участия в устранении негативных последствий (при наличии).

Пограничные органы являются неотъемлемой частью правоохранительной системы Российской Федерации и имеют в своем составе подразделения уголовно-процессуальной деятельности, которые проводят предварительное расследование в форме дознания по статьям УК РФ, законодательно отнесенным к их компетенции, то есть к их подследственности.

Под подследственностью понимается свойство уголовного дела, образуемое совокупностью таких его признаков, как тяжесть совершенного преступления; место совершения преступления; лицо, в отношении которого совершено преступление, или лицо, совершившее это преступление. Другими словами подследственность — это совокупность признаков преступления (общественно опасного деяния), по которым его расследование в полном объеме относится к компетенции строго определенного органа предварительного расследования конкретной структурной единицы правоохранительного ведомства.

¹ См. ст. 150, 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (Российская газета. 2001. 22 дек.).

Исходя из анализа норм ст. 150, 151 УПК РФ, становится ясно, что ст. 329 УК РФ подследственна органам внутренних дел Российской Федерации и при этом альтернативной подследственности не имеет. Альтернативный (смешанный) признак подследственности допускает производство предварительного расследования по делам одной и той же категории следователями различных ведомств. Согласно этому признаку подследственность определяется по органу, выявившему соответствующее преступление.

В подследственность пограничных органов России законодателем отнесено преступление, предусмотренное ст. 323 УК РФ, но в диспозиции данной статьи не закреплена ответственность субъекта за порчу российских государственных символов, несмотря на их наличие. Напрашивается вывод о том, что пограничные органы могут применить санкцию в виде административного наказания к лицу за порчу пограничного знака, но, к сожалению, не имеют таких полномочий за преступное деяние, направленное на государственный герб, расположенный на этих же пограничных знаках (столбах), а также в пунктах пропуска.

Установление всех обстоятельств дела это объективно необходимый результат любой уголовно-процессуальной деятельности, который должен быть достоверным, или истинным, в ином случае уголовное судопроизводство обернется произволом. Эффективно применяя возможности оперативных подразделений и подразделений процессуальной деятельности в совокупности, пограничные органы России смогут быстро и своевременно фиксировать возникающие инциденты на государственной границе, связанные с угрозами для государственных символов, расположенных на российских пограничных столбах, а также в пунктах пропуска. Для этого подразделениям дознания пограничных органов необходимо предоставить возможность официально осуществлять уголовное преследование в отношении лиц, совершивших преступные деяния, направленных на российскую символику, что позволит оперативно реагировать на быстроменяющуюся обстановку, экономить время, не расходуя его на передачу (пересылку) материалов проверки сообщения о преступлении по подследственности в компетентные органы (ст. 329 УК РФ), а также исключить ожидание результатов рассмотрения материалов проверки, процессуальная перспектива которых напрямую затрагивает интересы пограничных органов. Важно понимать, что у сотрудников внутренних дел России не всегда имеется возможность оперативно прибыть на место преступления, совершенное на удаленной и режимной территории российского приграничья, что автоматически усложняет и затягивает процедуру фиксации преступления и сохранения следов совершенного деяния.

Закон устанавливает, что не любой орган дознания или должностное лицо вправе возбудить уголовное дело, а значит начать предварительное расследование. Компетенция большинства органов дознания ограничена ст. 40, 40.1, 40.2, 41, 151 УПК РФ. Место производства предварительного расследования как правовой институт тесно связано с территориальной подследственностью. Предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления (ст. 152 УПК РФ), где законодатель подразумевал не только место начала расследования, но и место, где оно должно быть завершено. Данное общее условие распространяется на все формы предварительного расследования. Приведенное правило не касается дознания в виде производства неотложных следственных действий (ч. 5 ст. 152 УПК РФ), по-

скольку не является расследованием в полном объеме. Следовательно, дознание в порядке п. 3 ст. 149 и 157 УПК РФ осуществляется в том районе и тем органом, которым оно было выявлено.

Лицо, нанесшее вред пограничному знаку и одновременно Гербу Российской Федерации, располагающемуся на российском пограничном столбе, может понести ответственность как по санкции ст. 7.2 КоАП РФ, так и по санкции ст. 329 УК РФ, одновременно. В данном случае вполне допустимы ситуации «горизонтального» сопряжения двух систем права, когда применение норм административного права совмещено с применением норм уголовного закона.

Видовой объект преступления выступает частью родового объекта. Видовой объект делит разделы Особенной части УК РФ на главы. Преступления, посягающие на неприкосновенность государственной границы (ст. 322, 322.1, 323 Кодекса), и преступления, посягающие на авторитет государственной власти (ст. 329), объединены в гл. 32 УК РФ. Посягательства на порядок управления подрывают основы деятельности органов управления, вносят элементы дезорганизации в их работу, снижают ее эффективность. Это обуславливает высокую общественную опасность преступлений названной группы, однако все эти преступления объединяет то обстоятельство, что вред ими причиняется, в первую очередь, в сфере управления.

Возбудить уголовное дело по преступлениям, подследственным следователям, может и орган дознания. Тем не менее смешанная подследственность касается лишь органов предварительного следствия (органы дознания не наделены правом производить предварительное следствие по преступлениям, предусмотренным п. 2 ст. 151 УПК РФ). Альтернативный признак подследственности определяется фактом обнаружения преступления в процессе предварительного расследования.

Учитывая изложенное, в рамках фиксации сопутствующих нарушений и в целях усиления процессуальных гарантий, исключения сбойных ситуаций при сохранении следов преступного деяния было бы более правильным определить названные преступления в компетенцию сразу нескольких правоохранительных органов, придав ст. 329 УК РФ свойство альтернативной подследственности, отнеся ее наряду с органами внутренних дел в подследственность дознавателей пограничных органов ФСБ России. Для этой цели необходимо внести соответствующие поправки (дополнения) в ст. 151 УПК РФ.

Система законодательства меняется постоянно, что не всегда является следствием ее несовершенства. Очевидно, что общественные отношения не стоят на месте, они динамично развиваются. Вместе с ними должна обновляться и система законодательства, поскольку современная процессуальная практика идет по пути соединения лучшего. Составы некоторых преступлений объективно связаны и раздельное предварительное расследование и судебное разбирательство не всегда могут обеспечить достижение целей и решение задач уголовного судопроизводства, поэтому расследование и судебное рассмотрение таковых целесообразно производить одновременно. В результате складывается определенное состояние упорядоченности общественных отношений, которое обуславливает уровень правовой культуры.

К.А. Никитин

ПОНЯТИЕ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Введение: признавая важность правовой регламентации административных процедур, которые реализуются в рамках государственных и муниципальных закупок, законодатель закрепляет определение понятия «контрактная система». Однако оно не в полной мере соответствует ее сущности. **Цель** — на основе рассмотрения научных позиций и положений нормативных актов выявить признаки контрактной системы, позволяющие раскрыть ее значение. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания: анализ, синтез, абстрагирование, системный, формально-юридический. **Результаты:** автором сформулировано определение понятия «контрактная система», отличное от закрепленного в законодательстве и более соответствующее ее сущности. **Вывод:** контрактная система в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд представляет собой совокупность основанных на законодательстве Российской Федерации и иных нормативных правовых актах и возникающих в рамках закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд общественных отношений, направленных на обеспечение законности, эффективности, результативности, гласности и прозрачности их осуществления.

Ключевые слова: контрактная система, государственные и муниципальные закупки, принципы права, эффективность, государственные и муниципальные нужды, законность.

К.А. Nikitin

CONCEPT OF CONTRACTUAL SYSTEM IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES FOR THE PROVISION OF STATE MUNICIPAL NEEDS

Background: recognizing the importance of legal regulation of administrative procedures that are implemented in the framework of state and municipal procurement, the legislation enshrines the definition of the concept of “contractual system”. However, it does not fully correspond to its essence. **Objective** — on the basis of consideration of scientific positions and provisions of normative acts to identify the features of the contractual system, allowing to reveal its concept. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality, which include analysis, synthesis, abstraction, systemic and comparative legal methods. **Results:** the author has formulated a definition of the concept of “contractual system”, which differs from the one

© Никитин Кирилл Анатольевич, 2024

Аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: advokat@nikitin-kirill.ru

© Nikitin Kirill Anatolievich, 2024

Posegraduate Student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

enshrined in the legislation and is more consistent with its essence. Conclusion: contract system in the sphere of procurement of goods, works and services for state and municipal needs is a set of public relations based on the legislation of the Russian Federation and other regulatory legal acts and arising within the framework of procurement of goods, works and services for state and municipal needs, aimed at ensuring legality, efficiency, effectiveness, publicity and transparency of their implementation.

Keywords: *contract system, state and municipal procurement, principles of law, efficiency, state and municipal needs, legality.*

Важность обеспечения функционирования института государственных и муниципальных закупок обусловлена его ключевой ролью в удовлетворении потребностей населения, развитии национальной экономики и повышении эффективности экономических процессов. Потенциал государственных и муниципальных контрактов может обеспечить решение социально-экономических проблем, проведение научных исследований, внедрение новых технологий во все отрасли и сферы жизни общества.

В современных условиях государственные и муниципальные закупки рассматриваются в качестве одного из элементов административно-правового механизма обеспечения гарантий национальной безопасности. Составляющей национальной безопасности выступает экономическая безопасность [1, с. 294], основная задача которой — осуществление контроля в сфере закупок.

В соответствии с действующим законодательством организована так называемая контрактная система. Как следует из формулировки ст. 3 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее — Закон № 44-ФЗ), она представляет собой «совокупность участников контрактной системы в сфере закупок и осуществляемых ими в соответствии с законодательством и иными нормативными правовыми актами действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд»¹.

Таким образом, в структуре контрактной системы законодательно закреплены ее участники, которые осуществляют действия, регламентированные нормами права, в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд. Однако остается открытым вопрос, какие именно признаки позволяют говорить о наличии у нее системного характера.

Следует отметить, что отправной точкой при определении контрактной системы должно служить общепринятое философское понятие системы. Она всегда имеет определенное внутреннее строение, складывается из ряда различных элементов. Однако наличия внутреннего строения еще недостаточно для того, чтобы говорить о системе. Такие элементы должны взаимодействовать определенным образом, целенаправленно. Таким образом, система — это целостная совокупность отдельных элементов, предназначенная для выполнения определенной функции [2].

Однако важно обратить внимание на то, что взаимодействие элементов должно приводить к возникновению у системы собственных свойств, которыми не обладают отдельные элементы, входящие в ее содержание. Из этого следует, что

¹ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 14 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; 2023. № 47, ст. 8308.

лишь в целостности проявляются интегративные свойства, без которых нельзя говорить о системе в принципе [3, с. 257]. Важно, что все ее элементы должны действовать организованно, то есть в определенном порядке [4, с. 156; 5, с. 5].

Л.В. Андреева считает, что системный характер рассматриваемого института проявляется в том, что субъекты государственных и муниципальных закупок осуществляют действия, охватывающие не только этап размещения заказов и заключения контрактов, но и планирование закупок, исполнение контрактов, мониторинг, аудит и контроль [6].

Действительно, нормы административного права закрепляют четкую последовательность действий субъектов закупки, что выступает правовой гарантией соблюдения прав и законных интересов ее участников. Вместе с тем данный подход к определению сущности контрактной системы не представляется оптимальным, поскольку само по себе наличие совокупности административных процедур, реализуемых в рамках государственных и муниципальных закупок, еще не говорит о наличии у них системного характера.

Существуют и иные точки зрения относительно теоретического определения рассматриваемого института. Так, по мнению И.К. Дмитриевой, «контрактная система — это многокомпонентная и многофункциональная система с элементами организационного и экономического регулирования взаимоотношений государственного заказчика и исполнителя государственного заказа, выявляемого процедурой конкурса» [7, с. 7].

Достоинством данной позиции является попытка дать характеристику контрактной системе как совокупности компонентов, направленной на реализацию некоторого множества функций. В то же время в нем не конкретизируется, о каких именно компонентах и функциях идет речь. Трактовка контрактной системы в обозначенном виде также недостаточно корректна, поскольку процедура конкурса — лишь одна из существующих разновидностей процедур закупок.

Иное определение контрактной системы предлагает Н.В. Мячин, который рассматривает ее как «совокупность участников и совершаемых ими действий в соответствии с принципами в процессе планирования, осуществления, мониторинга, аудита и контроля в сфере закупок» [8]. Аналогичной позиции придерживаются А.А. Юдин, Т.В. Тарабукина [9].

Таким образом, помимо административных процедур в содержание контрактной системы ученые включают правовые принципы, на основе которых они должны осуществляться. Положительным моментом выступает то, что данный подход соответствует содержанию нормативных актов, поскольку рассматриваемая система основывается на единых принципах (ст. 11 Закона № 44-ФЗ).

В свою очередь, в ст. 6–12 Закона № 44-ФЗ закреплён перечень принципов, которыми надлежит руководствоваться участникам контрактной системы, а также подробно раскрывается их содержание. Однако требуется обратить внимание на то, что законодатель не уточняет, какую общую целевую направленность имеет совокупность принципов контрактной системы. Между тем о наличии данной направленности можно судить, если принимать во внимание то обстоятельство, что принципы представляют собой требования к деятельности участников государственных и муниципальных закупок. Тем самым реализация принципов способствует обеспечению одного из признаков системы — упорядоченности.

Кроме того, рассмотрение правовых принципов в качестве связующего элемента контрактной системы позволяет прийти еще к одному выводу. Так, о наличии

у правовых принципов свойства обязательности свидетельствует их нормативное закрепление. Будучи нормативно закрепленными, они распространяют свое действие на участников процедур закупок. Поскольку принципы выступают основополагающими императивными требованиями, которые предъявляются к содержанию правоотношений, следует признать обоснованным подход тех авторов, которые при определении понятия контрактной системы уделяют внимание данному обстоятельству.

Е. П. Чорновол считает, что «контрактная система — это совокупность правоотношений, возникающих в сфере закупок» [10]. Аналогичной позиции придерживаются С. А. Черемухин [11, с. 4] и Д. А. Петров [12, с. 2].

В. В. Кикавец определяет контрактную систему как «систему правоотношений, в которых одной из сторон выступает уполномоченный представитель публичной власти, осуществляющий приобретение товаров, работ, услуг за счет средств соответствующего бюджета в целях реализации публичного интереса» [13, с. 155]. Однако специфика данных правоотношений в указанном определении не конкретизируется.

Таким образом, контрактная система всегда представляет собой систему определенных правоотношений. Их участниками являются как субъекты публичной власти, так и невластные субъекты — организации, физические лица, индивидуальные предприниматели.

Вместе с тем представляется, что указанные определения имеют и существенный недостаток, который состоит в том, что они не раскрывают один из ключевых признаков системы — выполнение ее элементами конкретных функций, направленность на достижение определенных целей.

Как ранее было сказано, элементы, составляющие систему, взаимодействуют целенаправленно. Реализации целей системы способствует и наличие ее организованности, обеспеченной регламентацией правовыми нормами, в том числе закрепляющими принципы контрактной системы. Поэтому следует обратиться к позиции ученых, которые отмечают, что контрактная система обеспечивает достижение определенных целей.

Так, по мнению отдельных авторов, это «комплексная совокупность правоотношений, которые формируются в связи с совершением их участниками действий с целью обеспечения государственных и муниципальных нужд» [14]. Однако такая цель контрактной системы, как «обеспечение государственных и муниципальных нужд» не является конкретной ввиду отсутствия в актуальном законодательстве четкого нормативного определения таких нужд.

В данном аспекте также следует отметить, что в прежнюю редакцию Закона № 44-ФЗ была включена ст. 13, посвященная целям осуществления государственных и муниципальных закупок. В качестве таковых рассматривалась необходимость реализации мероприятий, а также выполнения функций и полномочий органов власти. В настоящее время ст. 13 Закона № 44-ФЗ утратила силу. Вместе с тем ограничение целей государственных и муниципальных закупок необходимостью реализации тех или иных мероприятий и выполнения полномочий заказчиков не в полной мере раскрывало сущность данного правового института.

Ж. С. Новожилова и О. А. Зарубина считают, что главной целью контрактной системы является «реализация единого цикла государственного и муниципального заказа, а также обеспечения контроля за качественным исполнением

заключенных контрактов» [15]. Однако наличие положительных моментов обеспечения реализации единого цикла государственного или муниципального заказа в данном случае неочевидно.

Во многом сходной точки зрения придерживается Т.А. Пестикова. Ученый понимает под целью рассматриваемого института «создание и корректное функционирование единого цикла заказа с последующим исполнением контракта», отмечая, что это «позволит обеспечить эффективное использование материальных ресурсов, надежное управление технологическими и экономическими рисками, а также снижение коррупции в государственном секторе» [16]. Достоинство данной позиции — акцент на эффективности закупок, а также выделение иных целей контрактной системы.

Иное определение контрактной системы предлагает П.П. Кабытов, определяя ее в качестве «организационно-правовой формы удовлетворения государственных и муниципальных нужд» [17, с. 11]. Он также обращает внимание на необходимость достижения эффективности закупок.

Таким образом, ряд авторов в качестве важнейшего принципа, определяющего целевую направленность контрактной системы, рассматривают эффективность закупок. Между тем в Законе № 44-ФЗ определение «эффективность закупок» не закреплено.

Основываясь на том суждении, что под эффективностью должно подразумеваться достижение целей функционирования системы, то есть получение результата, который оценивается посредством сопоставления достигнутого состояния с желаемым, следует констатировать, что эффективность государственных и муниципальных закупок проявляется в «обеспечении соответствия приобретаемых товаров, работ или услуг заявленным требованиям» [18]. Данный подход находит выражение в работе М.В. Шмелевой. Кроме того, автор в понятие «эффективность» включает «заключение договора на лучших возможных условиях и обеспечение гарантии того, что участник закупки будет в состоянии обеспечить исполнение условий контракта» [18]. Данная категория является оценочной и подлежит установлению в каждом конкретном случае.

Как было отмечено ранее, в настоящее время в Законе № 44-ФЗ не закреплено содержание целей контрактной системы. Однако стоит обратить внимание на ст. 1 Закона № 44-ФЗ, в соответствии с которой он «регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, в целях эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности их осуществления, предотвращения коррупции и других злоупотреблений»¹. Учитывая сказанное, можно констатировать, что данное определение также указывает на необходимость достижения эффективности закупок.

Представляется, что перечисленные в ст. 1 Закона № 44-ФЗ цели имеют отношение и к контрактной системе как правовому институту, поскольку данный акт посвящен нормативной регламентации общественных отношений, которые складываются в ее рамках. Названная целевая характеристика может быть положена в основу определения контрактной системы. Однако она была бы недостаточной без указания на необходимость обеспечения законности закупок,

¹ См. ст. 1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 14 ноября 2023 г.) (СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; 2023. № 47, ст. 8308).

то есть соблюдения всеми участниками в сфере закупок законодательства о контрактной системе. Законность — общеправовой принцип, поскольку находит выражение во всех отраслях права, правовых институтах в их рамках. Именно поэтому она является необходимым условием для реализации всех иных принципов контрактной системы.

Законность в сфере закупок проявляется различным образом. Так, достижению поставленных перед контрактной системой целей способствует ее четкое правовое регулирование, в соответствии с которым должен быть организован процесс государственных и муниципальных закупок, которые прежде всего должны осуществляться в порядке, установленном Законом № 44-ФЗ. Нормы права, которые содержатся в других федеральных законах, не должны ему противоречить. Однако как данный закон, так и иные нормативные акты, подробно регламентируют порядок реализации административных процедур в сфере закупок, закрепляют права и обязанности их субъектов, ограничения и запреты для них, устанавливают конкретные требования к участникам, содержанию документов, которые подлежат составлению в рамках закупок, а также перечень таких документов. Порядок проведения закупочных процедур для государственных и муниципальных нужд закреплен императивными нормами, что означает невозможность его изменения по соглашению сторон. Порядок защиты общественных отношений в данной сфере также регламентирован нормами административного права.

Законодательство устанавливает основания применения мер ответственности за нарушения законодательства, перечень таких мер и условия их реализации. Правовыми средствами обеспечения законности в сфере закупок также выступают процедуры государственного контроля и надзора, подразумевающие применение различных мер административного принуждения. Важно отметить, что устранение нарушений, выявленных по их результатам, также способно повысить эффективность закупок и обеспечить реализацию иных принципов контрактной системы.

В конечном итоге, наличие законности означает достижение состояния, когда процедуры закупок реализуются в соответствии с их целями, нормативно установленными принципами, отсутствуют нарушения норм права, а права и законные интересы участников контрактной системы в наибольшей степени защищены от противоправных деяний.

На основании изложенного сформулируем авторское определение понятия «контрактная система», отличное от закрепленного в Законе № 44-ФЗ и более соответствующее ее сущности. Итак, контрактная система — это совокупность основанных на законодательстве Российской Федерации и иных нормативных правовых актах и возникающих в рамках закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд общественных отношений, направленных на обеспечение законности, эффективности, результативности, гласности и прозрачности их осуществления.

Библиографический список

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. *Верецагин И.М.* Воспроизводственные проблемы планового управления регионом. Новосибирск: Наука, 1989. 223 с.

3. *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. 401 с.
4. Диалектика познания сложных систем: монография / под ред. В.С. Тюхтина. М.: Мысль, 1988. 316 с.
5. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
6. *Андреева Л.В.* Формирование контрактной системы в России в условиях экономической интеграции // Юрист. 2013. № 14. С. 3–8.
7. *Дмитриева И.К.* Государственная контрактная система в смешанной экономике: автореф. ... дис. канд. эконом. наук. М., 2003. 26 с.
8. *Мячин Н.В.* Понятие контрактной системы в сфере закупок для обеспечения государственных нужд России // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития: сб. матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. С. 21–26.
9. *Юдин А.А., Тарабукина Т.В.* Понятие, принципы и правовое регулирование контрактной системы // Московский экономический журнал. 2021. № 8. С. 629–638.
10. *Чорновол Е.П.* Понятие контрактной системы России в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Право и экономика. 2015. № 4. С. 42–46.
11. *Черемухин С.А.* Развитие экономических отношений в системе государственных закупок как условие модернизации экономики России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2010. 32 с.
12. *Петров Д.А.* Контрактная система в сфере закупок и публичные закупки как способы государственного воздействия на экономику // Конкурентное право. 2013. № 3. С. 2–5.
13. *Кикавец В.В.* Публичные закупки в России: понятие и содержание // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 2. С. 397–420.
14. *Афанасьев М.В.* Мировая конкуренция и кластеризация экономики // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 75–85.
15. *Новожилова Ж.С., Зарубина О.А.* Реализация положений закупочной логистики в деятельности учреждений и предприятий УИС // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. № 4. С. 74–79.
16. *Пестикова Т.А.* Правовое регулирование контрактной системы как элемента экономической системы государства // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 484–487.
17. *Кабытов П.П.* Административно-правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 27 с.
18. *Шмелева М.В.* Эффективность осуществления закупок как важнейшая цель российской контрактной системы // Legal Concept. 2018. Т. 17, № 1. С. 79–83.

References

1. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. by A.Yu. Sokolov. M.: Norma: INFRA-M, 2018. 352 p.
2. *Vereshchagin I.M.* Reproductive Problems of Planned Management of the Region. Novosibirsk: Nauka, 1989. 223 p.
3. *Kuzmin V.P.* The Principle of Systematicity in the Theory and Methodology of K. Marx. 2nd ed. M.: Politizdat, 1980. 401 с.
4. Dialectics of Knowledge of Complex Systems: monograph / ed. by V.S. Tyukhtina. M.: Mysl, 1988. 316 p.
5. *Alekseev S.S.* The Structure of Soviet Law. M.: Jurid. lit., 1975. 264 p.

6. *Andreeva L.V.* Formation of the Contract System in Russia in the Conditions of Economic Integration // *Jurist*. 2013. No. 14. P. 3–8.
7. *Dmitrieva I.K.* State Contract System in a Mixed Economy: extended abstract diss. ... cand. of Economics. M., 2003. 26 p.
8. *Myachin N.V.* The Concept of a Contract System in the Field of Procurement to Meet the State Needs of Russia // *Infrastructure Sectors of the Economy: Problems and Development Prospects: collection of materials of the XII International Scientific and Practical Conference* / ed. by S.S. Chernov. Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2016. P. 21–26.
9. *Yudin A.A., Tarabukina T.V.* Concept, Principles and Legal Regulation of the Contract System // *Moscow Economic Journal*. 2021. No. 8. P. 629–638.
10. *Chornovol E.P.* The Concept of the Russian Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs // *Law and Economics*. 2015. No. 4. P. 42–46.
11. *Cheremukhin S.A.* Development of Economic Relations in the Public Procurement System as a Condition for Modernizing the Russian Economy: extended abstract diss. ... cand. Economics. Tambov, 2010. 32 p.
12. *Petrov D.A.* Contract System in the Field of Procurement and Public Procurement as Ways of Government Influence on the Economy // *Competition Law*. 2013. No. 3. P. 2–5.
13. *Kikavets V.V.* Public Procurement in Russia: Concept and Content // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal sciences*. 2023. Vol. 27, no. 2. P. 397–420.
14. *Afanasyev M.V.* Global Competition and Clusterization of the Economy // *Questions of Economics*. 2005. No. 4. P. 75–85.
15. *Novozhilova Zh.S., Zarubina O.A.* Implementation of the Provisions of Procurement Logistics in the Activities of Institutions and Enterprises of the Penal System // *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2017. No. 4. P. 74–79.
16. *Pestikova T.A.* Legal Regulation of the Contract System as an Element of the Economic System of the State // *State-Legal Studies*. 2020. No. 3. P. 484–487.
17. *Kabytov P.P.* Administrative and Legal Regulation of the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs: extended abstract diss. ... cand. of Law. M., 2021. 27 p.
18. *Shmeleva M.V.* Efficiency of Procurement as the Most Important Goal of the Russian Contract System // *Legal Concept*. 2018. Vol. 17, no. 1. P. 79–83.

А.У. Сейдахметова

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СЕМЕЙНО-БЫТОВЫМ НАСИЛИЕМ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Введение: в статье рассмотрены признаки административных правонарушений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, ответственность за которые предусмотрена законодательством Республики Казахстан. **Цель** — на основе анализа правоприменительной практики, статистических данных, спорных моментов, возникающих при привлечении к административной ответственности лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, аргументировать предложения по совершенствованию действующего законодательства. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ, синтез), а также системный, статистический и формально-юридический методы. **Результаты:** обоснованы предложения по внесению изменений и дополнений в некоторые нормативные правовые акты Республики Казахстан. **Выводы:** аргументирована целесообразность расширения перечня лиц, которые могут быть субъектами административной ответственности за совершение семейно-бытового насилия. Обосновано предложение за совершение семейно-бытового насилия применять к правонарушителям наряду с такими административными взысканиями, как предупреждение и административный штраф, санкцию в виде общественных работ.

Ключевые слова: административные правонарушения, семейно-бытовое насилие, административный арест, административная ответственность, защитное предписание, нарушение защитного предписания.

A. U. Seidakhmetova

MEASURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES RELATED TO DOMESTIC VIOLENCE UNDER THE LEGISLATION REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Background: the article considers the signs of administrative offenses committed in the family and household sphere, responsibility for these offenses is provided for by the Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses. **Objective** — on the basis of analysis of law enforcement practice, statistical data, controversial issues arising in bringing to administrative responsibility persons who have committed offenses in the sphere of family and domestic relations, to argue proposals to improve the current legislation. **Methodology:** general scientific methods of cognition (analysis, synthesis), as well as systematic, statistical and formal legal methods. **Results:**

© Сейдахметова Асемгуль Уахитовна, 2024

Адъюнкт (Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации);
e-mail: asemgul_sv@mail.ru

© Seidakhmetova Asemgul Uakhitovna, 2024

Adjunkt (St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

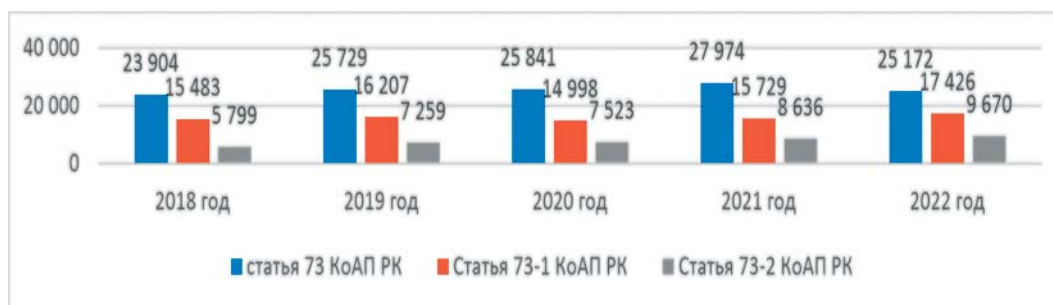
proposals on introduction of amendments and additions to some normative legal acts of the Republic of Kazakhstan are substantiated. Conclusions: the expediency of expanding the list of persons who may be subjects of administrative responsibility for the commission of domestic violence is argued. The proposal for the commission of domestic violence to apply to offenders, along with such administrative penalties as a warning and an administrative fine, a sanction in the form of community service, is substantiated.

Keywords: *administrative offenses, domestic violence, administrative arrest, administrative responsibility, protective order, violation of protective order.*

Правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений наносят значительный ущерб благополучию нашего общества. Они приводят к разрушению семьи, оказывают отрицательное воздействие на детей и иных членов семьи. Вопросы ужесточения наказания за правонарушения, связанные с семейно-бытовым насилием, неоднократно освещались в Послании народу Казахстана Президентом Республики Казахстан К.-Ж. Токаевым.

Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее — КоАП РК) предусмотрена административная ответственность за совершение правонарушений в семейно-бытовой сфере, к которым относятся: «Противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений» (ст. 73), «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» (ст. 73-1), «Побои» (ст. 73-2).

Количество административных правонарушений, совершенных по ст. 73, 73-1, 73-2 КоАП РК за 2018–2022 гг.¹

По статистике, наблюдается снижение числа административных правонарушений по ст. 73 КоАП РК с 27 974 (в 2021 г.) до 25 172 (в 2022 г.), что указывает на положительное воздействие мер индивидуальной профилактики и мер административной ответственности на правонарушителей. В свою очередь, наблюдается рост административных правонарушений за причинение легкого вреда здоровью и побоев.

В ч. 1 ст. 73 КоАП РК перечислены противоправные действия, такие как нецензурная брань, оскорбительное приставание, унижение, повреждение предметов домашнего обихода и другие действия, выражающие неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающие

¹ См.: Бытовое насилие в Казахстане. URL: <https://schitaetsya.kz/> (дата обращения: 15.03.2023).

их спокойствие¹. Считаем, что к указанным противоправным действиям стоит отнести преследование, так как оно представляет собой форму проявления семейно-бытового насилия и может перерасти в более тяжкие последствия. Кроме того, сотрудники полиции имеют право выносить защитное предписание в отношении лица, совершившего семейно-бытовое насилие. Одним из запретов на время действия защитного предписания выступает преследование потерпевшего, что подтверждает необходимость включения данной формы проявления семейно-бытового насилия в ч. 1 ст. 73 КоАП РК.

В примечании к ст. 73 КоАП РК раскрывается понятие «семейно-бытовые отношения», под которыми понимаются «отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей)»². Считаем, что круг субъектов, между которыми совершается данный вид насилия, отражен не полностью, так как материалы практики показывают, что участниками семейно-бытовых отношений, помимо лиц, указанных в примечании, могут быть иные лица, например отношения между невесткой и близкими родственниками ее супруга (родителями, братьями, сестрами), отношения между зятем и тещей. Отношения между бабушкой и внуком будут расцениваться как отношения между близкими родственниками, так как в соответствии с Кодексом Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» под «близкими родственниками» понимаются «родители (родитель), дети, усыновители (удочерители), усыновленные (удочеренные), полнородные и неполнородные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки»³.

Таким образом, предлагается расширить круг субъектов семейно-бытовых отношений, предусмотренных в примечании к ст. 73 КоАП РК, дополнив его отношениями «между свойственниками» (родители, дети, братья и сестры супругов).

Действия, предусмотренные ч. 1-1 ст. 73-1 КоАП РК, являются специальным составом, предусматривающим ответственность за конкретный вид семейно-бытового насилия, в результате которого причинен легкий вред здоровью. Действия, предусмотренные ч. 1-1 ст. 73-2 КоАП РК, — специальным составом, предусматривающим ответственность за конкретный вид семейно-бытового насилия, в результате которого нанесены побои. Санкции указанных статей предусматривают предупреждение либо административный арест.

Кроме того, КоАП РК предусмотрена административная ответственность за нарушение защитного предписания (ст. 461) и за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта и исполнительного документа (ч. 2 ст. 669).

К лицу, совершившему административное правонарушение впервые по ст. 73 КоАП РК, предусмотрена санкция в виде предупреждения либо административного ареста. Санкции в виде административного штрафа или административного ареста предусмотрены за совершение правонарушения по ст. 73 (повторно), 73-1, 73-2 КоАП РК. Так, с декабря 2022 г. по август 2023 г. участковыми инспек-

¹ См.: Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изм. и доп. на 1 апреля 2023 г.) // ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 04.05.2023).

² Там же.

³ См.: Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» (с изм. и доп. на 14 июля 2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748&pos=368;-26#pos=368;-26 (дата обращения: 11.08.2023).

торами полиции Управления полиции г. Петропавловска по ст. 73, 73-1, 73-2 было оштрафовано 38 правонарушителей на общую сумму 1 млн 664 тыс. 250 тенге, из них взыскано 940 тыс. 170 тенге (56 %). Оставшаяся сумма на данный момент не погашена, так как правонарушители (студенты, сезонные рабочие, безработные) не имеют собственного заработка. Материалы административных дел за указанные правонарушения, по которым штрафы не были оплачены, направлены в территориальный участок по исполнению судебных актов г. Петропавловска на принудительное исполнение постановления.

Санкция в виде административного штрафа не останавливает граждан совершать правонарушения в семейно-бытовой сфере. Как показывает практика, административный штраф не всегда является эффективным средством воздействия на правонарушителя, так как часто последний не может выплатить сумму штрафа самостоятельно. Существует категория лиц, которые не имеют собственного заработка, к ним относятся несовершеннолетние лица, студенты, временно не работающие, безработные. В таком случае штраф погашается из семейного бюджета или вовсе остается неоплаченным, поэтому возникает необходимость предусмотреть административное взыскание в виде привлечения правонарушителей к общественным работам за совершение семейно-бытового насилия. Привлечение к общественным или обязательным работам правонарушителей, совершивших семейно-бытовое насилие, рассматривалось ранее в научных трудах И. Ф. Амельчакова и О. В. Катаевой [1, с. 193], Г. Т. Шрахметовой [2, с. 25]. А. А. Гайдуков указывал на то, что «административное наказание в виде административного штрафа обременяет семью дополнительной финансовой нагрузкой» [3, с. 79–80].

Санкция в виде привлечения к общественным работам применяется в зарубежных странах и дает положительные результаты, то есть после отработанных часов у семейного дебошира не будет сил конфликтовать с супругой и большую часть времени он будет проводить вне дома. А. В. Равнюшкин отмечает: «Наличие альтернативных видов наказания за причинение побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, позволит определить органу административной юрисдикции справедливое наказание» [4, с. 105]. Мы солидарны с данным мнением и считаем, что привлечение к общественным работам необходимо предусмотреть в КоАП РК и применять как альтернативное взыскание административному штрафу и административному аресту за правонарушения, совершаемые в семейно-бытовой сфере.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Объективная сторона противоправных действий в сфере семейно-бытовых отношений должна содержать не только такие противоправные действия, как нецензурная брань, оскорбительное приставание, унижение, повреждение предметов домашнего обихода, но и другие действия, выражающие неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающие их спокойствие, совершенные в индивидуальном жилом доме, квартире или ином жилище, если эти действия не содержат признаков уголовно-наказуемого деяния, а также преследования.

2. Предлагается расширить круг субъектов семейно-бытовых отношений, предусмотренных в примечании к ст. 73 КоАП РК, и кроме супругов, бывших супругов, лиц, проживающих или проживавших совместно, близких родствен-

ников, лиц, имеющих общего ребенка (детей), отнести свойственников (родители, дети, братья и сестры супругов).

3. Аргументировано за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 73, 73-1, 73-2 КоАП РК, применять к правонарушителям административное взыскание в виде общественных работ. Данную санкцию необходимо применять к правонарушителям наряду с такими административными взысканиями, как предупреждение и административный штраф, поскольку существуют категории правонарушителей, которые не имеют собственного заработка для оплаты административного штрафа (несовершеннолетние, студенты, временно не работающие, безработные).

Библиографический список

1. *Амельчаков И.Ф., Катаева О.В.* О необходимости совершенствования правовой основы профилактики семейно-бытового насилия // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2013. № 1(14). С. 188–193.

2. *Шрахметова Г.Т.* Бытовое насилие — актуальная проблема Казахстана // Факторы семейно-бытового насилия и их профилактика: методические рекомендации международной научно-практической конференции. Актобе, 2023. С. 25–26.

3. *Гайдуков А.А.* Административно-правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 180 с.

4. *Равнюшкин А.В.* К вопросу об административной ответственности за причинение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ) // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по матер. ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича: в 3 ч. (Санкт-Петербург, 24 марта 2017 г.). СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2017. Ч. 2. С. 102–107.

References

1. *Amelchakov I.F., Kataeva O.V.* On the Need to Improve the Legal Framework for the Prevention of Domestic Violence // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2013. No. 1(14). P. 188–193.

2. *Shrakhmetova G.T.* Domestic Violence — an Actual problem of Kazakhstan // Factors of Domestic Violence and Their Prevention: Methodological Recommendations of the International Scientific and Practical Conference. Aktobe, 2023. P. 25–26.

3. *Gaidukov A.A.* Administrative and Legal Regulation of Police Activities for the Prevention and Suppression of Offenses in the Sphere of Family and Household Relations: diss. ... cand. of Law. Omsk, 2018. 180 p.

4. *Ravnyushkin A.V.* On the Issue of Administrative Responsibility for Causing Beatings (Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation) // Actual Problems of Administrative and Administrative Procedural Law: a collection of articles based on the materials of the annual All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation Avrutin Yuri Efremovich: in 3 parts (St. Petersburg, March 24, 2017). SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. Part 2. P. 102–107.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-131-138

УДК 365

Н.А. Иванова, Л.Ю. Рамзаева

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЖИЛЬЯ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ, ВРЕМЕННО ИЛИ ПОСТОЯННО ЛИШЕННЫХ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ, НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ И РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР

Введение: крайне актуальными проблемами в современном мире являются вопросы, связанные с осуществлением жилищных прав детей, лишенных семейного окружения. Нормы международного права гарантируют защиту интересов несовершеннолетних детей. В ст. 20 Конвенции о правах ребенка закрепляется, что несовершеннолетний, лишенный семейного окружения, имеет право на защиту и помощь от государства. Государство по национальному законодательству обязано обеспечить уход за несовершеннолетним ребенком. Несмотря на это, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, сталкиваются с проблемой реализации их права на жилье. **Цель** — рассмотреть законодательства Социалистической Республики Вьетнам и Республики Сингапур, предлагающих свои пути решения жилищных проблем детей и граждан, имеющих право на такие льготы. **Методологическая основа:** совокупность общенаучного метода познания и метода сравнительного анализа, обобщение опыта правоприменения. **Результаты:** проанализировано законодательство об обеспечении жильем молодых граждан, временно или постоянно лишенных семейного окружения, сформулированы выводы о необходимости государственной поддержки в таких ситуациях. **Выводы:** государственно-правовое обеспечение рассматриваемой категории граждан жилищными сертификатами выступает в ряде стран действенной гарантией реализации их права на жилье.

Ключевые слова: дети, дети-сироты, право на жилище, социальное жилье, государственная поддержка, сертификаты.

© Иванова Наталия Александровна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ivn_na@mail.ru

© Рамзаева Лариса Юрьевна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: l.ramzaeva@yandex.ru

© Ivanova Natalia Alexandrovna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Ramzayeva Larisa Yurievna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

N. A. Ivanova, L. Yu. Ramzayeva

HOUSING FOR YOUNG PEOPLE TEMPORARILY
OR PERMANENTLY DEPRIVED OF A FAMILY ENVIRONMENT,
THE CASE OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIET NAM
AND THE REPUBLIC OF SINGAPORE

Background: issues related to the realization of the housing rights of children deprived of a family environment are extremely relevant problems in the modern world. The norms of international law guarantee the protection of the interests of minor children. Article 20 of the Convention on the Rights of the Child stipulates that a minor deprived of a family environment is entitled to protection and assistance from the State. The State is obliged under national law to provide care for a minor child. Despite this, orphans and children left without parental care face the problem of realizing their right to housing. **Objective** — analysis of the legislation of the Socialist Republic of Vietnam and the Republic of Singapore, which offer their own ways of solving housing problems of children and citizens entitled to such benefits. **Methodology:** a combination of the general scientific method of cognition and the method of comparative analysis, generalization of the experience of law enforcement. **Results:** the legislation on housing provision for young citizens temporarily or permanently deprived of a family environment is analyzed, and conclusions are formulated about the need for state support in such situations. **Conclusions:** based on the conducted research, it is believed that providing the considered category of citizens with housing certificates that will allow orphans to become owners of residential premises.

Keywords: children, orphans, the right to housing, social housing, state support, certificates.

Потребность в жилье — это одна из важнейших естественных нужд человека: без удовлетворения ее невозможно существование и функционирование человеческого общества. «Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д. ...» [1, с. 350]. В современном мире это право не потеряло своей актуальности. Напротив, наличие жилья выступает основой всей жизнедеятельности человека, начиная с момента его рождения и на протяжении всей его жизни [2, с. 18].

Одним из приоритетных направлений развития системы социальной защиты современного общества является процесс организации жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Пути социализации, вхождения в полноценную жизнь такого ребенка сложны и очень разнообразны. Международное сообщество уделяет значительное внимание проблеме сиротства и способам ее решения.

Исследовав международную практику в данной социальной сфере, было установлено, что максимально близким к российскому опыту жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является опыт некоторых стран Юго-Восточной Азии, таких как Социалистическая Республика Вьетнам (далее — Вьетнам) и Республика Сингапур (далее — Сингапур).

Выбор этих стран обусловлен различиями в социальных стандартах и инструментах решения схожих проблем сиротства: постинституциональное сопровождение детей-сирот, предоставление им жилья в дальнейшем.

Активный процесс интеграции России и стран Юго-Восточной Азии предопределяет необходимость изучения не только особенностей развития экономики указанных стран, но и специфики их правовых систем, которые сложились под влиянием колонизации европейских стран, что предопределило отношение части из них к романо-германской группе (Вьетнам), а других — к англосаксонской правовой семье, признающей судебный прецедент важным источником права (Сингапур). Указанные страны являются участниками Международной Конвенции ООН о правах ребенка, поэтому интересным представляется анализ правовых средств, повышающих уровень гарантированности прав детей-сирот.

Вьетнам — одна из немногочисленных стран Юго-Восточной Азии с формой правления — социалистическая республика. По состоянию на 2021 г. Вьетнам находится в дипломатических отношениях со 189 странами и является членом многих международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Всемирная торговая организация (ВТО). Благодаря успешно проведенным реформам Республика Вьетнам входит в число развивающихся стран, способных ускорить быстрый экономический рост в мире. Тем не менее государство продолжает сталкиваться с различного рода проблемами, среди которых бедность, преступность, недостаточное социальное обеспечение.

Дети — наивысшая ценность, а забота об их благополучии — приоритетная задача политики каждого государства, в том числе и Вьетнама. Однако ввиду большой смертности и бедности среди населения страны растет и количество детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, а вместе с этим актуализируется проблема обеспечения жильем данной категории граждан. Министерство труда, инвалидов и социальных дел предложило провинциям и городам уделять первоочередное внимание организации и поддержке детей, осиротевших в результате пандемии COVID-19. Дети-сироты из приютов, расположенных в городах, особенно пострадавших от пандемии, например Хошимин, передаются родственникам под опеку, чтобы дети могли жить в семейной среде¹.

Согласно Конституции Социалистической Республики Вьетнам, каждый имеет неотъемлемое право на жилище (п. 2 ст. 22). Наряду с этим граждане наделены правом на социальное обеспечение (ст. 34)². Дети, оставшиеся без родительского внимания, после наступления совершеннолетия могут воспользоваться государственной поддержкой путем получения социального жилья³.

В п. 7 ст. 3 Закона «О жилищном строительстве» 2014 г. поясняется, что «социальное жилье — это жилье с государственной поддержкой для субъектов, имеющих право на жилищную политику в соответствии с Жилищным законом»⁴

¹ См.: Письмо № 3234 / LDTVXН-ТЕ «О своевременном осуществлении мер по уходу за детьми-сиротами в период пандемии COVID-19». URL: <https://huunghivietnga.thoidai.com.vn/detail-article-20898.html> (дата обращения: 01.10.2023).

² См.: Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 1 января 2014 г. URL: https://www.chinhphu-vn.translate.google.com/portal/page/portal/chinhphu/NuocCHXHCNVietNam/ThongTinTongHop?categoryId=920&articleId=10053009&_x_tr_sl=vi&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc&_x_tr_sch=http (дата обращения: 03.10.2023).

³ См.: Гражданский кодекс Вьетнама от 24 ноября 2015 г. URL: https://luatduonggia-vn.translate.google.com/bo-luat-dan-su-2015/?_x_tr_sl=vi&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc (дата обращения: 09.10.2023).

⁴ См.: Закон Социалистической Республики Вьетнам от 25 ноября 2014 г. «О жилищном строительстве». URL: https://fblaw-vn.translate.google.com/luat-nha-o-2014-moi-nhat/?_x_tr_sl=vi&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc (дата обращения: 09.10.2023).

и эксплуатацию, а также затраты на содержание, за исключением затрат на возмещение инвестиционного капитала в жилищное строительство.

Арендуемое социальное жилье впоследствии можно выкупить. Так, при аренде-покупке дома в арендную-выкупную цену включается полная стоимость возмещения инвестиционного капитала в жилищное строительство в течение как минимум пяти лет с даты подписания договора аренды-купли-продажи. Законодательством предусмотрено отсутствие платы за землепользование и арендной платы за земельные участки под строительство социального жилья.

Цена дома определяется следующим образом.

1. Стоимость аренды социального жилья устанавливается инвестором на основании полного расчета затрат на содержание жилья, учета расходов на возмещение инвестиционного капитала в жилищное строительство, процентов по кредиту (при их наличии). Сумма кредита может составлять до 80 % от стоимости дома, аренды или договора купли-продажи. При строительстве нового дома или ремонте дома максимальная сумма кредита составляет 70 % от оценочной стоимости или договора ссуды и не должна превышать 70 % от стоимости имущества, предоставленного в качестве обеспечения ссуды.

Кредит предоставляется на срок минимум 15 лет. Если клиентам необходимо получить заем на срок ниже минимального срока кредита, они могут договориться с банком о меньшем сроке кредита.

2. Цена, по которой продается социальное жилье, определяется инвестором проекта на основе расчета всех затрат на возмещение инвестиционного капитала жилищного строительства, процентов по ссуде (если таковые имеются) и нормативной прибыли.

3. Инвестор социального жилья несет ответственность за строительство данной категории домов и отчитывается перед Народным комитетом провинции, на территории которой находится жилье (ст. 60–61 Закона о жилищном строительстве).

Минимальный срок договора аренды социального жилья равен пяти годам с момента подписания договора.

Арендатор или покупатель социального жилья не имеет права продавать, сдавать в субаренду в течение периода аренды или аренды с выкупом. В случаях, когда арендатору или покупателю больше не нужно арендовать или покупать дом в аренду, договор прекращается, и дом должен быть возвращен.

Арендатор или покупатель социального жилья не может перепродавать дом в течение как минимум пяти лет с момента полного внесения арендной платы и покупной цены.

В случае, если в течение пяти лет с даты, когда покупатель или арендатор полностью оплатил покупку и желает продать этот дом, он может только перепродать его подразделению управления социальным жильем или продать субъектам, имеющим право на покупку такого имущества (ст. 62 Закона о жилищном строительстве).

Квартира в многоквартирном доме должна быть спроектирована и построена автономно, с соблюдением строительных норм и правил, а стандарты полезной площади каждой квартиры должны быть 25–70 м².

В зависимости от конкретной ситуации в местности Народный комитет провинции может увеличить стандарт максимальной полезной площади квартиры, но это увеличение не должно превышать 10 % от максимальной полезной площади квартиры. Комитет должен следить за тем, чтобы доля квартир в проекте

с полезной площадью более 70 м² не превышала 10 % от общего количества квартир социального жилья в проекте. В случае домов: стандартная площадь строительной земли каждого дома не должна быть больше 70 м², коэффициент землепользования должен соответствовать строительному плану и не превышать показатель вдвое.

Сироты, достигшие совершеннолетия, но относящиеся к категории бедных граждан, должны иметь постоянную регистрацию по месту жительства в провинции или городе, где расположено социальное жилье. В случае отсутствия постоянной регистрации должна быть временная регистрация по месту жительства на один год или более в провинции или городе, где расположено социальное жилье, за исключением сирот-студентов.

Помимо предоставления социального жилья, во Вьетнаме насчитывается порядка десяти программ SOS-деревень (временный интернат), созданные с целью воспитания, ухода и обучения беспризорных детей и детей-сирот. Деревня заботится о детях, пока им не исполнится 18 лет, затем будут подаваться заявки на стипендии для детей, которым необходимо продолжить обучение в колледжах и университетах или искать работу, чтобы обеспечить себе стабильную жизнь после отъезда из деревни¹.

Сегодня многие дети во Вьетнаме живут так, как себе и представить не могли вьетнамцы предыдущих поколений. Вьетнам первая страна в Азии и мире, ратифицировавшая Конвенцию о правах ребенка в 1990 г. Государство продолжает демонстрировать четкое лидерство и стремится к тому, чтобы каждый ребенок, независимо от того воспитывается он в семье или лишен родительского внимания и заботы, был здоров, находился в безопасности, имел кров, получил образование и имел возможность развивать в полной мере свой потенциал.

Лидирующие позиции в мире по обеспечению своих граждан жильем, занимает Сингапур — город-государство, одно из самых процветающих в Юго-Восточной Азии.

Вся государственная политика Сингапура направлена на человека, на создание оптимальных условий для его личностной, социальной и профессиональной самореализации. В настоящее время 80 % жилого фонда построено и находится в ведении Совета жилищного строительства и развития (Housing and Development Board, HDB)². HDB, проектируя социальное жилье, реализует следующие принципы жилищной политики: соответствие доходам граждан, готовность к заселению, достаточный выбор, доступность.

Государственная поддержка жилищного строительства в Сингапуре предлагает гражданам три вида субсидий на жилье:

Enhanced CPF Housing Grant — расширенная жилищная субсидия ЦФ предоставляется гражданам, впервые покупающим новые квартиры или квартиры на вторичном рынке, максимальный годовой уровень дохода которых составляет 9 000 долларов США. Максимальная сумма гранта — 80 000 долларов США;

Family Grant — семейный грант предоставляется гражданам, впервые покупающим квартиру для себя или для последующей перепродажи, максимальный уровень дохода которых за год не должен превышать 14 000 долларов США. Максимальная сумма — 30 000–50 000 долларов США;

¹ См.: Благотворительные организации для детей-сирот — Добрые сердца. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/nhung-trai-tim-nhan-hau/> (дата обращения: 09.10.2021).

² См.: D. Zhargalsaykham. Singapore: The story of providing everyone with an apartment. URL: <https://www.jargaldefacto.com/> (дата обращения: 11.10.2023).

Proximity Housing Grant — субсидия на предоставление льготного жилья рядом с родителями или детьми, находящимися в браке. Данная субсидия распространяется на детей-сирот, а также лиц, оставшихся без попечения родителей (лицо должно достигнуть возраста 21 года и состоять в брачных отношениях). Максимальный уровень дохода — 12 000 долларов США. Сумма гранта — 20 000 долларов США, если покупатель живет в пределах 4 км от места проживания родителей/ребенка; 30 000 долларов США, если покупатель остается жить со своими родителями/ребенком; детям-сиротам — 30 000 долларов США.

Данная программа реализуется Центральным фондом социального обеспечения (*Central Provident Fund*) или резервным фондом в соответствии с Законом Республики Сингапур от 1 февраля 1960 г. № 11 «О жилищном строительстве и развитии»¹.

Дети-сироты в Сингапуре относятся к малообеспеченным гражданам. Реализация жилищных прав из фонда социального обеспечения возможна только при достижении сингапурцем 21 года, находящегося в браке (покупка/аренда). Социальным жильем в Сингапуре занимается Совет жилищного строительства и развития (HDB). В настоящее время социальное жилье можно снять в аренду на срок до 99 лет. Помимо грантовых проектов, рассмотренных ранее, существует система субсидирования и льгот для такой категории граждан. Часто снимаемая жилье, граждане Сингапура могут его в дальнейшем выкупить при помощи гранта. Поэтому в настоящее время социальное жилье в Сингапуре составляет около 6 %, остальные 94 % выкупаются у государства. Государство стремится к такому уровню развития, чтобы жилье было доступно каждому гражданину Сингапура.

Как уже было сказано, в Сингапуре действуют различные социальные программы для приобретения жилья. В настоящее время одним из самых доступных способов приобретения квартиры является прямой заказ через HDB. Программа называется «Постройка на заказ» (*Build-To-Order* — ВТО), которая действует с 2001 г. и зарекомендовала себя как наиболее доступная и эффективная. Программа действует параллельно с «Продажей квартир на балансе» (*Sale of Balance Flats* — SBF), которая позволяет реализовать квартиры из предыдущих проектов ВТО, непроданные квартиры по программе замены старых квартир SERS и квартиры, вернувшиеся в собственность HDB.

При таких схемах продажи успешные заявители на новые квартиры ВТО, как правило, ждут постройки квартир несколько лет перед переездом, так как строительство начинается только при реализации не менее 65–70 % квартир от будущего дома. Заявители, которые не желают ждать, могут купить квартиры с баланса по программе SBF (хотя некоторые из них могут находиться еще в процессе строительства) или купить квартиру по перепродаже.

Чтобы купить квартиру, кандидат должен отвечать целому ряду требований: покупатель должен быть гражданином Сингапура или иметь вид на жительство, он должен быть старше 21 года и иметь семью. Лица, не имеющие гражданства Сингапура или не состоящие в браке, не могут купить новую квартиру по программе HDB.

¹ См.: Housing and Development Act — Singapore Statutes Online (agc.gov.sg). URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/HDA1959#P11V>- (дата обращения: 10.10.2023).

В то время как государственное жилье в XXI в. будет развиваться, чтобы охватить более широкий спектр типов жилья, миссия предоставления малоимущим сингапурцам доступных домов останется главным приоритетом.

HDB регулярно пересматривает типы квартир и формы жилья, которые должны быть построены с учетом меняющейся демографии и потребностей населения в жилье.

В заключение хотим отметить, что сиротство, достаточно распространенное социальное явление. Во всем мире огромное количество детей-сирот — фактически более 140 млн детей — считаются сиротами вследствие различных социальных причин. Каждое отдельное государство определяет собственные пути преодоления сиротства. Принимая во внимание нормы Конвенции о правах ребенка, властями должны предлагаться такие защита и забота молодому человеку временно или постоянно лишенному семейного окружения, которые необходимы для его самостоятельности и благополучия.

В настоящее время проблемы социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях радикальных реформ очень актуальны, отличаются новизной и достаточной сложностью, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Российская Федерация, как государство, ищущее решение открытых вопросов по обеспечению жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, учитывает и внедряет в практику все максимально приемлемые для наших граждан способы решения жилищных проблем, сводя подобного рода проблемы к минимуму. Представляется, что неплохо было бы отечественному законодателю заимствовать опыт в улучшении жилищных условий граждан, особенно молодых людей временно или постоянно лишенных семейной заботы (дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей), в рассматриваемых нами странах. Отметим, что сегодня российский законодатель, учитывая крайне нестабильную экономическую ситуацию в государстве, старается найти выход из непростой жилищной проблемы с детьми-сиротами. И таким ярким примером в улучшении жилищной политики в отношении подобной категории граждан является жилищный сертификат (именное свидетельство), который позволил многим сиротам обрести свой очаг.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. Т. 19. 704 с.
2. Озеров И.Н., Максименко А.В., Колесова Т.С. Право на жилище как одно из основных прав человека // Юрист-Правовед. 2019. № 4(91). С. 18–24.

References

1. Marx K., Engels F. Works M.: State publishing house of political literature, 1954. Vol. 19. 704 p.
2. Ozerov I.N., Maksimenko A.V., Kolesova T.S. The Right to Housing as One of the Basic Human Rights // Jurist-Pravoved. 2019. No. 4(91). P. 18–24.

Г.В. Колодуб, С.В. Лебедков

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ УСЛОВИЯ TAKE OR PAY (БЕРИ ИЛИ ПЛАТИ) НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Введение: возникший в иностранной правовой действительности экономико-юридический прием был оформлен благодаря удачной торговой практике европейских участников рынка энергоресурсов. Существовавшая эффективная модель вовлеченности российских поставщиков энергии на некогда открытый европейский рынок предопределила использование отечественными компаниями условия *take or pay* (бери или плати). В практике договорного регулирования на территории Российской Федерации образовался запрос на оценку возможности применения названного условия и его соотносимости с принципом свободы договора. В принятом 20 августа 2021 г. Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС21-10216¹ был предложен подход к оценке и пониманию рассматриваемого концепта, который активизировал научную дискуссию. **Цель** — предложить точку зрения по вопросам понимания условия *take or pay*, а именно о сущности, характеристиках применения условия для обязательственных правоотношений и к договору поставки. **Методологическая основа:** исследование проведено на основе системного подхода. Формально-догматический метод и метод юридического толкования использованы в целях сопоставления рассматриваемого условия и положений российского законодательства. Применялись методы правового моделирования, мыслительного правового эксперимента и классифицирования. **Результаты:** более обоснованной научной позицией на квалификацию условия *take or pay* в реалиях российской правовой действительности является та, согласно которой данный концепт рассматривается в качестве элемента содержания договора, а не особого вида соглашения сторон. **Выводы:** установление правовой сущности условия *take or pay* на примере гражданско-правового обязательства, возникшего из договора поставки, можно осуществить с точки зрения двух подходов: как механизм распределения убытков, который выполняет компенсационную функцию при невыборке товаров одной из сторон договора; как встречное предоставление со стороны контрагентов. Указывается на допустимость включения условия *take or pay* в договор поставки, что должно положительно сказываться на стабилизации отношений сторон в условиях нестабильной конъюнктуры рынка и обеспечить удобный для участников правоотношений порядок исполнения договора.

Ключевые слова: осуществление прав и исполнение обязанностей, свобода договора, односторонний отказ, условие *take or pay* (бери или плати), плата за отказ от договора, заранее оцененные убытки, синаллагма, договор поставки.

© Колодуб Григорий Вячеславович, 2024
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kolodub-ssla@uandex.ru

© Лебедков Семен Васильевич, 2024
Магистрант (Саратовская государственная юридическая академия)
© Kolodub Grigory Vyacheslavovich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Lebedkov Semyon Vasilyevich, 2024
Master's Student (Saratov State Law Academy)

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

G. V. Kolodub, S. V. Lebedkov

LEGAL QUALIFICATION OF THE CONDITION TAKE OR PAY
ON THE EXAMPLE OF THE SUPPLY CONTRACT

Background: the economic and legal technique that emerged in the foreign legal reality was formalized due to the successful trade practice of European participants of the energy market. The existing effective model of involvement of Russian energy suppliers in the once open European market predetermined the use of the “take or pay” condition by domestic companies. In the practice of contractual regulation in the Russian Federation, there was a request to assess the possibility of applying the “take or pay” condition and its correlation with the principle of freedom of contract. The Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-102161, adopted on August 20, 2021, proposed an approach to the assessment and understanding of the concept in question, which intensified the scientific discussion. **Objective** — offer a point of view on the understanding of the «take or pay» condition, namely on the essence, characteristics of the application of the condition for legal obligations and applicability to the supply contract. **Methodology:** the research was carried out on the basis of a systematic approach. The formal-dogmatic method and the method of legal interpretation were used in order to compare the “take-or-pay” condition and the provisions of Russian legislation. The methods of legal modeling, thought legal experiment and classification were applied. **Results:** a more reasonable scientific position on the qualification of the «take or pay» condition in the realities of Russian legal reality is the one according to which this concept is considered as an element of the content of the contract, and not a special type of agreement between the parties. **Conclusions:** establishing the legal essence of the condition “take or pay”, by the example of civil law obligation arising from the supply contract, can be realized from the point of view of two approaches: as a mechanism for the distribution of losses, which performs a compensatory function in case of non-selection of goods by one of the parties to the contract; as a counter-provision on the part of counterparties. It is pointed out the admissibility of including the condition “take or pay” in the supply contract, which should positively affect the stabilization of the parties' relations in the conditions of unstable market conditions and provide a convenient for the participants of legal relations procedure for the execution of the contract.

Keywords: exercise of rights and obligations, freedom of contract, unilateral withdrawal, take-or-pay condition, withdrawal fee, liquidated damages, synallagma, delivery.

Общепризнанно, что условие *take or pay* (далее — «бери или плати») зародилось в середине XX в. в Нидерландах. Областью его происхождения явилась сфера перераспределения энергетических ресурсов, что в дальнейшем и обусловило проникновение в «правовую ткань» данного принципа некоторых уникальных черт¹. В наибольшей степени рассматриваемое условие распространилось на территориях, где преобладает влияние англосаксонской правовой семьи и преимущественно ее рассмотрение в научной доктрине осуществлялось на Западе². Вместе с тем утверждать о неизвестности условия «бери или плати» отечественному праву не представляется возможным ввиду участия нашего го-

¹ См.: Международная торговая палата (ICC). URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/printsip-take-or-pay/> (дата обращения: 13.03.2023).

² См.: Moussas & Partners. URL: <https://moussaspartners.gr/take-or-pay-clauses-in-gas-supply-agreements/> (дата обращения: 13.03.2023).

сударства в международных процессах сбыта ресурсов, как следствие, проверка рассматриваемого концепта на предмет допустимой правовой рецепции видится достаточно интересным научно-практическим вопросом.

Условие «бери или плати» упоминалось в решениях отечественных судов¹, но такие упоминания носили усеченный характер и сводились, как правило, к констатации факта включения данного условия в договор, его описанию и отсылкам к профильным законам, стратегии электросетевого комплекса² или Правилам поставки газа в Российской Федерации (п. 21)³. Ключевым судебным актом, в содержании которого давались правовые оценки, касающиеся рассматриваемого условия и соотношения его с принципом свободы договора, правом на односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг, стало Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21-10216⁴.

Использование в договорах условия «бери или плати» встречается в обязательственных конструкциях купли-продажи объектов энергетики, например в договорах по поставке газа, которые были заключены публичным акционерным обществом «Газпром» с рядом стран на основании межправительственных соглашений⁵. В контексте ориентации места предмета настоящего исследования в законодательном пространстве следует обратить внимание на содержание проекта закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), подготовленного еще в 2018 г., в котором компоненты условия «бери или плати» были использованы для конструкции абонентского договора, предполагающего, что в случае, если абонент не осуществляет (воздерживается от осуществления) своего права на выборку, то сумма, уплата которой предусматривается данным условием, приобретает штрафной характер⁶.

В целом следует признать, что общей оценкой в отношении условия (или, как названо в проекте закона о внесении изменений в ГК РФ, принципа) «бери или плати» является то, что оно:

выступает разработкой из области иностранного договорного права, которую восприняли отечественные поставщики энергоресурсов в результате их участия в трансграничных соглашениях;

имеет экономическую природу построения, а не юридическую, и, как следствие, направлено не на упрочение обязательственных связей субъектов частных правовых отношений, а на повышение эффективности реализации инвестици-

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 июня 2020 г. № Ф04-2031/2020 по делу № А45-32357/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 511-р «Об утверждении Стратегии развития электросетевого комплекса Российской Федерации» (в ред. от 29 ноября 2017 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1738; 2017. № 49, ст. 7526.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2021 г. № 1901 «Об утверждении Правил поставки газа в Российской Федерации, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» (в ред. от 22 февраля 2023 г.) // СЗ РФ. 2021. № 49, ч. 1, ст. 8210; 2023. № 9, ст. 1511.

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: *Миллер А.* Россия и Китай подписали самый крупный контракт за всю историю «Газпрома» // Официальный сайт ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2014/may/article191417/> (дата обращения: 13.03.2023).

⁶ См., подробнее: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/p/78591> (дата обращения: 13.03.2023).

онных проектов в сфере газоснабжения, железнодорожных, морских перевозок и снижение вероятности возникновения финансовых издержек;

может квалифицироваться как в качестве частного принципа для отдельных гражданско-правовых договоров, так и в качестве диспозитивного договорного условия, имеющего ограниченную область использования.

Отличительной чертой принципа «бери или плати», сформулированной в иностранном правопорядке, является согласованный сторонами и обязательный для исполнения, под угрозой наступления неблагоприятных имущественных потерь, нижний порог предоставления¹. На покупателя, согласно договору, возлагается обязанность по оплате товара независимо от того, был ли он действительно получен. В случае, когда сторонами заключается сделка, предполагающая выделение одной из них капитала, имеющего ценность лишь в определенной сфере, то для другой существенно возрастает стимул для извлечения выгоды, которую она может получить вследствие своего оппортунистического поведения. Предвидя данный риск, который также называется проблемой «удержания», продавцы и покупатели заключают долгосрочные контракты [1, с. 75–94].

Сущность принципа «бери или плати» можно раскрыть исходя из опоры на компоненты той области хозяйственной деятельности, откуда данный принцип берет свое начало. Так, в рамках энергетической сферы требуются значительные вложения, вследствие чего поставщик заинтересован в возможности окупить произведенные существенные затраты и получить прибыль. Из сказанного вытекает также одна из существенных характеристик принципа «бери или плати», а именно долгосрочность договоров, в которые он включается [1, с. 75–94]. Ввиду длительного существования заключенного договора, опосредующего передачу товара из области энергетики при наличии относительной связи контрагентов, соглашение как бы консервирует связи сторон и предопределяет направление исполнения их субъективных обязанностей. Используя рассматриваемый в настоящей статье принцип при заключении договора, стороны получают возможность в течение длительного срока стабилизировать свои отношения. В частности, поставщик получает возможность извлечь стабильный и систематический доход, а покупатель вправе рассчитывать на достаточное количество необходимого товара. Однако такая «консервация» имеет и определенные недостатки. Так, цена, предусматриваемая договором, хотя и стабилизирует отношения сторон в условиях нестабильной конъюнктуры рынка, может привести к существенным альтернативным издержкам.

С точки зрения экономического анализа, который лежит в основе квалификации конструкции «бери или плати», в иностранной доктрине права выделяются два взаимодополняющих подхода к пониманию данной конструкции и хозяйственным договорам, которые содержат условие об установлении минимального порога предоставления: модель Крокера и Мастена (как инструмент распределения рисков) [2, с. 1083–1093]; модель Хаббарда и Вайнера (механизм стимулирования исполнения контракта) [3, с. 177–198].

В соответствии с позицией, выдвинутой Крокером и Мастеном, между гибкостью долгосрочного контракта и легкостью его реализации существует определенная корреляция: чем больше условных положений включает договор, тем

¹ См.: Take-or-pay clauses in the natural gas sales contracts and potential claims against buyers // Website is provided by Moussas & Partners Law Firm. URL: <https://moussaspartners.gr/take-or-pay-clauses-in-gas-supply-agreements/> (дата обращения: 13.03.2023).

больше вероятность их неправильного толкования, как следствие, вероятность возникновения спора в рамках дорогостоящего судебного разбирательства.

Заложенный в договор принцип «бери или плати» предполагает организацию договорных отношений сторон в условиях нарушения принципа взаимообусловленности обязательств. При этом положение «бери или плати» создает предпосылки для направления покупателями своих инвестиций на альтернативные цели лишь в том случае, если это эффективно. Ввиду «изолированности» сторон в рамках указанного договора в суде не подлежат доказыванию обстоятельства, которые являются внешними к договорным отношениям сторон. Вместе с этим сохраняется возможность по максимизации совместной прибыли.

Согласно позиции Крокера и Мастена, подробно рассмотренной в своей работе А. Крети и Б. Вильневом, условие «бери или плати» побуждает покупателя осуществить высвобождение инвестиций в целях их альтернативного использования, когда это эффективно. В силу указанной модели такие альтернативные виды использования имеют существенное значение [1, с. 75–94].

В качестве примера приведем ситуацию продажи газа различным покупателям в случае, когда ввиду снижения на него регионального спроса снижается и его стоимость, или хранения объемов газа в целях будущих продаж, что обусловлено снижением спроса на него в целом. Наиболее ощутимым фактором, оказывающим определяющее влияние на стоимость газа, станет количество и близость альтернативных трубопроводов, так как чем меньше количество таких соединений, тем меньше возможностей у поставщика установить цену на газ, которая бы соответствовала принципу эффективности.

Следует остановиться на существенном значении механизмов корректировки цен в долгосрочных договорах. Фиксированная цена проста в установлении и с ее помощью происходит четкое распределение излишков. Однако такой подход утрачивает свою эффективность в том случае, когда цена, предусмотренная договором, отличается от альтернативных издержек. Если цена, предусмотренная договором, оказывается ниже соответствующих альтернативных издержек, то сохраняется стимул к потреблению даже в том случае, когда это может привести к негативным последствиям. Включение ценовой гибкости в долгосрочный договор также может порождать определенные проблемы, что обусловлено зависимостью инвестиций от конкретных договорных отношений. Указанное приводит к отдалению сторон договора от рыночных альтернатив, что исключает наличие четкой рыночной цены, которая могла бы детерминировать цену, предусмотренную договором. Из сказанного следует, что использование включенного в договор сочетания механизмов корректировки цены носит субсидиарный характер.

Крокер и Мастен в одной из своих работ обосновали, что существует определенная взаимосвязь между гибкостью и полнотой положений заключенных сторонами соглашений (договоров). Исследователями обнаружено, что пересмотр цен обеспечивает важную гибкость договоров. Положения, касающиеся эскалации цен, менее вероятны в договорах, где содержатся развернутые предписания, включающие принцип «бери или плати». Сказанное предполагает, по их мнению, что гибкость в ценообразовании и в количестве обмениваемых товаров является взаимозаменяемой [4, с. 69–99].

В свою очередь, авторы второго научного подхода Хаббард и Вайнер описывают контракт между владельцем инфраструктуры трубопроводов и по-

ставщиком как двустороннюю монопольную сделку, делая при этом акцент на важности предотвращения риска и оптимальном его распределении между контрагентами. Исследователи обсуждают значение ценовой гибкости при заключении договора на продолжительный срок. Авторами был произведен анализ с целью установить, чем обусловлена цена, рыночными механизмами или соображениями минимизации транзакционных издержек. В итоге учеными был сформулирован вывод о том, что концентрация производителей (поставщиков) на цене, установленной в договорах, будет оказывать негативное влияние на хозяйственные связи и стимулировать образование «рыночной ситуации, когда на предложение большинства продавцов способен откликнуться лишь один покупатель, диктующий собственные условия взаимодействия (цены и объема продаж) — монопсоническая власть покупателя»¹, в лице владельца инфраструктуры трубопровода. В связи с описанным представляется, что положения договора о гибкости цен, по своей сути, представляют собой инструмент адаптации к изменяющимся условиям спроса, как это следует из теории транзакционных издержек².

Важным аспектом концепции, предложенной Хаббардом и Вайнером, становится анализ роли положений о режиме наибольшего благоприятствования (далее — РНБ). Положение о РНБ, используемое производителем (поставщиком) в отношении владельца инфраструктуры трубопровода, повышает цену, предусмотренную договором, до уровня цены, согласованной указанным владельцем в рамках любых договоров, которые могут быть подписаны позднее, но в пределах разумных сроков. Такие оговорки отличны от того, что называется оговорками о неопределенной эскалации (*indefinite escalator clauses*), как об индексации цен на нефть [5, с. 71–79].

Из сказанного следует, что в странах англосаксонской правовой семьи, условие «бери или плати» представляет собой экономический принцип, который позволяет сторонам договора, включившим такое условие, не только согласовать порядок обмена материальными благами, но и способствует в долгосрочной перспективе наполнению отношений сторон необходимой стабильностью в условиях нестабильной конъюнктуры рынка, позволяя обеим сторонам рассчитывать на то, что каждая из них вправе получить согласно условиям заключенного договора.

Ранее нами была отмечена высокая степень научной проработанности и обширная практика применения принципа «бери или плати» в странах англосаксонской правовой семьи. В отечественном правовом пространстве данное условие, как правило, ограничивается лишь энергетической сферой и носит сугубо индивидуальный характер, то есть касается контрактов нескольких крупных предпринимательских субъектов. Вместе с тем хозяйственная практика демонстрирует тенденцию по включению данного условия и в иные договорные конструкции. Однако следует учесть, что рассматриваемое нами условие не обладает

¹ См.: *Staiger D.O., Spetz J., Phibbs C.S.* Is There Monopsony In The Labor Market? Evidence From A Natural Experiment // *Journal of Labor Economics*. 2008. No. 28 (1115). URL: https://www.researchgate.net/publication/24046689_Is_There_Monopsony_In_The_Labor_Market_Evidence_From_A_Natural_Experiment (дата обращения: 13.03.2023).

² См.: *Coase R.H.* The Nature of the Firm // *University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship*, Available at SSRN. 1937. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x> (дата обращения: 13.03.2023).

универсальностью содержания, на что было указано в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019¹, которое и послужило поводом для упоминания условия «бери или плати» применительно к отечественной хозяйственной практике.

Специфика сферы, в которой исследуемый концепт зародился, отразилась и на характеристиках самого договорного условия. Так, условие «бери или плати» обладает следующими признаками:

включается в договоры, существование которых рассчитывается на определенный срок, то есть длящиеся правоотношения, которые невозможно исполнить не только в момент совершения, но и в непосредственной удаленности от этого момента;

используется в договорах, исполнение которых характеризуется наличием постоянных переменных издержек, то есть изменением этапности исполнения, корректировкой сроков и объемов исполнения;

предполагает согласование нижнего порога предоставления, то есть стороны должны быть заинтересованы и способны установить нижнюю границу рентабельности совершаемой хозяйственной операции.

Таким образом, совокупность признаков, выделяемых для условия «бери или плати», подчеркивает определенную гибкость содержания договора.

Рассуждая о возможности включения условия «бери или плати» в договоры в отечественных реалиях, следует учитывать определенную специфику использования указанного инструмента, которую можно установить на уровне научных позиций. Так, В.А. Белов квалификацию анализируемого концепта проводит через соотношение последнего с принципом свободы договора, указывая, что действие «бери», совершаемое «берущим» в своем интересе, никогда не может быть содержанием обязанности — оно может составлять содержание только субъективного права; условие может быть включено только в такие договоры, которые предполагают условно-постоянные затраты контрагента, претендующего на получение платы; условия всегда можно избежать, заблаговременно уведомив об отсутствии намерения пользоваться выговоренным с его помощью правом [6]. С.В. Сарбаш указывает на то, что «при действии механизма “бери или плати” не происходит разрыва синаллагмы, поскольку имеется встречное предоставление, хотя и косвенного характера» [6]. А.В. Егоров концепт «бери или плати» рассматривает исключительно через заранее оцененные убытки [7, с. 63].

Условие «бери или плати», хотя и достаточно продолжительное время было известно российской цивилистике, но активно использовалось только в сфере энергетического права, что привело к шаблонной конструкции данного юридического приема. Вместе с тем в коммерческой практике обнаруживаются случаи включения принципа «бери или плати» в «обычные» договоры, чему способствуют положения ГК РФ о купле-продаже и поставке и так называемая поставочная модель. Сказанное подтверждается положениями п. 4 ст. 486, п. 4 ст. 514, п. 2 ст. 515 ГК РФ, проявляясь в том, что поставщик наделяется правом требовать полной оплаты товара покупателем, который неправоммерно и недобросовестно уклоняется от приемки и оплаты предоставления, сделанного поставщиком. Однако

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

следует констатировать факт отсутствия сформировавшейся судебной практики, которая стимулировала бы включение в договоры условия «бери или плати».

Исходя из сказанного, отчетливо прослеживается проблема в рамках поставочной модели при использовании условия «бери или плати». Так, для поставщика будут возникать трудности, поскольку среди судов распространена позиция, согласно которой поставщик вправе требовать оплаты лишь в том случае, когда поставка была осуществлена фактическим предоставлением исполнения, то есть для обязательства отмечается функциональная синаллагма. Как следствие, можно выделить следующие риски, возникающие у поставщика по договору поставки.

Во-первых, поставщик может столкнуться с затруднениями при осуществлении взыскания с покупателя оплаты оговоренного объема продукции в том случае, если последним не будет затребован весь объем, который был согласован сторонами в договоре. В качестве примера такой негативной практики следует привести дело, согласно фабуле которого поставщик предъявил требование к покупателю по оплате товара за период, в рамках которого отсутствовало фактическое предоставление со стороны поставщика, в соответствии с заложенным в договор принципом «бери или плати», а также в силу п. 4 ст. 486 ГК РФ¹. Данное дело рассматривалось судами трех инстанции, при этом все суды отклонили требования, заявленные поставщиком. В обоснование такой позиции судами было указано, что п. 4 ст. 486 ГК РФ подлежит применению лишь в том случае, когда была осуществлена фактическая поставка товара, а покупателем был заявлен отказ от принятия такого предоставления и выполнения обязанности по его оплате. Согласно фабуле настоящего дела фактическое предоставление со стороны поставщика отсутствовало, и поставщик не мог заявлять об отказе покупателя от принятия товара, поскольку иное противоречило бы действительным обстоятельствам. В качестве итога был зафиксирован вывод о том, что применение предусмотренного договором принципа «бери или плати» недопустимо.

В качестве еще одного примера приведем дело, согласно обстоятельствам которого стороны предусмотрели в договоре поставки, что при невыборке покупателем установленного в договоре минимального объема товаров, у поставщика появляется право возложить на ответчика обязанность по возмещению стоимости товара в той части, которая не была поставлена. Судами первой и апелляционной инстанции была разделена позиция, отстаиваемая поставщиком². Между тем суд кассационной инстанции вынесенные решения отменил и указал, что сторонами договора не было установлено понятие «невыборка», поэтому суд, руководствуясь п. 2 ст. 510 и ст. 515 ГК РФ, определил содержание данного понятия самостоятельно, указав, что возможность осуществления выборки обусловлена наличием товара у поставщика; у поставщика отсутствовал необходимый товар, поскольку он не был им произведен, выдвигая при этом требования об оплате такого товара; на покупателя не может возлагаться ответственность за неосуществление выборки товара, который не был произведен.

Как нам представляется, несмотря на уязвимое положение поставщика, существует возможность увеличения шансов для последнего в части возмож-

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 сентября 2013 г. № Ф05-9045/2013 по делу № А40-145719/12-146-365 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Верховного суда Российской Федерации от 4 октября 2016 г. № 305-ЭС16-12131 по делу № А40-169697/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

ности взыскания с покупателя оплаты в рамках договора поставки. В данном случае для поставщика имеют особую значимость условия договора, которые создают для него возможность доказать обеспечение доступности продукции покупателю. В качестве примера можно привести условие поставки Ex Works Инкотермс-2010, то есть правило, соблюдение которого позволяет организовать исполнение контракта в рамках международного торгового партнерства при осуществлении поставок. Согласно приводимому нами условию, поставщик считается исполнившим возложенную на него обязанность по поставке с того момента, как им будет предоставлена возможность покупателю распоряжаться размещенным на складе поставщика товаром¹. Указанное условие позволяет поставщику осуществить подтверждение исполнения возложенной на него обязанности, не прибегая к значительным затратам. Вместе с тем указанное решение не является универсальным, так как будет действовать лишь с наличием определенных изъятий. Например, оно не может быть использовано в случае, когда стороны заключили договор поставки газа.

Во-вторых, у поставщика могут возникнуть трудности при попытке взыскания с покупателя предварительной платы или в случае, когда покупателем заявлено требование о возврате части предварительно уплаченной стоимости пропорционально количеству фактически принятого товара, которое оказалось меньше, чем установленный договором порог предоставления.

В судебной практике достаточно распространенной является позиция, в силу которой поставщики сталкиваются с отказом в удовлетворении заявленных исковых требований, касающихся взыскания предоплаты, что обусловлено отсутствием в позитивном праве возможности понудить покупателя оплатить товар до его фактической передачи последнему или в том случае, когда покупателем был заявлен отказ от приемки товара, который не имеет законных оснований.

Примечательно также и то, что в судебной практике возобладал подход, согласно которому из ст. 328 ГК РФ следует лишь возможность приостановки поставки до оплаты товара покупателем или отказа от договора (кондициональная синаллагма). Исходя из смысла данной статьи, поставщик не может осуществить фактическое предоставление с последующим выдвиганием требования об оплате поставленного товара. В указанном случае предоплата приобрела бы характер обязанности, свойственной функциональной синаллагме.

Возможным решением такой проблемы было закрепление в договоре порядка, который отличается от устанавливаемого указанной статьей, в рамках которого, независимо от внесения покупателем предоплаты, поставщик наделен правом фактического осуществления поставки товара с последующим предъявлением покупателю требования об оплате товара, что допустимо в силу принципа свободы договора. Однако такое решение нельзя назвать однозначно эффективным, поскольку при предъявлении такого требования в судебном порядке поставщик рискует столкнуться с неприятием судами каких-либо отклонений от диспозитивных положений ст. 328 ГК РФ. Сказанное обусловлено игнорированием судами п. 4 данной статьи, которым прямо устанавливается диспозитивный характер ее положений.

В-третьих, возникают существенные трудности при определении судьбы товара, когда последний был оплачен, но в силу каких-либо причин не был при-

¹ См.: Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс-2000» [рус., англ.] // Публикация Международной торговой палаты № 560 // СПС «КонсультантПлюс».

нят покупателем. Например, позитивное право оставляет на откуп субъектам хозяйственного оборота следующие вопросы: какова судьба права собственности поставщика в том случае, если последний истребует плату за товар, который не был принят покупателем? сохраняется ли у поставщика возможность распоряжения таким товаром?

Следует указать на допустимость включения условия «бери или плати» в договор поставки, что позволит сторонам такого договора не только стабилизировать свои отношения в условиях нестабильной конъюнктуры рынка, но и обеспечит особый, удобный для сторон порядок исполнения договора. Вместе с тем несмотря на ощутимые плюсы, которые получают стороны при включении в договор условия «бери или плати», без внимания нельзя оставить и минусы. В частности, несмотря на возможности, которые представляет сторонам принцип свободы договора, заключение сторонами договора, включающего условие «бери или плати», с учетом содержания норм ГК РФ, регламентирующих куплю-продажу и поставку, достаточно велик риск иного толкования судами положений договора, которое может существенно отличаться от того смысла, который изначально закладывался сторонами, что приведет к фактической неисполнимости условия «бери или плати».

Представляется, что в России установление сущности условия «бери или плати» на примере гражданско-правового обязательства, возникшего из договора поставки, можно осуществить с точки зрения двух подходов. Согласно первому, условие «бери или плати» является не более чем механизмом распределения убытков, который выполняет компенсационную функцию при невыборке товаров одной из сторон договора. Согласно второму, несмотря на наличие искажения эквивалентности синаллагмы, условие «бери или плати» предполагает наличие встречного предоставления со стороны обоих контрагентов.

Библиографический список

1. *Creti A., Villeveuve B.* Long-term Contracts and Take-or-pay Clauses in Natural Gas Markets // *Energy Studies Review*. 2004. Vol. 13. P. 75–94.
2. *Crocker K.J., Masten S.E.* Efficient Adaptation in Long-term Contracts: Take-or-Pay Provisions for Natural Gas // *American Economic Review*. 1985. № 75. P. 1083–1093.
3. *Hubbard G., Weiner R.* Long-Term Contracting and Multiple-Price Systems // *Journal of Business*. 1992. No. 65. P. 177–198.
4. *Crocker K.J., Masten S.E.* Pretia ex Machina? Prices and Process in Long-Term Contracts // *Journal of Law and Economics*. 1991. No. 34. P. 69–99.
5. *Hubbard G., Weiner R.* Regulation and Long-term Contracting in US Natural Gas Markets // *Journal of Industrial Economics*. 1986. No. 35. P. 71–79.
6. *Тай Ю., Павлов А., Сарбаш С., Белов В., Байбак В., Евстигнеев Э.* Условие take or pay и свобода договора // *Закон*. 2021. № 9. С. 16–24.
7. *Егоров А.В.* Заранее оцененные убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от договора // *Вестник гражданского права*. 2022. № 3. С. 26–65.

References

1. *Creti A., Villeveuve B.* Long-Term Contracts and Take-or-Pay Clauses in Natural Gas Markets // *Energy Studies Review*. 2004. Vol. 13. P. 75–94.
2. *Crocker K.J., Masten S.E.* Efficient Adaptation in Long-Term Contracts: Take-or-Pay Provisions for Natural Gas // *American Economic Review*. 1985. No. 75. P. 1083–1093.

3. *Hubbard G., Weiner R.* Long-Term Contracting and Multiple-Price Systems // *Journal of Business*. 1992. No. 65. P. 177–198.

4. *Crocker K.J., Masten S.E.* Pretia ex Machina? Prices and Process in Long-Term Contracts // *Journal of Law and Economics*. 1991. No. 34. P. 69–99.

5. *Hubbard G., Weiner R.* Regulation and Long-Term Contracting in US Natural Gas Markets // *Journal of Industrial Economics*. 1986. No. 35. P. 71–79.

6. *Tai Yu., Pavlov A., Sarbash S., Belov V., Baibak V., Evstigneev E.* Take or Pay Condition and Freedom of Contract // *Law*. 2021. No. 9. P. 16–24.

7. *Egorov A.V.* Liquidated Damages as a Key to Understanding the Legal Nature of Take-or-Pay Contractual Terms, as Well as Fees for Canceling a Contract // *Bulletin of Civil Law*. 2022. No. 3. P. 26–65.

М.В. Новиков

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ:
БАЛАНС СООТНОСИМОСТИ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ
ПРЕДЕЛОВ И ИММУНИТЕТОВ**

Введение: рассматривается актуальный вопрос об интегративном единстве антимонопольных пределов и иммунитетов при осуществлении исключительных прав. Автором устанавливается, насколько антимонопольные иммунитеты согласуются с антимонопольными пределами осуществления исключительных прав для решения вопроса об актуальности сохранения антимонопольных иммунитетов. **Цель** — выявить содержание антимонопольных пределов осуществления исключительных прав и обоснованность применения антимонопольных иммунитетов. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ, синтез, аналогия, системный метод) и частнонаучные методы юриспруденции (формально-юридический, сравнительно-правовой методы). **Результаты:** аргументирована авторская позиция о необходимости противодействия антимонопольным иммунитетам в случае необоснованного их применения. **Выводы:** антимонопольные иммунитеты коррелируют с антимонопольными пределами осуществления исключительных прав для соответствия назначению исключительного права; антимонопольный иммунитет недопустимо исключать из норм Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», что приведет к утрате свойства исключительного права как монополизации на объекты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: исключительные права, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, нематериальные блага, монопольное право, осуществление исключительных прав, антимонопольный предел, антимонопольный иммунитет.

M. V. Novikov

**EXERCISING EXCLUSIVE RIGHTS:
BALANCING THE CORRELATION BETWEEN
ANTITRUST LIMITS AND IMMUNITIES**

Background: the author considers the topical issue of the integrative unity of antimonopoly limits and immunities in the exercise of exclusive rights. The author establishes to what extent antitrust immunities are consistent with antitrust limits in the exercise of exclusive rights in order to address the relevance of preserving antitrust immunities. **Objective** — to reveal the content of antitrust limits on the exercise of exclusive rights and the validity of antitrust immunities. **Methodology:** general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy, system method) and private scientific methods of jurisprudence (formal legal, comparative legal methods). **Results:** the author's position on the need to counteract antimonopoly immunities in case of their

© Новиков Максим Владимирович, 2024

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: latasar@mail.ru

© Novikov Maxim Vladimirovich, 2024

Candidate of Law, Lecturer of Civil Law Department (Saratov State Law Academy)

unreasonable application is argued. Conclusions: antimonopoly immunities correlate with antimonopoly limits for the exercise of exclusive rights to comply with the purpose of the exclusive right; it is inadmissible to exclude antimonopoly immunity from the norms of the Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition", which will lead to the loss of the property of the exclusive right as monopolization on intellectual property objects.

Keywords: *exclusive rights, exercise of the exclusive rights, results of intellectual activity, means of individualization, intangible benefits, monopoly law, exercise of exclusive rights, antimonopoly limit, antimonopoly immunity.*

Содержание исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации раскрывается в ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ).

Ученые едины во мнении, что исключительное право — это имущественное и абсолютно субъективное право [1, с. 107–109]. Последний признак такого рода субъективного права сказывается на модели отраслевого правового регулирования, механизма и пределов осуществления исключительных прав. Существо абсолютного характера исключительного права связано с обращением правообладателя относительно неопределенного круга лиц по вопросу использования объекта интеллектуальной собственности.

Из анализа содержания исключительного права следует, что ему присущи правомочия господства, проявляющегося в использовании и распоряжении объектами интеллектуальной собственности, и правомочия по контролю за доступом к объекту интеллектуальной собственности третьим лицам путем дозволения и запрета использования ими объектов интеллектуальной собственности.

С нашей точки зрения, нормативная модель субъективного права как исключительного права, заключающаяся в алгоритме функционального назначения субъективного права в выборе форм правового воздействия на объект права, детерминирована спецификой объекта интеллектуальной собственности.

Объектами интеллектуальной собственности являются результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, исчерпывающим образом перечисленные в ст. 1225 ГК РФ.

Как следует из правопонимания указанной статьи, результат интеллектуальной деятельности выступает результатом творческой деятельности автора, то есть отражением сознания автора в форме нематериального образа, впоследствии объективированного в любой доступной форме для его восприятия индивидуумами. Тем самым результат интеллектуальной деятельности выступает средством индивидуализации мыслительной деятельности автора, персонификацией его внутреннего мира, что отличает от вещей, созданных естественным путем. Поэтому о нематериальном образе можно говорить как об особом нематериальном благе, овеществленном в доступно объективной форме. Заметим, что такое особое нематериальное благо служит объектом оценки, имеющим потенциально коммерческую ценность или иной социально полезный эффект. В свою очередь, средство индивидуализации юридического лица служит средством обозначения юридического лица, его продукции (товаров, работ и услуг) для обособления от других юридических лиц.

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 11 июня 2022 г.) // Российская газета. 2006. 22 декабря; 2022. 15 июня.

Думается, исключительность субъективного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации заключается в том, что такое субъективное право закрепляется за определенным правообладателем по монопольному использованию и распоряжению объектом интеллектуальной собственности как охраняемого особого нематериального блага автора, результата индивидуализации. Монопольный характер исключительного права охраняется законом, что следует из совокупного смысла ст. 1225, 1228 и 1229 ГК РФ.

В силу исключительной природы данного субъективного права в зависимости от вида правоотношений может изменяться баланс интересов участников гражданского оборота вместе с изменением объема пределов осуществления исключительных прав.

В ст. 9 ГК РФ закреплено правило, что граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

В ст. 10 ГК РФ установлены пределы осуществления гражданских прав, которые условно можно дифференцировать на две группы:

внутренние пределы осуществления гражданских прав, когда резюмируется требование об оценке участником гражданского оборота своего поведения на соответствие принципам добросовестности и разумности, исключающего нарушение прав других участников в случае пересечения взаимных интересов;

внешние пределы осуществления гражданских прав, когда определены такие запреты на формы недобросовестного поведения, как шикана (осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу), обход закона с противоправной целью и иные формы.

Указанные пределы осуществления гражданских прав универсальны, их можно именовать общими пределами осуществления гражданских прав, распространяющимися на любые виды гражданских правоотношений.

В абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ регламентировано — не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Приведенные пределы следует относить к антимонопольным внешним пределам осуществления гражданских прав, поскольку осуществление гражданских прав происходит в сети конкурентных правоотношений.

Положения ст. 10 ГК РФ распространяются на исключительные права, как и прочие субъективные права.

При осуществлении гражданских прав характерно, что пределы их осуществления измеряются в соответствии с принципом равенства субъектов гражданских правоотношений, в условиях которых никто заранее не обладает преимуществами перед другими лицами. Пределы осуществления исключительных прав приобретают иное функциональное значение, не позволяя правообладателю действовать вне соответствия с назначением этих прав, в противоречие с принципом сохранения баланса интересов участников гражданского оборота. Вместе с тем монопольный характер исключительного права на объекты интеллектуальной собственности вносит коррективы в изменение баланса интересов участников гражданского оборота, обусловленные переориентацией принципа равенства в интересах правообладателя исключительного права, исключая или ограничивая сферу притязания третьего лица относительно объекта интеллектуальной собственности.

В конкурентных правоотношениях осуществление исключительных прав приводит к трансформации объема пределов осуществления гражданских прав.

Для определения существа функционального назначения субъективного права в конкурентных правоотношениях необходимо обратиться к определению понятия «конкуренция».

В п. 7 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ (далее — Закон) под конкуренцией понимается соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Как видим, в нормативном определении понятия «конкуренция» заложен принцип равенства хозяйствующих субъектов по осуществлению предпринимательской деятельности в сфере экономического товарооборота, функциональное назначение субъективных прав раскрывается через «параллельные» однородные действия, направленные на достижение экономического эффекта в виде получения наибольшего экономического результата на определенном товарном рынке.

Законом определены основы антимонопольной политики для реализации справедливового товарооборота в рамках единого экономического пространства по противодействию монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, при этом последние относятся к пределам осуществления гражданских прав.

Зная алгоритм функционального назначения нормативной модели исключительного права, характеризующейся «легальной» монополизацией на объекты интеллектуальной собственности, видим, что осуществление исключительных прав частично не согласуется с содержанием конкурентных правоотношений, в которых, как правило, исключается любая монополизация по воздействию на товарный рынок в одностороннем порядке и главенствует условие равнозначного соперничества за получение лучшего экономического результата. Правообладатель — единственный обладатель исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, имманентно становится монополистом по установлению в одностороннем порядке правил экономического товарооборота объекта интеллектуальной собственности. Однако существо исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации состоит в монополизации результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации как неотъемлемого его свойства. Нивелирование этого свойства низводило бы на нет исключительное право, вследствие чего исключалась бы охрана правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Для устранения противоречия содержания исключительного права с содержанием конкурентных правоотношений вводится юридическая конструкция по исключению антимонопольных запретов на злоупотребление доминирующим положением на рынке (п. 4 ст. 10 Закона) и ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов (п. 9 ст. 11 Закона) при осуществлении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В юридической догме данная конструкция именуется антимонопольным иммунитетом.

Юридическая конструкция антимонопольного иммунитета редуцирует действие законодательно установленных антимонопольных запретов на осуществ-

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434; 2022. № 24, ст. 3928.

вление исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, в связи с чем уменьшается объем пределов их осуществления, гармонизируя баланс интересов хозяйствующих субъектов в условиях конкурентной среды в интересах правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Позиция относительной актуальности антимонопольного иммунитета в условиях цифровой синергетики обозначена в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной протоколом Президиума ФАС России от 3 июля 2019 г. № 6, в которой отмечено, что иммунитеты от применения антимонопольного законодательства в отношении результатов интеллектуальной деятельности сдерживают развитие конкуренции в условиях цифровой экономики, поэтому необходима трансформация антимонопольного регулирования в отношении результатов интеллектуальной деятельности в соответствии с современными общественными отношениями, складывающимися в цифровой экономике¹.

Сторонники курса за отмену антимонопольных иммунитетов исходят из возможности правообладателя ограничивать или устранять конкуренцию посредством реализации «легальной» монополии на объект интеллектуальной собственности, для усиления своей аргументации обращаются к зарубежной антимонопольной практике о запрещении монополистической деятельности посредством использования объектов интеллектуальной деятельности [2, с. 60].

Сторонники противоположного курса апеллируют доводами о негативных последствиях для развития интеллектуальной собственности в случае отмены антимонопольных иммунитетов: любой правообладатель будет обладать высоким риском по привлечению его за акты монополистической деятельности в силу того, что режим исключительного права предполагает монополию на объекты интеллектуальной собственности [3, с. 58]; приведет к расширению полномочий ФАС России по необоснованному вмешательству в сферу развития интеллектуальной собственности [4, с. 47–50]; уменьшит интерес к инвестированию на результаты интеллектуальной деятельности из-за ослабления защиты интеллектуальных прав [5, с. 206].

Действительно, можно согласиться, что снятие антимонопольных иммунитетов на объекты интеллектуальной собственности приведет к нивелированию исключительного права, так как целью охраны интересов правообладателей является монополизация объектов интеллектуальной собственности. Впоследствии, как считаем, отмена антимонопольных иммунитетов выразится в стагнации процессов цифровизации и инновационного развития экономики, утрате интересов правообладателей к развитию результатов интеллектуальной деятельности в связи с деперсонализацией этих результатов, поскольку повсеместно будет распространяться контрафактная продукция на результаты их интеллектуальной деятельности.

На взгляд А. С. Ворожевич, существующих инструментов гражданско-правового регулирования для защиты конкуренции по пресечению ненадлежащих

¹ См.: Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. протоколом Президиума ФАС России от 3 июля 2019 г. № 6. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.05.2023).

действий правообладателей достаточно: институт злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), принудительное лицензирование, эстоппель, исчерпание права [6, с. 48].

На этот счет обозначена правовая позиция Конституционного Суда РФ, отраженная в Постановлении от 13 февраля 2018 г. № 8-П: «...положения пункта 4 статьи 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” не могут интерпретироваться и применяться как полностью выводящие коллизию интересов правообладателей товарных знаков и иных участников правоотношений по поводу товаров, на которых размещены соответствующие товарные знаки, и связанную с этим возможность оценки поведения сторон как недобросовестного из-под действия механизмов обеспечения баланса конституционно значимых ценностей. Иное означало бы злоупотребление исключительным правом на товарный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться...»¹.

Представляется, что в данном постановлении Конституционный Суд РФ обозначил приоритет антимонопольного законодательства перед законодательством об интеллектуальной собственности, не исключая возможности оценки действий правообладателей с позиции положений о запрете монополистической деятельности через запрет злоупотребления правом.

Наблюдается тенденция в правоприменительной практике, когда суды из-за нецелесообразности применения норм об интеллектуальной собственности игнорировали положение об антимонопольном иммунитете в отношении объектов интеллектуальной собственности. Так, суды поддержали позицию антимонопольного органа, посчитав действия группы компаний Google, выразившиеся в заключении лицензионных соглашений с производителями мобильных устройств на установку магазина приложений Google Play, актом монополистической деятельности².

В противовес этому суждению в определении Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1268-О позиционируется точка зрения о том, что к деятельности аккредитованной организации по управлению правами на коллективной основе не применяются ограничения, предусмотренные антимонопольным законодательством (абз. 3 п. 2 ст. 1244 ГК РФ), и что вопросы, связанные с уклонением от заключения договоров с пользователями, сбором, распределением и выплатой вознаграждения, к сфере регулирования антимонопольного законодательства не относятся³.

Обобщая изложенное, приходим к следующим выводам: антимонопольные пределы осуществления исключительных прав коррелируются с антимонопольными иммунитетами, что отвечает экономическим интересам участников конкурентных правоотношений по обороту объектов интеллектуальной собственности и соответствует правовой природе исключительного права, направленного на охрану монопольного права на объекты интеллектуальной собственности; антимонопольный иммунитет недопустимо исключать из норм Федерального

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

² См., например: Мадни Я. Мирное соглашение одобрено: чем закончился двухлетний спор ФАС и Google. URL: <https://ria.ru/economy/20170417/1492436274.html> (дата обращения: 17.04.2019).

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1268-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.05.2023).

закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», поскольку такие меры приведут к декларированию исключительного права в связи с утратой функции охраноспособности монополизации на объекты интеллектуальной собственности.

С нашей точки зрения, для повышения уровня защиты конкуренции, в том числе по причине динамики процессов цифровизации и возникновения экономического киберпространства, требуется переориентация с произвольной модели правового регулирования антимонопольных иммунитетов на регулятивную модель их правового регулирования. Содержание последней заключается в правовом воздействии на осуществление исключительных прав в конкурентных правоотношениях с целью недопущения актов злоупотребления антимонопольным иммунитетом при оценке ситуации, насколько применение антимонопольного иммунитета необоснованно и существенно нарушает экономические интересы хозяйствующих субъектов. Для этого следует нормативно установить закрытый перечень объектов интеллектуальной собственности в соответствии с высокой степенью риска злоупотребления антимонопольным иммунитетом, в отношении которых будет допускаться такая регулятивная модель правового регулирования антимонопольных иммунитетов.

Библиографический список

1. *Галеева Р.Ф.* Сущность исключительного права // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, № 6. С. 104–110.
2. *Писенко К.А.* О законодательных проблемах противодействия монополистической деятельности, связанной с использованием объектов исключительных прав // Конкурентное право. 2012. № 1. С. 56–61.
3. *Павлова Е., Калятин В., Суспицына М.* Гражданско-правовое и антимонопольное регулирование исключительных прав: инструмент на выбор? // Конкуренция и право. 2013. № 4. С. 50–60.
4. *Радецкая М.В.* Охрана исключительных прав и пресечение недобросовестной конкуренции: поиск баланса // Закон. 2017. № 12. С. 44–55.
5. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Economics / под ред. Г. Г. Сапова; пер. с англ. 2-е изд. М.: Дело, 1998. 864 с.
6. *Ворожевич А.С.* Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 1. С. 45–52.

References

1. *Galeeva R.F.* The Essence of Exclusive Right // Scientific Notes of Kazan University. Ser.: Humanities. 2010. Vol. 152, no. 6. P. 104–110.
2. *Pisenko K.A.* On Legislative Problems of Countering Monopolistic Activity Related to the Use of Objects of Exclusive Rights // Competition Law. 2012. No. 1. P. 56–61.
3. *Pavlova E., Kalyatin V., Suspitsyna M.* Civil Law and Antimonopoly Regulation of Exclusive Rights: a Tool to Choose from? // Competition and Law. 2013. No. 4. P. 50–60.
4. *Radetskaya M.V.* Protection of Exclusive Rights and Suppression of Unfair Competition: Search for Balance // Law. 2017. No. 12. P. 44–55.
5. *Fischer S., Dornbush R., Shmalenzi R.* Economics / ed. by G. G. Sapov; transl. from Engl. 2nd ed. M.: Delo, 1998. 864 p.
6. *Vorozhevich A.S.* Antitrust vs Patent Rights: Why Intervention of the Antimonopoly Service Will Harm Innovations? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 1. P. 45–52.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-157-164
УДК 343.61

А.Г. Блинов

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ И ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗДОРОВЬЕ

Введение: в исследовании обосновывается механизм взаимодействия отраслей права, нацеленных на упорядочивание здравоохранительных отношений и их охрану от общественно опасного либо иного вредоносного поведения. Значительное внимание уделяется уяснению роли административно-деликтного и уголовного законодательства в обеспечении правового и материального порядка в секторе реализации человеком права на здоровье. **Цель** — обосновать модель консолидации ресурсов регулятивных и охранительных отраслей законодательства по претворению в жизнь права человека на здоровье. **Методологическая основа:** диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с общенаучными (формально-логический, системно-структурный, обобщение) и частнонаучными (формально-юридический, статистический, конкретно-социологический) методами. **Результаты:** разработана модель правовой оценки ситуаций, связанных с причинением по неосторожности легкого, средней тяжести либо тяжкого вреда здоровью конкретной личности. Деяния, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, предлагается рассматривать как преступное посягательство. Последствия в виде легкого вреда здоровью следует закрепить в качестве признака уголовного проступка. **Вывод:** в рамках здравоохранительных отношений позитивное законодательство выполняет функцию по формированию правового режима, оптимального для поддержания и укрепления психосоматического здоровья человека. Служебная роль законодательства об административных правонарушениях прослеживается в предупреждении формальных нарушений правовых предписаний в рассматриваемом секторе. Социальное назначение уголовного закона состоит в удержании достигших возраста уголовной ответственности физических лиц от совершения общественно опасного действия (акта бездействия), угрожающего здоровью человека причинением вреда.

Ключевые слова: здоровье, вред здоровью, межотраслевое взаимодействие, административное законодательство, уголовно-правовая охрана.

© Блинов Александр Георгиевич, 2024
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); email: Blinovag2008@yandex.ru
© Blinov Aleksandr Georgievich, 2024
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

A.G. Blinov

INTERACTION MODEL REGULATORY
AND ENFORCEMENT LEGISLATION ENSURING
IMPLEMENTATION HUMAN RIGHTS TO HEALTH

Background: the study substantiates the mechanism of interaction of branches of law aimed at ordering health relations and their protection from socially dangerous or other harmful behavior. Considerable attention is paid to understanding the role of administrative-tort and criminal legislation in ensuring the legal and material order in the sector of realization of the human right to health. **Objective** — to substantiate a model for consolidating the resources of the regulatory and protective branches of legislation to implement the human right to health. **Methodology:** the dialectical method as a universal tool of cognition in combination with general scientific (formal-logical, system-structural, generalization) and special scientific (formal-legal, statistical, concrete sociological) methods. **Results:** a model of legal assessment of situations related to the negligent infliction of light, moderate or serious harm to the health of a particular person has been developed. It is proposed to consider the acts resulting in negligent infliction of grave and medium gravity harm to health as a criminal offense. Consequences in the form of minor harm to health should be fixed as a sign of a criminal misdemeanor. **Conclusion:** in the framework of health relations positive legislation performs the function of forming a legal regime, optimal for the maintenance and strengthening of psychosomatic health of a person. The service role of the legislation on administrative offenses is traced in the prevention of formal violations of legal provisions in the sector under consideration. The social purpose of the criminal law is to deter individuals who have reached the age of criminal responsibility from committing a socially dangerous action (act of omission) that threatens human health by causing harm.

Keywords: health, harm to health, intersectoral interaction, administrative legislation, criminal law protection.

Здоровье относится к числу приоритетных благ, обладание которым во многом предопределяет качество жизни человека. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), оно входит в число ключевых показателей, формирующих представление о счастливой жизни¹. Подавляющее большинство россиян высоко оценивает состояние своего здоровья, не пренебрегая при этом посещением лечебно-профилактических учреждений. Обеспечивая интересы граждан, государство ежегодно тратит триллионы рублей на поддержание и восстановление их физического, психического и социального благополучия. Разрабатываются стратегические документы по формированию здорового образа жизни и профилактике заболеваний, создается инфраструктура для занятия физической культурой и спортом, внедряются высокотехнологичные медицинские изделия и фармацевтические продукты. Правовое пространство страны включает комплекс мер по профилактике насилия в отношении взрослых и детей. Масштабы проводимых государством мероприятий обусловили снижение количества обращений граждан по вопросам охраны здоровья и оказания медицинской помощи. Так, в 2022 г. соответствующий показатель по сравнению

¹ См.: Индекс счастья: мониторинг // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring> (дата обращения: 19.12.2023).

с предыдущим годом сократился более чем в 2 раза¹. Несмотря на достигнутые позитивные результаты, право на здоровье по-прежнему относится к числу приоритетных объектов охраны. Посягательства на него продолжают занимать устойчивые позиции в общей структуре административных правонарушений и преступлений². Изложенное актуализирует проблему оптимизации содержания юридических конструкций, призванных обеспечивать сохранность психического и физического здоровья каждого.

В обеспечении права человека на здоровье и его охрану сегодня участвуют нормы различных отраслей законодательства, которые устанавливают правила поведения правоисполнителей в зависимости от присущего им метода воздействия. Базовым нормативным актом, определяющим модель взаимодействия государства и граждан на всех уровнях жизнедеятельности, является Конституция РФ. Именно она провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту — обязанностью государства (ст. 2). Следуя декларируемому национальному приоритету, Конституция РФ в ч. 1 ст. 41 закрепляет за каждым человеком право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Ему корреспондирует обязанность государства охранять здоровье людей (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ). Социально-юридическое назначение указанных конституционных норм усматривается в трех ключевых направлениях. Во-первых, они определяют содержание взаимоотношений человека и государства, которое по большей части обусловлено ценностью здоровья как личного и общественного блага. Во-вторых, формируют идеологическую основу отраслевого законодательства. В-третьих, наделяют участников здравоохранительных отношений определенным набором субъективных прав и возлагают на них юридические обязанности.

Реализуя полномочия, отраженные в Конституции страны, российский парламент принял ряд нормативных правовых актов, нацеленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья людей. Возглавляет официально не оформленную систему нормативных актов здравоохранительного характера, образуя первый ее уровень, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Составляющие его структуру юридические нормы определяют: правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан; права и обязанности граждан, отдельных групп населения в сфере охраны здоровья и гарантии их реализации; полномочия и ответственность федеральных и региональных органов власти в сфере охраны здоровья людей. Они закрепляют понятия здоровья, медицинской помощи, качества медицинской помощи, лечащего врача, медицинской и фармацевтической организации. В них нашли отражение правовые статусы пациента и медицинского работника, условия проведения искусственного прерывания беременности, использования тела, органов и тканей умершего человека и т.д.

¹См.: Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год» // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (дата обращения: 19.12.2023).

²См.: Административные правонарушения // Официальный сайт Судебной статистики РФ. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/adm/t/31/s/66> (дата обращения: 19.12.2023); Статистика преступности // Официальный сайт Российской криминологической ассоциации имени Азалии Ивановны Долговой. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 19.12.2023).

Второй уровень в структуре здравоохранительного законодательства образуют нормативные акты, устанавливающие правовые основы государственной политики в области иммунопрофилактики инфекционных болезней, регламентирующие порядок трансплантации органов и тканей человека, обращения донорской крови или ее компонентов. К их числу относятся федеральные законы: от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов», от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Каждый из них вносит вклад в создание правового режима, оптимального для сохранения и укрепления психосоматического здоровья.

Тотальное упорядочивание социальных связей в сфере здравоохранения юридическими инструментариями объективно формирует пространство, участники которого могут реализовать принадлежащий им правовой статус без ущемления интересов других лиц. Одновременно оно высвечивает проблему удержания правоисполнителей от общественно опасных и иных вредоносных форм поведения, поскольку не в силах самостоятельно обеспечить физическую сохранность исследуемого блага [1, с. 150–151]. Опираясь на диспозитивный метод воздействия на субъектов правоотношений, регулятивная отрасль законодательства предоставляет им возможность выбирать модель поведения в пределах, установленных юридическими нормами. Диспозитивность в регулировании здравоохранительных отношений предполагает равенство сторон, которые посредством реализации корреспондирующих прав и обязанностей обеспечивают субъективные интересы. Складывающаяся ситуация требует от законодателя включения в структуру механизма обеспечения конституционного права человека на охрану здоровья норм, социальное назначение которых состоит в удержании граждан от совершения общественно опасных либо иных вредоносных поступков. Достижение подобного позитивного результата входит в область действия административно-деликтного и уголовного законодательства.

Система административно-деликтного законодательства включает в свою структуру ряд норм, основным либо дополнительным объектом защиты которых выступает здоровье человека. В качестве основного объекта оно обеспечивается нормами, сосредоточенными в гл. 6 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность». Их условно можно дифференцировать на две группы. К первой группе относятся нормы, устанавливающие ответственность за нарушения правовых предписаний в секторе жизнедеятельности, связанной с реализацией права индивидуально определенного лица или персонифицированного круга людей на здоровье. Речь идет о незаконном занятии народной медициной (ст. 6.2), нарушении законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности (ст. 6.3.1), нарушении законодательства о донорстве крови и ее компонентов (ст. 6.31), нарушении требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности (ст. 6.32) и т.д. Перечисленные нормы административного законодательства призваны поддерживать правовой порядок в секторе организации системы здравоохранения и оказания медицинских услуг. Сущность правового порядка проявляется в следовании участниками отношений в сфере охраны

здоровья модели поведения, продиктованной правовыми нормами. В противном случае существует риск возникновения различных по характеру конфликтов, требующих вмешательства контролирующих либо правоохранительных органов. Между тем нельзя утверждать, что формальное отклонение от правовых предписаний непременно порождает состояние, угрожающее здоровью человека. Однако административно-деликтное законодательство должно давать оценку любому инциденту, способному спровоцировать даже опосредованную опасность для естественных благ личности. Так, К. занималась целительством без разрешения органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Применяемый ею нетрадиционный метод лечения сводился к наблюдению за солнцем, употреблению «эткен-чая» и многократному повторению «Формулы жизни». Постановлением мирового судьи за занятие народной медициной (целительством) с нарушением установленного законом порядка К. привлечена к административной ответственности по ч. 2 ст. 6.2 КоАП РФ¹. Приведенный пример наглядно демонстрирует, что попытки воздействовать на здоровье столь нетрадиционным методом едва ли способны причинить потерпевшему физический или психический вред. На основании этого противоправное поведение женщины получило оценку в рамках административно-деликтных отношений.

Вторую группу в системе административных правонарушений против здоровья человека образуют нормы, устремленные на обеспечение материальной составляющей рассматриваемого объекта. Они провозглашают ответственность за сокрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией, венерической болезнью и контактов, создающих опасность заражения (ст. 6.1 КоАП РФ), побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ), воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 6.36 КоАП РФ). Обоснованность помещения перечисленных норм в Кодекс РФ об административных правонарушениях вызывает сомнение. Принимая во внимание природу административного законодательства, ему не свойственна охрана материальных благ, необходимых для существования человека и его развития [2, с. 160]. Охрана жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства личности от общественно опасных посягательств входит в компетенцию уголовного закона.

Действующий КоАП РФ включает в свою структуру множество норм, защищающих здоровье человека в качестве дополнительного объекта. Они встречаются в гл. 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике», гл. 11 «Административные правонарушения на транспорте», гл. 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения», гл. 13 «Административные правонарушения в области связи и информации», гл. 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций», гл. 18 «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации», гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». Составы соответствующих административных правонарушений фиксируют в своем содержании признак, указывающий на причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести — легкого, средней тяжести, тяжкого. Например, причинение легкого вреда здоровью человека в качестве

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 19 июня 2013 г. № 67-АПГ13-7 // СПС «КонсультантПлюс».

обязательного признака состава административного правонарушения предусмотрено в ч. 1 ст. 11.5 КоАП РФ (нарушение правил безопасности эксплуатации воздушных судов), ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ (нарушение правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства). Причинение вреда здоровью человека средней тяжести является квалифицирующим признаком составов нарушения правил дорожного движения пешеходом, пассажиром транспортного средства или иным участником дорожного движения (ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ), несоблюдения требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений (ч. 2 ст. 12.34 КоАП РФ). Некоторое недоумение вызывает отнесение к числу административно-наказуемых последствий причинение тяжкого вреда здоровью человека, которое имеет место при нарушении требований пожарной безопасности (ч. 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ). Адресатом ее воздействия выступает юридическое лицо. Дискуссию порождает подход законодателя к конструированию диспозиции указанной нормы. Во-первых, сложно представить жизненную ситуацию, когда деятельность организации, сопровождающаяся отступлением от правовых предписаний, направлена на причинение вреда здоровью человека. В случае ее возникновения соответствующее действие (акт бездействия) совершается конкретным представителем юридического лица. Во-вторых, непонятна форма вины, характерная анализируемому составу административного правонарушения. Если предположить, что речь идет об умысле, то деяние по уровню общественной опасности сопоставимо с тяжким преступлением. Если же имеет место неосторожная форма вины, то трудно вообразить нарушение юридическим лицом требований пожарной безопасности, повлекшее по легкомыслию или небрежности причинение тяжкого вреда здоровью человека. С точки зрения понимания вины в административном праве юридическое лицо может допустить нарушение нормативных предписаний, однако не способно выразить свое отношение к наступившим последствиям. В аспекте изложенного уместно процитировать особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С.Д. Князева, высказанное относительно алгоритма установления вины юридического лица. Согласно ему, Общая часть КоАП РФ «исключает возможность психологического (субъективного) подхода к признанию юридического лица виновным в совершении административного правонарушения. ... Лишь физическое лицо обладает возможностями что-либо «сознавать», «предвидеть», «желать», «сознательно допускать» и (или) на что-либо «самонадеянно рассчитывать», а стало быть, только оно и может совершить административное правонарушение умышленно или по неосторожности»¹.

С учетом приведенных аргументов действующая редакция ч. 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ представляется уязвимой. Специалистам в области административного права надлежит решить вопрос о соответствии указанной нормы природе административно-деликтного законодательства и обоснованности ее нахождения в структуре КоАП РФ. Понуждение лица к исполнению обязанности по воздержанию от совершения деяния, представляющего угрозу здоровью другого человека, входит в компетенцию уголовного закона с присущим ему императивным методом воздействия.

¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С.Д. Князева / Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 3.

Ожидая от уголовного закона решение задачи по охране здоровья граждан, нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что он сегодня не дает оценку деяниям, влекущим по неосторожности причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью человека. Практика свидетельствует, что вред здоровью, оцениваемый как средней тяжести, нередко сужает границы участия человека в трудовой деятельности, ограничивает его трудоспособность на достаточно длительный период или бессрочно. Так, при исполнении трудовых обязанностей подсобный рабочий Т. повредил левую руку циркулярной пилой. Характер причиненных травм (ампутация двух пальцев, повреждение сухожилия на левой руке) и бессрочная утрата профессиональной трудоспособности на 10 % обусловили значительное увеличение размера компенсации морального вреда¹.

Иначе складывается ситуация с причинением легкого вреда здоровью по неосторожности. С одной стороны, он затрагивает материальную составляющую одного из важнейших благ человека. С другой стороны, последствия от него не столь ощутимы. Природа такого деяния уголовно-правовая, но не достигает уровня преступления. Выход из ситуации видится в использовании потенциала категории уголовного проступка, понятие которого предлагает закрепить в уголовном законодательстве Верховный Суд РФ². К числу уголовных проступков следует отнести и состав приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения, повлекшего легкий вред здоровью, который ныне закреплен в ч. 2 ст. 267 УК РФ.

Обобщение изложенного материала позволяет сформулировать следующие выводы:

право человека на здоровье и его охрану обеспечивается нормами различных отраслей права и законодательства. Ценность регулятивных отраслей законодательства проявляется в упорядочивании отношений в области охраны здоровья. Они формируют правовое пространство, позволяющее реализовать субъектам правовой статус без ущемления интересов других лиц. Одновременно они высвечивают круг фактических интересов, нуждающихся в охране средствами административного и уголовного права;

потребность вмешательства административного и уголовного закона в правовые отношения по охране здоровья возникает тогда, когда ресурсы регулятивного законодательства исчерпаны, а совершаемые правонарушения измеряются характером и степенью вредоносности деяния;

на уровне межотраслевого взаимодействия по вопросу охраны здоровья человека выявлена проблема вмешательства административно-деликтного права в сферу действия уголовного закона. Сегодня отдельные нормы законодательства об административных правонарушениях дают оценку причинению вреда здоровью человека различной степени тяжести. Однако по своей природе деяния, посягающие на естественные права и свободы человека, достигают уровня общественной опасности. Их оценка входит в прерогативу уголовного закона. Учитывая социальные последствия воздействия на физическое и психическое

¹ См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2024 г. по делу № 88-2725/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // СПС «КонсультантПлюс».

благополучие человека, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью предлагается рассматривать как преступное посягательство. Общественно опасные последствия в виде легкого вреда здоровью следует ассоциировать с признаком уголовного проступка.

Библиографический список

1. *Блинов А.Г.* Здоровоохранительные отношения как объект правового регулирования и охраны // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4. С. 148–157.
2. *Разгильдиев Б.Т.* Сущностные различия охраняемых уголовным и административным законодательством России объектов, их межотраслевое значение (на примере экологических составов) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 160–172.

References

1. *Blinov A.G.* Relations in the Health Insurance Sphere as Object of Legal Regulations and Protection // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012. No. 4. P. 148–157.
2. *Razgildiev B.T.* Essential Distinctions of Objects Protected by the Criminal and Administrative Legislation of Russia, and Its Inter-Branch Value (on the example of ecological compounds) // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 4. P. 160–172.

А.Н. Гордополов

ИНСТИТУТ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Введение: в статье рассмотрена сущность института дисциплинарной ответственности осужденных в уголовно-исполнительном праве. В основе проведенного анализа автором представлен обновленный подход к построению института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы. Предмет исследования составляют слабоизученные в теоретическом и практическом плане вопросы привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы. **Цель** — проанализировать правовые аспекты института дисциплинарной ответственности и разработать нормативные основы условий его применения. **Методологическая основа:** общие и специальные методы научного познания: диалектический, формально-логический, функциональный, сравнительно-правовой. **Результаты:** в работе критически оценивается ситуация, при которой дисциплинарная ответственность остается нереализованной из-за отсутствия полного перечня дисциплинарных нарушений в УИК РФ. **Вывод:** отстаивая позицию о видовой идентификации института дисциплинарной ответственности и выступая за его развитие, автор работы обосновывает вывод о необходимости закрепления в разделе IV «Исполнение наказания в виде лишения свободы» УИК РФ новой главы «Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы».

Ключевые слова: дисциплинарный проступок, дисциплинарная ответственность, дисциплинарное производство, осужденный к лишению свободы.

A.N. Gordopolov

INSTITUTE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF CONVICTED PERSONS TO IMPRISONMENT: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Background: the article considers the essence of the institute of disciplinary responsibility of convicts in criminal-executive law. Based on the analysis, the author presents an updated approach to the construction of the institute of disciplinary responsibility of convicts sentenced to imprisonment. The issues of bringing to disciplinary responsibility of convicts to imprisonment, which are poorly studied in theoretical and practical terms are the subject of the study. **Objective** — to analyze the legal aspects of the institute of disciplinary responsibility and to develop a normative basis for the conditions of its application. **Methodology:** general and special methods of scientific cognition: dialectical, formal-logical, functional, comparative-legal. **Results:**

© Гордополов Андрей Николаевич, 2024
Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе юридического факультета (Академия права и управления ФСИН России); email: andrei.gordopolov@yandex.ru

© Gordopolov Andrey Nikolaevich, 2024
Candidate of Law, Lecturer at the Department of Regime Organization and Supervision in the Penal Enforcement System of the Faculty of Law (Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia)

the paper critically assesses the situation in which disciplinary responsibility remains unrealized due to the absence of a complete list of disciplinary violations in the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Conclusion: defending the position on the species identification of the institute of disciplinary responsibility and advocating its development, the author substantiates the conclusion about the need to fix a new chapter "Disciplinary Responsibility of Persons Sentenced to Imprisonment" in Section IV "Execution of Punishment in the Form of Imprisonment" of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation.

Keywords: *disciplinary misconduct, disciplinary responsibility, disciplinary proceedings, sentenced to imprisonment.*

Проблема дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы до сих пор привлекает к себе большое внимание представителей науки уголовно-исполнительного права. Как ни странно, приходится признать, что она до сих пор остается недостаточно разработанной и спорной.

Отметим, что в настоящее время дисциплинарная ответственность является нереализованной ввиду отсутствия конкретного нарушения в соответствующем перечне проступков в уголовно-исполнительном законодательстве. Таким образом, осужденных к лишению свободы привлекают к административной ответственности, если суды ограничены применением мер взыскания. На примере критического взгляда на институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы в части наполненности его нормами материального и процессуально-процедурного характера можно дать соответствующую оценку и выяснить, станут ли нарушения (ст. 5.61, 5.62, 6.1.1, 7.27, 20.3 КоАП РФ) дисциплинарными, то есть в перспективе реальной действительности. Сказанное ставит перед наукой уголовно-исполнительного права вопросы, связанные с обсуждением юридической природы проступков, совершаемых осужденными в местах лишения свободы.

Кроме того, обозначенная проблема требует обсуждения перечня видов взысканий, оснований их применения, что свидетельствует о переосмыслении самого субинститута дисциплинарного производства. Решение указанных вопросов имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение. Сущность выдвигаемой позиции прежде всего состоит в том, чтобы применять к осужденному, находящемуся в изоляции от общества, соразмерную и справедливую меру дисциплинарного взыскания [1, с. 29–30], усиливая при этом на него исправительное и превентивное воздействие с учетом его личности.

Действительно, весьма спорны многополярные взгляды ученых, изучающих проблемы привлечения к ответственности осужденных за проступки, совершенные в местах лишения свободы, внешне подпадающие под описание статей Особенной части КоАП РФ. Единственное, что объединяет всех исследователей, это то, что они не исключают возможности за осужденным быть субъектом иных отраслей права наравне со всеми гражданами [2, с. 26–27; 3, с. 213].

Рассматривая проблему межотраслевых связей уголовно-исполнительного права, некоторые исследователи высказывают точку зрения, что институт дисциплинарной ответственности имеет отраслевой характер и относится в числе прочего к административному праву [4, с. 19]. Однако его присутствие в уголовно-исполнительном праве в уточненном виде подтверждает существование межпредметных связей уголовно-исполнительного и административного права.

При сопоставлении ряда проступков осужденных в ч. 1 ст. 116 УИК РФ и правонарушений в КоАП РФ, отмечается их сходство. Речь идет о противоправных деяниях, которые по названию и форме описания объективной стороны напоминают ряд административных правонарушений, например: «мелкое хулиганство», встречающееся в ч. 1 ст. 116 УИК РФ и в ст. 20.1 КоАП РФ; «изготовление, хранение или передача запрещенных предметов» (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) и «передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания» (ст. 19.12 КоАП РФ); «угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления» и «неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации» (ст. 19.3 КоАП РФ); оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ); принуждение к участию в забастовке (ст. 5.40 КоАП РФ) [5, с. 63].

В данном случае возникает вопрос: к какому виду ответственности следует привлекать осужденного при совершении им правонарушения? Закономерно то, что разграничение дисциплинарного или административного видов ответственности должно проводиться по трем критериям: субъектному, содержательному и территориальному. Первый критерий сводится к тому, что в качестве субъектов дисциплинарной ответственности, дела по которым рассматриваются должностными лицами исправительных учреждений, являются исключительно осужденные к лишению свободы. Второй критерий отражает характер нарушений. С одной стороны, просматривается, что они с позиции административного законодательства посягают на разные группы объектов правовой охраны — общественный порядок и нравственность, здоровье граждан, порядок управления и другие. Но, с другой стороны, в уголовно-исполнительной сфере юрисдикции путем реформирования они приобретают иной оттенок, и их уже объединяет общий единый объект — порядок в исправительном учреждении.

В свое время еще профессор Н. А. Стручков справедливо и обоснованно писал о том, что нормы, предусматривающие дисциплинарную ответственность осужденных, регулируют особые общественные отношения со специальными целями, что придает им особое содержание, в силу чего они не могут быть нормами административного права..., несмотря на их внешнюю схожесть [6, с. 55]. Ученый аргументированно писал о таком новом приобретенном качестве данных видов нарушений и доказывал отраслевую специфику дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы. Третий критерий характеризуется местом совершения такого проступка, так как оно должно быть совершено на территории исправительного учреждения.

В такой ситуации производство по делу в отношении осужденного должно быть рассмотрено по месту его совершения и входить в подведомственность должностных лиц исправительных учреждений, где они не только составят в отношении него протокол, но и вынесут соответствующее постановление путем наложения специального взыскания. Если лицо допустило противоправные деяния за пределами исправительного учреждения, например в отпуске, то его целесообразно привлекать к административной ответственности, так как оно происходит за пределами территории с режимными требованиями отбывания наказания.

Думается, что выделение дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы должно объясняться особенными чертами правовой природы нарушения режима. Действительно, понятие дисциплинарного нарушения (проступка), совершенного осужденным на территории исправительного учреждения, убедительно демонстрирует, что оно имеет свою трансформированную природу. Те санкции, назначаемые за совершение злостных деяний, обладают материально-правовой спецификой (например, водворение в штрафной и дисциплинарный изолятор, помещение камерного типа, единое помещение камерного типа и др.), позволяют их отграничивать от иных видов санкций, не известных какой-либо другой отрасли права. Вследствие этого мы отделяем их от административных санкций и не пытаемся искать сходства. Справедливости ради отметим, что в юридической литературе можно встретить позицию, с учетом которой утверждается идентичность санкций в уголовно-исполнительном праве с административными взысканиями, например тождество между водворением в штрафной изолятор и административным арестом [7, с. 341]. Полагаем, что высказанные точки зрения послужат серьезным препятствием на пути развития института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы.

Правовой анализ юридической литературы, а также оценка правоприменительной деятельности позволяют выделить два подхода.

Первый подход выражается в том, что некоторые исследователи не исключают факт одновременного привлечения осужденного к лишению свободы и к дисциплинарной или административной ответственности [7, с. 341]. Подчеркнем, что, требования принципа законности отвергают такую возможность, где одно и то же противоправное нарушение, допущенное осужденным, будет квалифицироваться как дисциплинарное и административное. К тому же «двойное привлечение к ответственности» осужденного рассматривается не только как нарушение принципа законности, но и как неспособность к исправлению осужденного. Очевидно, выходом из сложившейся ситуации может стать закрепление на федеральном уровне запрета о недопущении привлечения к «двойной ответственности» за нарушения режима отбывания наказания в соответствии с нормами УИК РФ и КоАП РФ.

В основе второго подхода лежит утверждение, что нормы уголовно-исполнительного права «доминируют», являясь специальными по отношению к нормам административного права, предусматривающими ответственность осужденного за проступки на территории исправительного учреждения [8, с. 63]. В обоснование импонируемой точки зрения со своей стороны укажем на то, что они действительно «перерождаются» с учетом специфики регулирования уголовно-исполнительных отношений. Такой подход к разрешению возникшей коллизии считаем оправданным при наличии указанных критериев, сопровождающих факт совершения проступка осужденным в местах лишения свободы.

Таким образом, для правильной квалификации уголовно-исполнительных правонарушений необходимо учитывать линию разграничения, которая проходит с учетом их правовой природы. Немаловажную роль играет объект, на который посягает осужденный, отбывающий лишение свободы. Именно он, по нашему мнению, является индикатором, определяющим применение норм уголовно-исполнительной ответственности. В то же время должны учитываться специфический статус осужденного, характер нарушения, а также место его совершения.

Наконец, рассуждая о видовой идентификации дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы, можно признать, что особенностью

таких проступков является не только особый объект посягательства — действующий режим наказания, но и материальная сущностная специфика охранительных уголовно-исполнительных правоотношений, имеющая наглядное проявление в особых санкциях.

Сегодня существует ряд противоправных действий, совершаемых осужденными к лишению свободы, ответственность за которые предусмотрена нормами КоАП РФ. Отметим, что в названном Кодексе закреплены составы правонарушений, которые повсеместно могут допускаться осужденными в рамках исправительного учреждения, вместе с тем они не регулируются уголовно-исполнительным законодательством: ст. 5.62 (Дискриминация), 6.1.1 (Побои), 7.27.1 (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), 2.3.1 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), 2.5 (Нарушение требований чрезвычайного положения), ст. 20.3 (Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами). Думается, что выявление их противоправного характера на данный момент носит проблематичный характер ввиду их латентности и установление их противоправного характера происходит не без участия оперативных подразделений [9, с. 73].

Разница же состоит исключительно в том, что названные правонарушения предусмотрены в различных нормативных отраслевых актах и ориентированы на разных субъектов. Вместе с тем правовой анализ отдельных видов нарушений, совершаемых осужденными к лишению свободы во время отбывания наказания на территории исправительного учреждения, но установленных КоАП РФ, свидетельствует о том, что законодатель не совсем последователен в своей идее их разграничения по субъектному признаку. Так почему же за одни нарушения осужденные к лишению свободы признаются злостными нарушителями режима и несут дисциплинарную ответственность, и напротив, при совершении ими мелких хищений, публичном демонстрировании запрещенной атрибутики и символики на теле, побоев, в соответствии с волей законодателя предусматривается административная ответственность? По поводу такого соотношения в юридической литературе была уже высказана обоснованная критика. Действительно, трудно объяснить, чем вызвана позиция законодателя. Проанализируем ситуацию.

Данная конструкция с реализуемой административной ответственностью за нарушения осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях со стопроцентной вероятностью назначения административного штрафа представляется крайне неубедительной. Может возникнуть вопрос: почему в резолютивной части постановления о назначении административного наказания фигурирует этот вид? Дело в том, что другие административные взыскания нельзя назначить осужденному, отбывающему назначенный срок в местах лишения свободы, по объективным причинам — он изолирован от общества. Уверены, что, привлекая к административной ответственности осужденного к лишению свободы за допущенные нарушения режима в исправительных учреждениях и назначая ему административный штраф на основании постановления мирового судьи или судьи районного суда, вряд ли приходится рассчитывать на дифференцированный и продуманный подход, который не должен сводиться исключительно к воздействию на него наказанием. Эффективен ли

административный штраф в отношении осужденного к лишению свободы? Думается, что такой эффект представляется крайне сомнительным. Так, административный штраф, как правило, составляет в среднем от одной до пяти тысяч рублей. С одной стороны, у многих осужденных отсутствуют средства на оплату штрафа. С другой стороны, назначаемая сумма слишком мала, чтобы оказать положительное воздействие на поведение осужденного, которое позволит прекратить или предупредить дальнейшие противоправные действия.

С учетом проведенного анализа эффективности мер административной ответственности приходим к выводу, что существующие формы реализации ответственности имеют низкую эффективность в условиях мест лишения свободы, так как не способствуют достижению цели исправления осужденного. Небезынтересным представляется то, что суд может потребовать свести или внешне изменить экстремистскую татуировку, однако в условиях мест лишения свободы такая возможность практически отсутствует.

Помимо всего прочего, некоторые ученые отмечают практику латентного применения мер дисциплинарной ответственности за действия осужденных, содержащих объективную сторону приведенных деяний, предусмотренных КоАП РФ. Причинами выступают как нежелание сотрудников дополнительно готовить документы для привлечения к административной ответственности, так и ее нецелесообразность в рамках исправительного учреждения [10, с. 185]. Соглашаясь с последним, а также принимая во внимание проблематичность привлечения осужденного к административной ответственности, считаем необходимым расширить перечень злостных нарушений режима отбывания наказания за счет рассмотренных административных правонарушений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы.

Современные потребности регулирования охранительных уголовно-исполнительных отношений настоятельно требуют пересмотра взглядов на институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы. Учитывая то, что институт дисциплинарной ответственности осужденных призван обеспечивать целостное воздействие на группу охранительных уголовно-исполнительных отношений, важным направлением динамики развития всей отрасли права является оптимизация внутренней структуры за счет его содержательной стороны недостающими нормами уголовно-исполнительного права.

Одним из пробелов регулирования статуса осужденного, привлеченного к дисциплинарной ответственности, является отсутствие в полном объеме материальных и процессуально-процедурных норм уголовно-исполнительного права. Конечно, сказанное относится не только к реальной возможности расширения перечня злостных нарушений режима, о чем было сказано нами ранее. Анализ правового статуса должностных лиц исправительных учреждений и самих осужденных, состоящих в охранительных правоотношениях, показывает, что УИК РФ не располагает достаточными нормативными положениями, регламентирующими их процессуальные статусы, и нуждается в дополнении.

На наш взгляд, необходимо пересмотреть систему специальных взысканий в отношении осужденных, выделить основные и дополнительные взыскания. Кроме того, следует уточнить правила назначения осужденному взысканий [11, с. 21–22]. К сожалению, не охвачены вниманием законодателя ряд вопросов: порядок исполнения мер взыскания, предусмотренных ст. 115 УИК РФ; обращение постановления начальника ИУ к исполнению; отсрочка исполнения взыскания; обстоятельства приостановления или прекращения исполнения на-

чальника исправительного учреждения, порядок возмещения имущественного ущерба, причиненного дисциплинарным нарушением. На практике возникают трудности из-за скупости правоприменителя в регламентации таких вопросов, как: возможно ли приостановление взыскания, назначенного осужденному? Существуют ли критерии, определяющие условное и безусловное освобождение осужденного от вынесенного взыскания? Законодатель на поставленные вопросы молчит до сих пор, поэтому правоприменителям приходится восполнять существующие пробелы с помощью приемов аналогии в праве. Явным пробелом в уголовно-исполнительном законодательстве признается отсутствие нормы права, предусматривающей срок погашения взыскания в отношении злостного нарушителя режима.

Институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы требует совершенствования и обновления. Целесообразно восполнить накопившиеся пробелы при привлечении к ответственности субъектов лишения свободы, а также учесть опыт правоприменительной деятельности должностных лиц исправительных учреждений.

Полагаем, что законодателю следует обратить внимание на отмеченные нами проблемы в части правового регулирования привлечения к ответственности осужденных к лишению свободы, наполнив недостающими нормативными предписаниями институт дисциплинарной ответственности, что позволит в его внутренней структуре выделить субинститут дисциплинарного производства. Изложенное диктует необходимость включить в УИК РФ нормативные положения и особую главу «Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы».

Предлагаем включить в раздел IV «Исполнение наказания в виде лишения свободы» отдельную главу «Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы», в которой найдут отражение вопросы, возникающие в процессе привлечения осужденных к лишению свободы за совершение нарушений режима. В частности, дисциплинарное производство по делам о нарушениях осужденных имеет ряд стадий: возбуждение дела, рассмотрение дела, принятие решение по делу, исполнение вынесенного постановления.

Библиографический список

1. *Уткин В.А.* Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // *Пенитенциарная наука.* 2022. Т. 16, № 1(57). С. 29–36.
2. *Стручков Н.А.* Об исправительно-трудовых правоотношениях // *Труды Высшей школы МВД СССР.* 1961. № 6. С. 21–27.
3. *Румянцев Н.В.* Административная ответственность подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // *Вестник Московского университета МВД России.* 2019. № 2. С. 211–214.
4. *Сенатова Е.В.* Механизм трансформации норм административного права в уголовно-исполнительном законодательстве // *Административное право и процесс.* 2016. № 4. С. 17–20.
5. *Каляшин А.В.* Конкуренция норм, регламентирующих дисциплинарную и административную ответственность подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, и осужденных к лишению свободы // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика.* 2020. № 2(24). С. 60–64.
6. *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М.: Юрид. лит., 1984. 240 с.

7. *Поникаров В.А.* Особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы // *Человек: преступление и наказание.* 2022. Т. 30(1-14). С. 336–344.

8. *Чорный В.Н., Сенатова Е.В.* Административно-правовой статус осужденных // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2021. № 2. С. 63–70.

9. *Латыпова Д.М.* Вопросы квалификации насилия, совершенного в отношении сотрудников исправительного учреждения // *Вестник Самарского юридического института.* 2012. № 1(6). С. 71–74.

10. *Упоров А.Г.* Институт административной ответственности осужденных в исправительных учреждениях // *Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: матер. XXI Всеросс. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 20–21 октября 2021 г.).* Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 183–186.

11. *Гордолов А.Н.* Злостный нарушитель режима отбывания наказания в виде лишения свободы и его ответственность в уголовно-исполнительном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 30 с.

References

1. *Utkin V.A.* Rationality of Coercion as a Principle of Legal Regulation of the Execution of Deprivation of Liberty // *Penitentiary Science.* 2022. V. 16, no. 1(57). P. 29–36.

2. *Struchkov N.A.* On Correctional Labor Relations // *Proceedings of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.* 1961. No. 6. P. 21–27.

3. *Rumyantsev N.V.* Administrative Responsibility of Suspects, Accused and Convicted Prisoners in Institutions of the Penal Enforcement System // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019. No. 2. P. 211–214.

4. *Senatova E.V.* Mechanism of Transformation of the Norms of Administrative Law in Penal Enforcement Legislation // *Administrative Law and Process.* 2016. No. 4. P. 17–20.

5. *Kalyashin A.V.* Competition of Norms Regulating the Disciplinary and Administrative Responsibility of Suspects and Accused, in Respect of Whom a Conclusion Was Chosen as a Preventive Measure in Custody, and Those Sentenced to Imprisonment // *Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice.* 2020. No. 2(24). P. 60–64.

6. *Struchkov N.A.* Course of Correctional Labor Law. Problems of the General Part. М.: Yurid. lit., 1984. 240 p.

7. *Ponikarov V.A.* Features of Administrative Responsibility of Persons Sentenced to Imprisonment // *Man: Crime and Punishment.* 2022. Vol. 30(1-14). P. 336–344.

8. *Chorny V.N., Senatova E.V.* Administrative and Legal Status of Convicts // *Bulletins of the Penitentiary System.* 2021. No. 2. P. 63–70.

9. *Latypova D.M.* Issues of Qualification of Violence Committed Against Correctional Facility Staff // *Bulletin of the Samara Law Institute.* 2012. No. 1(6). P. 71–74.

10. *Uporov A.G.* Institute of Administrative Responsibility of Convicts in Correctional Institutions // *Penal Enforcement System Today: Interaction of Science and Practice: materials of the XXI All-Russian Scientific and practical conference (Novokuznetsk, October 20–21, 2021).* Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Service for the Execution of Punishments, 2021. P. 183–186.

11. *Gordopolov A.N.* A Persistent Violator of the Regime of Serving a Sentence of Imprisonment and His Responsibility in the Penal Enforcement Legislation: extended abstract diss. ... cand. of Law. М., 2022. 30 p.

Р. А. Комягин

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕГО УЧЕНИЯ О СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ XXI ВЕКА

Введение: в рамках общего учения о составе преступления сформировались два лагеря ученых, которые по-разному понимают суть изучаемой категории. Представители нормативистского подхода рассматривают состав преступления в качестве законодательной модели, а объективисты, напротив, полагают, что состав преступления — это реальное явление. Отсутствие единой концепции общего учения о составе преступления порождает неопределенность при обозначении его дефиниции, соотношении с преступлением и определении значения в уголовном праве. Прикладное значение состава преступления также остается глубоко дискуссионным. Так, ни уголовно-правовая доктрина, ни действующее уголовное законодательство не дают однозначного ответа на вопрос о том, возможно ли при помощи системы элементов и признаков состава преступления представить структуру малозначительного деяния. **Цель** — обобщить наиболее дискуссионные аспекты общего учения о составе преступления, установить их взаимосвязь и определить наиболее приоритетные направления его дальнейшего развития. **Методологическая основа:** совокупность метафизического, диалектического, сравнительно-правового, формально-юридического, логического методов исследования, а также системно-структурный подход. **Результаты:** в настоящем исследовании на основе сравнительного анализа существующих в уголовно-правовой доктрине концепций состава преступления представлено авторское видение понятия состава преступления, соотношения элементов и признаков структуры состава преступления с признаками общего понятия преступления, а также значения состава преступления как основания уголовной ответственности. **Выводы:** состав преступления представляет собой комплексную уголовно-правовую категорию, которая включает как материальную, так и формально-юридическую сущность. А именно элементы и признаки состава преступления, содержащиеся в конкретном преступном деянии, образуют структуру его виновности и общественной опасности. Состав преступления является отражением такого признака преступления, как противоправность, поскольку предусмотрен в диспозиции запретительной уголовно-правовой нормы. Состав преступления выступает единственным основанием уголовной ответственности.

Ключевые слова: состав преступления, преступление, соотношение преступления и состава преступления, малозначительность деяния.

R. A. Komyagin**DISCUSSION ASPECTS OF THE GENERAL DOCTRINE CORPUS DELICTI IN THE XXI CENTURY**

Background: today, within the framework of the general doctrine of the corpus delicti, two camps of scholars have been formed, which understand the essence of the category under study in different ways. Representatives of the normativist approach consider the corpus delicti as a legislative model, while objectivists, on the contrary, believe that the corpus delicti is a real phenomenon. The lack of a unified concept of the general doctrine of the corpus delicti generates uncertainty in designating its definition, establishing its correlation with the crime, in understanding its meaning in criminal law. The applied significance of the corpus delicti also remains deeply debated. Thus, neither criminal law doctrine, nor the current criminal legislation give an unambiguous answer to the question of whether it is possible to present the structure of an insignificant act with the help of the system of elements and attributes of the corpus delicti. **Objective** — to summarize the most debatable aspects of the general doctrine of the corpus delicti, to establish their interrelation and to identify the most priority areas for its further development, to generalize the most controversial aspects of the general doctrine of the composition of the crime, to establish the relationship between them and to determine the most priority directions for its further development. **Methodology:** a set of metaphysical, dialectical, comparative legal, formal legal, logical research methods, as well as a system-structural approach. **Results:** in this study, based on a comparative analysis of the concepts of corpus delicti existing in the criminal law doctrine, the author's vision of the concept of corpus delicti, the correlation of elements and features of the structure of the corpus delicti with the features of the general concept of crime, as well as the meaning of the corpus delicti as the basis of criminal liability is presented. **Conclusions:** the corpus delicti is a complex criminal-legal category that includes both substantive and formal-legal essence. Namely, the elements and attributes of the corpus delicti contained in a particular criminal act form the structure of its culpability and public danger. The corpus delicti is a reflection of such a feature of a crime as unlawfulness, since it is provided for in the disposition of a prohibitive criminal-law norm. The corpus delicti is the sole basis of criminal liability. **Keywords:** corpus delicti, crime, correlation of crime and corpus delicti, insignificance of the act.

Общее учение о составе преступления получило активное развитие в начале второй половины XX столетия и является в настоящее время предметом многих научных изысканий, что обусловлено использованием категории состава преступления при определении целого ряда законодательных понятий — основание уголовной ответственности, малозначительность деяния, оконченное преступление, а также в рамках примечаний к статьям Особенной части УК РФ, регламентирующим специальные виды освобождения от уголовной ответственности [1, с. 3].

Отсутствие в действующем уголовном законодательстве понятия состава преступления выступает основной причиной сформировавшегося в науке уголовного права дуализма понимания рассматриваемой категории.

Так, представители нормативистского подхода полагают, что состав преступления — это предусмотренное в уголовном законе описание (законодательная модель) элементов и признаков, образующих структуру преступления определенного вида (убийства, кражи, грабежа и т.д.) [2, с. 101–102].

Поскольку состав преступления является нормативной категорией, он выступает формой внешнего выражения преступления как реального социально-правового явления. Между тем содержание состава преступления исчерпывается противоправностью в качестве одного из признаков преступления, в то время как признак общественной опасности находится за рамками состава преступления [3, с. 110–111; 4, с. 35–36]. Ввиду того, что в рамках нормативистского подхода преступление и состав преступления различны по природе своего происхождения, выстроить их соотношение по объему не представляется возможным.

Сторонники объективистского подхода, напротив, рассматривают состав преступления в виде явления объективной реальности, элементы и признаки которого содержатся в конкретном совершенном преступлении. Так, А. Н. Трайнин полагал, что состав преступления — это система элементов и признаков, установление которых в структуре совершенного общественно опасного деяния позволяет определить его как преступление. Более того, общественная опасность распространяется на все элементы и признаки состава преступления. Если совершенное деяние не причиняет вреда, сходного с преступлением, оно утрачивает признак общественной опасности [5, с. 52–54, 58–60].

Схожего мнения придерживалась Н. Ф. Кузнецова. Согласно ее точке зрения, основная функция состава преступления заключается в отражении минимальной общественной опасности, которая необходима для криминализации деяния и привлечения лица, его совершившего, к уголовной ответственности. Состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности [6, с. 118].

Сравнительный анализ представленных подходов к пониманию состава преступления позволяет сделать вывод о том, что соотношение состава преступления и общественной опасности как признака преступления обуславливает формирование представления об уголовно-правовой природе состава преступления как законодательной конструкции или объекта реальности наряду с преступлением.

Сторонники каждого из представленных подходов по-разному определяют значение состава преступления в качестве основания уголовной ответственности. В нормативистском понимании состав преступления — это юридическое основание уголовной ответственности, в то время как для структурирования совершенного деяния, которое является фактическим основанием, необходимо использовать дополнительную категорию («элементы и признаки совершенного деяния», «фактический состав деяния») [1, с. 28–29]. Поскольку в рамках объективистского подхода состав преступления представляет собой реальное явление, система элементов и признаков, содержащихся в конкретном преступном деянии, выступает основанием уголовной ответственности для лица, его совершившего.

Последнее из приведенных положений имеет важное значение для правоприменительной деятельности.

Ввиду того, что преступление и состав преступления выступают однопорядковыми категориями, становится возможным установить структуру характера и степени общественной опасности при помощи системы элементов и признаков состава преступления. Каждый элемент и признак состава конкретного преступления приобретает содержание, характерное для него как единичного факта реальной действительности [1, с. 65–67].

Например, Ф. Н. Сотсков указывает, что при оценке характера общественной опасности необходимо учитывать объект преступления, форму вины, способ совершения и причиненный преступлением вред. Степень общественной опасности

формируется на основе факультативных признаков объективной и субъективной стороны состава преступления [7, с. 17–18].

По мнению Н.А. Лопашенко, характер общественной опасности определяется на основе вреда, тяжесть которого зависит от объекта уголовно-правовой охраны. Степень общественной опасности устанавливается в зависимости от обстоятельств содеянного: характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенного в соучастии, от вида умысла либо неосторожности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, качеств субъекта преступления [8, с. 324, 328].

Таким образом, при формировании характера общественной опасности исследователи указывают на объект преступления, при обозначении степени — на вид и форму вины, факультативные признаки объективной и субъективной стороны состава преступления, наступившие последствия.

Данное положение приобретает прикладной характер при отнесении совершенного деяния к категории малозначительного. В науке уголовного права представлены различные точки зрения ученых о том, какие именно элементы и признаки структуры состава преступления указывают на малозначительный характер совершенного деяния.

Так, Т.В. Церетели и В.Г. Макашвили называли преступный результат или вероятность его наступления, объем вреда, причиненного преступлением, объект посягательства [9, с. 265]. Иного мнения придерживался М.И. Ковалев, который утверждал, что решение вопроса обусловлено анализом объективной стороны состава преступления [10, с. 136–137]. Более широкую позицию разделяет А.М. Смирнов, который полагает, что на малозначительность деяния указывает система элементов и признаков состава преступления в целом [11, с. 25].

Можно заметить, что элементы и признаки состава преступления, образующие структуру характера и степени общественной опасности, соответствуют тем, рассмотрение которых позволяет признать деяние малозначительным, а именно в структуре состава преступления причиненный деянием вред находит выражение в объекте и объективной стороне. Анализ указанных элементов позволяет сделать вывод о том, что вред, причиненный малозначительным деянием, не достигает уровня преступления, как следствие, такое деяние не соответствует признаку общественной опасности.

Таким образом, состав преступления — это комплексная уголовно-правовая категория, сущность которой охватывает уровни реального деяния и уголовного закона. Только в этом случае возможно установление соответствия состава преступления общему понятию преступления формально-материального типа, закрепленному в ч. 1 ст. 14 «Понятие преступления» УК РФ.

Соотношение преступления и состава преступления как явлений, имеющих сходную уголовно-правовую природу своего происхождения, позволяет рассмотреть структуру характера и степени общественной опасности в виде элементов и признаков состава преступления. Этот факт представляет возможность обосновать:

наличие основания криминализации деяния, предусмотренного в уголовном законе;

установление основания уголовной ответственности в совершенном преступном деянии;

несоответствие малозначительного деяния признаку общественной опасности;

наличие критерия межотраслевой дифференциации преступлений и правонарушений иных отраслей права.

Приведенное значение состава преступления основано на следующих выводах.

1. Рассмотрение динамики учения о составе преступления показывает, что исторически первым являлся объективистский подход к пониманию состава преступления. Исследуемая категория представляла собой структуру общественно опасного деяния. Однако, как верно отмечал И. Я. Гонтарь, при переходе на общее понятие преступления формально-материального типа, неизменно встает вопрос о соотношении состава преступления и признака противоправности [2, с. 90–92]. Начиная со второй половины XX столетия по настоящее время можно наблюдать все большее распространение позиции нормативизма, то есть понимания состава преступления в качестве законодательной модели (описания) преступления.

2. По итогам сравнительного анализа нормативистского и объективистского подходов к пониманию состава преступления можно сделать следующий вывод. Критерием дуализма в понимании состава преступления является соотношение состава преступления и общественной опасности как признака преступления. В рамках объективистского подхода происходит распространение общественной опасности на систему элементов и признаков состава преступления; в нормативистском подходе рассматриваемый признак выносится за рамки состава преступления.

3. Представители нормативистского подхода рассматривают состав преступления как законодательную абстракцию или модель. Это может быть видовое понятие, находящееся на уровне уголовного закона (состав убийства, кражи, изнасилования и т.д.), либо общее понятие, различные варианты которого предложены в науке уголовного права. В представленном понимании состав преступления является выражением противоправности как признака преступления и оказывается тождественен структурному элементу уголовно-правовой нормы, в котором получает описание (гипотеза и(или) диспозиция).

4. Недостаток рассматриваемого подхода состоит в том, что для криминализации деяния не требуется подтверждения наличия у него признака общественной опасности. Описание в уголовном законе элементов и признаков, образующих структуру какого-либо деяния, автоматически превращает его в преступление.

В процессе квалификации становится возможным установление формального соответствия деяния составу преступления в случаях его малозначительности, поскольку общественная опасность находится за рамками состава преступления. Даже причинившее незначительный вред деяние, по своей структуре, может соответствовать тому, которое описано в уголовном законе. Наиболее остро указанная проблема возникает, когда при описании преступления отсутствует точное указание на размер причиненного вреда, предмета преступления и ряда других признаков (например, ч. 1 ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов»; ст. 330 «Самоуправство» УК РФ).

5. Объективистский подход следует признать наиболее перспективным направлением в развитии общего учения о составе преступления, поскольку соотношение преступления и состава преступления выстраивается в качестве однопорядковых категорий. Наличие состава преступления одновременно означает и наличие у деяния признака общественной опасности, как следствие, основания уголовной ответственности.

Однако решения требует вопрос о том, как именно соотносятся признаки преступления и состава преступления. На наш взгляд, все признаки преступления в равной степени распространяются на элементы и признаки, образующие его состав. Состав преступления соответствует общественной опасности, поскольку причиненный преступлением вред выражен в объекте и объективной стороне состава преступления. В свою очередь, объект преступления находится в основе формирования характера общественной опасности, а объективная сторона — в основе формирования степени общественной опасности. Субъективная сторона как элемент состава преступления характеризует виновность совершения преступного деяния. Предусмотренность преступления уголовным законом выражается в том, что о каждом составе преступления в рамках Общей и Особенной части УК РФ закреплено видовое понятие, которое содержит элементы и признаки состава преступления данного вида [1, с. 100–101].

Таким образом, состав преступления — это предусмотренная в диспозиции уголовно-правовой нормы система элементов и признаков, представляющая собой структурированное выражение виновности и общественной опасности как признаков преступления [1, с. 72].

6. Малозначительным признается деяние, которое ввиду отсутствия состава преступления не соответствует общественной опасности как признаку преступления.

Библиографический список

1. *Комягин Р.А.* Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2023. 184 с.
2. *Гонтарь И.Я.* Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: вопросы теории и правотворчества. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 200 с.
3. *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 2000. 136 с.
4. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 549 с.
5. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.
6. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 611 с.
7. *Сотсков Ф.Н.* Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
8. *Лопашенко Н.А.* Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 440 с.
9. *Церетели Т.В., Макашвили В.Г.* Состав преступления как основание уголовной ответственности // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 67–77.
10. *Ковалев М.И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 208 с.
11. *Смирнов А.М.* Учение об общественно опасных формах преступного деяния. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

References

1. *Komyagin R.A.* Components of Crime: Theoretical Modeling of the Concept, Structure and Relation to Crime: monograph / ed. by N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2023. 184 p.
2. *Gontar I.Ya.* Crime and the Corpus Delicti as Phenomena and Concepts in Criminal Law: Issues of Theory and Law-Making. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 1997. 200 p.
3. *Martsev A.I.* General Questions of the Doctrine of Crime: monograph. Omsk: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 136 p.
4. The Doctrine of the Corpus Delicti of the Crime in the Criminal Law of Russia and China: Comparative Legal Research / ed. by V.S. Komissarov, A.I. Korobeev, Xe Binsun. SPb.: Law Center Press, 2009. 549 p.
5. *Trainin A.N.* The General Doctrine of the Corpus Delicti. M.: Gosyurizdat. 1957. 363 p.
6. The Course of Criminal Law: In 5 vol. Vol. 1: The General Part. The Doctrine of Crime / ed. by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. M.: Zertsalo-M, 2002. 611 p.
7. *Sotskov F.N.* Public Danger of an Act in the Criminal Law of Russia: extended abstract diss. ... cand. of Law. M., 2009. 28 p.
8. *Lopashenko N.A.* Reflections on Criminal Law. Principles of Criminal Law. Criminal law. Crime, Misdemeanor and Corpus Delicti. Author's Guide: monograph. M.: Yurlitinform, 2020. 440 p.
9. *Tsereteli T.V., Makashvili V.G.* The Components of the Crime as the Basis of Criminal Liability // The Soviet State and Law. 1954. No. 6. P. 67–77.
10. *Kovalev M.I.* The Concept of Crime in Soviet Criminal Law. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1987. 208 p.
11. *Smirnov A.M.* The Doctrine of Socially Dangerous Forms of Criminal Acts. M.: Yurlitinform, 2016. 208 p.

Т.О. Закаев

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОСУЖДЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Введение: в статье обозначены и проанализированы тенденции развития института уголовно-правового осуждения и механизма его воздействия на человека. **Цель** — обосновать исторические предпосылки формирования условий содержания и последствий осуждения лица, совершившего общественно опасное посягательство на охраняемый объект. **Методологическая основа:** диалектический метод в сочетании с историко-системным методом и методом формально-юридического анализа. **Результаты:** выделены исторические отрезки и памятники отечественного уголовного права, которые внесли ощутимый вклад в становление института уголовно-правового осуждения и обеспечили его социализацию. **Вывод:** ключевыми историческими направлениями развития института уголовно-правового осуждения выступают «опубликование» уголовного права, выделение преступников среди других членов общества посредством их стигматизации, применение к ним наказаний, связанных с изоляцией от общества, признание виновного лица в качестве источника и носителя общественной опасности.

Ключевые слова: осуждение, судимость, кара, наказание, стигматизация, клеймение, изоляция, исправление.

T.O. Zakaev

CRIMINAL CONVICTION AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

Background: the trends in the development of the institute of criminal-legal conviction and the mechanism of its impact on a person are outlined and analyzed in the article. **Objective** — to substantiate the historical prerequisites for the formation of the conditions of the content and consequences of the conviction of a person who has committed a socially dangerous encroachment on the protected object. **Methodology:** dialectical method in combination with the historical and systemic method and the method of formal and legal analysis. **Results:** historical segments and monuments of domestic criminal law, which made a tangible contribution to the formation of the institute of criminal conviction and ensured its socialization, are highlighted. **Conclusion:** the key historical trends in the development of the institution of criminal conviction are the "publishing" of criminal law, the singling out of criminals among other members of society through their stigmatization, the application to them of punishments associated with isolation from society, and the recognition of the guilty person as a source and bearer of public danger.

Keywords: conviction, criminal record, punishment, stigmatization, isolation, correction.

© Закаев Темиркан Олегович, 2024

Соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: zakaevtemirkan@yandex.ru

© Zakaev Temirkan Olegovich, 2024

Postgraduate student of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

Сегодня со стороны правоприменителя наблюдается выраженный интерес к институту уголовно-правового осуждения. Учитывая сложности толкования его положений, Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости»¹, согласно которому снят существенный массив проблем, связанных с осуждением виновного лица и его статусом судимого. Между тем открытыми остаются вопросы, имеющие принципиальное значение для поиска оптимальных путей развития названного уголовно-правового института. Суть таковых базируется на понимании основания, содержания и объема уголовно-правового осуждения за совершение запрещенного уголовным законом деяния, правового статуса осужденного лица, социально-правовых последствий, обусловленных судимостью, их временных пределов. Представители научного сообщества и ведущие субъекты правоприменительной практики предлагают массу концепций, направленных на решение поставленных теоретических задач. В то же время полярность, дискуссионность и некоторая противоречивость отраженных в них идей не позволяют говорить о том, что теория уголовно-правового осуждения доведена до доктринального уровня. Стремясь придать ей системный вид, кратко остановимся на истории, современном состоянии и перспективах развития механизма воздействия уголовного права на человека посредством его осуждения.

Природа первых источников уголовного права, являющихся продуктом зарождения государственности в Древней Руси, тесным образом перекликается с естественными свойствами и качествами человека. В них отчетливо прослеживаются инстинктивные стремления каждого индивидуума к устранению опасности, сохранению благополучия своих близких и нажитого имущества, отмщению за причиненное зло. Неслучайно первые неписанные нормы уголовно-правового поведения историками единодушно укладываются в рамки понятия «обычное право».

На самых ранних этапах своего развития отечественное уголовное право и практика его применения закладывали достаточно специфический смысл в процесс и результат осуждения преступника. Каждая мера уголовно-правового характера развивала идею эквивалентной кары, получившую широкую известность как *lex talionis* (лат.) — закон равного возмездия. Принцип талиона прослеживался в содержании самых первых письменных источников древнерусского права, нашедших отражение в договорах Руси с Византией 907, 911, 945 и 971 гг. Ярким примером тому послужит предписание, согласно которому «пусть будет такое наказание, каким окажется преступление. Об этом: если кто убьет — русский христианина или христианин русского, — да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет» [1, с. 49].

В исследуемый период не наблюдалось разделения частных, общественных и государственных интересов. Характеризуя данное обстоятельство, авторитет-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 8.

ный историк М.Ф. Владимирский-Буданов тонко подметил, что «в уголовной защите права месть есть и удовлетворение частному чувству оскорбленного и общественное возмездие руками мстителя» [2, с. 17]. Карательная направленность уголовного законодательства полностью отвечала интересам людей, руководствующихся естественными чувствами и эмоциями. Для своего времени месть была прогрессивным феноменом, обеспечивающим комфортное сосуществование членов социума.

Таким образом, суть уголовно-правового осуждения в первых источниках древнерусского уголовного права сводилась к «зеркальному» поступку, совершаемому в отношении преступника с целью восстановления нарушенной справедливости. При этом идея справедливости основывалась на примитивной арифметике равенства. Оценивая вредоносное деяние человека, норма уголовного закона учитывала исключительно его последствие. Мотивация содеянного и его обстоятельства, характеризующие линию поведения и внутренние устойчивые качества виновного лица, природу уголовно-правового осуждения не определяли.

Предписания обычного права в совокупности с договорами Руси и Византии, а также княжескими уставами стали платформой для создания первого свода законов, получившего известность под названием Русская Правда. Ключевой особенностью рассматриваемого источника уголовного права исследователями признается практически полный отказ от идеи частного отмщения. Как отмечал известный историк права В.И. Сергеевич, «с течением времени, по мере смягчения нравов, случаи замены мести выкупом делаются чаще и чаще. Таким образом, прежде чем законодатель мог подумать об отмене мести, выкуп имел уже весьма широкое применение. В Русской Правде есть статья, в которой просматривается указание на официальную замену мести выкупом. 2-я статья Тр. сп. говорит, что после смерти Ярослава сыновья его соединились и отложили “убиение за голову, но кунами ся выкупати”» [3, с. 382–383].

Принятие Русской Правды по праву можно считать поворотным моментом для формирования института уголовно-правового осуждения. С ее появлением отношения, возникающие на основе реализации норм уголовного закона, приобретают свойство публичности, которое образует ядро осуждения преступника от имени общества и государства. «Опубличивание» уголовного права нашло выражение в нивелировании роли частной мести при оценке содеянного, появлении альтернативных возможностей загладить причиненный преступлением вред, установлении конкретных общеобязательных пределов уголовно-правового воздействия.

В древнерусских источниках законодательства нельзя не отметить появление зачатков судимости — явления, известного современному уголовному праву в качестве характеристики особого статуса осужденного лица. Подтверждением тому служит желание законодателя исследуемого периода сформировать в социуме негативное отношение к преступникам посредством их насильственной физической и моральной стигматизации. Например, в ст. 5 Двинской уставной грамоты 1397 г. было закреплено положение о необходимости клеймения вора: «а татя всякого пятнити» [4, с. 181].

Ощутимую роль в определении уголовно-правового статуса осужденного сыграл Судебник 1497 г. В нем впервые подчеркивалась повышенная опасность криминально ориентированного лица посредством специальной уголовно-правовой категории «лихой человек». Им признавался преступник, а также «любой, хотя бы и не совершивший никакого конкретного деяния, но сочувствовавший

требованиям народа, поддерживавший их и в силу этого являющийся лицом опасным для господствующего класса» [4, с. 68–69]. С этого момента идея опасного состояния личности, получившая дальнейшее воплощение в особом уголовно-правовом положении осужденного, входит в активную фазу своего развития.

Следующей значимой вехой в становлении современного института уголовно-правового осуждения необходимо считать применение уголовных наказаний, связанных с изоляцией виновного от общества. Наиболее развернуто в отечественном уголовном праве средних веков изоляция виновного от общества, приобретающая форму тюремного заключения, предусматривалась Соборным уложением 1649 г. С его появлением государство стало воспринимать преступника в качестве источника прямой угрозы обществу. В связи с этим период уголовно-правового осуждения перестает иметь эпизодический характер. Теперь исходящая от преступника угроза напрямую связывается с ее протяженностью во времени. В целях ее купирования законодатель пытается найти уголовно-правовые средства, позволяющие оградить виновного от других членов социума.

Между тем на протяжении веков публичная власть демонстрировала выраженный крен в сторону инструментария, позволявшего предупреждать совершение новых преступлений исключительно путем физического воздействия на осужденных. Об этом свидетельствовала набравшая обороты практика применения телесных наказаний и клеймения преступников. Наибольший расцвет она приобрела во времена становления абсолютизма. Так, Воинский устав Петра Первого предусматривал самые изощренные и членовредительские наказания, среди которых фигурировали отсечение конечностей, отрезание языка, принудительное хождение по деревянным кольям, битье батогами, шпицрутенами, порка кнутом, плетью, розгами, обрезание ушей [5]. Указом от 15 января 1724 г. было предписано у осужденных на вечную каторгу «вынимать ноздри до кости» [6, с. 204]. Наряду с этим практиковались клеймения на лице осужденного. Комментируя значение подобных мер уголовно-правового реагирования на общественно опасные посягательства, Н. С. Таганцев подчеркивал, что «самый простой материальный способ удостоверения — внешние следы на теле преступника понесенных им наказаний. Попадется преступник, у которого уши резаны, руки или ноги порублены, — несомненно, что он уже был в приводе и наказании. Даже и после отмены изувечивающих наказаний это “пятнание” преступника оставалось долгое время главным средством удостоверения прежней судимости» [7, с. 1363].

В период абсолютизма уголовное право обогатилось идеей смежных правовых последствий осуждения преступника, по своей природе сопоставимых с сопутствующими юридическими ограничениями, обусловленными современным статусом судимого лица. Она нашла выражение в мерах, приводящих к полному поражению прав осужденного. Среди них наибольшую известность получило шельмование (гражданская смерть). Гражданская смерть считалась вспомогательным карательным инструментом, заключавшимся в лишении приговоренного не только всех гражданских и политических прав, но и защиты со стороны закона [8, с. 501–502].

Перечисленные методы, воспринимаемые сегодня как радикальные, позволяли государству не только нейтрализовать носителей общественной опасности, но и повсеместно контролировать их поведение.

Заметную роль в развитии института уголовно-правового осуждения сыграло советское уголовное право. В период его становления впервые официально употребляется термин «судимость». Особая заслуга советского законодателя состоит в стремлении тесным образом связать объективную необходимость уголовно-правового осуждения с угрозой совершения соответствующим лицом нового преступного посягательства (общественной опасностью). Уголовному законодательству рассматриваемого исторического периода были известны положения, позволявшие считать несудимым человека, хотя и допустившего нарушение уголовно-правовой обязанности, но последующим надлежащим поведением доказавшим свою безопасность для общества. Например, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. включал ст. 37, согласно которой «если в течение назначенного судом испытательного срока условно осужденные не совершат тождественного или однородного преступления, или какого-либо другого преступления, влекущего за собой лишение свободы, приговор суда считается утратившим силу, и условно осужденный признается лицом не судившимся»¹.

Одновременно законодательство советского периода сохранило исторически сложившуюся традицию по выделению судимых лиц среди других членов общества и существенному ограничению их прав. Бывшие осужденные получали соответствующую отметку в паспорте, которая серьезным образом отражалась на правовом статусе человека. В частности, советским гражданам, отбывшим наказание и имеющим судимость, запрещалось проживать в «режимных» городах. Нередко владелец паспорта с отметкой о паспортном ограничении не мог вернуться в город, где у него были семья, жилье и прежняя работа.

Новый виток развития института уголовно-правового осуждения логично связать с периодом образования уголовного права России. Учтя опыт своих предшественников, российский законодатель нацелился на социализацию мер уголовно-правового характера, предполагающую их ориентированность не против интересов виновного лица, а на удовлетворение его конституционных прав и свобод. Обеспечение безопасности человека в действующем уголовном законе возведено до уровня принципа (ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма»). Гуманизм в анализируемых аспектах предполагает исключение из уголовно-правового инструментария таких средств, которые предполагают физическую нейтрализацию исходящей от осужденного угрозы. По смыслу проводимой государством современной уголовно-правовой политики, уголовное законодательство не стремится сделать преступника социальным изгоем. Напротив, оно преследует цель по формированию на уровне сознания и воли нарушившего уголовно-правовую обязанность лица социальных и духовных качеств, позволяющих ему ощущать себя полноценным членом общества.

Проанализировав роль института осуждения в истории и современной практике реализации уголовного права России, обозначим ряд значимых тенденций его формирования: приобретение им свойства публичности, образующего ядро осуждения преступника от имени общества и государства; появление зачатков известного современному уголовному праву явления в качестве характеристики особого статуса осужденного лица — судимости; применение уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества лиц, рассматриваемых в качестве источника прямой угрозы обществу; стремление законодателя тесным образом

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

связать объективную необходимость уголовно-правового осуждения с угрозой совершения соответствующим лицом нового преступного посягательства (общественной опасностью); социализация мер уголовно-правового характера и удовлетворение конституционных прав и свобод личности.

Выявленные тенденции развития института уголовно-правового осуждения образуют платформу для решения исследовательских задач по обоснованию условий, содержания и объема уголовно-правового осуждения за совершение преступления, правового статуса осужденного лица, социально-правовых последствий, обусловленных судимостью, а также их временных пределов.

Библиографический список

1. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М.: Худ. лит., 1978. 413 с.
2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: ИД «Территория будущего», 2005. 800 с.
3. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 667 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. Т. 2./ отв. ред. А.Д. Горский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 519 с.
5. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма: в 9 т. Т. 4./ отв. ред. А.Г. Маньков; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986. 511 с.
6. Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1: 1649–1825 гг. Т. 7: 1723–1727 гг. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 933 с.
7. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. СПб.: Гос. тип., 1902. Т. 2. 1460 с.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Семеновская Типоитография (И.А. Ефрона), 1893. Т. IXA (18). 525 с.

References

1. Monuments of Literature of Ancient Russia. XI – the Beginning of the XII Century. M.: Art. liter., 1978. 413 p.
2. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the History of Russian Law. M.: ID “Territory of the Future”, 2005. 800 p.
3. *Sergeyevich V.I.* Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law. SPb.: M.M. Stasyulevich Publ. house, 1910. 667 p.
4. Russian Legislation of the X–XX Centuries: Legislation of the Period of Formation and Strengthening of the Russian Centralized State: in 9 vol. Vol. 2./ execut. ed. A.D. Gorsky; general. ed. O.I. Chistyakov. M.: Legal lit., 1985. 519 p.
5. Russian Legislation of the X–XX Centuries: Legislation of the Period of Formation of Absolutism: in 9 vol. Vol. 4./ execut. ed. A.G. Mankov; general. ed. O.I. Chistyakov. M.: Legal lit., 1986. 511 p.
6. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1: 1649–1825 years. V. 7: 1723–1727. SPb.: Publ. house of 2nd Branch of the H.I.V. Chancellery, 1830. 933p
7. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law: lectures. Part General. SPb.: State publ. house., 1902. Vol. 2. 1460 p.
8. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vol. SPb.: Semyonovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron), 1893. Vol. IXA (18). 525 p.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-186-192

УДК 343.17

А.О. Алехина

ПОНЯТИЕ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Введение: возможности цифровизации такой области государственной деятельности, как уголовное судопроизводство, являются одними из наиболее дискуссионных, а мнения ученых о необходимости внесения технологических изменений в данную сферу деятельности диаметрально различны. Если одни авторы полагают, что цифровизация будет означать конец традиционного уголовного процесса, так как при ее реализации расследовать уголовные дела сможет любое лицо, умеющее пользоваться соответствующей программой [1, с. 136], то другие ученые, напротив, считают, что цифровизация не несет в себе ничего нового и говорить о каком-либо существенном технологическом прорыве при производстве по уголовным делам она не позволит [2, с. 16]. **Цель** — проанализировать нормативно-правовую базу, регулирующую понятие «искусственный интеллект», определить возможности использования данных технологий в уголовном судопроизводстве. **Методологическая основа:** исторический, формально-юридический методы познания, анализ и синтез. **Результаты:** изучена нормативно-правовая база, регулирующая понятие и направления применения искусственного интеллекта как перспективного направления цифровизации уголовного судопроизводства, выявлены законодательные пробелы и противоречия в определении данного понятия, а также связанные с ними трудности при применении искусственного интеллекта в сфере уголовно-процессуальной деятельности. **Выводы:** в настоящее время возможности использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве минимальны в связи с отсутствием законодательного регулирования сущности и понятия данных технологий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта.

© Алехина Анастасия Олеговна, 2024

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса (Петрозаводский государственный университет), соискатель кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alekhina_an@mail.ru

© Alyokhina Anastasiia Olegovna, 2024

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure (Petrozavodsk State University), Applicant For the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

A.O. Alyokhina

THE CONCEPT OF “ARTIFICIAL INTELLIGENCE”
AND THE POSSIBILITIES OF ITS APPLICATION
IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: the possibilities of digitalization of such an area of state activity as criminal proceedings are among the most controversial, and the opinions of scientists on the need for technological changes in this area of activity are diametrically different. If some authors believe that digitalization will mean the end of the traditional criminal process, since any person who knows how to use the appropriate program will be able to investigate criminal cases during its implementation [1, p. 136], other scientists, on the contrary, believe that digitalization does not carry anything new and it will not allow talking about any significant technological breakthrough in criminal proceedings [2, p. 16]. **Objective** — to analyze the regulatory framework governing the concept of artificial intelligence and to determine the possibilities of using these technologies in criminal proceedings. **Methodology:** historical method of cognition, as well as the use of the method of analysis and synthesis, the formal legal method. **Results:** the regulatory framework regulating the concept and directions of the use of artificial intelligence as a promising direction of digitalization of criminal proceedings has been analyzed, legislative gaps and contradictions in the definition of this concept have been identified, as well as difficulties associated with them in the application of artificial intelligence in the field of criminal procedural activity. **Conclusions:** currently, the possibilities of using artificial intelligence in criminal proceedings are minimal, due to the lack of legislative regulation of the essence and concept of these technologies.

Keywords: criminal process, artificial intelligence, digitalization, technologies.

Цифровизация представляет собой процесс модернизации деятельности человека путем ее интеграции с цифровыми технологиями. Сегодня стало очевидным, что внедрение информационных технологий неизбежно будет осуществляться во все сферы человеческой деятельности. Своеобразным катализатором этих процессов, в том числе и в уголовном судопроизводстве, стал вирус COVID-19 [3, с. 195]. Среди вопросов, связанных с цифровизацией уголовного судопроизводства, одним из наиболее важных и сложных является вопрос о возможности внедрения в данный вид государственной деятельности программ искусственного интеллекта, несмотря на то, что рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений цифровизации уголовного судопроизводства [4, с. 13].

Вопросы цифровизации уголовного судопроизводства начали активно обсуждаться в научном сообществе около 10–15 лет назад. В работах И. И. Карташова, И. Л. Беднякова, Н. А. Развейкиной, А. Ю. Чуриковой и ряда других ученых цифровизация уголовно-процессуальной деятельности обоснованно рассматривается как важнейшее направление его дальнейшего развития.

В процессе цифровизации уголовного судопроизводства условно можно выделить два этапа. На первом этапе цифровизации, начиная со второго десятилетия нынешнего века, с развитием информационных технологий, началось постепенное внедрение систем электронного документооборота (далее — СЭД) как в деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование, так и суда. Данные системы позволяют перевести документооборот на новый уровень, обеспечив оперативную обработку получаемой информации и ее быстрый

поиск, а также удобную систему регистрации и хранения данных. Например, в деятельность органов Следственного комитета РФ в 2012 г. был внедрен АИК «Надзор», чей функционал был напрямую направлен не только на регистрацию документов и поручений по ним и на работу с обращениями граждан, но и контрольную деятельность в рамках производства по уголовным делам¹. Данная система постоянно развивается и в настоящее время происходит внедрение информационно-методического программного обеспечения как на федеральном, так и на региональном уровнях².

Наиболее широкое применение СЭД нашло в деятельности судов общей юрисдикции. Так, в качестве примера можно привести сервис «Электронное правосудие», посредством которого в 2022 г. в Петрозаводский городской суд Республики Карелия поступило 10 938 обращений (для сравнения — в 2020 г. было зарегистрировано 6 329 обращений)³. Это свидетельствует о том, что практика обращений в суд посредством подачи электронных заявлений с каждым годом увеличивается, что в свою очередь говорит об успешной интеграции процесса цифровизации в судах.

Нельзя не отметить и функционирование ГАС «Правосудие», которая предоставляет информацию о различных сторонах деятельности судов, формируя единое информационное пространство судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данная система содержит ряд подсистем, обеспечивающих отдельно взятые функции. Например, система «Видео-конференц-связь» предоставляет Верховному Суду РФ, областным и равным им судам общей юрисдикции услуги видео-конференц-связи и обеспечивает удаленное участие подсудимых, свидетелей в судебных заседаниях.

Законодатель, реагируя на процессы цифровизации уголовного судопроизводства, внес ряд изменений в действующий УПК РФ: в 2021 г. в Кодекс была введена ст. 189.1, регламентирующая особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи (далее — систем ВКС), в 2022 г. в Кодекс была введена ст. 241.1, посвященная участию в судебном заседании путем использования систем ВКС⁴. Несмотря на возникновение ряда проблемных моментов, связанных с применением данной технологии в отношении, например, «засекреченных» лиц [5, с. 5], данные изменения уголовно-процессуального закона свидетельствуют о том, что законодатель предпринимает усилия для регламентации использования в уголовном судопроизводстве доступной сегодня цифровизации, позволяющей повысить его эффективность, обеспечить права участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию.

Второй этап цифровизации уголовно-процессуальной деятельности — это создание программных продуктов и программного обеспечения, в том числе

¹ См.: Приказ СК России от 18 июля 2012 г. № 40 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Реестр программного обеспечения. АИК «Надзор». URL: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/303026/> (дата обращения: 17.06.2021).

³ См.: О применении цифровых технологий в работе Петрозаводского городского суда Республики Карелия в 2022 году. URL: http://petrozavodsky.kar.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&id=80 (дата обращения: 17.06.2021).

⁴ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1, ч. 1, ст. 70; Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1, ч. 1, ст. 57.

с использованием искусственного интеллекта, и их применение в осуществлении уголовного судопроизводства. Однако, как представляется, реализация этого этапа — дело скорее будущего, чем настоящего. И одной из причин этого является отсутствие должного законодательного регулирования сущности данных технологий.

До 2019 г. определения понятия «искусственный интеллект» в российском законодательстве как такового не содержалось. В 2016 г. была утверждена Стратегия научно-технологического развития¹, где в общих чертах были отражены положения, в которых говорится о необходимости создания передовых технологий, способных развить и обеспечить стабильный рынок продуктов и услуг как внутри страны, так и за ее пределами. Такими передовыми технологиями, по смыслу данной Стратегии, является искусственный интеллект, при этом упор делается на его внедрение в экономику страны, ее цифровизацию. Однако в данном документе отсутствует определение понятия «искусственный интеллект».

В 2017 г. была утверждена Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы², которая стала своего рода точкой роста в развитии законодательства об искусственном интеллекте. Согласно Стратегии, цифровые технологии становятся неотъемлемой частью управленческих систем во всех отраслях деятельности государства, включая, помимо экономики, поддержание правопорядка и обеспечение безопасности государства. Как представляется, это дало толчок более интенсивному развитию и использованию информационно-коммуникационных технологий государственными органами, бизнес-сообществом, а также гражданами, формированию общества знаний — общества, в котором получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации имеет приоритетное значение.

Между тем данная Стратегия все также не содержала определения понятия «искусственный интеллект», которое можно было бы экстраполировать и в правовую сферу. Тем не менее в тексте данного документа впервые было упомянуто о внедрении когнитивных технологий (а это отличительная особенность искусственного интеллекта) и их конвертации с нано- и биотехнологиями, но лишь в рамках развития цифровой экономики.

Следующие два года можно считать переломными в развитии законодательства в области искусственного интеллекта. В 2018 г. был издан приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации № 428 «Об утверждении разъяснений по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”»³, где по-прежнему отсутствовало определение понятия «искусственный интеллект», но содержалось определение понятия «технологии искусственного интеллекта» как свойств автоматических систем по выполнению некоторых функций интеллекта человека, в том числе при вы-

¹ См.: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (в ред. от 15 марта 2021 г.) // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887; 2021. № 12, ст. 1982.

² См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

³ См.: Приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

боре наиболее оптимальных решений, основанных на ранее полученном опыте и анализе внешних факторов и условий, влияющих на принятие решения.

В 2019 г. была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в РФ¹, содержащая дефиницию искусственного интеллекта как совокупности технологических решений, которые способны к имитированию мыслительной деятельности человека. Искусственный интеллект при выполнении поставленных задач способен получать такие результаты, которые могут быть сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека. К комплексу технологических решений, равно элементам искусственного интеллекта, указанный акт относит инфраструктуру, направленную на функционирование информационно-коммуникационного сектора, специализированное программное обеспечение, включая те программы, в которых применены методы машинного обучения, а также, что немаловажно, процессы и сервисы, предназначенные для обработки информации и поиска решений по заданному запросу. Отдельно стоит отметить, что в данном определении также делается акцент на такие когнитивные функции человека, как самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма.

Помимо этого Стратегия содержит такой термин, как «технологии искусственного интеллекта», под которыми подразумеваются различные технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (компьютерное зрение, распознавание и синтез речи и т.д.), то есть определенные формы выражения искусственного интеллекта (способы его применения на практике).

Как представляется, в приказе Минцифры № 428 более четко отражены основные признаки искусственного интеллекта: обучаемость (возможность принимать решения, основываясь на предыдущем опыте), имитация когнитивных функций человека и выполнение перечисленных функций автоматической системой (технологиями, разработанными человеком). Что касается «технологий искусственного интеллекта», то это точечные и узконаправленные разработки, основанные на базе искусственного интеллекта.

Если при переносе понятия искусственного интеллекта в правовую сферу брать за основу дефиницию, закрепленную в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, то мы неизбежно сталкиваемся с определенными сложностями, главная из которых состоит в том, что структурные элементы, а именно информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение и процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, отраженные в понятии «искусственный интеллект», не раскрываются в Стратегии, что влечет необходимость в поиске этих дефиниций в других источниках и, как следствие, определенную правовую неясность. Например, такая структурная часть комплекса технологических решений, как программное обеспечение, находит свое отражение в двух нормативных актах — ГОСТ Р 51904-2002 «Программное обеспечение встроенных систем. Общие требования к разработке и документированию»² и Гражданский кодекс РФ. Согласно п. 3.47 ГОСТа

¹ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

² ГОСТ Р 51904-2002. «Программное обеспечение встроенных систем. Общие требования к разработке и документированию»: утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 25 июня 2002 г. № 247-ст // СПС «КонсультантПлюс».

Р 51904-2002, программным обеспечением считается совокупность «компьютерных программ и программных документов, необходимых для эксплуатации этих программ». Согласно ст. 1261 ГК РФ, программой для электронно-вычислительной машины является «совокупность данных и команд, представленная в объективной форме и предназначенная для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата»¹.

Дефиниции, приведенные в ГК РФ и ГОСТе Р 51904-2002, несколько отличаются друг от друга. Полагаем, что при определении понятия «программное обеспечение» как составной части понятия «искусственный интеллект» необходимо руководствоваться дефиницией, указанной в ГОСТе Р 51904-2002, поскольку она является универсальной и для тех, кто занимается разработкой программного обеспечения, и для лиц, не сведущих в ней. Унификация в данном случае позволит не только исключить двоякое толкование понятия, используемого преимущественно в технической отрасли, но и сделает возможным его использование в других сферах, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Цифровизация уголовного судопроизводства в целом, развитие и внедрение в него технологий искусственного интеллекта в частности — это неизбежный процесс. Для того чтобы минимизировать негативные последствия указанного процесса (например, обжалование и возможные отмены процессуальных актов и решений, в основе которых лежит использование технологий искусственного интеллекта), необходимо сформировать достаточно четкую нормативно-правовую базу, регулирующую сущность и возможности использования искусственного интеллекта и его технологий при производстве по уголовным делам.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих данные вопросы, свидетельствует, что понятия «искусственный интеллект», закрепленные в приказе Минцифры № 428 и Стратегии развития искусственного интеллекта, схожи, поскольку в качестве ключевого элемента данной технологии рассматривают именно исполнение компьютерной системой заложенных в нее задач способами и методами, которые мог бы использовать человек, то есть имитацию когнитивной деятельности человека, в том числе путем самообучения. Вместе с тем, на наш взгляд, именно понятие, закрепленное в Стратегии 2019 г., является наиболее точным в выражении сущности такой сферы деятельности, как искусственный интеллект. Однако и оно нуждается в дальнейшей доработке в части определения понятий комплекса технологических решений как составного элемента искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.
2. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 25–25.
3. Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3(134). С. 193–200.

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496; 2022. № 50, ч. 3, ст. 8797.

4. *Бедняков И.Л., Развейкина Н.А.* Возможности применения искусственного интеллекта в судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 2(33). С. 11–14.

5. *Артамонова Е.А.* Размышления о производстве видеодопроса в ходе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 5–9.

References

1. *Aleksandrov A.S.* Problems of the Theory of Criminal Procedural Evidence that Need to Be Solved in connection with the Transition to the Era of Digital Technologies // *Judicial Power and Criminal Procedure*. 2018. No. 2. P. 130–139.

2. *Golovko L.V.* Digitalization in Criminal Proceedings: Local Optimization or Global Revolution? // *Bulletin of Economic Security*. 2019. No. 1. P. 25–25.

3. *Spesivov N.V., Titov A.A.* The COVID-19 Pandemic as a Factor of “Forced Digitalization” of Russian Criminal Proceedings // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020. No. 3(134). P. 193–200.

4. *Bednyakov I.L., Razveikina N.A.* The Possibilities of Using Artificial Intelligence in Legal Proceedings // *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2019. No. 2(33). P. 11–14.

5. *Artamonova E.A.* Reflections on the Production of Video Interrogation During the Preliminary Investigation // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 3. P. 5–9.

Е. А. Плешаков

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ С ПОЗИЦИЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА, ЗАКОНА И СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Введение: в статье предпринята попытка рассмотрения общеправового феномена «юридический приоритет» с позиции осмысления роли и места в уголовно-процессуальном праве. Опираясь на существующие доктринальные позиции относительно восприятия юридического приоритета как средства дифференциации и выстраивания иерархии, а также правовой формы улучшения правового положения субъекта, автор выдвигает гипотезу о необходимости фактической реализации ценностных приоритетов, заявленных в качестве основы судебного реформирования. **Цель** — осмыслить феномен юридический приоритет как неотъемлемый элемент современной политики государственно-правового строительства, его природу и средства реализации, соотнести с устоявшимися подходами отраслевого правового регулирования (на примере уголовно-процессуального права). **Методологическая основа:** общенаучные, а также частные методы исследования, диалектический метод познания, формально-юридический подход. **Результаты:** на основе сравнительно-правового анализа автор аргументирует векторы развития и реальное осуществление приоритетов, заявленных как основные направления реформирования уголовно-процессуального права и уголовного судопроизводства России в соответствии с Концепцией судебной реформы Российской Федерации 1991 г. **Выводы:** выявлены, исследованы и раскрыты основные коллизии применительно к правовым ситуациям, когда публично заявленные и реально воспринятые, субъективно оцененные ценности-приоритеты не находят своего практического воплощения в силу конфликта между государственным, общественным и частным интересом заинтересованных участников правоотношений.

Ключевые слова: юридический приоритет, сущность приоритета, технико-юридическое оформление приоритета, соотношение публичного и реального приоритета в юридической практике, приоритет в уголовно-процессуальном праве.

E. A. Pleshakov

LEGAL PRIORITIES OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA FROM THE STANDPOINT OF THE GENERAL THEORY OF LAW, LAW AND JUDICIAL AND INVESTIGATIVE PRACTICE

Background: the article attempts to consider the general legal phenomenon of “legal priority” from the position of understanding the role and place in criminal procedural

© Плешаков Евгений Александрович, 2024

Старший преподаватель кафедры судебной и прокурорской деятельности (Нижегородский исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского), вице-президент Коллегии адвокатов города Москвы (МКА № 1); e-mail: law_pleshakov@mail.ru

© Pleshakov Evgeny Aleksandrovich, 2024

Senior lecturer of the Department of Judicial and Prosecutorial Activity (Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University), Vice-President of the Bar Association of the City of Moscow (ICA No. 1)

law. Relying on the existing doctrinal positions regarding the perception of legal priority as a means of differentiation and building a hierarchy, as well as a legal form of improving the legal position of the subject, the author puts forward a hypothesis about the need for the actual implementation of value priorities stated as the basis of judicial reform. Objective — to comprehend the phenomenon of legal priority as an integral element of modern policy of state-legal construction, its nature and means of realization, to correlate with the established approaches of sectoral legal regulation (on the example of criminal enforcement law). Methodology: general scientific as well as private research methods, dialectical method of cognition, formal legal approach. Results: on the basis of comparative-legal analysis the author argues the vectors of development and the actual implementation of priorities stated as the main directions of reforming the criminal procedural law and criminal procedure of Russia in accordance with the Concept of judicial reform of the Russian Federation in 1991. Conclusions: the main conflicts have been identified, investigated and disclosed in relation to legal situations when publicly declared and actually perceived, subjectively assessed values-priorities do not find their practical implementation due to the conflict between the state, public and private interests of interested figures.

Keywords: *legal priority, the essence of priority, technical and legal formalization of priority, the ratio of public and real priority in legal practice, priority in criminal procedure law.*

Проблемы точного понимания и объективной характеристики юридического приоритета в той или иной отрасли российского права требуют определенности в сути и содержании этого социально-правового феномена. Заметим, что в последние годы законодатель и практика все чаще и разнообразнее апеллируют к этой сложной и противоречивой смысловой категории. Для целей верификации данного тезиса мы не будем приводить ни перечень различного рода государственных программ и концепций, ни собственно актов нормативного правового характера, в названии, структуре, содержании которых в том или ином контексте использована богатая по содержанию языковая конструкция «приоритет». Любой, более или менее заинтересованный исследователь может самостоятельно проверить указанный тезис, так как даже при простом обращении (с запросом) к информационно-поисковой системе «Гарант» последняя выдает перечень из 45 669 нормативных правовых актов, так или иначе оперирующих указанной категорией. Предмет настоящего исследования — содержательный анализ юридического приоритета сквозь призму отраслевого закрепления. Как следствие, считаем необходимым прежде всего обозначить опорные, узловые моменты исходного понимания сути и содержания указанной категории, с учетом которых может и должна быть исследована система приоритетов российского уголовно-процессуального права.

Определить приоритеты в соответствии с филологическим толкованием — отдать первенство чему-либо, превосходство, придать чему-либо главенствующую роль [1, с. 985]. Таким образом, уже на основе этих лексических единиц можно обозначить основные (характеризующие) признаки-свойства исследуемого явления. Это, во-первых, первенство, первоочередность, превосходство в среде однородных явлений. Во-вторых, признак главенства (доминирования, преимущества) расставляемых или акцентированных приоритетов в едином синонимическом перечне целей, задач, направлений и средств регулирования или

осуществления любого из видов практической деятельности. Указание на практический вектор также считаем определяющим, так как именно деятельность придает аксиологическое значение избираемым, декларируемым, реализуемым приоритетам. В-третьих, публично фиксируемые ценности государства, общества, отдельной личности. Представляется очевидным, что в конечном итоге именно эти субъекты аксиологически точно «отбирают», расставляют, реализуют только реально значимые для них приоритеты, вне зависимости от публично провозглашаемых лозунгов, целей и средств их достижения. В этом проявляется одно из главенствующих значений юридического приоритета, в том числе на отраслевом уровне, а именно иерархия ценностей, дифференциация направлений правового воздействия.

В итоге, именно реальные ценности-приоритеты объективируются как значимые критерии и для внутренних установок субъектов практической деятельности, и для собственно практической реализации (осуществления), субъективно оцененных, воспринятых, «внутренне одобренных» приоритетов. Если приоритеты-ценности государства, общества, личности (как непосредственных деятелей) аксиологически совпадают, есть шансы, силы и средства их реализации; если, нет — судьба приоритета predetermined изначально [2].

На основе этих посылов проанализируем декларируемые и реальные приоритеты в уголовно-процессуальном праве России. Действующий уголовно-процессуальный закон, не очень рельефно апеллируя к рассматриваемой категории, явно расставляет приоритеты как в понимании буквы и духа закона, так и применительно к векторам практической, уголовно-процессуальной деятельности.

Приведем несколько примеров. Во-первых, в нормах ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), которые в первоначальной редакции ясно расставляли приоритеты в соотношении норм национального законодательства и нормативных актов международного правового характера, регламентировано: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора»¹. Однако со временем выяснилось, что подобные приоритеты не соответствуют национальным интересам, национальному суверенитету, национальной безопасности. Как следствие, Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 419-ФЗ эти акценты были публично «поправлены», скорректированы с качественно иной расстановкой приоритетов: «Не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации».

Вместе с тем данный пример не столь однозначен. Он, скорее, говорит не о корректировке приоритетов, а о смягчении категоричности их законодательного выражения. Очевидно, что изменения, внесенные в УПК РФ, не отменили существующего приоритета правил международного договора, а лишь обставили этот приоритет определенными условиями, нуждающимися в особой правовой интерпретации, которая под силу не всякому юристу.

Вопрос расстановки приоритетов неизбежно встает там, где, с одной стороны, нормативно закрепляются равные по юридической силе и политическому значе-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2024. № 1, ч. 1, ст. 53.

нию концептуальные положения, а с другой, законодатель оставляет на одном из этих положений тайную метку своего предпочтения. Таковой нам, в частности, видится ст. 6 УПК РФ, формулирующая два направления назначения уголовного судопроизводства: «1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». На первый взгляд, норма формулируется в императивной интонации запрета приоритетов. Но в ней явно чувствуется идеологический подтекст, согласно которому «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания» воспринимается как задача второго плана по сравнению с «отказом от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Во-вторых, в нормах ч. 2 ст. 7 УПК РФ законодатель обосновал явный приоритет норм кодифицированного уголовно-процессуального акта (то есть УПК РФ) перед нормами иных федеральных законов: «Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом». Однако и эти приоритеты не выдержали испытания временем, и в соответствии с правовыми позициями, изложенными в определении высшего органа конституционного правосудия России от 8 ноября 2005 г. № 439-О, приоритеты были расставлены принципиально иначе: Конституционный Суд РФ не признал приоритет данного кодифицированного нормативного акта безусловным и обязательным¹.

В-третьих, в нормах ч. 1 ст. 108 УПК РФ (аналогично ч. 1 ст. 105.1, ч. 1 ст. 107 данного Кодекса) законодатель однозначно расставил приоритеты для следственных, судебных органов в выборе, применении мер пресечения, призванных к обеспечению целей-задач ст. 97 УПК РФ: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения». Насколько эта нормативная установка воспринята и приоритетно реализуется непосредственно адресатами правоприменительной деятельности, объективно свидетельствуют как данные официальной статистики (где эта мера пресечения давно и прочно занимает доминантное место), так перманентные усилия российского законодателя в попытках обеспечить известный властный посыл о том, что посредством применения указанной меры «не надо кошмарить бизнес».

Практически в том же контексте можно сравнить публично декларируемые и реальные приоритеты: как применительно к высоконравственному институту российской реабилитации (гл. 18 УПК РФ) или институту оперативного судебного контроля (ст. 108, 125, 165 УПК РФ), так и к практически каждому из иных институтов и производств уголовного судопроизводства России. Однако в рамках данного исследования нас интересуют не столько отдельные (даже весьма принципиальные) частности, сколько общеправовые закономерности исследуемого

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 5, ст. 633.

явления, поэтому необходимо отказаться от уровня «особенного» и «единичного», обращаясь исключительно к общему, определяющему. В силу объема и предмета данной работы к обсуждению будут представлены лишь ключевые правовые акты, институты и производства исследуемой отрасли права и деятельности.

Начнем с векторов актуальной публичной уголовно-процессуальной политики: как официальной (декларируемой), так и реально реализуемой. В свое время Герберт Пакер методологически точно выявил и охарактеризовал две основные (классические) модели реализуемой уголовно-процессуальной политики:

модель «надлежащей правовой процедуры» (*Due Process Model*), где основным приоритетом государства, его правоохранительных, судебных органов заявлена защита прав, свобод и законных интересов личности. Как следствие, в соответствии с этой моделью уголовное судопроизводство прежде всего призвано к обеспечению максимума процессуальных гарантий для лиц, в отношении которых реализуется уголовное преследование. Публичные уголовно-процессуальные ценности несколько «теряются» на фоне столь однозначно расставленных акцентов;

модель «контроля над преступностью» (*Crime Control Model*), где в качестве приоритета публично заявлена защита общества и его членов от любых криминальных деяний. В итоге, во имя достижения этой, как декларируется, социально значимой цели всецело допустимо и изначально морально оправдано принудительное и существенное ограничение, предоставленных прав и свобод, в том числе в уголовном процессе [3, с. 1].

Постоянные колебания между этими моделями характерны для всех государств. Более того, иногда они происходят даже одновременно, когда в одном уголовно-процессуальном законе можно легко обнаружить признаки как той, так и другой модели. Иногда они имеют характер достаточно хаотичных и быстро сменяющих друг друга реформ и весьма скоро нивелирующих их контрреформ. Иногда растягиваются на относительно долгие периоды доминантного господства в процессе одной из двух всецело доминирующих моделей [4, с. 18–19].

Советская модель уголовного судопроизводства (акцентированная идея «контроля над преступностью»), напомним, была однозначно охарактеризована в качестве инквизиционной, тоталитарной и в принципе несовместимой с идеей демократических преобразований в государстве и обществе. В соответствии с Концепцией судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. среди приоритетов реформирования советского инквизиционного уголовного судопроизводства России было заявлено:

- развитие конституционного принципа состязательности и безусловного равенства процессуальных прав сторон на досудебных стадиях процесса и в судебном разбирательстве, включая обеспечение права стороны защиты по полноценному собиранию (формированию) и приобщению к делу «своих» доказательств;
- исключение из судопроизводства всех рудиментов обвинительной роли суда, в том числе его права на возвращение уголовного дела следователю по мотиву неполноты или односторонности предварительного расследования либо в качестве необходимого ухудшения положения обвиняемого (подсудимого);
- введение на досудебных стадиях эффективного, независимого и беспристрастного судебного контроля за законностью и обоснованностью (большинства) процессуальных действий и решений следственных органов;
- признание права каждого обвиняемого на разбирательство его дела по первой инстанции с участием присяжных в случаях, установленных уголовно-процессуальным законом;

– кардинальное реформирование инквизиционных форм проверки постановленных актов суда, в том числе возвращение в систему подобной проверки классической апелляции и экстраординарной кассации, призванной к уважению значения общепризнанной идеи *res judicata* [5].

Именно по сути этих ценностных приоритетов-идей, как утверждалось, было кардинально реформировано уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, выделены силы и средства, обеспечены необходимые социально-правовые условия. Однако по факту с демократическим и состязательным развитием уголовного судопроизводства России, несмотря на заявленные приоритеты, получилось «как всегда» под воздействием несколько иных, ставших более актуальными ценностей.

В первую очередь «пала» идея состязательности процесса и равенства в нем процессуальных прав и возможностей сторон. Следственным органам, сторонам и суду весьма оперативно и исчерпывающе пояснили правильное понимание идеи разделения процессуальных функций. Например, никакого разрешенного, самостоятельного, «параллельного» адвокатского расследования ни Концепция судебной реформы, ни собственно уголовное судопроизводство России вовсе не предусматривали. В соответствии с правовыми позициями высшего органа конституционного правосудия России и Верховного Суда Российской Федерации правом самостоятельного собирания (формирования) доказательств в уголовном процессе (ч. 1 ст. 86 УПК РФ) обладают исключительно публичные органы и должностные лица, ведущие уголовный процесс. Что касается частных лиц-участников процесса и их адвокатов, то они могут собирать лишь обезличенные сведения о значимых обстоятельствах предмета доказывания. Вместе с тем последние могут быть восприняты как легальные средства доказывания лишь при условии их признания таковыми следователем или судом¹. Практика, напомним, так и не нашла (не смогла найти) оснований к такому признанию. В итоге о равном и состязательном праве сторон в российском уголовном процессе остается разве что дискутировать на различного рода представительных мероприятиях и конференциях (особенно в контексте юридических приоритетов).

В том же контексте реальных ценностей были отвергнуты и идеологические домыслы, согласно которым суд якобы должен отправлять правосудие исключительно по тому обвинению, по которому подсудимый предан суду (ст. 252 УПК РФ), ибо иной порядок — рудименты обвинительной роли суда в уголовном процессе. В Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П высший орган конституционного правосудия России качественно «переосмыслил» свои правовые позиции и разъяснил, что российский суд — изначально независим от позиций и притязаний сторон; суд как орган власти самостоятельно проверяет и оценивает все обстоятельства дела². Выявив в обвинении неправильную квалификацию или пробелы в фактической стороне обвинения, суд просто обязан вернуть дело в следственный орган, в противном случае приговор будет изначально неправосудным. В результате в контексте данных юридических приоритетов суд теперь всегда вправе направить

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прося Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2805.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СЗРФ. 2013. № 28, ст. 3881.

дело прокурору с указаниями: в каком направлении следует изменить обвинение для правильного разрешения уголовного дела (в соответствии с актуальными приоритетами) [6, с. 84–88; 7, с. 84–89].

Не сложилось в российском суде и с оправдательной практикой, и с высоко-нравственным институтом реабилитации (гл. 18 УПК РФ). В первом контексте доля оправдательных приговоров в судах общей юрисдикции никак не может преодолеть показатель в 0,1 % этого вида правоприменительных актов от общего числа вынесенных судами. Кстати, во времена сталинских репрессий аналогичный показатель составлял от 10 до 16 % постановленных (итоговых) судебных решений. Во втором контексте государство так и не смогло преодолеть инквизиционные комплексы-рудименты, связанные с официальными извинениями перед незаконно уголовно-преследуемыми лицами и императивной обязанностью к максимально полному возмещению причиненного вреда или ущерба. Осознавая себя важной и неотъемлемой частью всесильного государства, суды все более нарабатывают привычную практику не полного возмещения (как установлено по закону), а по типу «компенсаций», субъективно определяемых судом в соответствии с удобными установками соразмерности и справедливости [8, с. 22–30].

По тем же определяющим («государевым») приоритетам реформированы концепты применительно к отправлению правосудия с участием коллегии присяжных заседателей. Восприняв буквально «в штыки» непрогнозируемые вердикты присяжных по отдельным категориям особо резонансных дел, российский законодатель своевременно «вспомнил» основные концепты контрреформ 1881 г., когда в Российской империи также была кардинально ограничена подсудность присяжных по отдельным категориям преступлений. Как оказалось, новые приоритеты до конца были не поняты, как следствие, «реформы» были продолжены: исторически апробированный суд присяжных был легко преобразован в суд «с расширенной коллегией шеффенов/ассизов» (в количестве восьми «присяжных» в суде краевого, областного звена и шести — в районном суде), который и более управляем, и более предсказуем. Отметим, что приложенные усилия были реализованы с публичным и весьма широким обоснованием тезиса о максимальной продуктивности именно такого порядка отправления правосудия в «суде народной совести».

Безропотно восприняло векторы этих «реформ» и российское гражданское общество, поскольку ни особой ценности, ни весомого приоритета в указанной форме отправления правосудия граждане России «не увидели». Например, по официальной информации Московского областного суда, из вызванных в октябре 2014 г. 27 692 кандидатов в присяжные заседатели (по девяти уголовным делам) реально в суд явились 124 кандидата; в ноябре того же года по такому же количеству дел из 37 300 вызванных кандидатов явились 124 человека; в декабре 2014 г. из вызванных 34 600 кандидатов явились 104 человека. Естественно, ни одной комплектной коллегии присяжных заседателей сформировать в итоге не удалось. В иных регионах (субъектах Российской Федерации) ситуация с явкой кандидатов в присяжные заседатели, как отмечается, еще хуже¹. Таким образом, как с заявленной концепцией, так и с реализованным (на деле)

¹См.: Реформа суда присяжных заседателей. URL: <https://abkazakov.ru/publications/reforma-suda-prisyazhnyh-zasedatelej/> (дата обращения: 24.12.2023).

приоритетом по возвращении в российский уголовный процесс «суда народной совести» не получилось.

Аналогичным приоритетом качественно иного процесса был заявлен оперативный судебный контроль (ст. 108, 125, 165 УПК РФ). Утверждалось, что на смену прокурору, работающему в одной обвинительной связке со следователем и «механически» утверждающего все ходатайства следственных органов на ограничение интересов и прав участников процесса, должен был прийти беспристрастный, независимый суд. Именно он должен был объективно оценивать юридические и фактические основания для указанных ограничений. Мог, но «не сложилось». Сегодня в сравнении с «ангажированным» прокурором судебная практика этой формы отправления правосудия составляет 94–96 % всецело удовлетворенных судом ходатайств следственных органов. По отдельным из видов следственных ходатайств — все 100 %. Только за последние несколько лет в Посланиях Президента Российской Федерации трижды акцентировался вопрос о приоритетах введения в Российской Федерации («французского аналога») объективного и независимого следственного судьи¹.

Интересно реализованы и приоритеты, связанные с возвращением в российский процесс классической апелляции и экстраординарной формы кассационной проверки. По замыслу первой идеи, напомним, нам анонсировали классическую апелляцию как новое рассмотрение уголовного дела по существу более опытным и компетентным судом, всесторонне исследующим все доказательства по делу, формирующим самостоятельное внутреннее убеждение по основному вопросу уголовного дела и выносящим абсолютно новое решение по существу, замещающее акт суда первой инстанции. Утверждалось, что тем самым стороны получают максимально доступную и эффективную форму проверки законности, обоснованности и справедливости постановленных актов суда, так как более опытный, компетентный, независимый суд впервые получил легальные процессуальные средства для реализации столь нормативно и социально значимых целей.

На деле оказалось, что все это — декларации. В действительности, суд апелляционной инстанции вовсе не призван к новой и всесторонней проверке дела и приговора по правилам устности и непосредственности исследования всех (представленных) доказательств по делу. Особая российская апелляция не будет вновь всесторонне и непосредственно исследовать все без исключения доказательства по уголовному делу. Это лишь форма ординарной «документальной» проверки, внесенного апелляционного отъезда, и для задач подобной проверки 12–30 минут апелляционного судебного заседания не вполне достаточно. Отметим, судебная практика с редким «одобрением» восприняла суть озвученных приоритетов. Добиться реального рассмотрения доводов жалобы с изучением и оценкой доказательств по делу при такой приоритетности в российском апелляционном суде практически невозможно [9, с. 38–45].

С внедрением новой кассации (гл. 47.1 УПК РФ) нам гарантировали классическую форму экстраординарной проверки с доминированием в ее предмете, пределах, процессуальной форме общепризнанной идеи *res judicata* [10, с. 3–9], а в качестве значимых приоритетов последней идеи выделяли нормативное изменение:

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Российская газета. 2023. 22 февраля.

а) непосредственного предмета кассационной проверки, к которому по букве закона должны быть отнесены исключительно свойства законности постановленных актов суда (ст. 401.1 УПК РФ) и категорической невозможности вторжения кассационного суда в «вопросы факта» и свойства справедливости постановленных (итоговых) актов;

б) особых оснований к собственно кассационной проверке и отмене, изменению состоявшихся актов суда. Последними в силу экстраординарного характера указанной формы должны выступать только существенные (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) и фундаментальные нарушения закона (ст. 401.6 УПК РФ). Исключительно эти основания позволяли ставить вопрос о преодолении сути *res judicata* в интересах публичной законности и обеспечения прав заинтересованных лиц;

в) процессуальной формы кассационной проверки, которая в соответствии с идеей *res judicata* существенно ограничивала начало широкой свободы обжалования, устанавливая процедуры предварительного изучения кассационной жалобы на предмет обнаружения искомых кассационных оснований для постановки дела и жалобы непосредственно на рассмотрение суда кассационной инстанции (ст. 401.8 УПК РФ). В том же исключительном, экстраординарном контексте утверждались новации, связанные с запретом на рассмотрение в кассации повторных жалоб (ст. 401.17 УПК РФ).

Все эти инновации были весьма оперативно нивелированы иными приоритетами, в том числе возвращенными на известной идее социалистической законности. Определяющим практическим императивом был объективирован порядок, при котором проверка кассационным судом «вопросов права» (законности) объявлялась *a priori* невозможной без проверки тем же судом «вопросов факта» (фактической обоснованности итоговых выводов суда, изложенных в приговоре). Социально-нормативные основания для подобной практики, естественно, были изысканы в особом назначении российского правосудия, которое не может терпеть никакую «неправду» и обязано исправить любое из нарушений закона, обеспечив как конституционное право судебной защиты для заинтересованных лиц, так и публичную правосудность итоговых актов [11, с. 121–130].

Нивелирована и такая гарантия *res judicata*, как предварительное изучение жалобы на предмет наличия особых кассационных оснований, так как по итогам перманентных «реформ» кассация уже дифференцирована на порядок сплошной (обязательной; ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ) и выборочной (с предварительной проверкой жалобы; ч. 3 ст. 401.3 УПК РФ) проверки. Первая законно именуется ординарной формой проверки [12, с. 33, 36]. Вторая пока «вуалируется» под экстраординарные формы. Знаком является и то, что суд кассационной инстанции получил властное право к реализации публичной проверки и в том случае, когда кассатор снял свой отзыв с судебного рассмотрения (фактически — при отсутствии спора сторон).

С учетом приоритета публичной законности нивелирована и буква фундаментальных оснований преодоления акта *res judicata*. Несмотря на то, что по смыслу последних отменить или изменить окончательный акт суда можно лишь при наличии таких существенных нарушений закона, которые повлияли на суть приговора или исказили смысл правосудия, судьи кассационных составов видят свойства и первых, и вторых в привычных основаниях апелляции (ст. 389.17 УПК РФ). Кроме того, они публично ориентированы на проверку и реагирование на любое из нарушений закона [13, с. 11–17].

Не является нарушением идеи *res judicata* и обширная практика реализации кассационной проверки по факту поступления повторных или новых кассационных жалоб от одного и того же кассатора. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ В. А. Давыдов, несмотря на запреты закона, уверенно заявляет, что повторные кассационные жалобы подлежат обязательной кассационной проверке иным составом суда [14, с. 184, 185].

Аргументы этих подходов привычно изысканы в том, что правосудие может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах (ст. 46 Конституции РФ). Доводы, признаем, исчерпывающие. Остается только понять: в силу каких именно приоритетов, всемерной заботы и подобных позиций никак не удастся обеспечить рассмотрение дел по первой инстанции, где всякая активность стороны защиты в представлении и исследовании доказательств другой стороны однозначно пресекается независимым и беспристрастным судом. Те же вопросы должны быть адресованы к суду апелляционной инстанции, поскольку исключительно в российской традиции, в нормах закона и непосредственно в практике апелляционного правосудия обязать суд к непосредственному исследованию доказательств практически невозможно. Остается только понять столь неожиданно появившиеся приоритеты новой российской кассации, предельно жестко, публично, однозначно реагирующей на любые нарушения закона, выявленные в ходе кассационной проверки.

Мы принципиально не будем повторяться в официальных константах о том, что в основе указанной деятельности объективированы подлинная роль и назначение суда — гаранта прав, свобод и законных интересов личности в государстве и обществе (о приоритете которых «забыли» в судах иных инстанций). Полагаем, эти константы еще не раз публично озвучат в иных работах, с иными векторами итоговых выводов. Нам же столь неожиданные «новации» новой российской кассации видятся в принципиально ином ракурсе — некотором расхождении с общей демократической правовой политикой государства.

Посредством последних реформ в судебной системе России, как известно, сформированы новые, ранее неизвестные, кассационные суды общей юрисдикции. Явление, отметим, для нашей судебной системы новое, не изученное, не апробированное практикой отправления правосудия. Поэтому у данного элемента судебной системы отсутствует наработанный авторитет (понимание самой необходимости, роли и назначения этой структуры в общей, корпоративно согласованной судебной системе). Как следствие, данным судебным инстанциям надо было предельно «громко» заявить о себе, расставить акценты своей («нужности») актуальности в судебной системе России. По идее, получилось отменно. Строго инициативно, предельно жестко и принципиально, как никакая иная судебная инстанция, реагируя на все без исключения нарушения закона, кассационные суды общей юрисдикции более чем громко заявили о себе и о своей исключительной роли в судебной системе России. Посылы были восприняты и правильно поняты. Ничего более никому «доказывать» не надо. Отсюда и приоритеты, как в предмете кассационной проверки, так и в особой принципиальности ко всем без исключения нарушениям, которые можно пересмотреть, «расставить» по-новому. Возможно, мы ошибаемся, но именно весьма интересные прецеденты-примеры последнего года и итоговые данные судебной статистики, в том числе в части «безоговорочных» кассационных отмен, уже позволяют в качественно

ином контексте оценить и заявленную принципиальность, и особую роль этих инстанций в обеспечении не только правосудия, но и общего назначения уголовного судопроизводства России.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1194 с.
2. Плешаков Е.А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4(64). С. 35–43.
3. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 1.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.
5. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М.: Верховный Совет Рос. Федерации: Республика, 1992. 110 с.
6. Зайцев О., Пастухов П. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. 2014. № 6. С. 84–88.
7. Николук В.В., Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Возвращение дела прокурору для усиления обвинения стало возможным // Уголовное право. 2013. № 4. С. 84–89.
8. Ковтун Н.Н. Высоконравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика // Российский судья. 2021. № 12. С. 22–30.
9. Ковтун Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 38–45.
10. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3–9.
11. Ковтун Н.Н. Resjudicata реформированной российской кассации // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4(5). С. 121–130.
12. Давыдов В.А. Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 22–27.
13. Ковтун Н.Н. О сути и назначении самобытной российской кассации: позиции закона, доктрины и практики // Мировой судья. 2020. № 11. С. 11–17.
14. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография; общ. ред. и предисл. В.А. Давыдов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. 398 с.

References

1. The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and chief ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1194 p.
2. Pleshakov E.A. On the Issue of the Essence of Legal Priority // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4(64). P. 35–43.
3. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 1.
4. Course of Criminal Procedure / ed. by L.V. Golovko. M.: Statute, 2016. 1278 p.
5. The Concept of Judicial Reform in the Russian Federation / comp. by S.A. Pashin. M.: The Supreme Soviet of the Russian Federation: Republic, 1992. 110 p.
6. Zaitsev O., Pastukhov P. On the Active Role of the Court in Criminal Procedural Proof // Criminal Law. 2014. No. 6. P. 84–88.
7. Nikolyyuk V.V., Kalnitsky V.V., Kuryakhova T.V. The Return of the Case to the Prosecutor to Strengthen the Prosecution Became Possible // Criminal Law. 2013. No. 4. P. 84–89.
8. Kovtun N.N. Moral Foundations of Rehabilitation in Criminal Proceedings in Russia: Law, Doctrine, Practice // Russian Judge. 2021. No. 12. P. 22–30.

9. *Kovtun N.N.* Appeal a Year Later: Realities and Forecasts // *Criminal Procedure*. 2014. No. 2. P. 38–45.

10. *Kovtun N.N.* Appellate, Cassation and Supervisory Proceedings in the Context of Compliance with the International Legal Standard // *International Criminal Law and International Justice*. 2012. No. 3. P. 3–9.

11. *Kovtun N.N.* Resjudicata of the Reformed Russian Cassation // *Russian Journal of Legal Studies*. 2015. No. 4(5). P. 121–130.

12. *Davydov V.A.* The Term of Appeal in Cassation Proceedings: View of the Developers of the Draft Law on Amendments to the CPC // *Criminal Procedure*. 2020. No. 9. P. 22–27.

13. *Kovtun N.N.* On the Essence and Purpose of the Original Russian Cassation: Position of the Law, Doctrine and Practice // *Justice of the Peace*. 2020. No. 11. P. 11–17.

14. *Dikarev I.S.* Supervisory-Cassation form of Judicial Review in Criminal Proceedings: monograph; general ed. and preface by V.A. Davydov. Volgograd: Volga Publishing House, 2016. 398 p.

Л.Г. Джебраилов

РАСШИРЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ОСОБОГО ПОРЯДКА
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Введение: сегодня особую актуальность приобрел вопрос о необходимом процессуальном соблюдении досудебных соглашений. В свете регулярных попыток законодателя прийти к консенсусу с правоприменителем в механизме правомерного исполнения условий подобных соглашений на практике повышенного внимания заслуживает механизм судебного контроля за соблюдением соглашений о сотрудничестве, а также перспективные пути расширения пределов такого контроля, особенно на этапах кассации и надзора. **Цель** — выявить юридико-технические и процессуальные противоречия, затрудняющие осуществление судебного контроля за соблюдением исполнения условий досудебных соглашений, а также определить перспективные направления расширения пределов судебного контроля для повышения эффективности механизма применения досудебных соглашений. **Методологическая основа:** анализ юридических категорий осуществлялся с использованием диалектического, эмпирического и системного методов познания действительности. С помощью методов анализа и синтеза, индукции и дедукции удалось обозначить практические погрешности по теме исследования. **Результаты:** в статье получила аргументацию позиция о необходимости последовательного восполнения правового регулирования в области осуществления судебного контроля за исполнением досудебных соглашений. **Выводы:** высказывается предложение рассматривать нарушение соглашения как вновь открывшееся обстоятельство, что, по мнению автора, позволит в некоторой мере оптимизировать процессуальный порядок особого производства.

Ключевые слова: уголовный процесс, особый порядок, досудебное соглашение о сотрудничестве, судебный контроль, пределы разбирательства.

L.G. Dzhebrailov

EXPANDING THE LIMITS OF JUDICIAL CONTROL OVER
THE OBSERVANCE OF THE SPECIAL PROCEDURE
OF COURT PROCEEDINGS IN CONCLUDING
A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Background: today, the issue of the necessary procedural compliance with pre-trial agreements has gained particular relevance. In light of the regular attempts of the legislator to reach a consensus with the law enforcer on the mechanism of lawful

execution of the terms of such agreements in practice, the mechanism of judicial control over compliance with cooperation agreements deserves increased attention, as well as promising ways to expand the limits of such control, especially at the stages of cassation and supervision. Objective — to identify legal, technical and procedural contradictions that make it difficult to exercise judicial control over compliance with the terms of pre-trial agreements, as well as to identify promising areas for expanding the limits of judicial control to improve the effectiveness of the mechanism for applying pre-trial agreements. Methodology: the analysis of legal categories was carried out using dialectical, empirical and systemic methods of cognition of reality. With the help of methods of analysis and synthesis, induction and deduction it was possible to identify practical errors on the topic of research. Results: the position on the need for consistent replenishment of legal regulation in the field of judicial control over the execution of pre-trial agreements has been reasoned in the article. Conclusions: the suggestion is made that the breach of the agreement should be treated as a newly discovered fact, which, in the author's view, would lead to some optimization of the proceedings in special proceedings.

Keywords: *criminal procedure, special procedure, pre-trial cooperation agreement, judicial control, limits of proceedings.*

В современном уголовном процессе институт досудебного соглашения о сотрудничестве обладает комплексной, многоаспектной правовой природой. Системный анализ положений гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ (далее — УПК РФ) позволяет утверждать, что досудебное соглашение — это весьма эффективный инструмент процессуального характера, с помощью которого можно достичь цели максимально полного и правомерного раскрытия обстоятельств не только совершенного преступного посягательства отдельным субъектом, но и соучастниками. Кроме того, институт досудебного соглашения определяет для обвиняемого целую структурированную систему стимулов, которые при разумном и взвешенном применении позволяют взаимовыгодно сотрудничать с правоохранительными органами.

В научном сообществе отмечается, что комплексный характер досудебных соглашений проявляется в совокупности процессуальных и уголовно-правовых последствий, наступление которых обусловлено его заключением и последующим практическим исполнением [1, с. 26]. Из буквального толкования гл. 40.1 УПК РФ следует, что к обвиняемому при условии добросовестного исполнения требований досудебного соглашения будет применен специальный правовой режим, который характеризуется назначением более мягкого наказания при соблюдении особого порядка разбирательства.

Как представляется, в рамках данной процессуальной процедуры уполномоченные органы нацелены на получение исчерпывающих сведений о конкретном преступном деянии в обмен на предоставление обвиняемому льготных условий при назначении наказания, несмотря на характер вины и причиненный вред. Учитывая данные аспекты, Л.В. Головкин весьма сдержанно отзываясь об институте досудебного соглашения, не признавая его прикладную эффективность и подчеркивая, что в уголовном процессе приоритетными являются интересы правосудия, а не способность законодателя угождать потребностям лиц, вино-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921; 2023. № 16, ст. 2753.

вных в совершении преступных деяний [2, с. 38]. Отметим, что отечественным законодателем особый порядок судопроизводства был введен еще в 2009 г.¹, однако в дополнение к нему не была разработана и внедрена необходимая система льгот, которая позволила бы противодействовать любым злоупотреблениям со стороны обвиняемых. Критическое прочтение ранее действующих норм свидетельствует о том, что обвиняемый, даже при условии нарушения положений досудебного соглашения, мог восстановить свой статус, особенно при решении вопросов назначения наказания. На наш взгляд, подобная ситуация указывает на существование проблем, которые длительное время присутствовали в области расторжения досудебных соглашений. Кроме того, ситуация с соблюдением условий досудебных соглашений усугублялась отсутствием необходимого упорядоченного контроля, о чем неоднократно упоминали в своих трудах российские праведы [3, с. 4–5].

В 2016 г. была предпринята весьма новаторская, но в то же время неоднозначная, на наш взгляд, попытка устранить существующие пробелы в области исполнения досудебных соглашений². Используя механизм судебного контроля, российский законодатель решил организовать и усовершенствовать процедурные аспекты противодействия злоупотреблениям со стороны обвиняемых. На современном этапе реализация судебного контроля за соблюдением досудебных соглашений в условиях применения институтов кассации и надзора вызывает немало вопросов, без решения которых уже в ближайшем будущем не обойтись.

В нормах ст. 401.15 и 412.9 УПК РФ законодателем сформулированы основания для отмены или изменения судебного акта при рассмотрении дела в порядке кассации или надзора. Среди данных оснований упомянуто выявление информации, которая подтверждает факт несоблюдения или невыполнения условий досудебного соглашения. Именно на данном основании в рамках настоящего исследования необходимо сосредоточиться подробнее. Стремясь к совершенствованию механизма исполнения досудебных соглашений, законодатель дополнил ст. 317.3 УПК РФ частью 2.1, в которой возложил на прокуроров обязанность по разъяснению обвиняемым всех правовых последствий, наступление которых неизбежно в случае предумышленного обмана следствия. Так, если после назначения наказания будут выявлены факты умышленного сокрытия информации, сообщения ложных сведений, иные значимые обстоятельства, связанные с неисполнением досудебного соглашения, вынесенный приговор на законных основаниях может быть пересмотрен. Руководствуясь непосредственным моментом обнаружения каких-либо злоупотреблений со стороны обвиняемого, производство по уголовному делу может быть возобновлено в порядке апелляции, кассации или надзора (в связи с этим соответствующие законодательные дополнения были внесены в ст. 385.15, 401.15 и 412.9 УПК РФ).

В определенной степени законодательные цели по совершенствованию инструментов за соблюдением досудебных соглашений подтверждаются право-

¹ См.: Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 26, ст. 3139.

² См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СЗ РФ. 2016. № 27, ст. 4255.

применительной практикой. Например, Верховный Суд РФ более десяти лет назад в Постановлении № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» обозначил прикладную значимость обеспечения судебно-следственной практики, в том числе в контексте применения и последующего исполнения досудебных соглашений в условиях реализации российского правосудия¹. В то же время Д. В. Стекольников обращает внимание на существование определенного процессуального дисбаланса, который возник при реализации оснований для отмены судебных решений в порядке кассации и надзора [4, с. 106]. В свете упомянутого, на наш взгляд, особого внимания заслуживают вопросы определения процессуального порядка, в рамках которого будут устанавливаться нарушения досудебного соглашения, а также неукоснительного соблюдения утвердившихся стандартов правосудия (речь идет о важных правовых принципах юридической определенности — *non bis in idem* и *res judicata*).

Системное толкование правовых позиций Конституционного Суда РФ² позволяет с уверенностью утверждать, что институты надзора и кассации предназначены прежде всего для исправления судебных ошибок, возникновение которых обусловлено деятельностью суда, в производстве которого находится дело. Иными словами, цель кассации и надзора — это исправление субъективных погрешностей процессуального характера. В связи с этим случаи невыявления судьями фактов нарушения досудебных соглашений, как представляется, не могут рассматриваться как судебные ошибки. Данное утверждение основывается на предписаниях гл. 40.1 УПК РФ, которая указывает на особый порядок судопроизводства и не требует проведения судебного следствия. На наш взгляд, именно по этой причине Пленум Верховного Суда РФ оперирует формулировкой «нарушения, допущенные судом при отправлении правосудия»³. Действительно, при рассмотрении того или иного дела судья может совершенно не знать о реальных нарушениях условий досудебного соглашения. Возникновение подобных ситуаций обусловлено юридико-технической спецификой гл. 40.1 УПК РФ, а также фактическим отсутствием каких-либо данных у стороны обвинения. Следовательно, своевременное невыявление нарушения соглашения о сотрудничестве нельзя приравнивать к судебной ошибке, в связи с чем на практике может возникнуть множество затруднений при рассмотрении подобных дел в порядке кассации и надзора.

А. А. Погорельский также обращает внимание на некоторые сложности, связанные с определением предмета проверки в порядке кассации и надзора [5, с. 151]. Предполагается, что для отмены приговора при нарушении условий досудебного соглашения необходимо выявить факты подобного нарушения. Однако на практике решение данной задачи уже порождает коллизию, которая

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (в ред. от 29 июня 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9; Российская газета. 2021. 16 июля.

² См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 430-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05022015-n-430-o-ob/> (дата обращения: 26.04.2023).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (в ред. от 29 июня 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9; Российская газета. 2021. 16 июля.

проистекает из самого содержания ст. 401.1 и 412.1 УПК РФ, в соответствии с которыми предмет судебного исследования в кассационном и надзорном производстве ограничен проверкой законности приговора. Следовательно, любые доказательства, подтверждающие возникновение иных новых обстоятельств по делу, в порядке надзора и кассации дополнительно не проверяются. Существующее коллизионное противоречие между нормами процессуального закона и сложившейся практикой позволяет утверждать, что нарушение условий соглашения о сотрудничестве не относится к правовым вопросам соблюдения порядка отправления правосудия или правильной квалификации совершенного деяния. Фактически обстоятельства о нарушении соглашения относятся к категории процессуальных вопросов, которые на законных основаниях нельзя включить в предмет исследования кассационных и надзорных судов, поскольку данные сведения ранее не получили своего изучения в судах других инстанций.

Учитывая сказанное, обратим внимание на проблему, связанную с определением правовой природы нарушения досудебного соглашения как основания для отмены приговора. Так, О. В. Качалова отмечает, что существование данной проблемы обусловлено необходимостью обеспечения и реализации процессуальных гарантий для подсудимого в контексте положений гл. 40.1 УПК РФ [6, с. 9]. По справедливому мнению В. Ю. Мельникова, пересмотр приговора как одно из правовых последствий нарушения досудебного соглашения является мерой публично-правовой ответственности осужденного [7, с. 19]. Следуя его рассуждениям, полагаем, что между умышленным нарушением соглашений о сотрудничестве и отрицательными последствиями в виде пересмотра приговора существует стойкая правовая связь, наличие которой подтверждает значимость установления явной судебной ошибки в процедурах надзора и кассации. Отметим, что Конституционный Суд РФ уже ранее высказывал правовую позицию о том, что публично-правовая ответственность может наступить только в случае, если зафиксировано правонарушение с полным составом¹. Несмотря на практическую ценность данной позиции, она не была учтена законодателем при реализации «новаторского» подхода в конструировании гл. 40.1 УПК РФ. Нормативное признание высказанной Конституционным Судом РФ правовой позиции позволило бы конкретизировать и внести надлежащую правовую определенность в статус обвиняемого, что особенно важно при рассмотрении дел в особом порядке.

В настоящее время существуют определенные сложности при установлении пределов защиты интересов государства. Например, не вполне понятно, можно ли признать нарушение условий досудебного соглашения малозначительным деянием? При буквальном толковании процессуального и уголовного законодательства однозначно утвердительный ответ на поставленный вопрос не прослеживается, однако, нам представляется, что подобного рода нарушение может признаваться малозначительным деянием при определенных обстоятельствах. На практике можно без особых сложностей представить ситуацию, при которой допущенное нарушение соглашения о сотрудничестве является весьма формальным по сравнению с той пользой, которую принесла предоставленная осужденным информация. Несмотря на это, в законодательном масштабе даже незначительное, условное нарушение соглашения о сотрудничестве может стать веским основанием

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 186-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6.

для пересмотра приговора, вынесенного в порядке гл. 40.1 УПК РФ. Безусловно, такой дисбаланс не только нарушает принцип *non bis in idem*, но и нивелирует все процессуальные гарантии правового статуса осужденного.

Н.Н. Гусева обращает внимание на еще одну серьезную процессуальную проблему, которая связана с определением объективной стороны нарушения соглашения о сотрудничестве [8, с. 37]. Сегодня не вполне очевидно, каким именно образом должно выражаться нарушение, поскольку его смысловые и нормативно-технические характеристики в УПК РФ не определены. На практике определением внешних проявлений нарушений досудебных соглашений традиционно занимается судебная инстанция, руководствуясь дискреционным усмотрением. Можно предположить, что законодатель именно подобного результата и добивался, отказавшись тем самым от определения внешних признаков нарушений досудебных соглашений. Однако с точки зрения конституционных гарантий по привлечению к ответственности с соблюдением законных требований такое законодательное решение видится весьма сомнительным. В связи с этим имеются все основания утверждать, что проблема определения объективной стороны с применением законодательных инструментов осталось непроработанной, что подтверждается буквальным толкованием отдельных норм УПК РФ (например, положения ч. 2.1 ст. 317.2 УПК РФ при системном прочтении оказываются гораздо шире, нежели положения ст. 401.15 и 412.9 УПК РФ).

Несмотря на достаточно значительное количество выявленных проблем и противоречий в вопросах судебного контроля за соблюдением досудебных соглашений, представляется, что их можно успешно разрешить. Автор статьи солидарен с мнением Д.В. Стекольниковца по поводу того, что такое основание для пересмотра приговора, как нарушение досудебного соглашения, является не только правомерным, но и достаточно перспективным по своей процессуальной природе, поскольку с его помощью можно действительно повысить практическую эффективность соглашений о сотрудничестве [4, с. 109]. Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что кассационная и надзорная инстанции в настоящее время не способны полноценно рассматривать дела, по которым прослеживается основание отмены приговора. По нашему мнению, целесообразно рассмотреть реальную возможность применения положений гл. 49 УПК РФ в отношении данного основания. Полагаем, что производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам на практике позволит разрешить спорные ситуации, когда судебные инстанции действовали правомерно, но вынесенное решение все же является несправедливым по причине своевременно необнаруженных нарушений досудебного соглашения.

Учитывая сказанное, позволим себе утверждать, что выявленный факт нарушения соглашения о сотрудничестве относится к категории вновь открывшихся обстоятельств (на момент вступления приговора в силу нарушение уже имело место, но суду по объективным причинам о нем не было известно, поскольку присутствовал факт умышленного обмана обвиняемым). Прикладная адаптация данного предложения будет требовать обязательного соблюдения существующих стандартов правовой определенности, в первую очередь, со стороны законодателя. Подчеркнем, что к настоящему времени перечень оснований для возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. В соответствии с этим необходимо ввести в действующее законодательство нормы об уголовной ответственности

за умышленный обман следствия при заключении досудебного соглашения. Подобная норма дополнительно позволит определить на законодательном уровне как объективные, так и субъективные аспекты данного нарушения.

Подводя итоги, подчеркнем, что пределы судебного контроля за соблюдением досудебных соглашений могут и должны быть в разумных рамках расширены. Осмысление возможности признания нарушений досудебного соглашения как вновь открывшегося обстоятельства поможет реализовать следующие цели:

а) соблюдение базовых принципов отправления правосудия в России и стандартов правовой определенности, что позволит устранить дисбаланс между интересами обвиняемых и государства;

б) оптимизация процессуального порядка производства по делам, где зафиксированы нарушения соглашений о сотрудничестве, а также определение концептуальных, гибких пределов судебного контроля, что позволит устранить накопившиеся практические и юридико-технические неточности.

Библиографический список

1. Овчинников Ю.Г. Реализация института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: pro et contra // Российский судья. 2022. № 5. С. 25–31.
2. Головки Л.В. Справедливость выше любых теоретических установок // Уголовный процесс. 2020. № 2. С. 32–41.
3. Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. 30 с.
4. Стекольников Д.В. Судебный контроль за соблюдением досудебного соглашения о сотрудничестве в экстраординарных стадиях уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 102–114.
5. Погорельский А.А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 150–160.
6. Качалова О.В. Гарантированного права на особый порядок нет ни у одного обвиняемого // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 9–15.
7. Мельников В.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Остались ли вопросы? // Российский судья. 2021. № 7. С. 18–22.
8. Гусева Н.Н. К вопросу о допустимости доказательств, полученных с применением процессуальных мер безопасности в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Адвокатская практика. 2022. № 6. С. 36–40.

References

1. Ovchinnikov Yu.G. Implementation of the Institution of a Special Procedure for the Adoption of Judicial Decisions with the Consent of the Accused to the Charges Against Him: pro et contra // Russian Judge. 2022. No. 5. P. 25–31.
2. Golovko L.V. Fairness Above any Theory // Criminal Process. 2020. No. 2. P. 32–41.
3. Tisen O.N. Theoretical and Practical Problems of the Institute of Pre-Trial Agreement on Cooperation in Russian Criminal Proceedings: extended abstract diss. ... Dr. of Law. Orenburg, 2017. 30 p.
4. Stekolnikov D.V. Judicial Control over Compliance with the Pre-Trial Agreement on Cooperation in the Extraordinary Stages of the Criminal Process // Actual Problems of Russian Law. 2022. No. 4. P. 102–114.
5. Pogorelsky A.A. Debatable Issues of Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement // Actual Problems of Russian Law. 2023. No. 1. P. 150–160.

6. *Kachalova O.V.* No One Accused Has a Guaranteed Right to a Special Order // Criminal Trial. 2020. No. 9. P. 9–15.

7. *Melnikov V.Yu.* Pretrial Cooperation Agreement. Are There any Questions Left? // Russian Judge. 2021. No. 7. P. 18–22.

8. *Guseva N.N.* On the Question of the Admissibility of Evidence Obtained with the Use of Procedural Security Measures Against a Person with Whom a Pre-Trial Cooperation Agreement Has Been Concluded // Lawyer Practice. 2022. No. 6. P. 36–40.

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-213-218
УДК 336.711

В.В. Попов, Е.Г. Тришина

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОМ РОССИИ СФЕР СТРАХОВАНИЯ И КРЕДИТОВАНИЯ

Введение: статья связана с исследованием вопросов правового регулирования сфер страхования и кредитования Банком России с позиции соблюдения баланса публичных и частных интересов. **Цель** — уяснить роль актов Банка России в правовой регламентации сфер страхования и кредитования наряду с законодательными актами. **Методологическая основа:** общенаучные методы (анализ) и специальные методы (сравнительно-правовой). **Результаты:** при проведении исследования выявлено, что акты Банка России играют важную роль в правовом регулировании сфер страхования и кредитования, тесно взаимосвязанных в части детализации отдельных вопросов. **Выводы:** наделение Банка России полномочиями по правовому регулированию сфер страхования и кредитования оптимально с позиции рассмотрения Центрального банка РФ в качестве финансового мегарегулятора, однако актуализация такого регулирования часто отстает от нужд потребителей финансовых услуг, чем пользуются профессиональные участники рынка финансовых услуг.

Ключевые слова: Банк России, сферы страхования и кредитования, правовое регулирование, публичные и частные интересы, баланс, проблемные аспекты.

V. V. Popov, E. G. Trishina

CERTAIN ISSUES OF LEGAL REGULATION OF INSURANCE AND LENDING SPHERES BY THE BANK OF RUSSIA

Background: the article is related to the study of issues of legal regulation of insurance and lending spheres by the Bank of Russia from the position of observing the balance of public and private interests. **Objective** — to understand the role of acts

© Попов Василий Валерьевич, 2024

Доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vrorov1970@rambler.ru

© Тришина Елена Геннадьевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: 06yana@bk.ru

© Popov Vasilyi Valerievich, 2024

Doctor of Law, Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department named after professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov state Academy of law)

© Trishina Elena Gennadievna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Civil procedure department (Saratov state Academy of law)

of the Bank of Russia in legal regulation of insurance and lending spheres along with legislative acts. Methodology: general scientific methods (analysis), and special methods (comparative and legal). Results: the study revealed that the acts of the Bank of Russia play an important role in the legal regulation of the spheres of insurance and lending, which are closely interrelated in terms of detailing certain issues. Conclusions: vesting the Bank of Russia with the authority to legally regulate the insurance and lending spheres is optimal from the standpoint of considering the Central Bank of the Russian Federation as a financial mega-regulator, but the actualization of such regulation often lags behind the needs of consumers of financial services, which is taken advantage of by professional participants of the financial services market.

Keywords: Bank of Russia, insurance and lending, legal regulation, public and private interests, balance sheet, problematic aspects.

На современном этапе развития Российское государство наибольшее значение придает вопросам правового регулирования финансовой деятельности. От лица государства его функции в рамках правовой регламентации указанной деятельности осуществляются различными федеральными органами государственной власти, к числу которых, исходя из буквального толкования ст. 1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹, относится и Банк России, который в силу ст. 4 настоящего Федерального закона также осуществляет регулирование и надзор за деятельностью кредитных организаций, регулирование, контроль и надзор за деятельностью некредитных финансовых организаций, включая страховые организации.

Отнесение сфер страхования и кредитования к полномочиям Центрального банка РФ отнюдь не случайно, поскольку они значимы и для государства с позиции отстаивания публичных финансовых интересов, и для населения страны и хозяйствующих субъектов с точки зрения защиты частных прав и интересов, что обусловило регулирование названных сфер нормами не только финансового права, но и гражданского права.

В данном случае функции ЦБ РФ в нахождении баланса таких интересов схожи с функциями Минфина России и ФНС России в сфере налогообложения [1, с. 207–212].

Обозначенные сферы страхования и кредитования тесно взаимосвязаны друг с другом через отношения профессиональных участников рынка финансовых услуг и потребителей таких услуг.

Как верно подчеркивается учеными в области банковского права, «правовые акты Банка России ... подтверждают на современном этапе свою роль как актуальных правовых средств финансово-правовой политики, реализации законодательно определенной компетенции Центрального банка Российской Федерации...» [2, с. 266].

В связи с указанным особый интерес представляет исследование вопросов участия Банка России в правовом регулировании сфер страхования и кредитования с позиции реализации публично-правовых и частноправовых начал, а также выделение проблематики такого правового регулирования, обусловленной спецификой взаимоотношений профессиональных участников рынка финансовых услуг и потребителей данных услуг, которая до сих пор полностью

не устранена ЦБ РФ в рамках реализации полномочий по правовой регламентации таких отношений.

Сфера страхования достаточно обширна, поэтому для уяснения роли Центрального банка РФ в ее правовом регулировании целесообразно остановиться на сегменте обязательного страхования, а точнее обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, поскольку в капитале части страховщиков участвует и Российская Федерация (ООО «СК «Сбербанк Страхование»», ПАО «СК «Росгосстрах» и др.). Таким образом, страховыми организациями также реализуются публично-правовые интересы.

Для названного сегмента важную роль играет Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»¹ (далее — Закон об ОСАГО), согласно ст. 1 которого законодательство об ОСАГО представлено не только названным и иными федеральными законами, Гражданским кодексом РФ, но и нормативно-правовыми актами Банка России.

Федеральный законодатель в силу значимости правовых актов Банка России отнес их в Законе об ОСАГО к законодательным актам, что, безусловно, противоречит теории права, однако подчеркивает отношение законодателя к обозначенным актам Центрального банка РФ, поскольку на уровне названного Закона нельзя урегулировать в правовом плане все аспекты в области обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, принимая во внимание изменяющуюся экономическую действительность, но возможно и даже целесообразно на уровне ЦБ РФ в соответствии с возложенными на него функциями финансового мегарегулятора.

Так, до сентября 2021 г. определение расходов, подлежащих выплате страховщиками, на восстановительный ремонт автомобилей, поврежденных в результате ДТП, при обращении к ним потерпевших в ДТП, застраховавших свою ответственность по договорам ОСАГО у таких страховых организаций, устанавливалось положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства»². В последующем, исходя из практики реализации данного Положения, изменения ценообразования затрат на ремонт, Центральным банком РФ было принято новое положение от 4 марта 2021 г. № 755-П³, что обеспечило актуализацию размера расходов на ремонт применительно к существующим ценам.

Однако усиление инфляционных процессов, с которыми ЦБ РФ пытается бороться путем постоянного повышения ставки рефинансирования, не позволяет актуализировать размер затрат на восстановительный ремонт настолько, насколько этого требует экономическая действительность и потребности потребителей финансовых услуг в связи с реальным ростом цен на детали и ремонтные работы.

К числу нормативных актов Банка России, имеющих ключевое значение в сфере ОСАГО, следует отнести и положения Центрального банка РФ от 19 сентября 2014 г. № 431-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответствен-

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 18, ст. 1720; 2022. № 29, ч. 3, ст. 5294.

² См.: Вестник Банка России. 2014. № 93. Документ утратил силу.

³ См.: Там же. 2021. № 46–47; 2022. № 44.

ности владельцев транспортных средств»¹, от 21 апреля 2015 г. № 466-П «О порядке осуществления надзора за соблюдением профессиональным объединением страховщиков требований законодательства в области технического осмотра транспортных средств»², что, несомненно, показывает широту правового регулирования сферы ОСАГО со стороны ЦБ РФ.

В области кредитования наряду с Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»³ значимую роль играет Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»⁴, п. 2.4 ст. 7 и п. 12 ст. 11 которого были введены в действие Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 483-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона “О потребительском кредите (займе)” и статью 9.1 Федерального закона “Об ипотеке (залоге недвижимости)”»⁵ и стали действовать с 1 сентября 2020 г.

В силу указанных законодательных положений договор страхования, заключаемый заемщиком одновременно с кредитным договором, стал определяться как заключенный в целях обеспечения исполнения обязательств заемщика по кредитному договору и заемщик получал право на частичный возврат страховой премии или как самостоятельный договор, заключенный между потребителем как страхователем и страховщиком на предмет наступления страхового случая.

Банк России также не остался в стороне от уточнения правовых нюансов одновременного заключения договора страхования и кредитного договора одним и тем же потребителем, издав информационные письма от 13 июля 2021 г. № ИН-06-59/50 «О возврате части уплаченной страховой премии по отдельным страховым рискам при досрочном исполнении заемщиком обязательств по договору потребительского кредита (займа)»⁶, от 11 октября 2022 г. № ИН-010-59/124 «Об обеспечении прав заемщика на выбор страховщика при добровольном страховании в целях обеспечения обязательств по договору потребительского кредита (займа)»⁷.

Страховщики оперативно реагируют на издаваемые Банком России акты, стараясь снизить свои издержки на страхование потребителей финансовых услуг.

Так, отдельные страховые организации в настоящее время при страховании жизни и здоровья заемщиков, в том числе на случай возможного досрочного погашения последними кредита и отказа от договора страхования с целью возврата части страховой премии, заключают с заемщиками не один, а два договора страхования с различными суммами страховой премии, указывая в правилах страхования на право страхователя получить страховую премию в полном объеме при обращении к страховщику в так называемый период охлаждения для отказа от обоих договоров страхования, но в то же время закрепляет право на возврат страховой премии за пределами такого периода, предусматривая это право страхователя лишь в одном из полисов страхования с наименьшей суммой страховой премии, по своим условиям обеспечивающим исполнение обязательств заемщика по кредитному договору. Тем самым страховщики формально

¹ См.: Вестник Банка России. 2014. № 93; 2023. № 52.

² См.: Там же. 2015. № 51.

³ См.: СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492; 2022. № 43, ст. 7271.

⁴ См.: Там же. 2013. № 51, ст. 6673; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5785.

⁵ См.: Там же. 2019. № 52, ч. 1, ст. 7801.

⁶ См.: Вестник Банка России. 2021. № 49.

⁷ См.: Там же. 2022. № 48.

соблюдают нововведения Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 483-ФЗ относительно критерия заключения договора страхования в целях обеспечения исполнения обязательств заемщика по кредитному договору и не подпадают под основания взаимосвязанности договора страхования и кредитного договора, предусмотренные Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, включая предложение разных условий кредитного договора при заключении договора страхования в части срока возврата кредита, его полной стоимости, процентной ставки и др., однако страхователь при этом лишается возможности частичного возврата страховой премии по тому договору страхования, по которому она оплачена в большем размере.

Думается, что ЦБ РФ для защиты прав заемщиков учтет такие правовые ухищрения страховых организаций и примет соответствующие правовые меры для поддержки интересов потребителей финансовых услуг, которые, как правило, заключая одновременно кредитные договоры в силу сложившихся жизненных обстоятельств и договоры страхования, не обладают достаточной финансовой грамотностью и целиком полагаются на добросовестность профессиональных участников рынков кредитования и страхования.

В последнее время также участились случаи, когда при приобретении автотранспортных средств потребителям приходится прибегать к заключению кредитных договоров с банками и договоров о выдаче независимой гарантии (ст. 368 Гражданского кодекса РФ¹) с третьими лицами (юридическими лицами), согласно которым третье лицо выступает гарантом, банк — выгодоприобретателем, заемщик — принципалом, оплачивающим стоимость предоставления независимой гарантии в счет кредитных средств. В данной ситуации гарант обязуется предоставить независимую гарантию в обеспечение исполнения обязательств заемщика по кредитному договору при наступлении закрепленных в договоре о гарантии случаях. Обязательным положением в таком договоре является пункт об исполнении договора со стороны гаранта с момента направления им кредитору независимой гарантии, в том числе путем отправления по электронной почте скан-копии заявления заемщика о предоставлении независимой гарантии. Часто заемщик при расторжении договора о гарантии просит вернуть уплаченные за независимую гарантию денежные средства, но получает отказ со ссылкой на предоставление услуги о независимой гарантии, несмотря на то, что независимая гарантия обеспечивает исполнение обязательств заемщика лишь в малой части взятого кредита.

Кроме того, в силу положений о независимой гарантии, определенных Гражданским кодексом РФ, направление копии заявления заемщика о предоставлении независимой гарантии в банк является лишь подтверждением взятия гарантом обязательств по договору о независимой гарантии и определяет начало действия самой независимой гарантии, притом что срок действия этой гарантии, как правило, составляет не менее срока действия кредитного договора. Нередко положения договора о независимой гарантии при их внимательном изучении фактически представляют собой скрытую форму договора страхования, указывая на случаи наступления оснований предоставления независимой гарантии.

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5777.

При обращении потребителей в суд с исками об обжаловании отказа гаранта в возврате уплаченной суммы за выдачу гарантии в большинстве случаев суды идут навстречу, тем более что Верховный Суд РФ уже неоднократно высказывался по этому поводу в своих определениях, защищая права потребителей. Между тем обращение внимания Банка России на эту проблему в рамках правового регулирования сфер страхования и кредитования позволит в корне изменить сложившуюся ситуацию и не допускать подобных явлений злоупотребления правом со стороны недобросовестных участников рынка финансовых услуг.

Резюмируем, что деятельность Банка России по правовой регламентации сферы финансовых услуг значима с позиции не только соблюдения баланса публичных и частных интересов, но и исключения правовых пробелов в федеральном законодательстве, что позволяет его оперативно совершенствовать и оптимизировать под существующие экономические реалии.

Библиографический список

1. Попов В.В., Тришина Е.Г. О разъяснениях Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной налоговой службы по вопросу уплаты налога иными лицами в бюджет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1(132). С. 207–212.
2. Пастушенко Е.Н., Неверова Н.В., Земцова Л.Н. Роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации в обеспечении стабильности финансового рынка на современном этапе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2(145). С. 262–267.

References

1. *Popov V.V., Trishina E.G.* On Clarifications of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Federal Tax Service Regarding the Payment of Tax by Other Persons to the Budget // *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2020. No. 1(132). P. 207–212.
2. *Pastushenko E.N., Neverova N.V., Zemtsova L.N.* The Role of Legal Acts of the Central Bank of the Russian Federation in Ensuring the Stability of the Financial Market at the Present Stage // *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2022. No. 2(145). P. 262–267.

М.Н. Агафонов

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ ЦЕНТРАЛЬНЫМ БАНКОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с работой по повышению финансовой грамотности как отдельным направлением деятельности мегарегулятора, направленной на развитие российского финансового рынка и обеспечение его устойчивости. **Цель** — обозначить причины возрастающего внимания Банка России к вопросу финансовой грамотности, проанализировать работу мегарегулятора по данному направлению, охарактеризовать отражение данной проблематики на уровне нормативных правовых актов. **Методологическая основа:** общенаучный метод анализа, частнонаучные методы формально-юридического анализа и толкования. **Результаты:** рассмотрена деятельность Банка России, ориентированная на потребителя финансовых услуг, показана роль работы по повышению финансовой грамотности для целей достижения устойчивости финансового рынка, отмечены особенности правового регулирования в рассматриваемой области. **Выводы:** автор приходит к заключению об организации мегарегулятором системной работы по повышению финансовой грамотности населения как на федеральном, так и на региональном уровнях, во взаимосвязи с деятельностью по защите прав потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: Банк России, защита прав потребителей финансовых услуг, финансовая грамотность, поведенческий надзор, развитие финансового рынка.

M.N. Agafonov

FINANCIAL LITERACY IN THE ASPECT OF CONSUMER PROTECTION FINANCIAL SERVICES BY THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: issues related to the work on improving financial literacy as a separate area of the mega-regulator's activities aimed at developing the Russian financial market and ensuring its sustainability are discussed in the article. **Objective** — outline the reasons for the increasing attention of the Bank of Russia to the issue of financial literacy, analyze the work of the mega-regulator in this area, and characterize the reflection of this issue at the level of regulatory legal acts. **Methodology:** general scientific method of analysis, private scientific methods of formal legal analysis and interpretation. **Results:** Bank of Russia's consumer-oriented activity in financial services is considered, the role of work to improve financial literacy for the purposes of achieving sustainability of the financial market is shown, the peculiarities of legal regulation in this area are noted. **Conclusions:**

the author concludes that the mega-regulator should organize systematic work to improve financial literacy of the population both at the federal and regional levels, in conjunction with activities to protect the rights of consumers of financial services.

Keywords: *Bank of Russia, protection of financial services consumers' rights, financial literacy, behavioral supervision, financial market development.*

Современное развитие финансового рынка происходит на фоне интенсивных социальных, экономических, технологических и иных изменений в различных сферах жизни общества. Исходя из результатов международных исследований финансовой грамотности населения, Г.В. Семеко отмечает, что «уровень финансовой грамотности населения во многих развитых и развивающихся странах не соответствует динамично меняющемуся финансовому рынку» [1, с. 71]. Обладание соответствующими знаниями имеет особую важность для потребителей финансовых услуг в условиях финансового кризиса.

А.Е. Судакова предлагает использовать следующее определение финансовой грамотности — «это совокупность таких элементов, как осведомленность, знания, навыки, установки (жизненные ориентиры) и поведение, позволяющая принимать обоснованные финансовые решения для достижения личного финансового благополучия» [2, с. 1564]. Как показано А.С. Алимбековой, финансовая грамотность лежит в основе реализации прав участников финансовых правоотношений [3, с. 10].

Вместе с тем финансовая грамотность является существенным фактором не только для экономического благосостояния отдельно взятого человека, но и отражается на экономическом развитии страны в целом. Определению влияния финансовой грамотности на составляющие финансовой системы посвящен целый ряд зарубежных научных работ, проанализированных, например, в статье А.Е. Судаковой [2, с. 1567]. Отечественные авторы также отмечают, что низкая финансовая грамотность населения способна препятствовать развитию розничного финансового сегмента, а последствиями совокупности действий клиентов, не обладающих нужным уровнем подготовки, могут стать подрыв стабильности финансового сектора, компрометация рыночных сделок и механизмов конкуренции, а также увеличение количества финансовых пирамид и мошенничеств [1, с. 71]. Н.Е. Бровкина и И.А. Ризванова в качестве примера описывают ситуацию, в которой действия неквалифицированных инвесторов привели к массовым финансовым потерям [4, с. 61], в то же время увеличение количества частных инвесторов на рынке с однотипным поведением может усиливать колебания рынка в результате роста объема однотипных операций¹. Все это обуславливает важную роль финансовой грамотности в обеспечении устойчивости финансового рынка и, как следствие, возрастающее внимание к данному вопросу со стороны мегарегулятора.

Среди важнейших направлений своей деятельности Банк России выделяет обеспечение действенной защиты прав потребителей финансовых услуг в виде комплексной системы, включающей не только адресную помощь при нарушении

¹ См.: Обеспечение финансовой стабильности // Сайт — мультимедийный спецпроект Института медиа и Базовой кафедры Банка России Высшей школы экономики «Центральные банки и другие финансовые регуляторы: как они работают». URL: <https://whatiscentralbank.hse.ru/2> (дата обращения: 23.04.2023).

прав потребителя, но и внесение изменений в механизм регулирования при выявлении системных нарушений¹. Одновременно значимым фактором выступает развитие самого потребителя как конечного бенефициара. Потребность в таком развитии была актуализирована в момент анонсирования старта построения системы поведенческого надзора² Банком России в 2017 г., а в дальнейшем подтвердилась полученными результатами³.

Передача функций по работе с жалобами потребителей отдельному подразделению⁴ позволила получить большой объем информации о проблемах, с которыми граждане и организации сталкиваются на финансовом рынке. Соответствующая статистика ежеквартально размещается на официальном сайте Банка России⁵. Результаты реактивного поведенческого надзора, осуществляемого при рассмотрении жалоб, находят отражение в ежегодно публикуемых мегарегулятором годовых отчетах. С учетом количества и тематики поступающих жалоб формируется поведенческий риск-профиль организации и принимается решение о необходимости применения мер в рамках превентивного поведенческого надзора⁶. Предполагаемый результат — повышение удовлетворенности потребителя предоставляемыми услугами и его доверия к финансовому рынку за счет устранения разрыва между ожиданиями и реальностью соответственно⁷. Однако даже если организации стремятся предложить потребителю продукт, который он мог бы правильно понять и использовать, по-настоящему эффективным и выгодным для обеих сторон данный процесс может стать только при активном участии самого потребителя, а это требует от него определенных знаний и навыков. Так, в деятельности мегарегулятора, ориентированной на потребителя финансовых услуг, значимое место заняло повышение финансовой грамотности населения.

Необходимо отметить, что работа мегарегулятора по повышению финансовой грамотности уже стала предметом исследования в научной среде. Саратовской школой финансового права им. Н. И. Химичевой была проведена конференция, посвященная теории и практике финансового просвещения, в рамках которой был раскрыт ряд соответствующих вопросов [5]. В частности, Н. В. Неверова отмечала, что отдельные шаги в направлении повышения финансовой грамотности населения предпринимались Банком России на протяжении длительного времени [6, с. 160].

¹ См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/44188/onrfr_2016-18.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

² См.: Там же.

³ См.: Поведенческий надзор глазами потребителя. Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг // Официальный сайт Фонда «Российский микрофинансовый центр». URL: [https://files.rmcenter.ru/year/2019/12/presentation/Povedencheskiynadzorglazamipotrebiteleya_NAUMIR_28.11.19\(2\).pdf](https://files.rmcenter.ru/year/2019/12/presentation/Povedencheskiynadzorglazamipotrebiteleya_NAUMIR_28.11.19(2).pdf) (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Банка России.

⁵ См.: Статистические данные Банка России по работе с обращениями // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/protection_rights/statistic/ (дата обращения: 23.04.2023).

⁶ См.: Мы составляем температурную карту по стране, которая позволяет нам концентрироваться на болевых точках // Там же. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=5090> (дата обращения: 23.04.2023).

⁷ См.: Поведенческий надзор: почему сейчас. Интервью руководителя Службы по защите прав потребителей финансовых услуг и миноритарных акционеров Банка России М. В. Мамуты вице-президенту Ассоциации российских банков Э. О. Мехтыву // Портал финансовой информации Finversia.ru (Финверсия.ру). URL: <https://www.finversia.ru/publication/banks/povedencheskii-nadzor-pochemu-seichas-19662> (дата обращения: 23.04.2023).

Проблемы, обусловленные необходимостью охраны и защиты прав потребителей финансовых услуг, взаимосвязью качества таких услуг и доверием к государству, с позиций доктрины права неоднократно предлагались к решению С.В. Рыбаковой [7, с. 143; 8, с. 25; 9, с. 251].

С момента наделения Банка России полномочиями мегарегулятора можно говорить о начале системной работы по разным сегментам рынка и закреплении соответствующих задач на уровне актов Банка России. Так, в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов низкий уровень финансовой грамотности был назван «серьезной проблемой, препятствующей как развитию российского финансового рынка, так и удовлетворенности населения финансовыми продуктами и услугами»¹, а повышение этого уровня было отнесено к числу важных долгосрочных задач. Наряду с необходимостью формирования прочной теоретической базы общих знаний в перечисленных в данном источнике областях подчеркивается важность получения потребителем практических навыков использования инструментов финансового рынка². С этой целью предусматривалась реализация следующих проектов в рамках массового подхода.

1. Образовательный проект. В период до 2018 г. предусматривалось внедрение в образовательный процесс элементов обучения финансовой грамотности — от занятий по финансовой грамотности в общеобразовательных учреждениях в рамках общественно-научного до введения новых специализаций и создания профильных кафедр в вузах.

2. Создание специализированного ресурса в сети Интернет. Лучшие международные практики свидетельствуют об эффективности отдельного общедоступного источника, содержащего информацию по разным вопросам в финансовой сфере в форме, доступной для широкого круга лиц и различных целевых групп. Одной из возможностей такого ресурса Банк России предполагал адресное доведение до различных групп потребителей информации о типах финансовых продуктов, актуальных для данной группы с учетом ее индивидуальных характеристик и ожиданий.

3. Освоение социальных сетей как канала доведения необходимой информации до потребителя.

4. Индивидуальное взаимодействие с потребителем. Помимо предоставления потребителю доступа к информации отмечалась необходимость повышения роли интерактивного взаимодействия с гражданами посредством контактного центра и общественной приемной Банка России.

Работа по реализации указанных проектов вошла в число основных направлений деятельности специально созданного в структуре Банка России подразделения, которое с 2017 г. приобрело свое текущее название — Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг.

В Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов подводятся промежуточные итоги деятельности,

¹См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/44188/onrfr_2016-18.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

²См.: Там же.

направленной на повышение уровня финансовой грамотности¹. В Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов повышение финансовой грамотности рассматривается в контексте развития финансового рынка как фактор укрепления доверия к нему потребителя и инвестора в условиях цифровизации финансовых и экономических отношений², что получает дальнейшее развитие в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов, где отмечается, что в текущих условиях «необходима дополнительная настройка механизмов защиты прав розничных инвесторов и потребителей финансовых продуктов и услуг, особенно с учетом применения искусственного интеллекта и роботизации отношений потребителя и финансовой индустрии (M2M finance), а также повышение инвестиционной, цифровой и киберграмотности»³.

Важно подчеркнуть, что Банк России является не единственным участником данной работы, требующей масштабности и системности на общегосударственном уровне. Правительством Российской Федерации был утвержден отдельный программный документ — Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы⁴ (далее — Стратегия), «обобщившая шестилетний опыт работы в рамках Проекта Минфина России по повышению уровня финансовой грамотности и качества финансового образования в России» [10, с. 41]. В частности, в ней поднимаются вопросы правового регулирования рассматриваемого процесса и разграничения сфер ответственности между участниками. С этой целью в Стратегии уделено внимание взаимодействию как на межведомственном, региональном и муниципальном уровнях, так и на уровне международного сотрудничества, а также привлечению институтов гражданского общества и частных организаций. Положения данной Стратегии получили свое развитие в новой Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года⁵. Свой вклад в поддержку и развитие общественных инициатив и волонтерского движения вносит Ассоциация развития финансовой грамотности⁶, созданная в 2019 г. при поддержке Банка России.

В реализации любого процесса неотъемлемым элементом выступает контроль и оценка эффективности. В случае с вопросом повышения финансовой грамотности измеримым параметром может быть уровень информированности целевых аудиторий до и после проведения запланированных мероприятий. В большинстве

¹ См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/71220/main_directions.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

² См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов // Там же. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

³ См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024–2025 годов // Там же. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» // СЗ РФ. 2017. № 40, ст. 5894.

⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 24 октября 2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 45, ст. 8091.

⁶ См.: Об ассоциации // Официальный сайт Ассоциации развития финансовой грамотности. URL: <https://fincubator.ru/company/> (дата обращения: 11.06.2023).

исследований используются показатели, предлагаемые Организацией экономического сотрудничества и развития (англ. *Organisation for Economic Co-operation and Development*, ОЭСР, далее — ОЭСР)¹, основным из которых является индикатор финансовой грамотности (далее — ИФГ), складывающийся из показателя финансовых знаний, показателя финансового поведения и показателя финансовых установок. По итогам исследования ОЭСР в 2016 г. в 26 странах, Россия заняла 23-е место². В 2019 г. ИФГ в России в среднем вырос на 2 %. Первые три места по качеству финансовых знаний заняли Кировская область, Республика Коми, Калининградская область [11, с. 104]. Кроме того, о постепенном повышении уровня финансовой грамотности жителей России свидетельствуют соответствующие его измерения, проводимые Институтом фонда «Общественное мнение»³ по заказу Банка России. Вместе с тем, как отмечают некоторые ученые, «в статистической отчетности Росстата деятельность по финансовому просвещению не отражается, что также не способствует созданию эффективно функционирующей национальной системы финансового просвещения» [12, с. 588–589].

Отдельно следует осветить региональный уровень работы по повышению финансовой грамотности, который характеризуется созданием специальных органов. Так, деятельность на территории Саратовской области была проанализирована в работе Е.Н. Пастушенко, Е.А. Малыхиной и Л.Н. Земцовой. В данном регионе был создан Координационный совет по повышению финансовой грамотности⁴. В соответствии с Положением о Координационном совете при нем был образован Экспертный совет по финансовой грамотности. Организационно-техническое обеспечение его деятельности осуществляется территориальным учреждением Банка России [13, с. 231–232]. В целях реализации мероприятий Стратегии, Подпрограммы 6 «Развитие финансовой грамотности населения области» государственной программы Саратовской области «Развитие образования в Саратовской области» был создан Региональный центр финансовой грамотности при ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования»⁵.

Таким образом, можно говорить об организации системной работы по повышению финансовой грамотности населения как важном направлении в деятельности Банка России, реализуемом как на федеральном, так и на региональном уровнях. Эта работа наряду с деятельностью по защите прав потребителей финансовых услуг является значимой составляющей работы мегарегулятора, ориентированной на потребителя.

¹ См.: Уровни финансовой грамотности в СНГ в 2021 году // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <https://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/Financial-literacy-levels-in-the-commonwealth-of-independent-states-in-2021-RU.pdf> (дата обращения: 23.04.2023).

² См.: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/71220/main_directions.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

³ См.: Измерение уровня финансовой грамотности: третий этап // Там же. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/fin_ed_intro/ (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 22 декабря 2020 г. № 1015-П «О создании Координационного совета по повышению финансовой грамотности в Саратовской области» (с изм. на 27.07.2022) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/467728317> (дата обращения: 23.04.2023).

⁵ См.: Региональный центр финансовой грамотности // Официальный сайт ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования». URL: <https://soiro64.ru/regionalnyj-centr-finansovoj-gramotnosti/> (дата обращения: 12.06.2023).

Библиографический список

1. *Семеко Г.В.* Финансовая грамотность в России: проблемы и пути их решения // Экономические и социальные проблемы России. 2019. № 1. С. 70–98.
2. *Судакова А.Е.* Финансовая грамотность: теоретическое осмысление и практическое исследование // Финансы и кредит. 2017. Т. 23, № 26(746). С. 1563–1582.
3. *Алимбекова А.С.* Финансовая грамотность как основа реализации прав участников финансовых правоотношений // Повышение финансовой грамотности и финансовой культуры: современные правовые аспекты: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. в рамках II Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой / под ред. Е.В. Покачаловой. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2020. С. 9–12.
4. *Бровкина Н.Е., Ризванова И.А.* Финансовая грамотность: проблемы и пути решения // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15(3). С. 59–68.
5. Повышение финансовой грамотности и финансовой культуры: современные правовые аспекты: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. в рамках II Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой / под ред. Е.В. Покачаловой. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2020. 300 с.
6. *Неверова Н.В.* Повышение финансовой грамотности населения как направление деятельности Банка России // Повышение финансовой грамотности и финансовой культуры: современные правовые аспекты: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. в рамках II Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой / под ред. Е.В. Покачаловой. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2020. С. 159–164.
7. *Рыбакова С.В.* Повышение доверия к отечественной банковской системе как одно из направлений финансово-правовой политики Российского государства // Правовая политика Российской Федерации в условиях современного социально-экономического развития: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. (12–13 октября 2007 г.). Ростов на/Д.: Изд-во Рост. гос. экон. ун-та, 2007. С. 141–143.
8. *Рыбакова С.В.* Проблемы незащищенности потребителей банковских услуг // Банковское право. 2009. № 5. С. 24–27.
9. *Рыбакова С.В.* О принципах клиентоориентированности и доступности банковских услуг при кредитовании // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3(104). С. 248–252.
10. *Гусельщикова Н.Б., Акоюн Е.А.* Национальная стратегия повышения финансовой грамотности населения в Российской Федерации // Вестник экспертного совета. 2017. № 4(11). С. 41–47.
11. *Белокрылова О.С., Кузнецова В.П., Вардомацкая Л.П.* Финансовая грамотность в мире цифровой экономики (региональный аспект) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 102–107.
12. *Петросян Д.С., Лочан С.А., Столярова А.Н., Машин Д.В.* Денежный фетишизм как угроза национальной безопасности в эпоху массового потребления // Индустриальная экономика. 2022. № 3. С. 582–589.
13. *Пастушенко Е.Н., Малыхина Е.А., Земцова Л.Н.* Повышение финансовой грамотности как функция Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5(142). С. 227–233.

References

1. *Semeko G.V.* Financial Literacy in Russia: Problems and Ways to Solve Them // Economic and Social Problems of Russia. 2019. No. 1. P. 70–98.
2. *Sudakova A.E.* Financial Literacy: Theoretical Understanding and Practical Research // Finance and Credit. 2017. Vol. 23, No. 26(746). P. 1563–1582.
3. *Alimbekova A.S.* Financial literacy as the Basis for the Realization of the Rights of Participants in Financial Legal Relations // Improving Financial Literacy and Financial Culture: Modern Legal Aspects: collection of scientific work. / International scientific

and practical conference within the framework of the II Saratov Financial and Legal Readings of the N.I. Khimicheva Scientific School; ed. by E.V. Pokachalova. Saratov: Publishing House of Saratov State Law Academy, 2020. P. 9–12.

4. *Brovkina N.E., Rizvanova I.A.* Financial Literacy: Problems and Solutions // Economy. Taxes. Law. 2022. No. 15(3). P. 59–68.

5. Improving Financial Literacy and Financial Culture: Modern Legal Aspects: collection of scientific work. International scientific and practical conference within the framework of the II Saratov Financial and Legal Readings of the N.I. Khimicheva Scientific School; ed. by E.V. Pokachalova. Saratov: Publishing House of Saratov State Law Academy, 2020. 300 p.

6. *Neverova N.V.* Improving Financial Literacy of the Population as a Field of Activity of the Bank of Russia // Improving Financial Literacy and Financial Culture: Modern Legal Aspects: collection of scientific work. / International scientific and practical conference within the framework of the II Saratov Financial and Legal Readings of the N.I. Khimicheva Scientific School; ed. by E.V. Pokachalova. Saratov: Publishing House of Saratov State Law Academy, 2020. P. 159–164.

7. *Rybakova S.V.* Increasing Confidence in the Domestic Banking System as One of the Directions of the Financial and Legal Policy of the Russian State // The Legal Policy of the Russian Federation in the Context of Modern Socio-Economic Development. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (October 12–13, 2007). Rostov-on-D.: Publishing House of the Rostov State Econom. Univer. 2007. P. 141–143.

8. *Rybakova S.V.* Problems of Insecurity of Consumers of Banking Services // Banking Law. 2009. No. 5. P. 24–27.

9. *Rybakova S.V.* On the Principles of Customer Orientation and Accessibility of Banking Services in Lending // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2015. No. 3(104). P. 248–252.

10. *Guselshchikova N.B., Akopyan E.A.* National Strategy for Improving Financial Literacy of the Population in the Russian Federation // Bulletin of the Expert Council. 2017. No. 4 (11). P. 41–47.

11. *Belokrylova O.S., Kuznetsova V.P., Vardomatskaya L.P.* Financial Literacy in the World of Digital Economy (Regional Aspect) // State and Municipal Management. Scientific notes. 2021. No. 1. P. 102–107.

12. *Petrosyan D.S., Lochan S.A., Stolyarova A.N., Mashin D.V.* Monetary Fetishism as a Threat to National Security in the Era of Mass Consumption // Industrial economics. 2022. No. 3. P. 582–589.

13. *Pastushenko E.N., Malykhina E.A., Zemtsova L.N.* Improving Financial Literacy as a Function of the Central Bank of the Russian Federation in the Digital Economy // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2021. No. 5(142). P. 227–233.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2024-1-227-234
УДК 341

Г.М. Лановая

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ, АКТУАЛЬНЫХ ДЛЯ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Введение: сравнительно-правовой метод применим в исследовании проблем международного публичного права. Вместе с тем ученые, оговаривающие его использование, иногда в реальности к нему не прибегают. **Цель** — выяснить, насколько в современных условиях значимо применение сравнительно-правового метода для решения проблем, актуальных для науки международного публичного права. **Методологическая основа:** для достижения поставленной цели использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение, сравнение и др.), а также частнонаучные методы (формально-юридический, логико-методологический анализ юридических текстов и др.). **Результаты:** установлено, что применение сравнительно-правового метода играет важную роль в решении проблем, актуальных для науки международного публичного права, при условии, что его возможности используются грамотно. **Выводы:** значимость сравнительно-правового метода в современных исследованиях увеличивается по мере того, как международное публичное право трансформируется из системы принципов и норм, базирующихся на установках западной культуры, в право, опирающееся на реально достигнутый субъектами международных отношений в условиях мультикультурализма консенсус. Теоретическая и практическая значимость результатов применения рассматриваемого метода в науке международного публичного права в большой степени зависит от того, становятся объектом сопоставления с целью установления сходства и различий нормы и институты действующего законодательства либо другие институты, явления и процессы, характерные для разных национальных правовых систем и правовых семей.

Ключевые слова: сравнительно-правовой метод, сравнение, международное публичное право, трансформация международного права, принципы и нормы международного права.

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 1 (156) • 2024

© Лановая Галина Михайловна, 2024
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя); e-mail: lanovaya-galina@mail.ru
© Lanovaya Galina Mikhailovna, 2024
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law (V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

G.M. Lanovaya

USE COMPARATIVE-LEGAL METHOD IN THE STUDY
OF PROBLEMS RELEVANT TO THE SCIENCE OF PUBLIC
INTERNATIONAL LAW

Background: the comparative legal method is applicable in the study of problems of public international law. At the same time, scholars who stipulate its use, sometimes in reality do not resort to it. **Objective** — to find out how significant is the application of the comparative legal method for solving problems relevant for the science of public international law in modern conditions. **Methodology:** in order to achieve the objective general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, comparison, etc.), as well as private scientific methods (formal legal, logical and methodological analysis of legal texts, etc.) were used. **Results:** it is established that the use of comparative legal method plays an important role in solving problems relevant to the science of public international law, provided that its possibilities are used competently. **Conclusions:** the significance of the comparative legal method in modern research increases as public international law is transformed from a system of principles and norms based on Western cultural attitudes to the law based on the consensus actually achieved by the subjects of international relations in the conditions of multiculturalism. The theoretical and practical significance of the results of the application of the method under consideration in the science of public international law depends to a great extent on whether the object of comparison for the purpose of establishing similarities and differences are only norms and institutions of the current legislation or, along with them, other institutions, phenomena and processes characteristic of different national legal systems and legal families.

Keywords: comparative legal method, comparison, public international law, transformation of international law, principles and norms of international law.

Сравнительно-правовой метод широко применяется в исследовании проблем международного права. На данный факт указывает уже то обстоятельство, что названный метод довольно часто упоминается в описании методологической основы диссертаций, выполненных по специальности 5.1.5. Международно-правовые науки (ранее — по специальности 12.00.10. Международное право; Европейское право).

Использование сравнительно-правового метода учеными, занимающимися разработкой международно-правовой проблематики, вполне закономерно с учетом его многофункциональности, применимости как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне познания. Вместе с тем, как и в случае с любым другим инструментом, для эффективного применения названного метода важно понимать, в каких ситуациях и как именно его целесообразно использовать: только при этом условии заключенные в нем возможности могут найти реализацию.

Вопрос о том, когда и как применять сравнительно-правовой метод в исследовании проблем международного публичного права, отнюдь не праздный.

Во-первых, называя его в описании методологической основы исследований в области международного права, часто не указывают, для чего и каким образом он применялся [1, с. 13; 2, с. 8; 3, с. 8–9; 4, с. 8–9].

Во-вторых, там, где ученые не ограничиваются «дежурным» упоминанием интересующего нас метода в числе других, даваемые ими пояснения иногда создают ощущение смешения сравнительно-правового метода, который является част-

нонаучным, и сравнения как общенаучного метода познания. Изучение текстов диссертационных исследований укрепляет в мысли о том, что, по крайней мере, в некоторых случаях, указывая на применение сравнительно-правового метода в исследовании проблем международного публичного права, в действительности ученые применяют сравнение.

Так, Н.В. Сметанин пишет: «Применение сравнительно-правового метода сделало возможным корректное сравнение односторонних юридических актов с иными явлениями, а также сравнение международных норм, регулирующих порядок заключения международных договоров, и предложений КМП, направленных на регулирование реализации односторонних юридических актов» [5, с. 12] (аббревиатуру КМП автор диссертации использует для обозначения Комиссии международного права ООН). Однако, поскольку сравнительно-правовой метод подразумевает сопоставление однопорядковых институтов, юридических явлений и процессов с целью выявления существующего между ними сходства и различия, представляется сомнительным, что автор применял именно сравнительно-правовой метод. Не позволяет сделать вывод о том, что сравнительно-правовой метод Н.В. Сметаниным действительно применялся, и анализ текста диссертации.

Схожие сомнения возникают в связи с тем, как описывается применение сравнительно-правового метода в некоторых других исследованиях в области международного публичного права: например, в диссертациях Д.А. Кирильченко («диссертационное исследование строится также на использовании частнонаучных методов познания, среди которых ... сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить международно-правовой статус специализированных учреждений ООН и других международных организаций, провести сравнение учредительных актов специализированных учреждений, направлений деятельности учреждений, соглашений ООН со специализированными учреждениями, а также сопоставить международно-правовые акты, регулирующие ответственность как международных организаций в целом, так и конкретно специализированных учреждений в частности» [6, с. 11]), И.А. Черных («сравнительно-правовой метод применялся при изучении соотношения международного космического и международного воздушного права, а также использовался во второй главе диссертации для сопоставления существующих международно-правовых норм и норм внутригосударственного права, регулирующих исследуемые правоотношения в целях установления и восполнения имеющихся в международном космическом праве пробелов» [7, с. 8]), П.И. Чувахина («...сравнительно-правовой метод, с помощью которого были выявлены общие черты всех международных организаций и отличительные черты многосторонних банков развития, как одного из видов международных организаций...» [8, с. 6]).

Очевидно, исследователи международного публичного права допускают смешение сравнительно-правового метода и сравнения по тем же причинам, что и ученые, занимающиеся разработкой проблем, связанных с национальным правом. Важнейшей среди таких причин является непонимание сути названного метода (в этом смысле показательным примером выступает утверждение о том, что «сравнительно-правовой метод отличается от сравнительного метода только предметом исследования» [9, с. 83]), непринятие во внимание того, что он «обладает собственным методологическим содержанием ... всегда (хоть и с разными целями) связан с обращением исследователя к иностранным правовым порядкам» [10, с. 187].

Правопорядок, подчеркнем, всегда является выражением, с одной стороны, определенной правовой культуры, ее ценностей и установок, с другой стороны, политико-правовых доктрин, определяющих политику государства. Применение сравнительно-правового метода отличается от простого сравнения однопорядковых институтов, явлений и процессов, относящихся к разным национальным правовым системам или разным правовым семьям, как раз тем, что для выяснения сходства и различий между сопоставляемыми объектами исследователь опирается на знания о тех правокультурных и политико-правовых реалиях, в контексте которых они воспроизводятся и существуют.

В-третьих, распространение в теории государства и права, а также в отраслевых юридических науках узкого подхода к пониманию сравнительно-правового метода способствует формированию не совсем верного понимания того, в исследовании каких вопросов и для решения каких задач вообще может применяться сравнительно-правовой метод в науке международного публичного права.

Рассматриваемый метод ассоциируется прежде всего с сопоставительным анализом законодательства сравниваемых государств и/или правовых систем. Указанная ассоциация настолько устойчива, что находит отражение даже в учебной литературе. Например, В.М. Сырых пишет: «Гносеологическая природа сравнительного правового метода выражается в том, что он представляет собой способ выявления фактов сходства и различия, присущих законодательству разных стран либо субъектов федеративного или конфедеративного государства. Объектом исследования выступают тексты законов и иных нормативных правовых актов, а результаты анализа сводятся прежде всего к установлению конкретных фактов сходства или различия сравниваемых законодательных систем» [11, с. 101].

Если исходить из указанной интерпретации сравнительно-правового метода, можно прийти к заключению, что возможности его применения в исследовании проблем международного публичного права крайне ограничены, практически полностью исчерпываются решением вопросов, так или иначе связанных с согласованием норм национального законодательства с нормами международного права. Однако в действительности сравнительно-правовой метод применим при сопоставлении любых однопорядковых институтов, явлений и процессов, относящихся к разным национальным правовым системам или разным правовым семьям, поскольку для выявления существующих между ними сходств и различий применяются те же выработанные в юридической науке средства и приемы, что и для определения степени схожести норм, институтов и отраслей законодательства. Конечно, в любом случае сравнительно-правовой метод предполагает сопоставление норм действующего права (поскольку последнее является ядром любой правовой системы), однако чаще всего не сводится к нему.

Успешные примеры использования интересующего нас метода именно таким образом, чтобы оно не сводилось к сравнению норм действующего права, в науке международного права имеются, и они далеко не единичны.

Так, А.П. Анисимов на основе сравнительно-правового анализа подходов к определению правового статуса зон экологического неблагополучия, характерных для разных национальных правовых систем, делает важный в теоретическом и практическом плане вывод о необходимости изменения позиции международного сообщества и пересмотра «существующих представлений о категории “бедствие” в международном праве с включением туда катастро-

фических экологических ситуаций, не связанных с какими-то конкретными авариями и катастрофами» [12, с. 116].

Н. Н. Липкина справедливо обращает внимание на перспективность и значимость сравнительно-правовых исследований судебной практики для выявления общих принципов права, признаваемых источниками международного права в соответствии со ст. 38 Статута Международного Суда ООН, а также для уяснения процесса формирования таких принципов [13, с. 283–284].

Итак, возможности рассматриваемого метода изначально довольно широки. Его применение позволяет сопоставлять не только нормы различных систем законодательства, но и другие институты, явления, процессы, при этом верное понимание значимых в правовом плане общих и особенных черт достигается при условии, что сравниваемые объекты изучаются с учетом отраженных в них культурных кодов, определяющих позитивное право политико-правовых концепций и доктрин, а также с учетом различий в характеристике тех право порядков, с которыми они связаны. В современных условиях, когда международное право претерпевает существенную трансформацию, переставая быть исключительно «продуктом христианской цивилизации» [14, с. 27], указанное обстоятельство оказывается чрезвычайно важным.

Следование заранее установленным принципам и нормам способствует предупреждению и разрешению конфликтов между субъектами международного публичного права даже при условии, что консенсус относительно их применимости является довольно зыбким и часть его участников скорее занимает нейтральную позицию, нежели решительно поддерживает его. При этом принципы и нормы международного права выполняют свои функции часто вне зависимости от их фактического содержания, подобно правилам дорожного движения, которые упорядочивают поведение участников последнего вне зависимости от того, устанавливают они правостороннее или левостороннее движение. В данной ситуации главным является то, что, во-первых, правила известны всем участникам взаимодействия и, во-вторых, соблюдаются ими.

Изложенное позволяет понять, почему в условиях мультикультурализма международное публичное право, оставаясь во многом по своим установкам «продуктом христианской цивилизации» [14, с. 27], воплощая в себе ценности западной культуры, тем не менее довольно эффективно функционирует до тех пор, пока его нормы продолжают не только наделяться значением универсальных и общепризнанных, но и соблюдаться.

Вместе с тем важно понимать, что «универсальность» и «общепризнанность» принципов и норм международного публичного права — это не факт действительности, а юридическая презумпция, то есть предположение, которое принимается участниками отношений за истинное без доказательств обратного. Именно поэтому принципы и нормы международного права утрачивают смысл, если их начинают нарушать.

В современных условиях международное право перестает быть правом, становится частью международной политики, что фиксируют в своих наблюдениях представители Нью-Хейвенской школы Йельского университета [15, с. 15–16]. Отдельные государства, чувствуя себя наиболее сильными в политическом, экономическом и военном плане, не всегда оказываются способными противостоять соблазну использовать средства правового регулирования, существующие в международном публичном праве, для осуществления собственных

национальных интересов — реальных или мнимых. В частности, для США международное публичное право оказывается востребованным именно в качестве инструмента продвижения к мировому господству, и в этом плане показательно то, что некоторые американские эксперты рекомендуют использовать сложившуюся в мире ситуацию в интересах США, канализируя происходящие перемены в русло формирования такого международного порядка, который сохранил бы в неприкосновенности ведущее место и процветание США [16, с. 24–25; 17, с. 38–39].

Поскольку в описываемых условиях международное право, представляющее собой систему права, базирующуюся на презюмируемых в качестве универсальных (а в действительности принадлежащих западной культуре) ценностях и установках, перестает быть эффективным, актуальной проблемой становится модернизация международного публичного права. Требуется, чтобы последнее учитывало реалии существующей системы международных отношений, в которой все большую значимость приобретает принцип мультикультурализма, чтобы оно опиралось на реально достигнутый субъектами международных отношений консенсус, а не на презюмирование универсальности ценностей и принципов, на самом деле универсальными не являющихся.

Для того чтобы осуществить модернизацию международного публичного права, придающую последнему значение подлинного права международного сообщества, выступающего результатом согласования позиций суверенных государств и их равноправного волеизъявления, нужно понимать, где находятся «точки соприкосновения» разных правовых культур, разных национальных правовых систем. А для того чтобы сформировать такое понимание, как раз и необходимо применение в разработке актуальных проблем международного публичного права сравнительно-правового метода.

Подводя итог проведенному анализу, необходимо подчеркнуть, что в современных условиях сравнительно-правовой метод не только применим, но и весьма востребован в науке международного публичного права, при этом теоретическая и практическая значимость результатов его применения в значительной мере зависит от того, насколько полно используются его возможности.

В качестве институтов, явлений и процессов, установление сходства и различия которых посредством применения сравнительно-правового метода в современных условиях является значимым для успешного решения актуальных задач, связанных с модернизацией международного публичного права, могут выступать не только нормы и институты действующего законодательства, но и правореализационная (в том числе судебная) и правоинтерпретационная практика; господствующие правовые учения, доктрины, концепции; юридическое мировоззрение, степень и характер его влияния на правовую практику; правовые институты и иные относительно обособленные составляющие нормативной системы, регулирующие определенный тип/вид общественных отношений; средства, приемы, правила юридической техники; характер, интенсивность и механизм влияния международного права на национальное право и правовую практику; принципы и механизм имплементации норм международного права в национальную правовую систему; правовой инструментарий, используемый для решения актуальных для общества политических, социально-экономических, духовно-культурных и юридических проблем; правовые формы организации и осуществления государственной власти и самоуправления; правовые

формы взаимодействия государства с институтами гражданского общества; модели и принципы согласования права и иных социальных норм.

Повысить теоретическую и практическую ценность результатов применения сравнительно-правового метода для решения проблем, актуальных для международного публичного права, позволяет сопоставление изучаемых объектов не только в их современном состоянии, но и в историческом развитии, одновременно как в структурно-содержательном, так и в функциональном плане.

Библиографический список

1. *Корпен А.С.* Право на доступ к правосудию и механизмы его защиты в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 26 с.
2. *Маркова Е.Ю.* Международно-правовой статус экологических мигрантов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 30 с.
3. *Никишкин И.К.* Правовое регулирование полицейского сотрудничества в Европейском союзе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.
4. *Циприс М.С.* Современные международные режимы охраны и сохранения мигрирующих видов диких животных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
5. *Сметанин Н.В.* Односторонние акты государств в международном праве: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 166 с.
6. *Кирильченко Д.А.* Правовые формы сотрудничества специализированных учреждений с Организацией Объединенных Наций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 28 с.
7. *Черных И.А.* Международно-правовые аспекты обеспечения устойчивости космической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 24 с.
8. *Чувахин П.И.* Международно-правовой статус многосторонних банков развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 21 с.
9. *Мазина Н.Е.* Сравнительно-правовой метод в системе юридического познания // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2021. № 18. С. 77–85.
10. *Кузнецова О.А.* Сравнительно-правовой метод в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. С. 183–214.
11. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 464 с.
12. *Анисимов А.П.* Экологически неблагоприятные территории в международном, зарубежном и российском праве: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 109–120.
13. *Липкина Н.Н.* Роль региональных международных судов в выявлении общих принципов права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3(152). С. 279–284.
14. *Оппенгейм Л.* Международное право. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. Т. 1: Мир. Полутом 1. 408 с.
15. *Малиновский А., Трикоз Е.* Международное договорное нормотворчество как политический процесс // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 2(61). С. 6–30.
16. *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2018. 400 с.
17. *Сафронова Е.В.* Международное публичное право: теоретические проблемы. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. 134 с.

References

1. *Korpen A.S.* The Right to Access to Justice and Mechanisms for Its Protection in Modern International Law: extended abstract diss. ... cand.of Law. M., 2019. 26 p.
2. *Markova E.Y.* International Legal Status of Environmental Migrants: extended abstract diss. ... cand.of Law. M., 2021. 30 p.

3. *Nikishkin I.K.* Legal Regulation of Police Cooperation in the European Union: extended abstract diss. ... cand.of Law. M., 2015. 25 p.
4. *Tsipris M.S.* Modern International Regimes for the Protection and Conservation of Migratory Species of Wild Animals: extended abstract diss. ... cand.of Law. M., 2016. 28 p.
5. *Smetanin N.V.* Unilateral Acts of States in International Law: Theoretical and Legal Study: diss. ... cand. of Law. Yekaterinburg, 2021. 166 p.
6. *Kirilchenko D.A.* Legal Forms of Cooperation Between Specialized Agencies and the United Nations: extended abstract diss. ... cand.of Law. M., 2020. 28 p.
7. *Chernykh I.A.* International Legal Aspects of Ensuring the Sustainability of Space Activities: extended abstract diss. ... cand.of Law. M., 2018. 24 p.
8. *Chuvakhin P.I.* The International Legal Status of Multilateral Development banks: extended abstract diss. ... cand. of Law. M., 21 p.
9. *Mazina N.E.* Comparative Legal Method in the System of Legal Cognition // Bulletin of the Donbass Law Academy. Legal sciences. 2021. No. 18. P. 77–85.
10. *Kuznetsova O.A.* Comparative legal Method in Civil Dissertations // Methodological Problems of Civil Studies. 2020. No. 2. P. 183–214.
11. *Syrykh V.M.* History and Methodology of Legal Science. M.: Norm: INFRA-M, 2013. 464 p.
12. *Anisimov A.P.* Ecologically Unfavorable Territories in International, Foreign and Russian Law: Comparative Legal Aspect // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2018. No. 27. P. 109–120.
13. *Lipkina N.N.* The Role of Regional International Courts in Identifying General Principles of Law // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2023. No. 3(152). P. 279–284.
14. *Oppenheim L.* International Law. M.: State Publishing House of Foreign Literature, 1948. Vol. I: The World. Semi-volume 1. 408 p.
15. *Malinovsky A., Trikoz E.* International Treaty-Making as a Political Process // International Processes. 2020. Vol. 18, No. 2(61). P. 6–30.
16. *Marchenko M.N.* State and Law in the Context of Globalization. M.: Prospekt, 2018. 400 p.
17. *Safronova E.V.* International Public Law: Theoretical Problems. M.: RIOR: INFRA-M, 2013. 134 p.

А.А. Горябин

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИНЦИПОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УПРОЩЕННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

Введение: в науке цивилистического процессуального права существуют различные классификации принципов, однако они не в полной мере отражают особенности их проявления в различных видах/подвидах арбитражного судопроизводства. **Цель** — привести универсальную классификацию принципов арбитражного процессуального права, применимую к различным видам/подвидам арбитражного процесса, в том числе и к упрощенному производству. **Методологическая основа:** диалектический метод, метод анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** предложена универсальная классификация принципов арбитражного процесса по критерию целевой направленности действия, которая включает системные принципы (направленность действия заключается в обеспечении стабильного функционирования системы арбитражного судопроизводства в целом независимо от вида/подвида и стадии судопроизводства); функциональные принципы (направленность действия заключается в создании оптимальных условий предоставления судебной защиты заинтересованным субъектам); инструментальные принципы (направленность действия заключается в создании специфических идеальных условий для определенного вида/подвида арбитражного судопроизводства). **Выводы:** применительно к упрощенному производству к системным принципам арбитражного процесса следует отнести принципы осуществления правосудия только судом, независимости судей, государственного языка и равенства перед законом и судом; к функциональным принципам — принципы состязательности, диспозитивности, добросовестности, процессуального равенства и непосредственности; к инструментальным — принципы письменности, процессуальной экономии, срочности и эвентуальности.

Ключевые слова: арбитражный процесс, упрощенное производство, принципы, классификация принципов.

A.A. Goryabin

CLASSIFICATION OF PRINCIPLES ARBITRAL PROCEDURE APPLICABLE TO SIMPLIFIED PROCEEDINGS

Background: there are different classifications of principles in the scientific law of civil procedure, but they do not fully reflect the peculiarities of their manifestation in the different types/subtypes of arbitration. **Objective** — to provide a universal classification of the principles of arbitration procedural law applicable to various types/subspecies of arbitration, including simplified proceedings. **Methodology:** dialectical method, method of analysis and synthesis, formal legal and comparative legal

methods. Results: a universal classification of the principles of the arbitration process is proposed according to the criterion of the target orientation of the action, which includes: systemic principles (the focus of the action is to ensure the stable functioning of the arbitration proceedings system as a whole, regardless of the type/subspecies and stage of the proceedings); functional principles (the focus of the action is to create optimal conditions for providing judicial protection to interested entities); instrumental principles (the focus of the action is to create specific ideal conditions for a certain type/subspecies of arbitration proceedings). Conclusions: with regard to simplified proceedings, the systemic principles of the arbitration process should include the principles of justice only by a court, independence of judges, the state language and equality before the law and the court; the principles of adversarial proceedings, dispositiveness, good faith, procedural equality and directness should be referred to the functional principles; the principles of written procedure, procedural economy, urgency and eventuality should be referred to the instrumental principles.

Keywords: *arbitration procedure, simplified proceedings, principles, classification of principles.*

В науке цивилистического процесса существуют различные классификации принципов судопроизводства. В любом случае необходимо учитывать, что «соответствие и взаимная обусловленность принципов всех видов между собой в общей системе права обусловлена тем, что все они являются общими категориями, элементами одной модели права, имеют общую цель, коррелирующую цели оптимальной защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов» [1, с. 86].

Анализ уже имеющихся классификаций принципов необходим для выявления универсальной классификации принципов арбитражного процессуального права, процессуальных особенностей реализации устоявшихся принципов арбитражного судопроизводства, а также для определения специфических принципов, характерных для отдельных видов/подвидов арбитражного судопроизводства на примере упрощенного производства. Так, выделяют классификацию принципов по сфере действия: общеправовые, межотраслевые, отраслевые и принципы отдельных правовых институтов [2, с. 17]. Общепринятой классификацией выступает деление принципов на группы в зависимости от порядка закрепления: конституционные принципы; конституционные принципы, продублированные в отраслевом законодательстве; принципы, которые закреплены только в отраслевом законодательстве [3, с. 27]. Несколько иную классификацию предложил В.Б. Вершинин, по мнению которого в основе материально-правовых и процессуально-правовых принципов лежит функциональная характеристика принципа. К материально-правовым принципам, относятся принципы которые устанавливают основы организационно-правового положения суда и судебных приставов, а к процессуально-правовым — определяющие правила и процедуры судебной защиты [4, с. 10].

В рамках настоящей работы интерес вызывает классификация, предложенная М.К. Треушниковым, в основу которой положен объект правового регулирования [5, с. 42]. По данному основанию ученый предлагал все принципы гражданского судопроизводства делить на организационные и функциональные, где к организационным относятся принципы, которые определяют устройство судов и основные правила процесса, а функциональные устанавливают правила

процессуальной деятельности суда и других участников судопроизводства. Необходимо также учитывать, что принципы обеих групп находятся во взаимосвязи и взаимозависимости.

Как правило, к организационным принципам относят принципы осуществления правосудия только судом, независимости судей, равенства перед законом и судом, сочетания единоличного и коллегиального состава суда и др. К функциональным принципам относят принципы гласности, диспозитивности, состязательности, процессуального равенства, непосредственности и др. Анализ предложенной классификации может породить вполне обоснованный вопрос, к какой группе принципов следует относить принцип законности. Полагаем, что законность стоит за рамками данной классификации и представляет собой основу всего судопроизводства и государственного устройства в целом.

Отметим, что каждая группа принципов (организационная и функциональная) имеет самостоятельную цель и значение при отправлении правосудия арбитражными судами. В связи с этим цель и значение организационных принципов заключается в организации судопроизводственной деятельности, то есть в формировании внешних условий судопроизводства, а функциональных — создание условий для нормального хода арбитражного судопроизводства, то есть формирование внутренних условий правосудия. Отметим, что данная классификация принципов применима к классическому исковому виду судопроизводства, но не отражает специфику отправления правосудия арбитражными судами в рамках отдельных видов/подвидов судопроизводства, в частности, упрощенного. Поддерживая позицию Н. Н. Болдыревой о том, что «взаимосвязь отдельных институтов в системе процессуального права обеспечивается также общностью принципов правового регулирования, к примеру общностью принципов состязательности, диспозитивности, справедливости, равенства сторон, доступности правосудия и т.п.» [6, с. 110], укажем, что помимо общих стабильных принципов судопроизводства целесообразно выделять принципы, которые изменяются, а также принципы, которые появляются в связи с выделением новых видов/подвидов судопроизводства и отражают их специфику.

Разработка универсальной классификации принципов арбитражного процесса, применимой к различным видам/подвидам судопроизводства, обусловлена необходимостью дальнейшего развития теоретических научных основ арбитражного процессуального права, связанных с принципами судопроизводства, а также непрерывной оптимизацией нормативного регулирования действующих правил арбитражного процесса. В основе такой классификации принципов в качестве критерия стоит обозначить направленность их действия, то есть цель их существования. Полагаем, в универсальной классификации принципов арбитражного процессуального права следует выделять такие группы, как системные, функциональные и инструментальные.

Прежде, чем перейти к характеристике и определению состава каждой из обозначенных группы принципов, стоит обосновать целесообразность использования терминов «системный», «функциональный» и «инструментальный». Не вдаваясь в научную дискуссию, обратимся к словарям русского языка и определим, что система — это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство¹, следователь-

¹ См.: *Философская энциклопедия*. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 05.07.2023).

но, системные принципы определяют единую целостную основу арбитражного судопроизводства. Функциональным называется то, «что относится к практике, конкретному использованию, употреблению какого-либо объекта или явления»¹; «что вызвано функционированием чего-нибудь, зависящее от деятельности»², то есть в арбитражном судопроизводстве функциональные принципы реализуются в правоприменительной практике и зависят от деятельности суда, участвующих в деле и содействующих осуществлению правосудия лиц. В свою очередь, инструментальный — это «служащий средством достижения какой-либо цели, способствующий продвижению к ней; определение, означающее целенаправленность какого-либо процесса»³. Иными словами, применительно к цивилистическому процессу инструментальные принципы — это принципы-средства, с помощью которых достигается цель упрощенного производства.

Рассмотрим особенности указанной классификации на примере упрощенного производства с учетом направленности действия каждой из выделенных групп принципов. Так, направленность действия системных принципов заключается в обеспечении стабильного функционирования системы арбитражного судопроизводства в целом независимо от вида и стадии судопроизводства. Данные принципы неизменны, устойчивы, к ним относятся: осуществление правосудия только судом, независимость судей, государственный язык и равенство перед законом и судом. Перечисленные принципы действуют во всех видах/подвидах арбитражного судопроизводства, в том числе упрощенного, независимо от тенденций развития государства и общества, они не подвержены влиянию внешних и внутренних условий осуществления правосудия, вызванных дополнениями и изменениями законодательства.

Функциональные принципы направлены на создание оптимальных условий предоставления судебной защиты заинтересованным субъектам, то есть такие принципы подвержены изменениям в процессе их реализации, соблюдения. Мнения ученых относительно возможности изменения принципов применительно к определенным видам/подвидам производства дифференцированы. Так, Д. И. Крымский высказывает позицию о том, что действие принципов процесса не может быть подвергнуто ограничениям в результате применения упрощенных производств. Ученый указывает, что их действие может быть распределено во времени, на протяжении судопроизводства [7, с. 43]. Иной позиции придерживается О. Н. Бармина, отмечая, что «трансформация принципов арбитражного процесса в свете новых подходов и процедур не приводит к нарушению требований каких-либо правил арбитражного процесса; гарантии на судебную защиту, заявление ходатайств, возражений и т.д. соблюдаются должным образом. Вместе с тем анализ законодательства и судебной практики показал, что введение новых процедур и правил привело к иному пониманию содержания основных гарантий в сфере арбитражного судопроизводства» [8, с. 21]. Полагаем, что изменение принципов арбитражного процессуального права, их адаптация к новым правилам разрешения заявленных требований,

¹ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 05.07.2023).

² См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/> (дата обращения: 05.07.2023).

³ Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/psihologicheski-slovar-m-vlados-2007.html> (дата обращения: 05.07.2023).

а также корректировка с учетом актуальных условий осуществления правосудия необходима для решения основных задач арбитражного судопроизводства и повышения эффективности использования упрощенного производства в арбитражном процессе. Функциональные принципы могут быть трансформированы и адаптированы к определенной стадии и/или виду/подвиду арбитражного судопроизводства — это принципы состязательности, диспозитивности, добросовестности, процессуального равенства и непосредственности. Например, в упрощенном производстве принцип диспозитивности реализуется ограниченно, так как материальная составляющая данного принципа остается статичной, поскольку специальные (распорядительные) процессуальные права, связанные с существом заявляемых требований, не могут быть реализованы, и процессуальная составляющая, включающая возможность реализации общих прав, связанных с ходом судопроизводства, осуществляется в усеченном виде. Ограничения принципа диспозитивности при рассмотрении требований в упрощенном порядке проявляются на всех стадиях судопроизводства, что свидетельствует о трансформации данного принципа в упрощенном производстве.

Инструментальные принципы арбитражного судопроизводства направлены на создание идеальных условий для определенного вида/подвида арбитражного судопроизводства, при этом их применение допускается и в иных процессуальных порядках рассмотрения и разрешения арбитражных дел. Инструментальные принципы — это такие принципы осуществления правосудия арбитражными судами, которые не имеют нормативного закрепления и являются «новыми» правилами. Заметим, что относительно возможности появления «новых» принципов мнения ученых противоположны. И. Н. Сенякин говорит о том, что «в определенных исторических условиях общественные идеалы не находят своего закрепления в праве из-за незрелости социальных отношений, их несовершенства, политической конъюнктуры» [9, с. 129–130], поэтому не все «новые» принципы судопроизводства могут получить изначально нормативное закрепление. Иными словами, ученый не отрицает возможность появления «новых» принципов, делая акцент на несовершенстве юридической техники, которая не позволяет вовремя оформить такие постулаты, как принципы права. Противоположной позиции придерживается В. М. Шерстюк, отмечая, что «вопрос о составе принципов гражданского процессуального права вызывал и вызывает горячие споры в теории и практике. К этому вопросу надо подходить с чрезвычайной осторожностью. Необдуманное и неоправданное расширение состава принципов может привести к “обесцениванию” и размыванию этой весьма значимой в социальном и правовом плане категории. Сужение состава принципов — к снижению гарантий судебной защиты прав граждан и организаций» [10, с. 62]. Думается, появление «новых» принципов оправдано и обусловлено непрерывным усложнением общественных отношений и развитием государства. В связи с этим в рамках упрощенного производства в качестве инструментальных принципов необходимо назвать принципы письменности, процессуальной экономии, срочности и эвентуальности. В качестве примера инструментального принципа выделим принцип эвентуальности, который представляет собой правило поведения лиц, участвующих в деле, а также их представителей, которое обязывает стороны одновременно представлять весь доказательственный материал в сроки, установленные законодателем. Данный принцип непосредственно связан с принципом срочности, так как по истечении

установленных сроков возможность представления доказательств и иных документов исключается.

Таким образом, классификация принципов арбитражного процесса по критерию целевой направленности действия применительно к упрощенному производству включает:

системные (направленность действия заключается в обеспечении стабильного функционирования системы арбитражного судопроизводства в целом независимо от вида/подвида и стадии судопроизводства): осуществление правосудия только судом, независимость судей, государственный язык и равенство перед законом и судом;

функциональные (направленность действия заключается в создании оптимальных условий предоставления судебной защиты заинтересованным субъектам): состязательность, диспозитивность, добросовестность, процессуальное равенство и непосредственность;

инструментальные (направленность действия заключается в создании идеальных условий для определенного вида/подвида арбитражного судопроизводства): письменность, процессуальная экономия, срочность и эвентуальность.

Библиографический список

1. Юдин А.В. Принципы гражданского процессуального права: учеб. пособие / А.В. Юдин, Т.А. Комарова, О.В. Исаенкова, М.А. Агаларова. М.: Русайнс, 2021. 106 с.
2. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Викут. М.: Юрист, 2005. 480 с.
3. Исаенкова О.В., Демичев А.А. Гражданский процесс: курс лекций. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2009. 400 с.
4. Вершинин В.Б. Судебная защита как комплексный институт российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
5. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2010. 672 с.
6. Болдырева Н.Н. Принцип доступности правосудия в теории и практике гражданского и арбитражного процесса // Архивариус. 2016. № 4. С. 109–112.
7. Крымский Д.И. Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 216 с.
8. Бармина О.Н. Принцип непосредственности в арбитражном процессе: особенности реализации в век информационных технологий // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 20–22.
9. Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2007. 504 с.
10. Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным — принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2004. С. 57–63.

References

1. Yudin A.V. Principles of Civil Procedural Law: textbook / A.V. Yudin, T.A. Komarova, O.V. Isaenkova, M.A. Agalarova. M.: Rusains, 2021. 106 p.
2. Russian Civil Procedure: textbook / ed. by M.A. Vikut. M.: Lawyer, 2005. 480 p.
3. Isaenkova O.V., Demichev A.A. Civil Procedure: a course of lectures. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2009. 400 p.

4. *Vershinin V.B.* Court Protection as a Complex institute of Russian Law: extended abstract diss. ... cand. of Law. Saratov, 2011. 26 p.
5. Civil Procedure: textbook / ed. by M.K. Treushnikov. 3rd ed. revised and suppl. M.: Gorodets, 2010. 672 p.
6. *Boldyreva N.N.* Principle of Accessibility of Justice in the Theory and Practice of Civil and Arbitration Proceedings // *Archivarius*. 2016. No. 4. P. 109–112.
7. *Krymsky D.I.* Simplified Proceedings in the Civil Process of Foreign Countries: diss. ... cand. of Law. M., 2011. 216 p.
8. *Barmina O.N.* Principle of Immediacy in the Arbitration Process: Features of Implementation in the Age of Information Technology // *Russian Justice*. 2019. No. 3. P. 20–22.
9. *Senyakin I.N.* Federalism as a Principle of Russian Legislation. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2007. 504 p.
10. *Sherstyuk V.M.* The Right to Be Listened to and to Be Heard — the Principle of Civil Procedural Law // *Notes on Modern Civil and Arbitration Procedural Law* / ed. by M.K. Treushnikov. M.: Gorodets, 2004. P. 57–63.

И.А. Шувалова

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТРУДОУСТРОЙСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Введение: трудоустройство — это комплексный институт российского права, который до сих пор не имеет легального толкования. **Цель** — проанализировать теоретический аспект сущности трудоустройства. **Методологическая основа:** общие методы (анализа и синтеза, индукции и дедукции и др.) и специальные методы научного познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и др.). **Результаты:** рассмотрены различные подходы к толкованию термина «трудоустройство»; обозначены характерные черты данного института; внесены предложения о внесении изменений в действующее законодательство. **Выводы:** в целях устранения дискуссионности в толковании данной категории предлагается авторское определение понятия «трудоустройство» и его закрепление в ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации».

Ключевые слова: трудоустройство, занятость, работодатель, гражданин, ищущий работу.

I.A. Shuvalova

LEGAL NATURE OF EMPLOYMENT AT THE PRESENT STAGE

Background: employability is a complex institute of Russian law, which still has no legal interpretation. **Objective** — to analyze the theoretical aspect of the essence of employment. **Methodology:** general methods (analysis and synthesis, induction and deduction, etc.) and special methods of scientific cognition (comparative legal, formal legal, systemic, etc.) were used. **Results:** different approaches to the interpretation of the term “employment” are considered; characteristic features of this institution are outlined; proposals for amendments to the current legislation are made. **Conclusions:** the author's definition of the concept of “employment” and its consolidation in Part 1 of Article 2 of the Federal Law “On employment of the population in of the Russian Federation”.

Keywords: employability, employment, employer, citizen looking for a job.

В условиях современной действительности трудоустройство приобретает особое значение, поскольку выступает одним из гарантий реализации прав человека и гражданина в сфере труда. Трудоустройство является комплексным институтом российского права, которому в сфере трудового права, несомненно, уделяется пристальное внимание.

© Шувалова Ирина Александровна, 2024

Преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин (Московский финансово-юридический университет МФЮА), соискатель (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: i9067013366@yandex.ru

© Shuvalova Irina Aleksandrovna, 2024

Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines (Moscow University of Finance and Law MFUA), applicant degree (Saratov State Law Academy)

Изучая в общем контексте современного состояния обозначенную категорию, полагаем, что отдельные аспекты нуждаются в исследовании и нормативном закреплении. В частности, в нормативных правовых актах и юридической литературе отсутствует легальное определение данного термина, несмотря на то, что в науке он часто используется. Таким образом, представляется актуальным рассмотреть сущность трудоустройства с учетом современных реалий.

Невзирая на то, что трудоустройство на протяжении многих лет занимает видное место, в науке трудового права до настоящего времени так и не сформировался единый подход к его пониманию. Проанализировав различные подходы к его рассмотрению, обозначим следующие основные направления.

Правоведы советского периода определяли данную категорию применительно к конкретным субъектам, участвующим в правоотношениях по трудоустройству. В частности, В. Г. Иванов указывал на совокупность мероприятий, которые признаны обеспечить работой молодых специалистов [1, с. 94]. А. М. Кузнецов обозначал комплекс мероприятий, которые включают в себя восстановление трудоспособности и осуществление контроля трудовой деятельности лиц с ограниченными возможностями [2, с. 3–9]. Не согласимся с данными определениями, поскольку они направлены на создание определенных действий в отношении отдельных категорий граждан и не могут включаться в общее понятие, связанное с устройством на работу граждан.

Представители второго подхода связывали трудоустройство с посредническими органами. Так, В. П. Данукин понимал под трудоустройством систему мероприятий, осуществляемых с помощью государственных органов и общественных организаций [3, с. 9–10]. В свою очередь, К. П. Уржинский разграничивал понятия «трудоустройство» и «устройство». В плане понятийной характеристики, отмечал он, трудоустройство означает непосредственное участие трудоустраиваемого органа либо самостоятельное поступление на работу [4, с. 4]. Данную позицию поддерживали О. В. Смирнов [5] и Ж. А. Горбачева [6], которые указывали на непосредственную связь трудоустройства с посредническими органами.

На наш взгляд, данное толкование не может раскрыть всю сущность трудоустройства, поскольку поиск подходящей работы, устройство на нее, может осуществляться гражданином как самостоятельно, так и с помощью посреднических органов.

В большинстве случаев в науке трудового права на современном этапе понимание трудоустройства рассматривается в широком и узком смыслах. Например, Ж. А. Горбачева определяла трудоустройство в узком смысле как содействие соответствующих органов в поиске работы. Тогда как в широком смысле к трудоустройству отнесла случаи индивидуального поиска работы как организацией, так и гражданином [6, с. 54].

В. Н. Толкунова предлагала трактовать трудоустройство в широком смысле как любой процесс устройства на работу, независимо от того, самостоятельно или с помощью специальных органов гражданин устраивается на работу. В узком смысле, по ее мнению, следует понимать непосредственно деятельность государственных органов, например военкоматов, комиссий по делам несовершеннолетних, оказывающих содействие в устройстве на работу отдельной категории граждан, которые особо нуждаются в соответствующей помощи [7, с. 94].

Думается, что третье направление в понимании исследуемой категории в большей степени отражает сущность современного периода, в то же время, полагаем,

что трактовка в широком и узком смыслах не нуждается в разделении, поскольку для уяснения правовой природы трудоустройства достаточно единого понимания.

Проанализировав отдельные позиции правоведов, предлагаем авторское определение понятия «трудоустройство». В частности, под трудоустройством следует понимать процесс поиска и подбора подходящей работы, готовность к ней приступить, непосредственно устройство на нее, самостоятельно, с помощью соответствующих органов, деятельность которых направлена на обеспечение занятости, с учетом согласованных интересов субъектов данных правоотношений и государства или иными способами (формами).

Приведенное понятие позволяет выделить следующие присущие ему черты.

1. Трудоустройство неразрывно связано с занятостью, где первое выступает способом обеспечения второго.

Некоторые правоведы в своих трудах включают трудоустройство в понятие занятости и наоборот. Безусловно, данные категории взаимосвязаны, но имеют отличительные особенности. Так, М.О. Буянова определяет трудоустройство как способ содействия занятости. Исключения, по ее мнению, касаются наименее социально защищенных граждан на рынке труда, поскольку в отношении них на государственном уровне принимаются повышенные гарантии в области трудоустройства, в связи с чем их трудоустройство можно рассматривать как способ обеспечения занятости [8, с. 170].

По мнению И.С. Хоменко, занятость — это обязанность государства и его органов оказывать содействие в трудоустройстве и борьбе с безработицей. Органы занятости выступают посредниками, а трудоустройство осуществляется непосредственно между работником и работодателем¹.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»², занятость — это трудовая деятельность и иная не противоречащая законодательству Российской Федерации деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода. Между тем трудоустройство можно назвать предшественником занятости, поскольку является важнейшей его гарантией.

2. Учитывая то, что трудоустройство гарантировано государством, способом его реализации также могут выступать, помимо органов государственной службы занятости, другие посреднические органы (частные агентства занятости), а также самостоятельные действия лица, ищущего работу.

Правовая организация трудоустройства в Российской Федерации на современном этапе характеризуется тем, что основная роль отводится органам государственной службы занятости. В то же время следует признать, что деятельность частных агентств занятости в последнее время приобретает особую актуальность, спрос на их услуги возрастает, расширяется сфера данных услуг, но на законодательном уровне не урегулированы все аспекты их деятельности, что, безусловно, препятствует защите прав граждан при обращении в подобные агентства. В частности, это касается качества оказываемых услуг, перечня запрашиваемых документов, обработки персональных данных и передача их работодателю.

¹ См.: Хоменко И.С. Правовые аспекты трудоустройства. URL: <http://naukarus.com/pravovye-aspekty-trudoustroystva> (дата обращения: 02.09.2021).

² См.: СЗ РФ. 2023. № 51, ст. 9138.

Учитывая обозначенные обстоятельства, полагаем целесообразным разработать единый нормативный правовой акт, в котором закрепить основные требования, правила оказания услуг и ответственность частных агентств занятости.

3. Услуги по трудоустройству граждан могут оказываться как платно (частные агентства занятости), так и на безвозмездной основе (органы государственной службы занятости), что наделяет трудоустройство доступностью.

Правоотношения между гражданином, ищущим работу, и посредническим органом выступают на основании представления необходимых документов обратившегося лица. В органах государственной службы занятости гражданин должен быть зарегистрирован в качестве безработного с предоставлением ему соответствующих государственных услуг (профессиональная ориентация, психологическая поддержка, направление на профессиональное обучение, выплата пособия по безработице и др.). В частных агентствах занятости оформляется договор возмездного оказания услуг, в соответствии с которым исполнитель проводит семинары и курсы, консультирование по вопросам подготовки резюме, вносит в базу данных информацию о соискателе, осуществляет переписку с потенциальным работодателем и т.п. за соответствующую плату от заказчика.

Для эффективного содействия в занятости населения особое значение приобретает сотрудничество посреднических органов. В рассматриваемом контексте полагаем целесообразным учесть опыт других стран, где услуги по поиску работы оплачивает в дальнейшем работодатель. Осознавая важность трудоустройства наиболее уязвимых категорий граждан, актуальным представляется закрепить на государственном уровне определенные премии, льготы частным агентствам занятости за трудоустройство отдельных категорий: инвалидов; женщин, воспитывающих детей; граждан предпенсионного возраста и др., как это распространено, например, в Австралии [9, с. 92].

4. Трудоустройство возникает на добровольной основе и в результате согласования интересов сторон правоотношений по трудоустройству.

Исходя из содержания ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 1 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ¹, ч. 1 ст. 22 ТК РФ² работодатель самостоятельно принимает кадровые решения, прием на работу конкретного лица является его правом, а не обязанностью.

В соответствии со ст. 37 Конституции РФ и ст. 2 ТК РФ труд свободен; каждый вправе самостоятельно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности; принудительный труд запрещен. Таким образом, нуждаемость гражданина найти подходящую работу, его обращение к работодателю или посреднические органы выступают основанием для возникновения правоотношений по трудоустройству.

5. Трудоустройство носит всеобщий характер, поскольку распространяется на всех граждан, обладающих трудовой правосубъектностью.

В частности, это касается и граждан с ограниченными возможностями здоровья, если им не запрещено осуществлять трудовую деятельность по медицинским заключениям. В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 24 ноября

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://pravo.gov.ru>. 2022.

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 19 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2022. № 52, ст. 9375.

1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹ и ст. 38 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» установлена квота для приема на работу инвалидов.

Укажем, что для того, чтобы гражданин мог быть участником правоотношений по трудоустройству, должен быть учтен основной фактор — достижение определенного возраста.

В соответствии со ст. 63 ТК РФ, по общему правилу, вступление в трудовые отношения допускается с лицами, достигшими возраста 16 лет. В определенных законом случаях допускается заключение трудового договора в 15 и 14 лет, а также до 14 лет.

Согласно ст. 3 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»² безработными могут быть признаны трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, достигшие возраста 16 лет.

Необходимо отметить, что Трудовой кодекс РФ не устанавливает возрастных ограничений гражданина, ищущего работу. Исключения составляет определенный круг работ и должностей, где закреплен предельный возраст работника.

Руководствуясь ст. 327.1 ТК РФ, иностранные граждане и лица без гражданства также вправе быть участниками правоотношений по трудоустройству по достижении ими возраста 18 лет.

Трудоустройство в определенную сферу трудовой деятельности может содержать конкретные условия, например наличие специального образования, отсутствие медицинских противопоказаний к выполняемой работе. Трудовое законодательство устанавливает основное требование — минимальный возраст работника.

6. Трудоустройство выступает юридической гарантией на государственном уровне прав граждан в сфере труда и занятости.

На международно-правовом уровне закреплено, что право на труд должно гарантироваться государством. В частности, ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах³ содержит право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается.

Согласно ст. 1 ТК РФ основной задачей трудового законодательства является создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, в том числе и по трудоустройству у данного работодателя. Как следует из ст. 2 ТК РФ, среди основных принципов правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений закреплена защита от безработицы и содействие в трудоустройстве.

Анализ ст. 37 Конституции РФ, в которой провозглашается свобода труда, запрещение принудительного труда, право каждого на безопасные условия и вознаграждение за труд, право на участие в разрешении трудовых споров,

¹ См.: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1995. № 48, ст. 4563; 2023. № 1, ч. 1, ст. 16.

² См.: СЗ РФ. 1996, ст. 1915; 2023. № 1, ч. 1, ст. 16 (с 1 января 2025 г. п. 1 ст. 3 утрачивает силу).

³ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17(1831).

гарантии в области рабочего времени и времени отдыха, демонстрирует отсутствие гарантий обеспечения каждого рабочим местом. Учитывая данный факт, полагаем целесообразным включение отдельных положений в Конституцию РФ, закрепляющих государственные гарантии по содействию в трудоустройстве.

Таким образом, в современных условиях политика направлена на обеспечение рационального использования трудовых ресурсов путем согласования интересов работодателей и граждан, устраивающихся на работу.

В рассматриваемом контексте уместно также обозначить юридические гарантии для граждан в период трудоустройства: запрет дискриминации; право на получение от работодателя письменного обоснования в случае отказа в приеме на работу; право на получение достоверной информации относительно условий труда (заработной платы, должностных обязанностей, рабочего времени, времени отдыха и т.п.).

К основным гарантиям, которые защищают права работодателей, следует отнести право отказать в приеме на работу на основании объективных причин; право требовать обусловленные законом документы при приеме на работу; возможность самостоятельно разрабатывать условия труда, но в рамках действующего законодательства.

Итак, с учетом проведенного анализа обозначим, что легальное закрепление термина «трудоустройство» позволит устранить дискуссионность в толковании данной категории в теоретическом аспекте и установить стабильность в определении на практике. Исходя из сказанного, предлагаем ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» дополнить абзацем следующего содержания: «Под трудоустройством следует понимать процесс поиска и подбора подходящей работы, готовность к ней приступить, непосредственно устройство на нее, самостоятельно, с помощью соответствующих органов, деятельность которых направлена на обеспечение занятости, с учетом согласованных интересов субъектов данных правоотношений и государства или иными способами (формами)».

Библиографический список

1. *Иванов В.Г.* Правовые вопросы трудоустройства молодежи // Правоведение. 1967. № 3. С. 94–102.
2. *Кузнецов А.М.* Правовая организация трудоустройства инвалидов в СССР (в госпромышленности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. 15 с.
3. *Данукин В.П.* Трудоустройство и его формы в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 24 с.
4. *Уржинский К.П.* Трудоустройство граждан в СССР. М.: Юрид. лит., 1967. 144 с.
5. *Смирнов О.В.* Природа и сущность права на труд. М.: Юрид. лит., 1964. 210 с.
6. *Горбачева Ж.А.* Необходимость правового регулирования и основные черты трудоустройства // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 1997. № 4. С. 19–27.
7. *Толкунова В.Н.* Трудовое право: курс лекций. М.: Велби, 2002. 320 с.
8. *Буянова М.О.* Трудовое право: учебник для бакалавров. М.: РГ-Пресс, 2015. 170 с.
9. *Зайцева Л.В., Чукарев А.А.* Частные агентства занятости и заемный труд в России: сравнительно-правовое исследование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 84–94.

References

1. *Ivanov V.G.* Legal Issues of Youth Employment // Jurisprudence. 1967. No. 3. P. 94–102.
2. *Kuznetsov A.M.* Legal Organization of Employment of Disabled People in the USSR (in the state industry): extended abstract diss. ... cand. of Law. L., 1954. 15 p.
3. *Danukin V.P.* Employment and Its Forms in the USSR: extended abstract diss. ... cand. of Law. M., 1979. 24 p.
4. *Urzhiński K.P.* Employment of Citizens in the USSR. M.: Legal lit., 1967. 144 p.
5. *Smirnov O.V.* Nature and Essence of the Right to Work. M.: Legal lit., 1964. 210 p.
6. *Gorbacheva Zh.A.* The Need for Legal Regulation and the Main Features of Employment // Bulletin of Moscow State University. Ser. 11: Law. 1997. No. 4. P. 19–27.
7. *Tolkunova V.N.* Labor Law: course of lectures. M.: Welby, 2002. 320 p.
8. *Buyanova M.O.* Labor Law: textbook for bachelors. M.: RG-Press, 2015. 170 p.
9. *Zaitseva L.V., Chukreev A.A.* Private Employment Agencies and Borrowed Labor in Russia: Comparative Legal Study // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2017. Issue 35. P. 84–94.

К.Ю. Пузырева

СИСТЕМА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение: российская система здравоохранения функционирует на основе системы обязательного медицинского страхования, которая терпит вред от преступности, характеризуемой корпоративностью и высоким уровнем латентности. **Цель** — найти подход к познанию преступности в сфере обязательного медицинского страхования; рассмотреть преступность в качестве угрозы криминологической безопасности системы обязательного медицинского страхования. **Методологическая основа:** исследование построено на применении диалектического метода, обеспечившего рассмотрение изучаемого негативного социального явления во взаимосвязи внутренних элементов, формально-юридического метода, который позволил познать основу правовой регламентации сферы совершения преступлений. **Результаты:** статья подготовлена по результатам обобщения сведений из приговоров и постановлений по делам о совершении должностных преступлений медицинскими работниками с целью получения предварительной поддержки гипотезы о целесообразности применения теории криминологической безопасности в решении вопросов защиты от криминальных угроз финансового фундамента здравоохранения. **Выводы:** признание системы обязательного медицинского страхования объектом криминологической безопасности позволит сместить акцент исследователей и правоохранителей с преступности и ее показателей с учетом фактора высокого уровня латентности на изменения свойств самого объекта защиты в целях противодействия преступным посягательствам.

Ключевые слова: преступность в медицинском страховании, криминологическая безопасность, состояние защищенности.

К. Yu. Puzyreva

THE SYSTEM OF COMPULSORY MEDICAL INSURANCE AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL SECURITY

Background: the Russian health care system operates on the basis of a system of compulsory medical insurance, which suffers from crime characterized by corporatism and a high level of latency. **Objective** — to find an approach to the knowledge of crime in the field of compulsory medical insurance; to consider crime as a threat to the criminological security of the compulsory medical insurance system. **The task of this study is to attempt to study crime as a threat to the criminological security of the compulsory health insurance system. Methodology:** the research is based on the application of dialectical method, which ensured the consideration of the studied

© Пузырева Кристина Юрьевна, 2024
Юрисконсульт (Тамбовский филиал АО «Страховая компания “СОГАЗ-Мед”»), соискатель кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kristina_68_036@mail.ru

© Puzyreva Krsitina Yuryevna, 2024
Legal advisor (Tambov branch of the Insurance company “Sogaz-Med”), applicant degree of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

negative social phenomenon in the interrelation of internal elements of the formal-legal method, which allowed to cognize the basis of legal regulation of the sphere of committing crimes. Results: the article was prepared based on the results of generalization of data from sentences and rulings on cases of commission of official crimes by medical workers in order to obtain preliminary support for the hypothesis about the expediency of applying the theory of criminological security in solving the issues of protection from criminal threats to the financial foundation of health care. Conclusions: recognition of the compulsory health insurance system as an object of criminological security will make it possible to ensure that the attention of researchers and law enforcers is shifted from crime and its indicators, taking into account the factor of a high level of latency, to changes in the properties of the object of protection itself in order to counteract criminal encroachments.

Keywords: *crime in health insurance, criminological security, state of security.*

Приписки и их массовость стали неотъемлемой проблемой здравоохранения. Поиск путей ее решения занимают специалисты различных уровней и отраслей знаний, включая юристов, организаторов здравоохранения, IT-специалистов, экономистов, управленцев. Приписки представляют собой умышленное искажение данных первичной и иной медицинской документации в целях получения увеличенного объема средств обязательного медицинского страхования медицинской организацией и являются преступлением, которое квалифицируется как служебный подлог (ст. 292 УК РФ), мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ч. 3 ст. 159.5 УК РФ). В настоящий момент в правоприменительной практике по делам о преступлениях, посягающих на правоотношения по обязательному медицинскому страхованию, отсутствует единообразие. С учетом общепризнанного факта высокого уровня латентности должностной преступности медицинских работников, отсутствие единых подходов в правоприменении вынуждает исследователей искать иные пути криминологического познания данного негативного социального явления. В качестве подхода к изучению преступности в сфере обязательного медицинского страхования предложим концепцию криминологической безопасности.

В целях выбора оптимального метода криминологического познания преступности целесообразно в поле зрения исследователя включать опыт применения частных криминологических теорий. В связи с этим сконцентрируем внимание на теории криминологической безопасности, введенной в научный криминологический оборот В.А. Плешаковым и М.М. Бабаевым. Концепция теории криминологической безопасности заключается в необходимости изучать и вырабатывать способы и формы защиты объектов от преступных посягательств, которые в рамках применяемой теории именуется угрозами криминологической безопасности. Общие сведения о применении в научных работах концепции криминологической безопасности схематически представлены далее.

Теория криминологической безопасности предполагает переключение внимания исследователя с преступлений и их источников на объект защиты. М.М. Бабаев утверждает, что обеспечение криминологической безопасности должно стать главной целью правоохранительной деятельности: «Противодействие преступности, общая и специальная профилактика, пресечение правонарушений, наказание лиц, совершивших преступления, пенитенциарная и постпенитенциарная практика — вся эта огромная и актуальная деятельность оказывается неэффективной, когда она замыкается сама на себе» [1, с. 11].

Диссертации на соискание ученой степени доктора наук	Диссертации на соискание ученой степени кандидата наук	Научные статьи
<ul style="list-style-type: none"> • Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних • Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности • Гордиенко В.В. Безопасность России в условиях глобализации: Криминологические и социально-правовые проблемы 	<ul style="list-style-type: none"> • Воронцова О.В. Криминологическая безопасность несовершеннолетних • Шабанов С.Г. Криминологическая безопасность корпорации и ее прогнозирование • Панасенко Е.К. Криминологическая безопасность осужденных в местах лишения свободы • Клименко С.А. Криминологическая безопасность правоотношений в сфере налогообложения в России • Сидорова Е.З. Обеспечение криминологической безопасности в организациях общего и среднего профессионального образования • ... 	<ul style="list-style-type: none"> • Плешаков В.А. Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии • Бабаев М.М. Криминология и уголовная политика • Цвилий А.В. Эволюция понятийного аппарата криминологической безопасности в субъекте Российской Федерации • Лебедев С.Я. Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России • Клейменов М.П., Сенокосова Е.К. Угрозы криминологической безопасности системы оказания медицинской помощи и их классификация • Лапин А.А. Криминологическая безопасность в стратегии национальной безопасности России • ...

Обзор научных работ на предмет криминологической безопасности

В трудах криминологов нередко встречается термин «антикриминальная безопасность». Обоснование необходимости введения его в научный оборот принадлежит Г.Г. Горшенкову, который рассматривает криминологическую безопасность в качестве вида антикриминальной безопасности [2, с. 35]. В понятие «криминологическая безопасность» он вложил смысл, который подразумевает состояние защищенности от криминальной угрозы, которая исходит из свойств самого объекта безопасности. Криминологическая безопасность, по Г.Г. Горшенкову, рассматривается с позиций объекта защиты и его свойств противостоять криминальным угрозам.

Как видно из приведенного на рисунке обзора исследований, объектами защищенности в научных работах выступают: здания, сферы общественных отношений, социальные группы и т.д.

Преступность в сфере обязательного медицинского страхования не была предметом самостоятельных исследований. Отчасти эта тема затрагивается в исследованиях преступности в системе оказания медицинской помощи или как составная часть должностной преступности работников здравоохранения. Научные данные по преступности в сфере обязательного медицинского страхования можно получить в результатах исследований по коррупционной преступности в медицинской сфере таких авторов, как А.Н. Варыгин, Л.А. Букалерева, А.В. Полукаров и др. М.П. Клейменов, Е.К. Сенокосова, которые рассматривают преступность и криминогенные факторы, создающие условия для криминализации здравоохранения, как «угрозу криминологической безопасности системы оказания медицинской помощи» [3, с. 696].

Осмелимся в качестве объекта криминологической безопасности рассмотреть сферу общественных отношений — систему обязательного медицинского страхования. Такой выбор обусловлен методикой, предлагаемой основоположниками изучаемой концепции. По мнению В.А. Плешакова, для выработки оптимальной

стратегии в достижении состояния защищенности, а также в целях определения объема ресурсов для устранения криминальных угроз «необходимо определить, на какие возможности стоит рассчитывать, и, исходя из этого, выделить основные объекты и предметы, наиболее нуждающиеся в такой защите» [4, с. 76]. Иными словами, изучение криминальной угрозы позволяет исследователю осуществить правильное целеполагание в построении системы мер для достижения состояния защищенности. Названный подход к целеполаганию позволяет в рамках нашего исследования применять теорию криминологической безопасности и выделить объект, нуждающийся в защите.

Здравоохранение — крупная ресурсоемкая отрасль экономики (в России — 3,2 % от ВВП, а это 3 315,9 млрд рублей), в которой занято 4 404 тыс. человек [5, с. 109]. Система обязательного медицинского страхования является финансовым фундаментом системы здравоохранения в силу особенностей построения социально-страховой модели. Средства обязательного медицинского страхования выступают первыми в перечне источников финансирования первичной медико-санитарной помощи, скорой медицинской помощи, специализированной, в том числе высокотехнологичной, помощи. Отсюда следует, что наболевшие «приписки» и взяточничество в российском здравоохранении — это преступления, то есть угрозы криминологической безопасности системы обязательного медицинского страхования. Применение теории криминологической безопасности позволяет определить объект, нуждающийся в защите от криминальных угроз, — систему обязательного медицинского страхования.

Признание системы обязательного медицинского страхования объектом криминологической безопасности целесообразно исходя из следующих факторов. Во-первых, система обязательного медицинского страхования является финансовым фундаментом отрасли здравоохранения, за счет которой обеспечивается адресность и доступность медицинской помощи, учитывая организацию социально-страховой модели. Во-вторых, система обязательного медицинского страхования испытывает большую долю последствий и оплачивает должностную преступность медицинских работников, которая характеризуется высоким уровнем латентности. Иными словами, противостоять припискам жизненно необходимо, но масштабы угрозы непознаваемы из-за корпоративной закрытости. Не зная фактического объема преступности, сложно определить количество ресурсов, необходимых для противодействия. Незнание истинного масштаба криминальной угрозы и невозможность или затруднительность устранить это незнание приводит к выводу о необходимости достижения приемлемого уровня защищенности системы обязательного медицинского страхования, изменяя ее свойства.

Как отмечает М.М. Бабаев, целью выстроенной системы противодействия преступности являются «преступность, преступники и то, что с ними связано» [1, с. 11], при этом такие криминологические элементы, как потерпевшие, детерминанты преступности, социальные последствия преступности, право общества на избавление от криминальных угроз, остаются за рамками внимания правоохранительных органов.

Теория криминологической безопасности предполагает выразить состояние защищенности через следующие элементы. Первый из них предполагает создание такой социальной ситуации, при которой преступные посягательства не становятся препятствием на пути к реализации прав и интересов личности, общества и государства. Применительно к системе обязательного медицинского

страхования размах преступности достигает такого уровня, что оказывает негативное воздействие на управленческие, в том числе финансовые, процессы в отрасли здравоохранения. Не требует аргументации тезис о невозможности полного искоренения преступности, тем не менее состояние защищенности, по мнению В.А. Плешакова, предполагает отсутствие реальных помех при осуществлении жизнедеятельности, так называемый социально приемлемый уровень преступности [6, с. 35]. Аналогичных позиций придерживается М.М. Бабаев, Б.Б. Бидова, указывая на факт невозможности «нулевого уровня возникновения опасности» [1, с. 11; 7, с. 52], что, очевидно, заставляет исследователей задуматься об определении уровня допустимости масштаба или «порога» угрозы. Масштабы превышения социально приемлемого уровня приписок настолько велики, что об этом явлении как о системном при оказании медицинской помощи уже на протяжении нескольких лет говорят в научной литературе и в средствах массовой информации, в том числе на уровне первых лиц государства¹. «По оценкам специалистов Института развития общественного здравоохранения, в трех из четырех медицинских учреждений осуществляются приписки» [8, с. 166]. 20 % врачей признают вынужденность регулярных приписок, причем такая ситуация более распространена в амбулаторно-поликлиническом звене, где установлены планы по приему пациентов [9, с. 22]. Иными словами, образуется совокупность причин и условий преступности, при которой выбор криминального варианта поведения становится правилом [10, с. 59]. Приведенные сведения демонстрируют отсутствие состояния защищенности системы обязательного медицинского страхования.

Второй элемент криминологической безопасности по сути своей означает минимизацию вероятности наступления угроз преступных посягательств посредством воздействия на криминогенные факторы. Для обеспечения социально приемлемого уровня преступности, при котором нет преступных помех к реализации общественных отношений, «необходимо своевременно выявлять, устранять и нейтрализовывать угрозы преступных посягательств, порождаемых криминогенными факторами» [6, с. 35]. Понимание целесообразности изменения свойств самого объекта безопасности в целях достижения приемлемого уровня защищенности приводит к необходимости изучения особенностей детерминации преступного поведения при оказании медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию в целях построения системы устранения или ослабления детерминантов преступности (системы предупреждения).

В.А. Плешаков постулирует тезис о том, что угрозой криминологической безопасности следует считать «преступность во всех ее проявлениях, совокупность криминогенных факторов» [6, с. 36]. Другие авторы (А.И. Савельев, А.А. Лапин), соглашаясь с ученым, развивают мысль о том, что угрозами являются преступные посягательства, определенные действующим уголовным законодательством, а также указывают на криминологическую безопасность как на вид национальной безопасности. Нельзя не согласиться с М.М. Бабаевым, С.Я. Лебедевым, А.А. Лапиным, А.И. Савельевым в том, что большинство угроз национальной безопасности прямо или опосредовано связаны с преступностью, то есть «носят криминальный характер» [11, с. 49]. Необходимость сдерживать на приемлемом

¹См.: Корниенко Е. Приписали под статью: почему врачи вынуждены придумывать пациентов. План по диспансеризации оборачивается для медиков уголовными делами. URL: <https://iz.ru/891525/ekaterina-korinenko/pripisali-pod-statiju-pochemu-vrachi-vynuzhdeny-pridumyvati-pacientov> (дата обращения: 24.12.2022).

уровне угрозы безопасности, а также потребность в своевременном и адекватном реагировании государства и международного сообщества [12, с. 30] уголовно-правовыми мерами на вновь возникающие угрозы позволяют согласиться с мыслью о том, что «угрозы национальной и международной безопасности приобретают криминологический смысл» [11, с. 50]. Из выражения второго элемента криминологической безопасности следует необходимость адекватного уголовно-правового ответа на угрозы системы обязательного медицинского страхования. Указанное отсутствие единообразия в следственно-судебной практике по делам о приписках вынуждает теоретиков, практиков, представителей общественности признать факт совершенствования если не норм Особенной части УК РФ, то подходов в правоприменении на уровне судебной практики в разъяснениях Пленума ВС РФ.

Рассмотрение криминологической безопасности как вида национальной безопасности заставляет, на наш взгляд, сконцентрировать внимание на двух важнейших аспектах теории криминологической безопасности:

важности для государства обеспечения социально приемлемого уровня преступности как угрозы криминологической безопасности в целях недопущения создания препятствий функционированию социума и личности в нем;

адекватности отражения в уголовном законодательстве вновь возникающих угроз.

Применение теории криминологической безопасности к изучению преступности в сфере обязательного медицинского страхования позволяет сформулировать определения следующих понятий.

Криминологическая безопасность системы обязательного медицинского страхования — состояние защищенности от криминальных угроз общественных отношений, складывающихся при обеспечении гарантий бесплатного оказания медицинской помощи застрахованным лицам.

Выбор подхода к криминологическому познанию преступности в сфере обязательного медицинского страхования как к угрозе криминологической безопасности позволяет обеспечить правильное целеполагание исследования: поиск путей и способов достичь состояния защищенности от угроз криминального характера системы обязательного медицинского страхования путем изменения свойств самого объекта.

Исходя из изложенного следует, что угрозой криминологической безопасности выступает преступность и ее проявления.

В целях обеспечения надлежащего смыслового наполнения данного понятия необходимо прибегнуть к изучению подходов к классификации видов преступлений, образующих в массиве преступность в сфере обязательного медицинского страхования.

Угроза криминологической безопасности системы обязательного медицинского страхования — преступность в сфере обязательного медицинского страхования, а также совокупность криминогенных факторов, создающих опасность совершения преступного деяния в отношениях, складывающихся при обеспечении гарантий бесплатного оказания медицинской помощи застрахованным лицам.

Преступность в сфере обязательного медицинского страхования представляет собой совокупность преступлений [13, с. 93], совершенных в области общественных отношений, складывающихся при обеспечении гарантий бесплатного оказания медицинской помощи застрахованным лицам¹.

¹ См.: Закон РФ от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2009 г.) (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27, ст. 920; 2009. № 30, ст. 3739.

По причине отсутствия в официальной статистической информации выделенной группы — преступления в сфере обязательного медицинского страхования, а также с учетом затруднений в оценке фактического объема совокупности преступлений применение теории криминологической безопасности оправдано и целесообразно. Теория позволяет сконцентрировать внимание криминологов на цели достижения состояния защищенности системы, которая может быть достигнута посредством реализации свойств самого объекта безопасности. В связи с этим уровень защищенности тем выше, чем эффективнее выстроена организация функционирования системы: способы контроля за объемом оказанной медицинской помощи, расчет тарифов за единицу помощи, порядок финансирования амбулаторно-поликлинического звена в государственном секторе и т.д. Система конкретных мер организации системы медицинского страхования должна стать предметом отдельных исследований.

Нарастающая должностная преступность медицинских работников, финансовый кризис в отрасли здравоохранения, организационные просчеты в системе оказания медицинской помощи делают необходимым научное осмысление проблем и выработку путей их решения. Настоящее исследование должно стать первым шагом на пути научной проработки порядка создания системы предупреждения преступности в сфере обязательного медицинского страхования.

Библиографический список

1. *Бабаев М.М.* Криминология и уголовная политика // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2(51). С. 7–19.
2. *Горшенков Г.Г.* Антикриминальная безопасность личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ставрополь, 2009. 59 с.
3. *Клейменов М.П., Сенокосова Е.К.* Угрозы криминологической безопасности системы оказания медицинской помощи и их классификация // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 696–705.
4. *Плешаков В.А.* Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2(73). С. 75–79.
5. Здравоохранение в России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 170 с.
6. *Плешаков В.А.* Угрозы криминологической безопасности: системный анализ современного состояния // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 34–39.
7. *Бидова Б.Б.* Обеспечение криминологической безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 2(45). С. 51–55.
8. *Тимофеев А.В.* Противодействие преступлениям в сфере обязательного медицинского страхования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1(81). С. 165–170.
9. *Тумусов Ф.С., Косенков Д.А.* Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации. М.: Изд. Госдумы, 2019. 80 с.
10. *Клейменов М.П.* Криминология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2018. 400 с.
11. *Савельев А.И.* Криминологическая безопасность как вид национальной безопасности // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 1. С. 49–54.
12. *Лапин А.А.* Криминологическая безопасность в Стратегии национальной безопасности России // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2015. № 1. С. 29–36.
13. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 630 с.

References

1. *Babaev M.M.* Criminology and Criminal Policy // Jurist-Pravoved. 2012. No. 2(51). P. 7–19.
2. *Gorshenkov G.G.* Anti-Criminal Security of the Individual: extended abstract diss. ... Dr. of Law. Stavropol, 2009. 59 p.
3. *Kleimenov M.P., Senokosova E.K.* Threats to Criminological Safety of the Medical Care System and Their Classification // All-Russian Journal of Criminology. 2017. Vol. 11, no. 4. P. 696–705.
4. *Pleshakov V.A.* Theory of Criminological Security as a Private Theory of Criminology // Man: crime and punishment. 2011. No. 2(73). P. 75–79.
5. Healthcare in Russia. 2019: stat. sat. M.: Rosstat, 2019. 170 p.
6. *Pleshakov V.A.* Threats to criminological security: a systematic analysis of the current state // Man: Crime and Punishment. 2013. No. 3. P. 34–39.
7. *Bidova B.B.* Ensuring Criminological Security of Russia // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2014. No. 2(45). P. 51–55.
8. *Timofeev A.V.* Countering Crimes in the Field of Compulsory Medical Insurance // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1(81). P. 165–170.
9. *Tumusov F.S., Kosenkov D.A.* Modern Trends in the Healthcare System of the Russian Federation. M.: Edition of the State Duma, 2019. 80 p.
10. *Kleimenov M.P.* Criminology: textbook. 3rd ed., reprint. and suppl. M.: Norm, 2018. 400 p.
11. *Saveliev A.I.* Criminological Security as a Type of National Security // Siberian Law Review. 2019. No. 1. P. 49–54.
12. *Lapin A.A.* Criminological Security in the Strategy of National Security of Russia // Bulletin of the RUDN. Ser. Legal Sciences. 2015. No. 1. P. 29–36.
13. Criminology: textbook / ed. by N.F. Kuznetsova, V.V. Luneva. 2nd ed., revised and suppl. M.: Walters Kluwer, 2004. 630 p.

И.В. Климов

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТРЕБОВАНИЯ ИЗ ДОГОВОРНОЙ ГАРАНТИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ (*INDEMNITY*) ПО ПРАВУ АНГЛИИ: ВЗГЛЯДЫ И ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Введение: несмотря на значительные сроки существования договорной гарантии возмещения потерь (*indemnity*) в праве Англии, вопросы правовой природы указанного средства правовой защиты продолжают оставаться предметом дискуссии. В связи с этим возникает научный интерес в рассмотрении исторических аспектов, а также актуальных взглядов в отношении заявленной проблематики.

Цель — осветить имеющиеся взгляды по вопросу правовой природы договорной *indemnity* в праве Англии, а также определить собственное мнение по данному вопросу. **Методологическая основа:** исследование базируется на комплексном методологическом наборе, включающем помимо прочего формально-юридический и исторический методы, а также метод анализа. **Результаты:** выявлено, что принципиально договорная *indemnity* может рассматриваться как требование о возмещении убытков либо как долговое требование. Автор сформировал и выразил собственное мнение по рассматриваемой проблеме. **Выводы:** на основании современных судебных прецедентов автор заключает, что в настоящее время содержание правового эффекта договорной *indemnity* прежде всего зависит от формулировки договорных условий об *indemnity* в каждом конкретном случае, поэтому вопросы юридической техники при составлении договоров приобретают высокое значение.

Ключевые слова: договорная гарантия, *indemnity*, убытки, долг, возмещение потерь.

I. V. Klimov

LEGAL NATURE OF A CLAIM FROM A CONTRACTUAL INDEMNITY UNDER ENGLISH LAW: VIEWS AND CURRENT TRENDS

Background: despite the significant period of existence of contractual indemnity in English law, the issues of the legal nature of this remedy continue to be the subject of discussion. In this regard, there is a scientific interest in the consideration of historical aspects, as well as current views on the stated problematic. **Objective** — to highlight the available views on the legal nature of contractual indemnity in the law of England, as well as to determine our own opinion on this issue. **Methodology:** the research is based on a comprehensive methodological set, including, *inter alia*, formal-legal and historical methods, as well as the method of analysis. **Results:** it was revealed that, in principle, contractual indemnity can be considered as a claim for damages or as a debt claim. The author has formed and expressed his own opinion on the problem under consideration.

Conclusions: on the basis of modern court precedents, the author concludes that at present the content of the legal effect of contractual indemnity primarily depends on the wording of contractual indemnity clauses in each specific case, so the issues of legal technique in the drafting of contracts become of high importance.

Keywords: *contractual guarantee, indemnity, losses, debt, compensation for losses.*

Институт договорной гарантии возмещения потерь (далее — *indemnity*) известен английскому праву на протяжении более чем двух с половиной веков. Без преувеличения можно утверждать, что ему отводится далеко не последняя роль в договорном регулировании вопросов перераспределения имущественных рисков.

Невзирая на столь продолжительное присутствие *indemnity* в правовой системе Англии, ряд аспектов его правового режима порождает различные взгляды как среди английских судей, так и в юридической доктрине. Дополнительный интерес к обозначенной проблематике обусловлен тем фактом, что в российском праве с 2015 г. нормативно закреплён (ст. 406.1 Гражданского кодекса РФ) и стремительно развивается в определенной степени родственный *indemnity* институт возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств.

Одним из вопросов, вокруг которого складывается непрекращающийся правовой дискурс в английском праве, является правовая природа требования из *indemnity*. Дихотомия взглядов по заявленной проблематике в общем виде находит свое выражение в двух подходах: в одном случае требование по *indemnity* рассматривается в качестве долга (*debt*), в другом как убытки (*damages*).

До перехода к рассмотрению доводов сторонников каждого из двух обозначенных взглядов представляется необходимым хотя бы в самом общем виде осветить отличия между требованиями о возмещении убытков и долговым требованием по праву Англии. Весьма емко, на наш взгляд, базовые различия между указанными правовыми режимами были упомянуты в деле *Jervis v Harris*¹: «Договорное право явным образом различает долговое требование и требование о возмещении убытков за нарушение договора... долг предполагает твердую денежную сумму, установленную соглашением сторон в качестве встречного предоставления за осуществление определенных действий; при этом убытки (*damages*) могут быть истребованы к возмещению у стороны, которая не исполнила свое основное договорное обязательство (иное, чем невыплата долга)».

В чем же практические различия в правовых режимах требования о возмещении убытков и долгового требования? Неотъемлемыми атрибутами требования о возмещении убытков выступают такие правила-характеристики, как причинная связь (*causation*) — предполагает, что взысканию подлежат лишь те потери, которые непосредственно вызваны нарушением договора одной из сторон; отдаленность (*remoteness*) — предполагает, что потери, которые стороны договора не могли предвидеть при его заключении, не подлежат взысканию; обязанность минимизировать потери (*duty to mitigate losses*) — предполагает, что сторона лишается права взыскать те потери, в отношении которых она не приняла доступных мер по их снижению [1, с. 24–28].

¹См.: *Jervis v. Harris* [1996] Ch. 195.

Рассмотренные признаки не применяются к долговым требованиям, что позволяет сделать однозначный вывод о степени защищенности управомоченного лица (кредитора) по *indemnity*, которая находится в прямой зависимости от правовой природы требования по *indemnity*.

Проиллюстрируем подходы по проблематике определения природы *indemnity* (долг либо убытки), а также применимости правил о взыскании убытков к *indemnity* в разрезе имеющихся судебных precedентов.

Первую группу составляют решения судов, в которых констатируется долговая природа *indemnity* путем прямого противопоставления требованиям о возмещении убытков. В одном из широко известных дел¹ Апелляционный суд (*Court of Appeal*) назвал «корректными с точки зрения права» и поддержал следующие утверждения истца: «...требование по соглашению об *indemnity* вовсе не является требованием об убытках, а является долговым требованием в отношении выплаты определенной суммы в связи с возникновением конкретного события. Таким образом, лицо, предоставившее *indemnity*, не имеет возможности ставить под сомнение свое обязательство выплатить денежную сумму по *indemnity*, ссылаясь на принципы, применяемые к возмещению убытков за нарушение договора, которые не применимы к долгам». В деле, рассмотренном Судебной коллегией королевской скамьи Высокого Суда Англии и Уэльса в 1976 г.², было отмечено различное целевое назначение возмещения убытков и *indemnity*: первый упомянутый механизм направлен на предоставление компенсации стороне, право которой нарушено; второй создает обязательство для стороны, предоставившей *indemnity*, выплатить денежную сумму в случае наступления определенного события (долгового обязательства). В деле *Jervis v Harris*, на которое мы уже ссылались ранее, судьей было отмечено, что «требование арендодателя имеет признаки долга, а не убытков; и это не требование о компенсации за нарушение обязанности арендодателя по ремонту, а требование о возмещении сумм, фактически уплаченных самим арендодателем за ремонтные работы».

К этой же группе можно условно отнести решения, в которых суды прямо не противопоставляют *indemnity* как долг требованиям о возмещении убытков, однако явным образом выводят его из-под действия характерных для возмещения убытков правил. В одном из дел, рассмотренных в 2014 г.³, суд констатировал, что к *indemnity* не применяются правила минимизации потерь. К аналогичным выводам в рамках другого дела⁴ ранее пришел судья Высокого Суда Англии и Уэльса, заметив: «Насколько мне известно, нормы права исходят из того, что вопросы снижения размера потерь применительно к договорам *indemnity* не возникают...». В споре, рассмотренным Высоким Судом Англии и Уэльса в 2023 г., было отмечено, что требование из *indemnity* имеет долговую природу и к нему не применяется правило о необходимости снижения размера потерь кредитором⁵. При рассмотрении другого спора⁶ судом было прямо заявлено, что к *indemnity* не применяются правила отдаленности, используемые в отношении убытков:

¹ См.: *Royscot Commercial Leasing Ltd v Ismail* (1993, unreported).

² См.: *County and District Properties Ltd v C. Jenner & Son Ltd and others* [1976] 2 Lloyd's Rep. 728.

³ См.: *ABN Amro Commercial Finance Plc v McGinn* [2014] EWHC 1674 (Comm).

⁴ См.: *Codemasters Software Co Ltd v Automobile Club de L' Ouest* (no2) [2009] EWHC 3194 (Comm).

⁵ См.: *Praetura Asset Finance Ltd v S Line Rentals & Ors* [2023] EWHC 889 (Comm).

⁶ См.: *Caledonia N. Sea Ltd. v. London Bridge Eng'g Ltd.*, [2000] S.L.T. 1123, 1207 (Sess.).

«В случае с *indemnity* считается, что стороны предвидели возможность возникновения оснований для предъявления требования, и не имеет существенного значения, насколько маловероятно было возникновение таких оснований, либо насколько необычны обстоятельства, при которых возникает требование...». Апелляционный суд в 2002 г.¹ допустил взыскание потерь, которые не были вызваны событием, которое охватывалось *indemnity*, но имело определенную с ним связь. Тем самым суд не применил к *indemnity* типичное для возмещения убытков правило о наличии причинной связи между потерями и событием-основанием.

Ко второй группе относятся судебные решения, которые зиждутся на позиции, согласно которой требование по *indemnity* обладает прежде всего признаками требования по возмещению убытков, а не долговым требованием. Показательным в этом отношении является рассмотренное Высоким Судом Англии и Уэльса дело², в котором судья С. Моррис при рассмотрении вопроса о средстве правовой защиты (*remedy*) на случай нарушения обязательств по *indemnity* заключил следующее: «Абсолютно точно, что английские источники стоят на том, что средством правовой защиты на случай нарушения договора об *indemnity* являются убытки, а не подлежащая уплате договорная сумма (т.е. долг)».

В деле *the Fanti*³ лорд Гофф исходил из того, что *indemnity* служит основанием для предъявления требования о взыскании заранее не оцененных убытков (*unliquidated damages*), возникающих в случае, если предоставившее *indemnity* лицо допустило возникновение убытков у лица, в пользу которого была предоставлена *indemnity*. На это же дело сослался судья при рассмотрении одного из споров в 2019 г.⁴, заявляя о том, что из *indemnity* возникает требование о взыскании заранее не оцененных убытков. В другом судебном акте⁵ Апелляционный суд, поддержавший доводы суда первой инстанции, исходил из того, что *indemnity* в отношении нарушения договора покрывает только предвидимые потери вследствие его нарушения. В этом деле суд также обратил внимание на необходимость доказать причинную связь между наступившим событием и понесенными потерями.

А.Г. Архипова, опираясь на отдельные судебные решения, утверждает, что требования по *indemnity* в рамках английского права не представляют собой разновидность требования о взыскании убытков, а имеют долговую природу [2, с. 167]. Однозначно в пользу долговой природы *indemnity* высказывается А.В. Добровинская [3, с. 22]. Категоричные суждения встречаются и среди зарубежных исследователей. М. Теджани, проведя анализ *indemnity* в договорах купли-продажи акций, высказывал следующую мысль: «*Indemnity* является долговым требованием. Событием-основанием [*trigger*] является согласованное событие, а средством правовой защиты — согласованная сумма» [4, с. 46].

Отдельный пласт исследований затрагивал вопросы правовой природы требования, которое возникает после нарушения лицом своей обязанности по *indemnity*. Остановимся на них.

В доктрине встречается взгляд на природу требования по *indemnity* в зависимости от того, является ли *indemnity* превентивной (*preventative*) либо компен-

¹ См.: *Campbell v Conoco (UK) Ltd & Ors* [2002] EWCA Civ 704.

² См.: *Durley House Ltd v Firmdale Hotels Plc* [2014] EWHC 2608 (Ch).

³ См.: *The Fanti and The Padre Island* [1991] 2 AC 1.

⁴ См.: *AXA SA v Genworth Financial International Holdings, Inc & Ors* [2019].

⁵ См.: *Total Transport Corp v Arcadia Petroleum Ltd (The Eurys)* [1998] 1 Lloyd's Rep. 351.

сационной (*compensatory*): нарушение первой наделяет управомоченную сторону правом потребовать возмещения убытков, второй — долговым требованием [5, с. 55].

Для целей демонстрации правовой природы требования, возникающего из *indemnity*, в одном исследовании выделялись три его группы: компенсационная *indemnity*, для которой размер компенсации определен заранее (влечет возникновение долгового требования); компенсационная *indemnity*, для которой размер компенсации заранее не определен (порождает требование о возмещении убытков); превентивная *indemnity*, предусматривающая обязанность не допустить возникновения потерь (также влечет требование о возмещении убытков) [6, с. 12].

Что касается нашей точки зрения на природу требования в рамках *indemnity*, отметим, что не находим возможным быть столько категоричными, как А.Г. Архипова, А.В. Добровинская и М. Теджани. Дело в том, что суды и исследователи-юристы часто формируют свои взгляды на природу требования по *indemnity* применительно к самым различным по своей конфигурации *indemnity*.

Отдельный и весьма значительный пласт правоприменения, связанный с включением в охват *indemnity* случаев нарушения договора его стороной, ставит под вопрос возможность однозначно и последовательно разделить *indemnity* и возмещение убытков и ведет к их смешению. В одном из исследований авторы отмечают, что не вполне ясно, по какой причине к *indemnity* за нарушение договора не должны применяться правила, которые в аналогичном случае применяются к возмещению убытков [7, с. 787].

У. Кортни предлагает не переоценивать важность установления природы *indemnity*: во многих делах суды разрешают споры в первую очередь исходя из охвата конкретной *indemnity* без установления его юридической природы. В конечном итоге важно то, что лицо, в пользу которого выдана *indemnity*, получает возмещение в размере фактически понесенных потерь с учетом правил их расчета, предусмотренных договором. Однако вопрос, является ли *indemnity* долговым требованием либо требованием по возмещению убытков, не имеет прикладного значения (по крайней мере в той степени, в которой договор в достаточной мере регламентирует практические аспекты компенсации потерь) [8, § 2–5].

При таком подходе, если возмещение по *indemnity* выплачивается в точном соответствии с охватом *indemnity* по правилам возмещения, детализированных в договоре, то сумма возмещения практически не зависит от взглядов на природу *indemnity*. В связи с этим во главу угла ставится вопрос качественного составления (так называемый драфтинг) положений об *indemnity* в договоре, содержание которых должно в полной мере отражать намерения сторон. В частности, из отдельных решений судов¹ можно усмотреть, что при наличии сильной переговорной позиции управомоченная сторона порой успешно добивается включения в договор положения, прямым образом исключающего применение принципа к *indemnity*. Такое положение договора рассматривается как подлежащее принудительному исполнению (*enforceable*).

При максимально полном, ясном и недвусмысленном составлении договорных условий суды действительно нередко опираются на положения договора без обращения к общим вопросам природы *indemnity*. В частности, ключевое значение содержания термина «потери» согласно положениям договора для разрешения

¹ См.: *Robophone Facilities Ltd v Blank*. [1966] 1 WLR 1428, CA.

спора отмечалось в деле с участием дочернего общества известной немецкой компании Siemens¹. В данном деле, оценив соответствие наступивших потерь охвату *indemnity*, суд не применил к *indemnity* правила отдаленности. В другом споре² суд руководствовался следующим соображением: если предусмотренный договором охват *indemnity* очевидным образом распространяется на соответствующие потери, они подлежат взысканию; в таком случае тест на отсутствие отдаленности не применяется.

На необходимость придерживаться максимально точных и недвусмысленных формулировок указывал А.В. Томсинов, отмечая тенденцию английских судей к узкой и буквальной интерпретации положений об *indemnity* [9, с. 105]. Подчеркнем, что уже после опубликования соответствующего исследования этого ученого названная тенденция стала меняться в пользу комплексного подхода судов к толкованию положений об *indemnity*. Например, при рассмотрении Верховным Судом Великобритании одного из споров³ лорд Ходж при интерпретации положений об *indemnity* руководствовался в числе прочего коммерческим контекстом (*commercial context*), а также общей бизнес логикой (*business common sense*)⁴. На необходимость выявлять действительные намерения сторон судом указывалось в рассмотренном в 2022 г. споре по *indemnity* из договора купли-продажи бизнеса⁵. В споре AXA SA v Genworth Financial Holdings Inc & Anor суд усмотрел свою задачу и «в сопоставлении спорных формулировок договора со всей системой взаимоотношений сторон по договору, общим контекстом договора, а также в установлении истинного смысла таких формулировок». Совокупность обстоятельств по делу (*factual matrix*) при толковании положений об *indemnity* исследовалась Высоким Судом Англии и Уэльса⁶. Апелляционный суд, изменяя одно из решений Высокого Суда Англии и Уэльса, пояснил, что «следует избегать искусственных [*artificial*] подходов к интерпретации коммерческих договоров в пользу выявления истинного смысла слов, заложенного сторонами»⁷. В одном из споров, связанных с *indemnity*, в субподрядных отношениях⁸ суд также предпочел выявление истинных намерений сторон буквальным формулировкам договора. В деле, рассмотренном в 2024 г. Высоким Судом Англии и Уэльса, суд в контексте *indemnity* отказался руководствоваться буквальным прочтением, которое вело к «несуразности»⁹.

Чрезвычайная важность качественного формулирования договорных условий об *indemnity* с точки зрения перспектив принудительного исполнения в суде отмечается и в последующих исследованиях [10, с. 75–88].

В пользу важности тщательной подготовки договорных условий об *indemnity* (и прямого упоминания *indemnity* в договоре, если, конечно, это отражает волю сторон) свидетельствуют следующие обстоятельства: во-первых, при отсутствии

¹ См.: Supersfield Ltd v Siemens Building Technologies FE Ltd [2010] EWCA Civ 7.

² См.: Triad Shipping Co v Stellar Chartering & Brokerage Inc., (The “Island Archon”) [1994] 2 Lloyd’s Rep. 227.

³ См.: Wood v Capita Insurance Services Ltd [2017] UKSC 24.

⁴ См.: Коммерческий смысл (*commercial sense*) при интерпретации условия об *indemnity* выявлялся судом в деле Angeliki Frangou v Ioannis (John) Frangos ([2023] EWCA Civ 1320).

⁵ См.: Gwynt y Mor OFTO plc v Gwynt y Mor Offshore Wind Farm Ltd and other companies [2020] EWHC 850 (Comm).

⁶ См.: Aston Martin MENA Limited v Aston Martin Lagonda Limited [2023] EWHC 3285 (Comm).

⁷ См.: Transocean Drilling UK Ltd v Providence Resources Plc [2016] EWCA Civ 372.

⁸ См.: Greenwich Millennium Village Ltd v Essex Services Group Plc & Ors ([2014] EWCA Civ 960 (CA)).

⁹ См.: Eurobank SA v Momentum Maritime SA & Ors [2024] EWHC 210 (Comm).

прямых указаний сторон на иные подходы к возмещению потерь применяются правила, сформулированные в известном деле *Hadley v Baxendale*¹, что может повлечь взыскание потерь в размере меньшем, чем рассчитывала управомоченная сторона; во-вторых, согласно имеющимся исследованиям, даже наличие явно выраженного упоминания *indemnity* в договоре при отсутствии детализированных правил возмещения потерь само по себе не является панацеей против применения судом правил, выработанных в деле *Hadley v Baxendale*.

Исходя из проведенного нами анализа (с учетом упомянутой актуальной практики английских судов), в практическом плане на объем получаемого стороной возмещения на основании *indemnity* (а также на соответствующие судебные перспективы) первостепенное влияние действительно оказывает точность договорных формулировок положений об *indemnity*.

В качестве итогов проведенного исследования отметим, что даже в том случае, если конкретному исследователю природа требования из *indemnity* видится полностью отличной от возмещения убытков, это не означает, что, выбрав *indemnity* в качестве механизма защиты имущественных интересов, сторона сможет полностью «отвязаться» от базовых постулатов английского права. Подходы, которые используются судами в отношении возмещения убытков, во многом опираются на общие принципы английского права и в том или ином ключе (пусть и с отдельными трансформациями и отступлениями), могут быть применены и к *indemnity* (в случае нарушения обязательств лицом, предоставившим *indemnity*). Так, Л.В. Санникова со ссылкой на практикующих юристов указывает [11, с. 442], что суды толкуют положения об *indemnity* таким образом, чтобы не допустить неосновательного обогащения (*unjust enrichment*) управомоченной стороны. А.А. Хантимилова отмечает, что по английскому праву признак отсутствия неосновательного обогащения у кредитора — одно из проявлений принципа «точной защиты» *indemnity* [12, с. 95–101]. Судебные решения, в которых указывается на недопустимость неосновательного обогащения кредитора по *indemnity*, встречались и в XIX в. Например, в деле *Burnand v Rodocanachi*² лорд Блэкберн указывал, что «...если в рамках *indemnity*... возникают потери, то любой фактор, снижающий размер потерь, также уменьшает сумму, которую должно выплатить лицо, предоставившее *indemnity*; и если такое лицо уже осуществило выплату и при этом лицу, которое получило выплату по *indemnity*, удастся снизить размер потерь, то представляется справедливым, чтобы лицо, осуществившее полную выплату по *indemnity*, получило обратно часть выплаченных средств».

При ином подходе утрачивалась бы безусловная компенсационная природа *indemnity*.

В то же время, как уже было отмечено, *indemnity* является чрезвычайно гибким инструментом и при должном уровне составления договорных условий позволит определить в договоре такой режим возмещения потерь, который наиболее полно отвечает намерениям сторон.

Библиографический список

1. Падиряков А.В. Возмещение убытков из нарушения договора в английском, германском и российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. 280 с.

¹ См.: *Hadley & Anor v Baxendale & Ors* [1854] EWHC J70.

² См.: *Burnand v Rodocanachi* (1882) 7 App Cas 333, 339.

2. *Архипова А.Г.* Возмещение потерь в новом ГК РФ: «за» или «против»? // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 158–183.
3. *Добровинская А.В.* Возмещение потерь: английские традиции и российские новеллы // Право и экономика. 2019. № 3. С. 21–26.
4. *Tedjani M.* Indemnities in Private Share Deals. 2019. *Company Lawyer* 39. P. 41–53.
5. *Zakrzewski R.* The Nature of a Claim on an Indemnity. 2006. *Journal of Contract Law*. Vol. 22, no. 1. P. 54–71.
6. *Chukwu F.* The breach of contractual indemnities under English law — a debt claim or a damages claim? *IALS Student Law Review*. Vol. 7, Iss. 1, [2020]. P. 3–14.
7. *West G., Duran S.* Reassessing the “Consequences” of Consequential Damage Waivers in Acquisition Agreements. *The Business Lawyer*. 2008. Vol. 63. P. 777–807.
8. *Courtney W.* *Contractual Indemnities*. Oxford and Portland Oregon: Bloomsbury Publishing.
9. *Томсинов А.В.* Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91–111.
10. *Сегалова Е.А., Сатыров З.И.* Индемнити и возмещение потерь как институты распределения договорных рисков по российскому и английскому праву // Вестник арбитражной практики. 2021. № 1. С. 75–88.
11. *Санникова Л.В.* Возмещение потерь в странах общего права и в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 4. С. 440–450.
12. *Хантимирова А.А.* Принцип точной защиты в контексте возмещения потерь на основании ст. 406.1 ГК РФ // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. С. 95–101.

References

1. *Padiryakov A.V.* Compensation for Damages from Breach of Contract in English, German and Russian Law: diss. ... cand. of Law. Kazan, 2022. 280 p.
2. *Arkhipova A.G.* Compensation of Losses in the New Civil Code of the Russian Federation: “For” or “Against”? // *Bulletin of Civil Law*. 2012. No. 4. P. 158–183.
3. *Dobrovinskaya A.V.* Compensation of Losses: English Traditions and Russian Short Stories // *Law and Economics*. 2019. No. 3. P. 21–26.
4. *Tedjani M.* Indemnities in Private Share Deals. 2019. *Company Lawyer* 39. P. 41–53.
5. *Zakrzewski R.* The Nature of a Claim on an Indemnity. 2006. *Journal of Contract Law*. Vol. 22, no. 1. P. 54–71.
6. *Chukwu F.* The Breach of Contractual Indemnities Under English Law — a Debt Claim or a Damages Claim? *IALS Student Law Review*. Vol. 7, Iss. 1, [2020]. P. 3–14.
7. *West G., Duran S.* Reassessing the “Consequences” of Consequential Damage Waivers in Acquisition Agreements. *The Business Lawyer*. 2008. Vol. 63. P. 777–807.
8. *Courtney W.* *Contractual Indemnities*. Oxford and Portland Oregon: Bloomsbury Publishing.
9. *Tomsinov A.V.* Claims of Circumstances and Damages in Russian Law Compared to Representations, Warranties and Indemnity in English and US Law. 2015. No. 11. P. 91–111.
10. *Segalova E.A., Satyrov Z.I.* Indemnity and Compensation of Losses as Institutions for the Distribution of Contractual Risks Under Russian and English Law // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2021. No. 1. P. 75–88.
11. *Sannikova L.V.* Compensation of Losses in Common law Countries and in Russia // *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2016. No. 4. P. 440–450.
12. *Khantimirova A.A.* The Principle of Accurate Protection in the Context of Compensation for Losses Based on Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2023. No. 6. P. 95–101.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц — внизу по центру; поля — все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее количество страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.). Ссылки на нормативные правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору сохраняются. Файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»).

1.2. Каждая статья или другие материалы должна начинаться: а) индексом УДК; б) сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны); в) названием; г) аннотацией (введение, цель, методологическая основа, результаты, выводы) объемом 100–150 слов (не должна повторять название и основное содержание текста); д) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

2. Оформление рисунков и таблиц: таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над таблицей с выравниваем по центру (для рисунков – под рисунком с выравниванием по центру). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

3. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

4. Рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с опубликованием рукописей, принимаются по тел. (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. В частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, им. Н. Г. Чернышевского ул., зд. 104, стр. 3

Тел.: (8452) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-arhiv>